

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

I

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Н Т Р О П О Л О Г И И , А Р Х Е О Л О Г И И И Э Т Н О Г Р А Ф И И

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. Голубцов*

Председатель редколлегии **И. И. Мещанинов**

Ответственный секретарь **С. Н. Замiatин**

Члены редколлегии: **В. А. Городцов, П. П. Ефименко, В. П. Равдонигас**

Секретарь редакции **В. В. Храмова**

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи «Советской Археологии»	Стр. 1
-------------------------------	-----------

СТАТЬИ

В. И. Равдоникас (Ленинград). К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря	9
М. В. Воеводский (Москва). К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР	51
Б. Рабинович (Ленинград). О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья	79

МАТЕРИАЛЫ

В. А. Городцов (Ленинград—Москва). Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура	105
П. С. Рыков (Саратов). Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг.	115
М. В. Покровский (Краснодар). Пашковский могильник № 1	159
В. А. Городцов (Ленинград—Москва). Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года	171
А. В. Арциховский (Москва). Раскопки 1930 г. в Новгородской земле	187
С. Н. Бибииков (Ленинград). Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г.	195
Я. И. Гуммель (Азербайджан). О планировке курганов эпохи бронзы в районе Ганджа-Чая	213
А. П. Окладников (Ленинград). Каменные рыбы	215
С. В. Киселев (Москва). Кузнецовские курганы	247
Н. А. Прокошев (Ленинград). Камская экспедиция 1935 г.	255

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. М. Золотарев. Ногликковская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин)	273
П. Р. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье	274
А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре	275
В. А. Адрианов. Раскопки у Сале-Харде в 1935 г.	278
Г. П. Гроздилов. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г.	279
Е. П. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция (Государственного исторического музея)	280
С. В. Киселев. Саяно-алтайская археологическая экспедиция 1935 г.	282

	Стр.
Т. Ф. Гел а х. Раскопки по палеолиту в Крыму (1935 г.)	285
——— Новые коллекции археологического отдела музея ИАЭ АН СССР	286
——— Приобретение коллекций по трипольской культуре	287
——— Политпросветительная работа археологического отдела музея ИАЭ	288

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

А. В. М а ч и н с к и й. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки	291
А. А. И с с е н. Д. Н. Л е в. К истории горного дела . . .	302

ЗАДАЧИ «СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

В нашей великой социалистической стране под гениальным руководством великого Сталина впервые в истории созданы безграничные возможности для развития научных исследований во всех областях научного знания, в области археологии в том числе. Успехи, уже достигнутые этой отраслью исторической науки в СССР, очевидны. Они выражаются в многочисленных археологических экспедициях, из года в год производящих полевые исследования в разных концах Советского Союза и делающих все новые и новые научные открытия. Они проявляются в разработке и применении все более совершенствующейся и уточняющей методики полевых и камеральных исследований как в области полевых разведок и раскопок, так и в области обработки и оформления вещественных памятников в качестве исторических источников. Они сказываются в быстро растущем накоплении фонда новых археологических материалов выдающегося научного значения таких, например, как материалы палеолитических стоянок Кавказа и Крыма, а также равнинной части Союза — Костенковская, Мальтинская, Супоневская и др., наскальные изображения Карелии, северный неолит, археологические памятники Сибири, новые памятники фатьяновского, андроновского типа, скифские и сарматские памятники и т. д.

Собранные археологические материалы обогащают наши музеи и вместе с тем дают возможность на основе марксистско-ленинской методологии правильно осветить далекое историческое прошлое нашей страны со времен глубочайшей древности.

Однако достигнутые советской археологией успехи все еще незначительны по отношению к тем условиям, которые обеспечивают в нашей стране небывалый расцвет науки, и в сравнении с теми заданиями, которые археология должна выполнить, внося свой вклад в советскую науку истории.

Археология есть историческая наука, имеющая своей задачей добытие, оформление и изучение вещественных памятников в качестве исторических источников. Для истории наиболее древней — первобытно-коммунистической эпохи, когда еще не существовало фонетической письменности, вещественные памятники часто являются почти единственными видами источников, по которым мы можем с учетом данных этнографии, лингвистики и фольклора реконструировать и изучать исторический процесс.

Соответственно роль археологии для изучения истории, особенно истории культуры, этой чрезвычайно продолжительной дописьменной исторической эпохи, совершенно исключительна и почти монопольна.

Изучая по вещественным памятникам историю племен, населявших территорию нашей родины в эпоху первобытного коммунизма, начиная с палеолита, советская археология должна собрать и подготовить полноценный материал для создания введения в историю народов СССР, раскрывающего весь процесс формирования народов из более древних первобытно-коммунистических племен.

Не менее важно значение археологии и для более поздней истории тех угнетенных в царское время народов, которые до Октябрьской революции не имели письменности. Вещественные памятники, сохранившиеся в земле, — остатки поселений, становища, древние могилы и т. д., — раскроют нам многие существенные черты истории этих народов, несмотря на то, что письменных источников для этой истории не имеется.

Но и для истории народов, давно владеющих письменностью, археология может и должна быть существенно полезной, особенно в том отношении, что она собирает и изучает вещественные памятники по истории культуры, дающие наглядное представление о таких сторонах и фактах исторического прошлого, которые не могут быть вполне освещены письменными источниками. Это особенно важно и для надлежащей постановки конкретного преподавания истории в школах, так как вещественные памятники, объединенные в целостный комплекс, дают более ясную и четкую историко-культурную характеристику эпохи, чем самое подробное описание.

Кроме того, ранние этапы письменной истории обычно крайне слабо освещены письменными известиями, и вещественные памятники являются весьма важными источниками истории этих ранних этапов.

Таковы основные задачи археологии в СССР. Каждый вещественный памятник, каждый камень, сохранивший следы древней деятельности человека, она должна поставить на службу изучения исторического прошлого нашей великой родины.

Выполнение этих ответственных и почетных задач требует не только накопления новых археологических материалов, но и их систематической публикации. Неизданный памятник не может быть использован в науке надлежащим образом. Издание новых, раскрытых в советское время, памятников тем более важно, что добытый теперь с помощью более совершенной методики материал проливает новый свет и на аналогичные, уже известные памятники, добытые прежними исследователями, применявшими крайне несовершенные приемы полевых исследований.

Описательные публикации новых археологических материалов неразрывно связаны с исследовательской разработкой этих материалов в целях построения исторического знания. Советский археолог в отличие от буржуазных археологов, изучающих вещи преимущественно с их формальной

стороны, не может не быть историком, уже в процессе полевого исследования — и тем более в дальнейшем — подходящим к раскрываемому вещественному памятнику как к историческому источнику. И только исследователь с глубокой исторической подготовкой, владеющий марксистско-ленинской методологией, может быть хорошим археологом, от которого не ускользнет ни одна деталь изучаемого памятника, полезная для построения объективных, правильных исторических заключений. Публикации археологических памятников непременно должны сопровождаться их исторической интерпретацией. На ряду с описательными публикациями и вместе с ними нужны исторические исследования, построенные на основе изучения вещественных памятников с широким использованием всех других видов источников — этнографических, лингвистических и пр.

Успешность исторических исследований зависит от их верного направления, от овладения исследователями единственной подлинно научной методологией — методологией диалектического материализма, от овладения ими всей полнотой конкретных фактов. Критическое обсуждение содержащихся в вышедших и во вновь выходящих в свет работах ошибок создает необходимые предпосылки для общего повышения качества наших исторических исследований. Особенно необходима, особенно актуальна непримиримая борьба со всякого рода извращениями марксизма-ленинизма, еще имеющими место в нашей историко-археологической литературе.

В то время как советская археология ставит своей задачей объективное изучение исторической действительности на основе подлинных фактов, — в странах, охваченных фашистским террором, фальсифицированная археология является одним из средств затемнения и искажения прошлого для целей мнимого исторического оправдания и пропаганды фашизма. Разве не искажением исторической действительности является столь глубоко укоренившееся в буржуазной археологии выведение современного населения Европы от ранне-плейстоценовых предков по каким-то особым путям развития, независимым от развития всего человечества в целом? Разве не относится к той же категории недоброкачественных, псевдонаучных построений утверждение об изначальности деления человечества на особые культурные (и расовые) типы (люди «культуры рубил», «культуры пластин» и т. д.)? Разве не тем же целям служат нередко совершенно тенденциозные и научно неоправдываемые поиски мифических прародин, путей переселения и областей влияний, культивируемые фашистской археологией для политического обоснования своих захватнических планов? Беспощадная борьба с лженаучными фашистскими писаниями в области археологии, непреклонное разоблачение фашистских фальсификаций археологических фактов есть прямой долг советских археологов, строящих подлинную, объективно-истинную науку.

Дальнейшие успехи советской археологии требуют разработки и применения наиболее правильных, точных и целесообразных приемов как полевых, так и камеральных исследований. В настоящее время отдельные исследова-

тели еще очень часто пользуются в своей практике устарелыми, осужденными приемами, как, например, в области полевой работы — раскопки курганов узкими ямами («колодцы»), поселений — траншеями и т. п. Это — пережитки старой буржуазной вещеведческой археологии, которая занималась поисками и формальным изучением вещей, пренебрегая изучением памятников в их целостном единстве как исторических источников. Необходимо изжить эти тормозящие рост советской археологии недостатки, необходимо поднять общий уровень наших археологических исследований на настоящую высоту. Этому должны помочь систематические публикации новых — лучших — приемов и способов археологических исследований. Каждый археолог должен делиться лучшими достижениями своего опыта, описывая и публикуя их в печати. Это касается не только методики полевых и камеральных работ, но также приемов исторической интерпретации вещественных памятников, например, способов их хронологизации, выяснения их социальных функций, определения их значения для исторических выводов и т. д.

Существенную пользу для развития советской археологии должна принести и систематическая информация в печати о работе учреждений, занимающихся археологическими исследованиями, а также и о работе отдельных археологов, периодическое опубликование библиографических данных, сведений о вновь открываемых памятниках и т. д.

Выполнение перечисленных требований, обеспечивающее дальнейший рост советской археологии и успешное выполнение ее задач, может быть существенно облегчено в том случае, если будет существовать специальный печатный, хотя бы и не периодический орган по археологии, который сплачивал бы вокруг себя археологов Советского Союза. В связи с этим Институт антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР предположил издавать сборники статей и материалов археологического характера под названием «Советская Археология». Настоящая книга является первым выпуском этого издания.

«Советская Археология» ставит своей задачей публикации археологических материалов, исторических исследований по вещественным памятникам, статей критического характера, библиографии по вопросам археологии и археологической хроники. Являясь органом Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, «Советская археология» должна объединить всех археологов Советского Союза, привлекая к участию в ней не только работников центральных археологических учреждений Союза, но и многочисленные кадры местных работников.

Редакция

NOTRE PROGRAMME

Pour la première fois au cours de l'histoire, notre grand pays socialiste, sous la direction géniale de Staline, a créé des possibilités illimitées de développement des recherches scientifiques dans tous les domaines du savoir, entre autre en archéologie. Les progrès déjà réalisés en URSS par cette branche de la science historique sont évidents. Ils se manifestent par les nombreuses missions archéologiques qui d'année en année accomplissent des explorations dans les différentes régions de l'Union soviétique, faisant chaque fois de nouvelles découvertes. Ils se traduisent aussi dans l'élaboration et l'application de méthodes toujours plus perfectionnées et plus exactes tant dans les recherches sur le terrain et les fouilles que dans les travaux de cabinet et l'utilisation des monuments matériels en tant que sources historiques. Ils s'expriment enfin dans l'accumulation rapidement croissante de nouveaux matériaux archéologiques d'un éminent intérêt scientifique.

Toutefois les résultats obtenus par l'archéologie soviétique sont encore bien loin de répondre aux conditions qui assurent chez nous un épanouissement de la science inconnu jusqu'ici et a la tâche qui incombe à l'archéologie dans le domaine de la science historique soviétique.

En étudiant d'après les monuments matériels l'histoire des tribus qui peuplaient le territoire de notre patrie à l'époque du communisme primitif, à partir du Paléolithique, l'archéologie soviétique doit rassembler et systématiser un matériel vraiment scientifique pour servir à une intruduction à l'histoire des peuples de l'URSS qui éclaircisse tout le processus de la formation des peuples à partir des tribus communistes primitives.

L'archéologie a une non moindre importance pour l'histoire plus récente de ceux des peuples opprimés par le tsarisme qui ne possédaient pas de langage écrit. Les monuments matériels conservés dans le sol — restes de villages, de campements, sépultures, etc. nous dévoileront beaucoup de traits essentiels de l'histoire de ces peuples, malgré l'absence de monuments écrits.

Mais pour l'histoire des peuples, qui connaissaient depuis longtemps l'écriture, eux aussi l'archéologie peut et doit être foncièrement utile, pour cette raison surtout qu'elle recueille et étudie les monuments matériels de l'histoire de la culture, qui donnent une idée nette des aspects et des faits du passé historique que les sources écrites ne peuvent pleinement élucider.

Telle est la tâche essentielle de l'archéologie en URSS. Tout monument matériel, toute pierre qui conserve des traces de l'ancienne activité de l'homme doivent être mis par elle au service de l'étude du passé historique de notre grande patrie.

L'accomplissement de cette tâche si pleine de responsabilité et si honorable exige non seulement l'accumulation de nouveaux matériaux archéologi-

ques, mais aussi leur publication systématique. Un monument non publié ne peut être dûment utilisé par la science.

La publication descriptive des nouveaux matériaux archéologiques est indissolublement liée à leur étude scientifique en vue de la construction de l'édifice historique.

La bonne réussite des recherches historiques dépend de leur juste orientation, de l'acquisition par l'investigateur de l'unique méthodologie vraiment scientifique — celle du matérialisme dialectique, de l'assimilation par lui de tout l'ensemble des faits concrets. L'examen critique des erreurs contenues dans les travaux précédents ou nouvellement parus créent les conditions premières indispensables au relèvement de la qualité de nos recherches historiques. Particulièrement nécessaire et actuelle est la lutte sans merci contre les altérations de tout genre du marxisme-léninisme qu'on rencontre encore dans notre littérature historico-archéologique.

La lutte implacable contre les écrits pseudo-scientifiques fascistes en matière d'archéologie, le dévoilement incessant des falsifications fascistes des faits archéologiques, constituent le devoir direct des archéologues soviétiques qui édifient la véritable science objective.

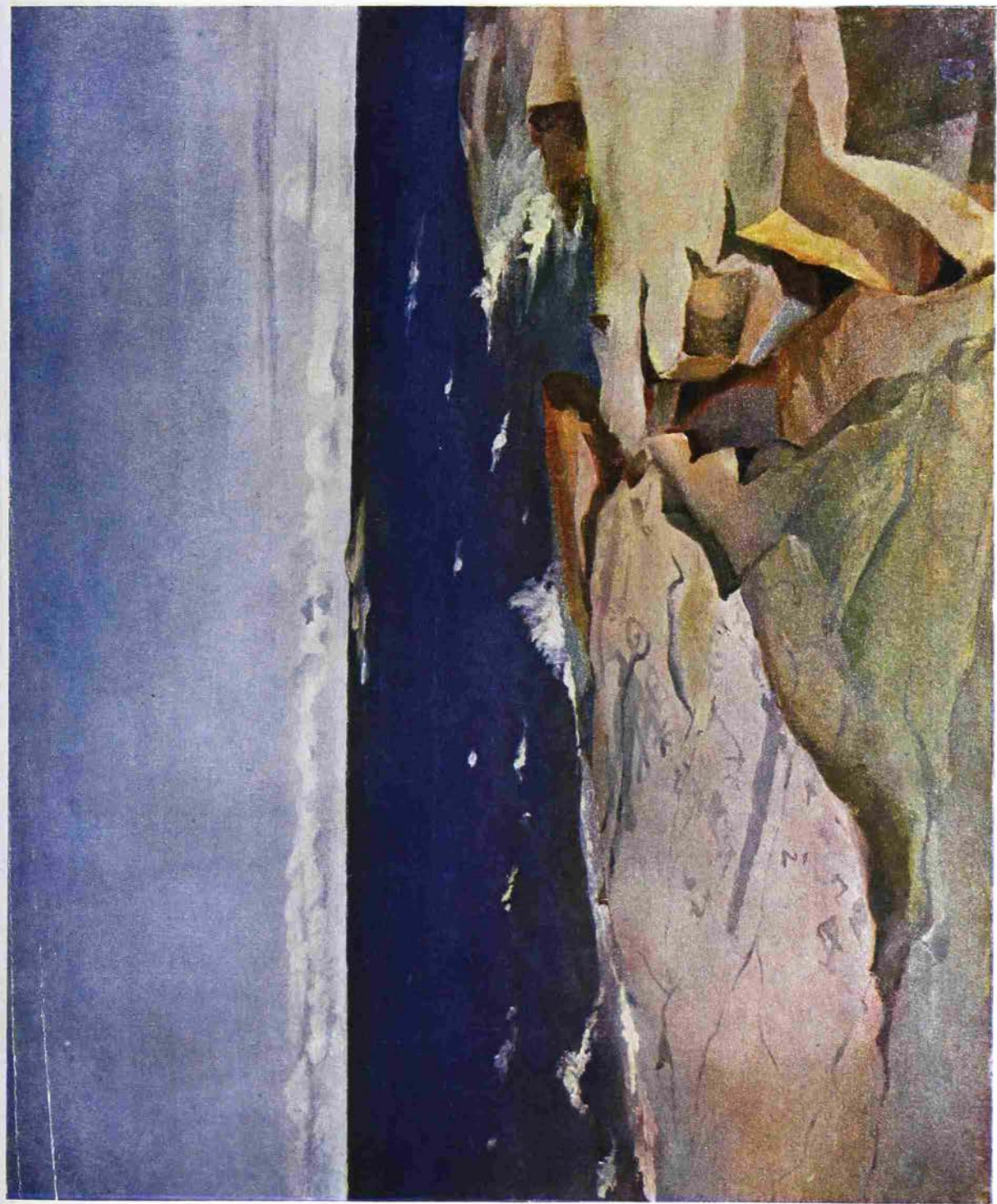
Le progrès ultérieur de l'archéologie soviétique exige l'élaboration et la mise en oeuvre de procédés les plus exacts et les plus rationnels tant dans les explorations sur le terrain que dans les travaux de cabinet. Aujourd'hui encore certains archéologues recourent très souvent dans la pratique à des méthodes surannées et condamnées par la science, par ex.: fouilles des tumuli à l'aide de fossés étroits («puits»), fouilles des stations à l'aide de tranchées, etc. Ce sont là des survivances de la vieille archéologie bourgeoise, qui s'occupait de rechercher les objets et de les étudier du point de vue formel, négligeant l'étude des monuments dans leur unité entière en tant que source historique.

La réalisation des conditions ci-dessus indiquées, qui garantissent le progrès ultérieur de l'archéologie soviétique et l'accomplissement de sa tâche, peut être grandement facilitée par l'existence d'un organe archéologique spécial, qui grouperait autour de lui les archéologues de l'Union soviétique.

«L'Archéologie soviétique», qui est l'organe de l'Institut d'Anthropologie, d'Archéologie et d'Ethnographie, doit unir tous les archéologues de l'URSS, en s'assurant la collaboration non seulement de ceux qui travaillent dans les institutions archéologiques centrales, mais aussi des nombreux cadres de travailleurs régionaux.

La Rédaction

С Т А Т Ь И

Этюд худ. Л. А. Ивановой

Бесов Нос

В. И. РАВДОНИКАС

К ИЗУЧЕНИЮ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И БЕЛОГО МОРЯ

На восточном берегу Онежского озера, в пределах Пудожского района, и на р. Выг, неподалеку от Белого моря, сохранились многочисленные изображения, высеченные еще с помощью каменных орудий на гранитных скалах, отлого спускающихся к воде. Сходство ряда этих изображений (головы животных, рыбы) с каменными скульптурными фигурами эпохи неолита, а также ближайшее, даже в ряде случаев непосредственное соседство с ними неолитических местонахождений, наконец, техника их нанесения на скалы, заставляет отнести эти изображения к неолитической эпохе. Таким образом, наскальные изображения Онежского озера и Белого моря являются древнейшими памятниками монументального изобразительного искусства в Восточной Европе, по крайней мере в пределах ее лесной полосы. Уже одно это обстоятельство должно было бы привлечь к ним особое внимание со стороны исследователей истории доклассового общества на территории СССР.

Но есть и другие, более широкие, соображения, заставляющие выдвинуть сейчас может быть даже на первый план задачу изучения наскальных изображений нашего севера. Они ни в каком случае не могут рассматриваться как явление чисто местное и изолированное. Аналогичные памятники известны в большом числе в Западной Европе — прежде всего в Скандинавии, затем на побережье Атлантического океана, на Пиринейском полуострове, на севере Италии в Лигурийских Альпах. Сюда относятся наскальные изображения из круга так наз. «арктического неолита» Швеции и Норвегии, известные теперь по крайней мере в 37 пунктах¹ и доходящие до 69° северной широты (изображения Бальсфиорда). Целый ряд крупных публикаций, число которых возрастает в самые последние годы,²

¹ A. W. Brøgger. Die arktischen Felszeichnungen und Malereien. ИРЕК, 1931, стр. 13.

² Johs. Boe. Felszeichnungen im westlichen Norwegen, Bergen, 1932. G. Gjessing. Arktiske helleritsninger i Nord-Norge, Oslo, 1932. E. Engelstad. Ostnorske ristninger og malinger av den arktiske gruppe, Oslo, 1934. Указываем только крупные монографии и только вышедшие за последние 3 года.

знакомит нас с этими замечательными памятниками. Затем сюда же надо причислить особенно близкие к некоторым памятникам Онежского озера южноскандинавские наскальные изображения, относимые обычно к эпохе бронзы. Наиболее важная часть этих памятников (р-н Богуслена, Швеция) была опубликована еще в 80-х годах Бальцером,¹ а недавно вышло обширное и весьма содержательное монографическое исследование о них О. Альмгрена,² не говоря уже о множестве менее крупных публикаций. Сходство по содержанию, а иногда и по форме, южноскандинавских наскальных изображений с изображениями на плитах каменных гробниц (напр., известные плиты из Кивика, Шонен) других мегалитических сооружений и на стенах одновременных с ними погребальных пещер заставляет включить в данный круг памятников изображения мегалитической эпохи Ирландии, Франции, Испании и Португалии. На открытых скалах и внутри пещер Пиринейского полуострова сохранились и живописные, выполненные краской, изображения того же рода, также датируемые концом неолита и ранней эпохой металла. Обстоятельная многотомная публикация Брейля, выходящая в свет в последнее время³ и еще не законченная, дает исчерпывающее представление об этих памятниках. Наконец, мы имеем близкие к отмеченным наскальные изображения и в высокогорной полосе на высоте до 2600 м н. ур. м. в итальянских Альпах, например, в районе горы Монте-Бего.

Наскальные изображения интересующей нас эпохи, конечно, не исчерпываются европейскими памятниками; они известны и на других материках. Напомним о «писаницах» Енисея, Алтая, Казахстана, об изображениях Тихоокеанского побережья, о наскальных росписях Северной Африки и т. д.

Таким образом, наскальные изображения Онежского озера и Белого моря являются звеном в длинной цепи аналогичных памятников, причем ближе всего они стоят к западноевропейским, особенно к скандинавским памятникам, с которыми их связывает единство тематики, а во многих случаях и близкое формальное сходство. Нельзя сказать, чтобы проблема наскальных изображений неолита и раннего металла в Европе, несмотря на обширную литературу, была решена или даже приближена к разрешению наукой — и не даром эта проблема будет стоять в центре внимания предстоящего международного конгресса по доистории, который состоится в Осло в текущем (1936) году. Для нас вполне ясно во всяком случае одно. Известно, какую огромную роль для истории раннеродового общества сыграли памятники изобразительного искусства палеолита — пещерная

¹ L. Baltzer. Hällristningar från Bohuslän, Göteborg, 1881—1890; вторая серия вышла в 1891—1908 гг.

² O. Almgren. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden, Frankfurt am Main, 1934 г. Это — расширенное и переработанное немецкое издание работы Альмгрена, вышедшей на шведском языке в 1926 г.

³ L'abbé Henri Breil. Les peintures rupestres schématiques de la Peninsule Ibérique Imprimerie de Lagny, тт. I (1933), II (1933), III (1934), IV (1935).

живопись, резные и скульптурные изображения. Они бесспорно разъяснили нам многие существеннейшие явления общественной жизни палеолитического человека, которые без них оставались бы в густом, непроницаемом мраке. И такое же, а может быть, учитывая разнообразие тематики, и большее значение может иметь изобразительное искусство неолита и бронзы для истории развитого и позднего родового общества в Европе. Наскальные изображения Европы от Италии и до Онежского озера и Белого моря являются характернейшими и ценнейшими источниками для понимания прежде всего мышления родовой эпохи в его различных стадиях, а поскольку мышление в конечном счете определяется материальными условиями общественной жизни, то и для понимания истории материальной культуры. Приходится поэтому удивляться той резкой и непонятной противоположности, какая, к сожалению, существует между обычным у нас скрупулезным заботливым вниманием даже к незначительным фрагментам какой-нибудь десятки раз повторяющейся гравюры на кости палеолитического времени и столь же обычным недостаточным вниманием или пренебрежением иногда даже к целым обширным группам памятников искусства неолитической и более поздних эпох. Так, напр., даже обычно внимательный ко всем без исключения памятникам древности А. А. Спицын находил возможным высказать следующее мнение о наскальных изображениях севера: «никого не манил этот отрывочный, слабый и трудный для понимания материал».¹ Мы, конечно, не против самого тщательного внимания к памятникам палеолита, но мы за то, чтобы такое же внимание было распространено и на свидетельства истории мышления позднейших стадий родовой эпохи, иначе, несмотря на обилие подобных свидетельств, в наших представлениях об истории доклассового общества будут такие лакуны, которые затруднят понимание даже самой палеолитической эпохи.

Закономерно входя в ряд аналогичных памятников изобразительного искусства Европы, наскальные изображения Онежского озера и Белого моря занимают в этом ряду чрезвычайно важное место и не случайно Брёггер исходил именно от них, стремясь выяснить генезис подобных же изображений Скандинавии,² хотя мы и не можем присоединиться к его трактовке данной проблемы. Этим определяется весьма широкое значение наших памятников, т. е., значение их не только для местной истории родового общества в лесной полосе Восточной Европы, но и для общеевропейской истории. Ценность источников зависит, как известно, от их полноты. И если среди источников история мышления родовой эпохи в Европе будет зиять такой пробел, как отсутствие разработанных данных о неолитических изображениях Восточной Европы, то и уже приведенные в извест-

¹ А. А. Спицын. Олонеккие петроглифы. Сб. ЛОИКФУН (Ленингр. общ. изуч. финно-угор. нар.), т. I, 1929, стр. 49 (Подчеркнуто мною. В. Р.).

² А. W. Brægger. Den arktiske stenalder i Norge Christiania, 1909, стр. 105 сл. О взглядах Брёггера, см. ниже стр. 17—18.

ность западноевропейские памятники этого рода не могут быть использованы исторической наукой в полной мере.

. Между тем, этот зияющий пробел существует до настоящего времени. Историческая наука не была благосклонна к наскальным изображениям нашего севера. Начнем с того, что и открыты они были относительно поздно. Наскальные изображения Скандинавии фигурируют уже в литературе XVII—XVIII вв., сообщение о сибирских писаницах, принадлежащее Страленбергу, появилось в научной литературе еще в 1730 г.,¹ в то время как наскальные изображения Онежского озера были открыты К. Гревингом лишь в 1848 г.,² а изображения Белого моря на р. Выг А. М. Линевский впервые обнаружил только в 1926 г.³ Но и открытие этих казалось бы замечательных памятников не дало плодотворных результатов и не повлекло за собой сколько-нибудь глубокого их изучения. Литература о наскальных изображениях Онежского озера и Белого моря отнюдь не обширна и не дает ни правильного представления о них, ни удовлетворительной их интерпретации.

Первая печатная заметка об изображениях Бесова Носа и Пери-Носа (Онежское озеро), появившаяся в 1850 г., принадлежит учителю Петрозаводской гимназии П. Шведу, опубликовавшему два крайне несовершенных, не сходных с натурой, рисунка изображений Бесова Носа и Пери-Носа (рис. 1) с очень кратким (3½ страницы) текстом.⁴ П. Швед приписывает изображения Онежского озера финскому племени Чуди, отождествляя его, повидимому, с вепсами и считая это племя «аборигеном» восточного Прионежья. Содержание наскальных изображений П. Швед хотел объяснить, исходя из образов Калевалы. «По мифологии финнов, — писал он, — верховное божество их, Вейнемейнен, управляло водами и сушей, разделяя власть со своей супругой. Рассматривая изображения, иссеченные на обоих мысах (т. е. на Бесовом Носе и на Пери Носе), легко заметить, что они находятся в связи с этим мифом, представляя олицетворение свойств или власти этих двух верховных существ, и что свойства эти выражены бедными чертами северной природы, и изображением каких-то непонятных орудий, в числе которых нетрудно отличить циркули и пилу».⁵ На ряду с цирку-

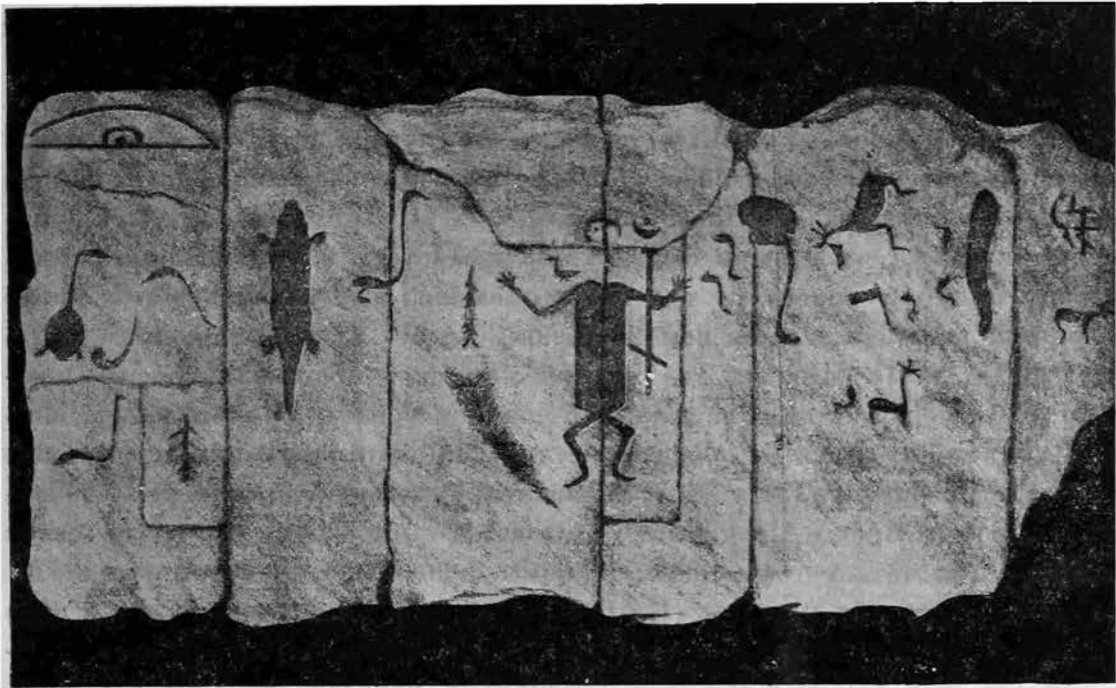
¹ Strahlenberg. Das Nord und östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730 г., стр. 337, таб. VII и VIII.

² Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Pétersbourg, т. VII, 1850 г., стр. 45.

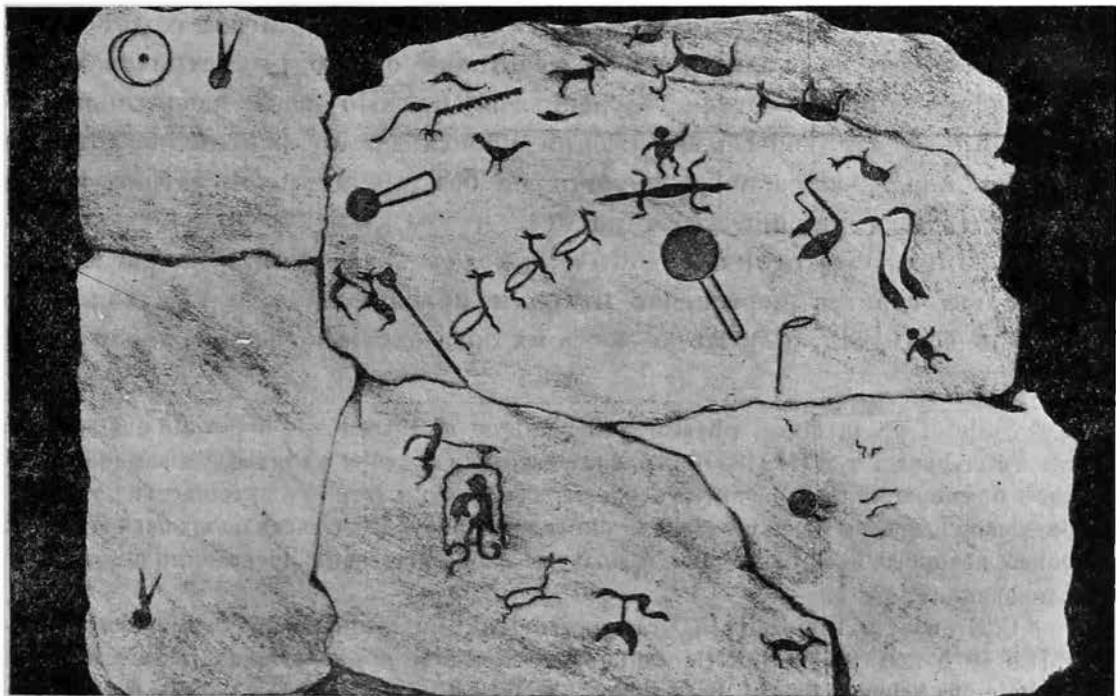
³ А. М. Линевский. К вопросу о петроглифах Карелии. Сб. ЛОПКФУН'а I, Лгр., 1929, стр. 53 сл.

⁴ Крестовый и Пеллий мысы (сообщено П. Шведом). Географ. Изв., издаваемые и. Русск. геогр. общ., 1850, стр. 68—71; литографированная таблица с двумя рисунками; первый с подписью «Бесов или Крестовый Мыс», второй — «Бесиха или Пеллий мыс». Насколько эти рисунки в общем далеки от действительности показывает хотя бы тот факт, что голова центральной фигуры «беса» на Бесовом Носу изображена П. Шведом в профиль (!) обращенной вправо.

⁵ Ук. соч., стр. 70.

2

6

Рис. 1. Группа изображений Бесова Носа и Пери Носа по Шведу.

лями и пилой, П. Швед усматривал среди описываемых им фигур также изображения зеркала, выводя отсюда даже самое название Пери Носа, неправильно передаваемое им «Пелий Мыс». По его мнению, «в этом названии легко узнать финское Spelli — зеркало, что, повидимому, и оправдывается одною из фигур на нем изображенных».¹ Как видно, в расшифровке фигур, изображенных на скалах Онежского озера, П. Швед руководствовался принципом сходства их с ныне бытующими предметами и этот ложнореалистический принцип определил трактовку онежских изображений всеми последующими исследователями, как мы увидим, вплоть до наших дней.

Вслед за П. Шведом дал краткую, но более обстоятельную, публикацию об изображениях Онежского озера консерватор Минералогического музея Академии Наук К. Гревингк, открывший эти памятники еще раньше Шведа.² Два рисунка (рис. 2), приложенных к статье К. Гревингка³ (изображения Бесова Носа и Пери Носа), расходятся с рисунками тех же объектов П. Шведа и также очень несовершенны, неполны и имеют лишь приближенное сходство с натурой. К. Гревингк сближал памятники Онежского озера с сибирскими писаницами, приписывая те и другие памятники «родственным финским или чудским охотничьим народам, жившим от Сибири до Ботнического залива». «Так как существование карелов на Онежском озере уже с IX века, — писал К. Гревингк, — подтверждается надежными историческими известиями, то группы изображений Онежского озера можно с известной вероятностью приписать этому финскому племени».⁴ В своей интерпретации данных изображений К. Гревингк исходит также как и П. Швед, из реалистической трактовки образов, усматривая в них пиктографические повествовательные записи. «По всей вероятности, — пишет он, — эти группы изображений происходят от охотников, которые в течение продолжительного времени не без значительной затраты труда выполняли здесь каменотесную работу, чтобы, или увековечить память о своих охотах, об охотничьей добыче, о роде и числе дичи, о направлениях, по которым тянется перелетная птица и красная дичь, о том, как и где производилась охота, или же в честь их бога охоты и рыбной ловли...»⁵

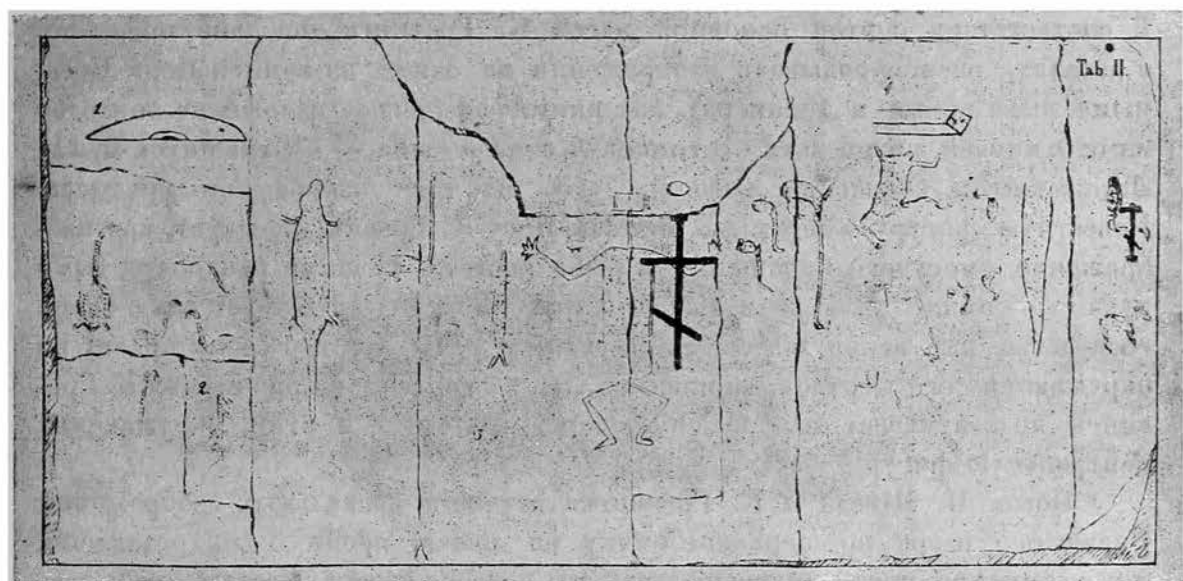
¹ Там же, стр. 68.

² Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, т. VIII (1850), стр. 45. Несколько позднее в статье, указанной в следующем примечании, К. Гревингк сообщает, что в результате его путешествия в 1848 г. на Онежское озеро им было составлено описание с рисунками наскальных изображений, рукопись которого была передана в Вольное экономическое общество, но осталась не опубликованной.

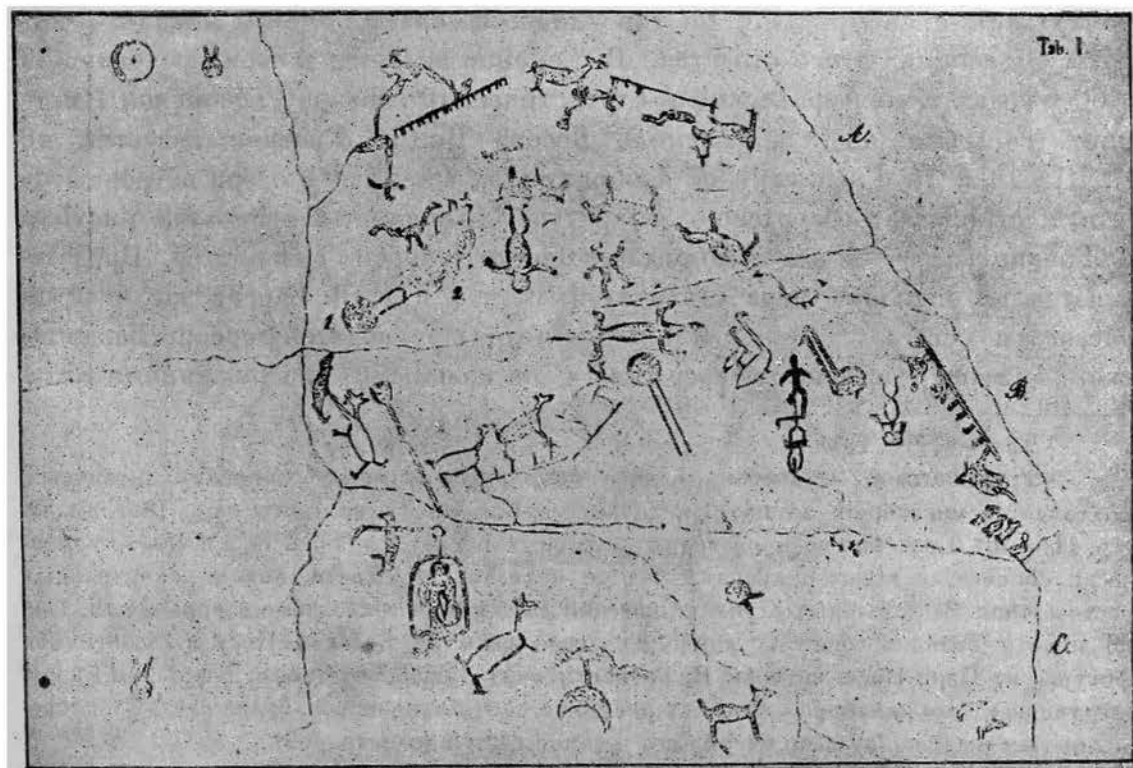
³ C. Grewingk. Über die in Granit geritzten Bildergruppen am Ostufer des Onega-Sees (Lu le 5 mai 1851). Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, № 271—273, т. XII (1855 г.). № 7—8, стр. 97—103. Статья была перепечатана в Mélanges russes, tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, т. II, liv. 4, 1855 г., стр. 427—434, одна таблица.

⁴ Mélanges russes, т. II, стр. 433.

⁵ Там же, стр. 429.

a

б

Рис. 2. Группы изображений Бесова Носа и Пери Носа по Гревингку.

В соответствии с этой основной идеей К. Гревингк довольно подробно, в деталях, расшифровывает изображения на одном из камней Пери Носа, ныне вывезенном в Ленинград, как пиктографическое изложение эпизодов из охотничьей жизни двух охотников — отца и сына, — охотившихся между Ладожским и Онежским озерами, будто бы тоже изображенными здесь. Известную фигуру «Беса» на Бесовом Носу К. Гревингк толкует, как изображение «могучего бога охоты и рыболовства». «Своими распростертыми руками, — пишет он об этом изображении, — он свидетельствует как о своем господстве над всеми обитателями суши и воды, так и о своих правах на окружающие его жертвоприношения».¹ Под «жертвоприношениями» К. Гревингк подразумевает изображения животных, рыб и птиц, окружающих центральную фигуру «беса».

После П. Шведа и К. Гревингка изучение наскальных изображений Онежского озера по первоисточнику на долгое время было оставлено, и в литературе почти до наших дней мы встречаем или рассуждения о них только по скудным материалам указанных авторов чаще всего с повторениями их рисунков и взглядов, одинаково несовершенных, или же простые краткие упоминания о самом факте существования данных памятников. В 1857 г. Г. Спасский развил идею К. Гревингка о сходстве онежских начертаний с сибирскими, не дав однако со своей стороны никакого четкого объяснения этого сходства.² П. Семенов включил в свой, вышедший в 60-х годах «Географический и Статистический словарь Российской Империи» сведения об изображениях Бесова Носа.³ Краткие известия по П. Шведу и К. Гревингку об изображениях Онежского озера встречаются и в местной петрозаводской литературе.⁴ Аспелин перепечатал рисунки К. Гревингка в своем известном атласе финно-угорских древностей.⁵ Представляется по меньшей мере удивительным, что и Е. В. Барсов, который по рассказам местных жителей много лет подряд проводил в деревне Бесоновской в непосредственном соседстве с наскальными изображениями свой

¹ Там же, стр. 431.

² Гр. Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими. Зап. Русск. геогр. общ., 1857, кн. 12, стр. 111—181. Спасский воспроизводит рисунки К. Гревингка (табл. 1), а в тексте критически сопоставляет их с рисунками тех же объектов П. Шведа, находя значительные расхождения. В отдельных случаях Спасский дает и свое толкование изображений. Так, по поводу большой фигуры ящерицы левее беса на Бесовом Носу и аналогичной фигуры на Пери Носе, которые К. Гревингк считал изображениями выдры, он пишет следующее: «это животное на обоих рисунках почти одинаковое, более сходно с крокодилом, чем выдрой, судя по очерку его и самой величине» (стр. 139).

³ Географо-статистический словарь Российской империи, составленный П. Семеновым, т. I, 1862, стр. 320.

⁴ Напр., в анонимной статье «Чудские памятники и предания о панах»; «Крестовый и Перий мысы на Онежском озере» (Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г., Петрозаводск, 1867, отд. III, стр. 107—109) попросту перепечатана заметка П. Шведа.

⁵ Aspelin. Antiquité du Nord Finno-ougrien, I. Âge de la pierre et du bronze, Helsingfors 1877, стр. 75.

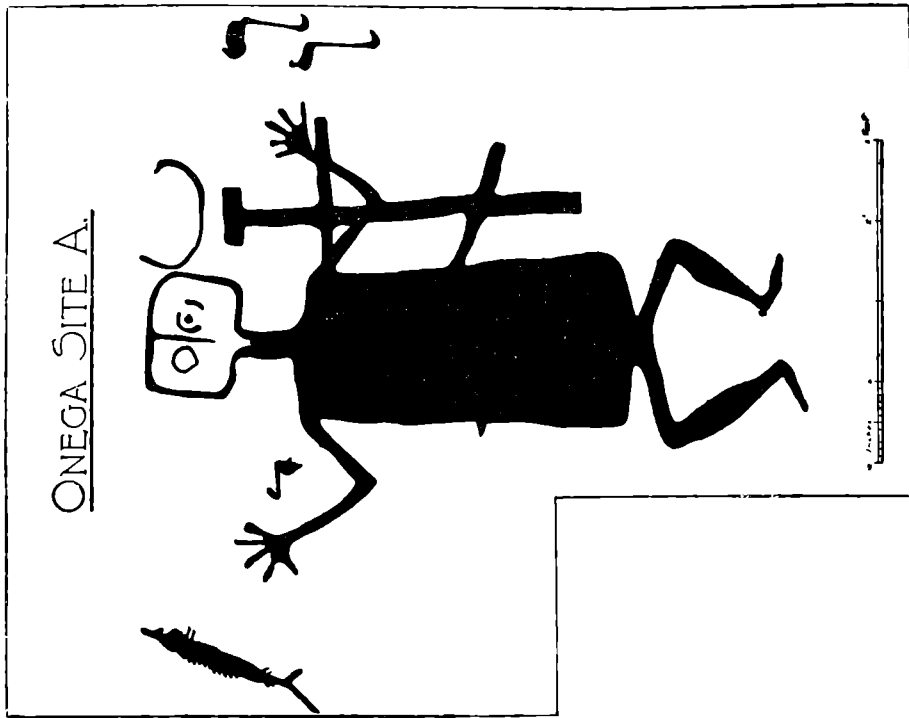

Рис. 3. Рисунок М. Беркля (центральная часть группы изображений Бесова Носа).

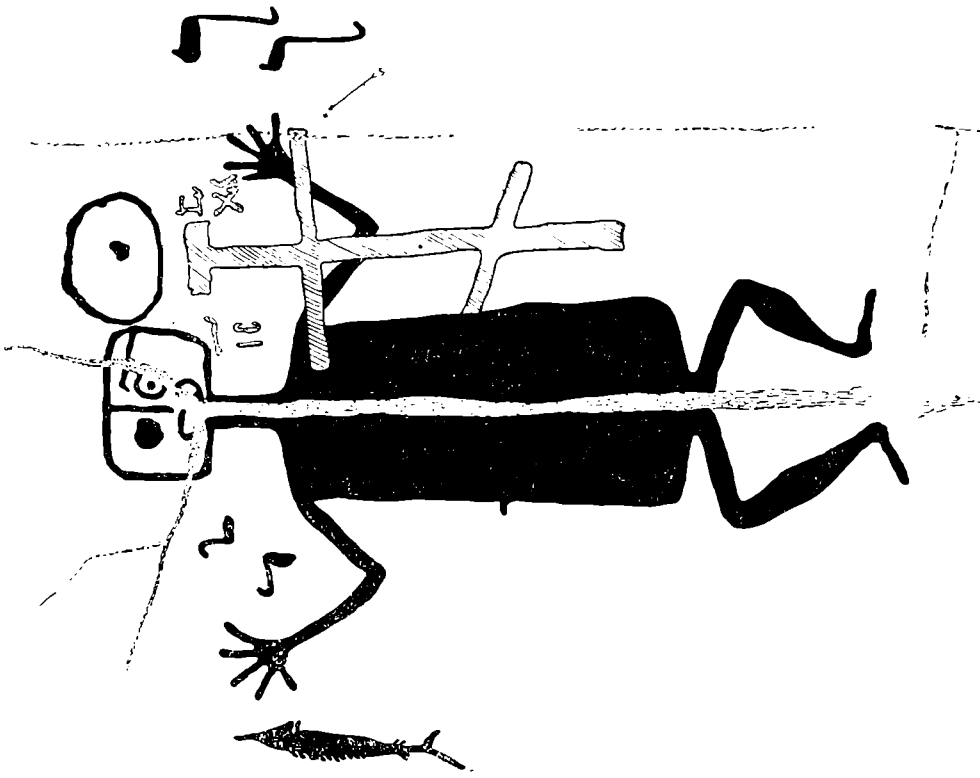

Рис. 4. Изображение «беса» на Бесовом Носу.

легкий отдых, говоря об этих памятниках в своей статье «Об олонедких древностях»¹, не нашел ничего лучшего, как кратко изложить выдержки из заметки П. Шведа, добавив к ним лишь одно критическое возражение, при этом в духе самого сгущенного великорусского шовинизма. «Полагают, — писал Е. В. Барсов, — что в этих очертаниях изображено финское божество Вейнемейнен, управляющее водами и сушей и разделяющее власть со своей супругой. Но, принимая в соображение низкий уровень нравственного развития живших здесь финских племен, трудно допустить, чтобы эти изображения, обличающие более или менее развитую мифологию, принадлежали этим аборигенам; начертание таких образов, как, напр., циркуля, пилы и чего-то в роде зеркала, находящихся здесь, скорее должно быть приписано более развитому новгородскому племени, лишь только в более отдаленный период».²

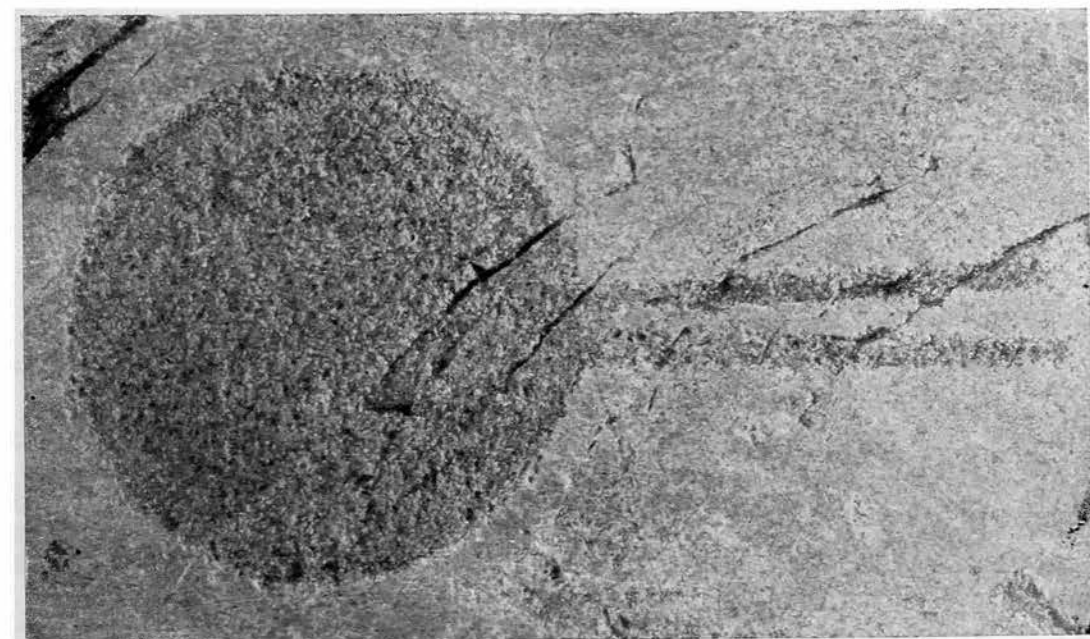
Не будем останавливаться на других заметках и сообщениях,³ ничего нового не прибавляющим к сообщениям П. Шведа и К. Гревингга. До 1914 г. материалы последних авторов были единственными источниками ознакомления с наскальными изображениями Онежского озера и даже в замечательном труде А. В. Брэггера (A. W. Brögger) «Den Arktiske Stenalder i Norge», вышедшем в 1909 г., фигурирует все тот же рисунок К. Гревингга с изображений, находящихся на Пери Носе.⁴ А. В. Брэггеру принадлежит, однако, крупная заслуга в научной разработке проблемы онежских изображений. Не располагая никакими материалами кроме статьи Гревингга, он впервые принципиально сблизил их с неолитическими памятниками и тем самым перенес всю проблему из области фантазии в область науки. Он установил, далее, опираясь на аналогичный материал скандинавских изображений, магическое значение наскальных изображений, связав их с представлениями и практикой магии охотничьих племен. Определяя место онежских изображений в круге памятников Северной Европы, А. В. Брэггер руководствовался своей известной концепцией балтийско-арктического

¹ Е. В. Барсов. Об олонедких древностях. Древности. Тр. Моск. археол. общ., т. VII (1878), стр. 213—233. Статья была перепечатана в олонедком сборнике, вып. 3, Петрозаводск, 1904, стр. 170—186.

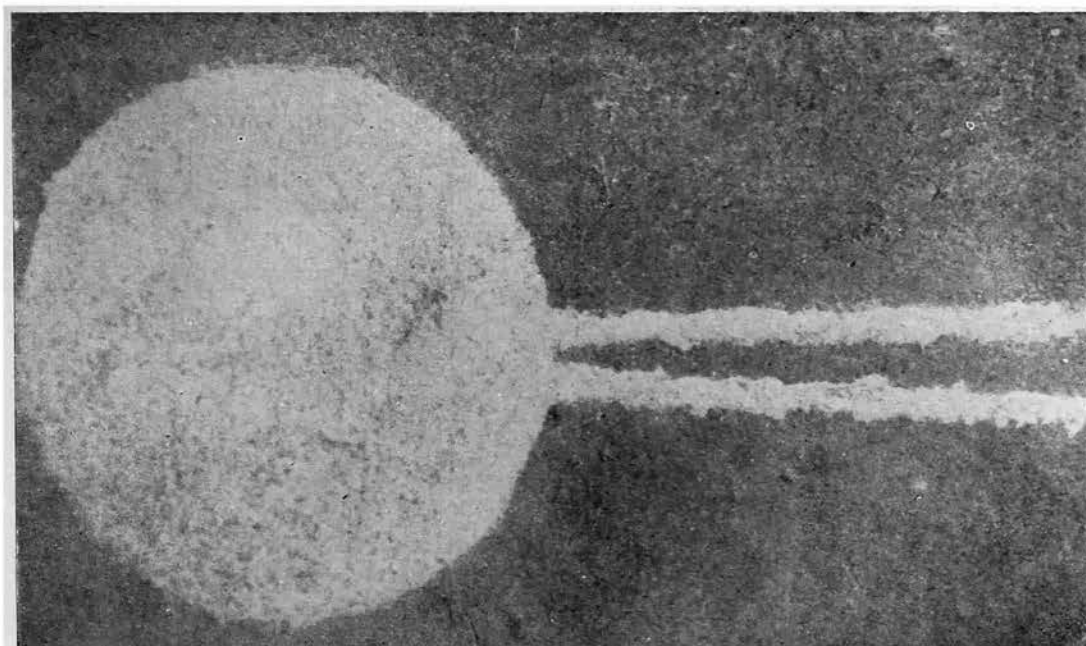
² Ук. соч., стр. 227. А. М. Линевский, цитируя это место не по первоисточнику, ошибочно приписывает его не Е. В. Барсову, а Н. Шайжину, делал ссылку к цитате на статью Шайжина, появившуюся в Памятной книжке Олонедкой губернии за 1906 и по этому поводу восклицая: «Даже последние статьи, появившиеся в XX веке, отличаются удивительным подходом к петроглифам» (А. М. Линевский. Промыслы доисторической Карелии. Карелия. Сб. Кар. музея, Петрозаводск, 1930, стр. 19). «Неправильный подход к петроглифам» действительно имеет место и в XX в. вплоть до наших дней, но высказывание Е. В. Барсова появилось не в XX в., а в 1878 г., и было лишь повторено Шайжиным в 1906 г.

³ Напр. П. Ф. Тюменев. По Обонезью. Путевые наброски и заметки. Нива, 1897 г., № 3, стр. 49—50. Здесь сообщаются легенды о Бесовом Носе, известные еще К. Гревинггу, и дается табличка весьма «вольных» зарисовок с изображениями Бесового Носа.

⁴ A. W. Brögger. Den arktiske stenalder i Norge, Christiania, 1909, рис. 161.

а

б

Рис. 5. а — изображение в натуральном виде; б — то же изображение с пробкой мелом.

Рис. 6. Одна из групп изображений на Пери Носе, вновь открытых в 1935 г.

неолита, согласно которой «арктический» неолит Северной Норвегии и Восточной Швеции, неолит Прибалтики с Финляндией и, наконец, неолит с ямочно-гребенчатой керамикой Восточной Европы представляют в сущности единую культуру, хозяйственной основой которой в противоположность культуре неолита южной Скандинавии, а также Средней и Западной Европы, были охота и рыболовство. Балтийско-арктическая культура неолита принадлежала, по мнению Брэггера, особому народу, и «вместе с этим народом, — пишет он, — пришла из России через Финляндию и восточную Прибалтику в Швецию и далее в Норвегию».¹ В соответствии с этими взглядами А. В. Брэггер, как уже упоминалось, и наскальные изображения Скандинавии генетически связывает с аналогичными изображениями Восточной Европы и Сибири.² Оставляя в стороне неприемлемую для нас миграционистскую сторону концепции А. В. Брэггера, мы не можем не признать четверть столетия спустя после выхода в свет его книги глубокую правильность целого ряда положений этого автора.

С 1914 г. начинает появляться и некоторый свежий материал по наскальным изображениям нашего севера. В этом году А. Шидловский опубликовал в местном петрозаводском издании (Известия общества изучения Олонецкой губернии) компилятивную, составленную преимущественно по тому же К. Гревингу, статью, снабдив ее библиографическим списком (отнюдь не полным), а, главное, несколькими новыми изображениями памятников Бесова Носа и Пери Носа по фотографиям.³ Статья Шидловского вызвала некоторый отклик со стороны А. М. Тальгрена, приславшего редакции Известий Общества изучения Олонецкой губернии краткую заметку со сведениями о наскальных изображениях Скандинавии, почерпнутыми из западной литературы.⁴ «Олонецкие резьбы на камне, — пишет здесь А. М. Тальгрэн, — произведения искусства так наз. арктического каменного века... В олонецких резьбах оказываются фигуры разных эпох. Большая человеческая фигура с православным крестом несомненно более поздней эпохи. Наоборот, фигуры оленей, суда и другие изображения, видимо, принадлежат к скандинавской арктической группе и, следовательно, они сохранились от каменного века (по 1700 г. до Р. Хр.). Олонецкие резьбы имеют очень большое научное значение».

В том же 1914 г. два иностранных исследователя — англичанин М. Беркит (M. Burkitt) и швед Г. Гальстрём (G. Hallström) — работали в восточном Прионежье, собирая материалы по наскальным изображениям

¹ А. W. Brögger. Ук. соч., стр. 256.

² Там же, стр. 110—111.

³ А. Шидловский. Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера. Изд. общ. изуч. Олон. губ., 1914, № 1—2, стр. 1—10, 7 рисунков. Выпущена и отдельным изданием (Петрозаводск, 1914).

⁴ «Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера. К статье А. Ф. Шидловского». Изв. общ. изучения Олон. губ., 1914, стр. 227—228. Заметка А. М. Тальгрена помещена здесь без подписи в виде сообщения редакции.

(рисунки и фотографии). Объем и результаты их работ остаются для нас неизвестными. Никакой специальной публикации собранных указанными исследователями материалов во всяком случае пока не последовало, но М. Беркит использовал эти материалы в своем известном общем труде по доистории Европы и Средиземноморского бассейна, опубликовав пять таблиц новых рисунков с наскальных изображений Онежского озера.¹ Рисунки М. Беркита по своей точности далеко превосходят все другие, до настоящего времени опубликованные рисунки тех же памятников, включая сюда даже позднейшие рисунки А. М. Линевского, но и они не вполне точны. Не точно, напр., передана центральная фигура «беса» из группы Бесова Носа (рис. 3),² при этом пропущено изображение второй птицы над правой рукой «беса» (см. нашу копию — рис. 4), далее неточна фигура лебедя из той же группы,³ а изображение дерева почему-то расчленено на две самостоятельных части,⁴ отсутствует ориентировка изображений по странам света и т. д. Совсем не передана пунктирная или «пикетная» фактура линий, очень характерная для техники онежских изображений, и чувствуется, что изображения копировались старым, уже осужденным методом, т. е. путем зарисовки от руки с разбивкой площади изображений на квадраты. Наконец, М. Беркит совсем не дает целостных композиций, ограничиваясь воспроизведением произвольно выбранных частей групп изображений или отдельных фигур. Что касается интерпретаций М. Беркита, то в общем они не идут далее того ложнореалистического принципа сходства, который был здесь применен, как мы видели, еще П. Шведом. Так, М. Беркит находит среди воспроизведенных им фигур изображения зеркала и весла,⁵ с чем согласиться затруднительно. М. Беркит датирует онежские изображения эпохой бронзы, не отрицая возможности даже более поздней датировки, и считает их восточным «ответвлением» скандинавской группы наскальных изображений.⁶ Для нас нет никаких сомнений в том, что английский исследователь не достаточно разобрался в онежских изображениях, которые он имел счастливую возможность изучать в натуре. Иначе он не писал бы об этих исключительно выразительных и богатых, как мы надеемся показать ниже, содержанием памятниках, что «оно (т. е. Онежское ответвление скандинавской группы. В. Р.) ничего не говорит (или не дает. В. Р.) нам по смыслу, хотя наличие фаллической сцены является интересным».⁷ Подчеркивание, как интересной, только одной «фаллической сцены» (М. Бер-

¹ М. С. Burkitt. Prehistory. I изд., Cambridge, 1921, II изд., Cambridge, 1925. Онежские изображения помещены здесь на табл. XLIII—XLVI.

² М. С. Burkitt. Prehistory. Second edition (1925 г.), табл. XLIII.

³ Там же, табл. XLV.

⁴ Там же, табл. X IV, 3. Это безусловное изображение дерева (почти полная аналогия к нему имеется среди изображений у Танума; см. Z. Baltzer. Nägra af de Viktigaste Hällristnigarna. . . Göteborg, 1911, табл. XXIII) М. Беркит считает неопределимой фигурой.

⁵ Там же, стр. 420, 426, особенно стр. 424.

⁶ Там же, стр. 303.

⁷ Там же, стр. 320.

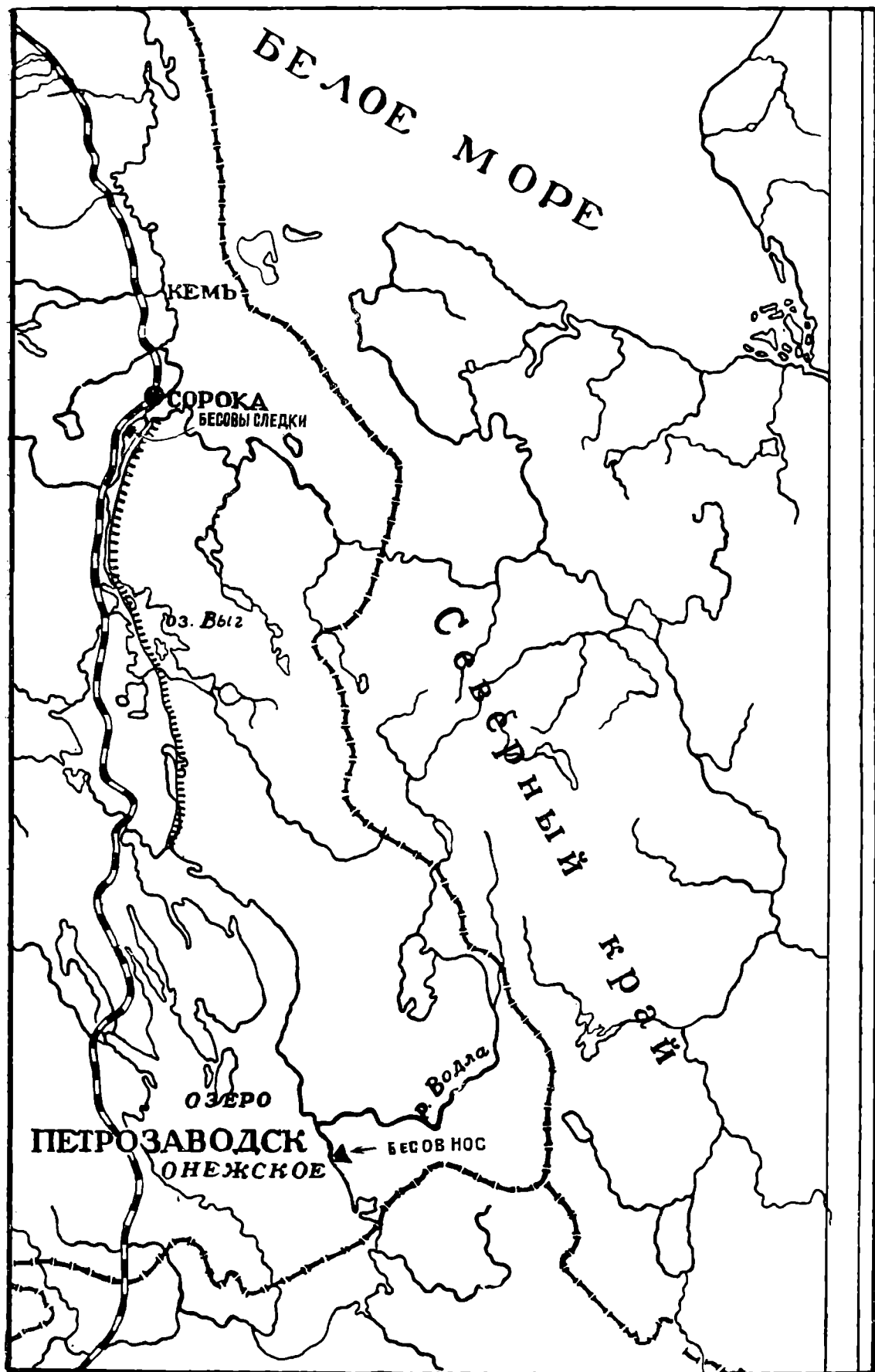

Рис. 7. Географическое положение наскальных изображений Карелии.

кит имеет в виду известную сцену следования мужчины с половым членом в состоянии эрекции за женщиной, изображенную на одной из скал Перя-Носа) из нескольких сотен разнохарактерных изображений, значительная часть которых не встречается в Скандинавии, в свою очередь не лишено интереса и представляется по меньшей мере удивительным. Такое пренебрежение и такая чисто субъективная оценка объясняются отчасти может быть тем, что, всецело разделяя теорию миграций и заимствований, М. Беркит считает онежские памятники лишь позднейшим отголоском, так сказать, ухудшенной копией западноевропейских оригиналов. Даже особо характерные для Онежского озера многочисленные изображения лебедей М. Беркит готов связать с культом лебедя в Лигурии в эпоху бронзы и ставит вопрос о «коннекси» между этими двумя явлениями, предположительно объясняя ее сношением между Балтийским и Средиземноморским районами на почве торговли янтарем.¹ Добавлю кстати, что подобные взгляды свойственны не одному М. Беркиту, но и ряду других буржуазных ученых. Так, М. Гернес, возражая против теории А. В. Брёггера о генетической связи между скандинавскими и онежскими наскальными изображениями, писал следующее: «Только самые грубые (nur die rohesten) североскандинавские петроглифы показывают известное, легкообъяснимое сходство с жалкими (mit den elenden) наскальными изображениями Восточной Европы и Северной Азии».² Лучшей критикой этих в корне ошибочных представлений будет, конечно, обстоятельная публикация наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, вовсе не являющихся такими «жалкими», как это казалось М. Гернесу.

М. Беркит своими табличками ввел, во всяком случае, в науку новый материал об онежских памятниках, и после выхода в свет его книги западноевропейские авторы, касавшиеся в своих работах наскальных изображений территории СССР, обращаются уже к М. Беркиту, а не к К. Гревингу. Это мы видим, напр., у О. Менгина, считающего на основе материала М. Беркита онежские изображения «автохтонным искусством с сильным чуждым влиянием», — у Андерсена, подчеркнувшего их магический характер, у Флора, и т. д. В СССР книга М. Беркита осталась как-то незамеченной, и авторы, писавшие в последние годы о наскальных изображениях нашего севера, повидимому, не знакомы с ней.

Заслуга возобновления полевого изучения наскальных изображений на севере Восточной Европы после Г. Гальштрема и М. Беркита принадлежит А. М. Линевскому, открывшему, как уже упоминалось, в 1926 г. новые изображения на Белом море и от них перешедшему к изучению и онежских изображений. Рядом докладов с демонстрацией копий новых изображений А. М. Линева привлек к ним внимание научных кругов и затем опубликовал, не говоря о мелких заметках, две работы, являющиеся, по его сло-

¹ Там же, стр. 303.

² М. Hoernes — O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 234.

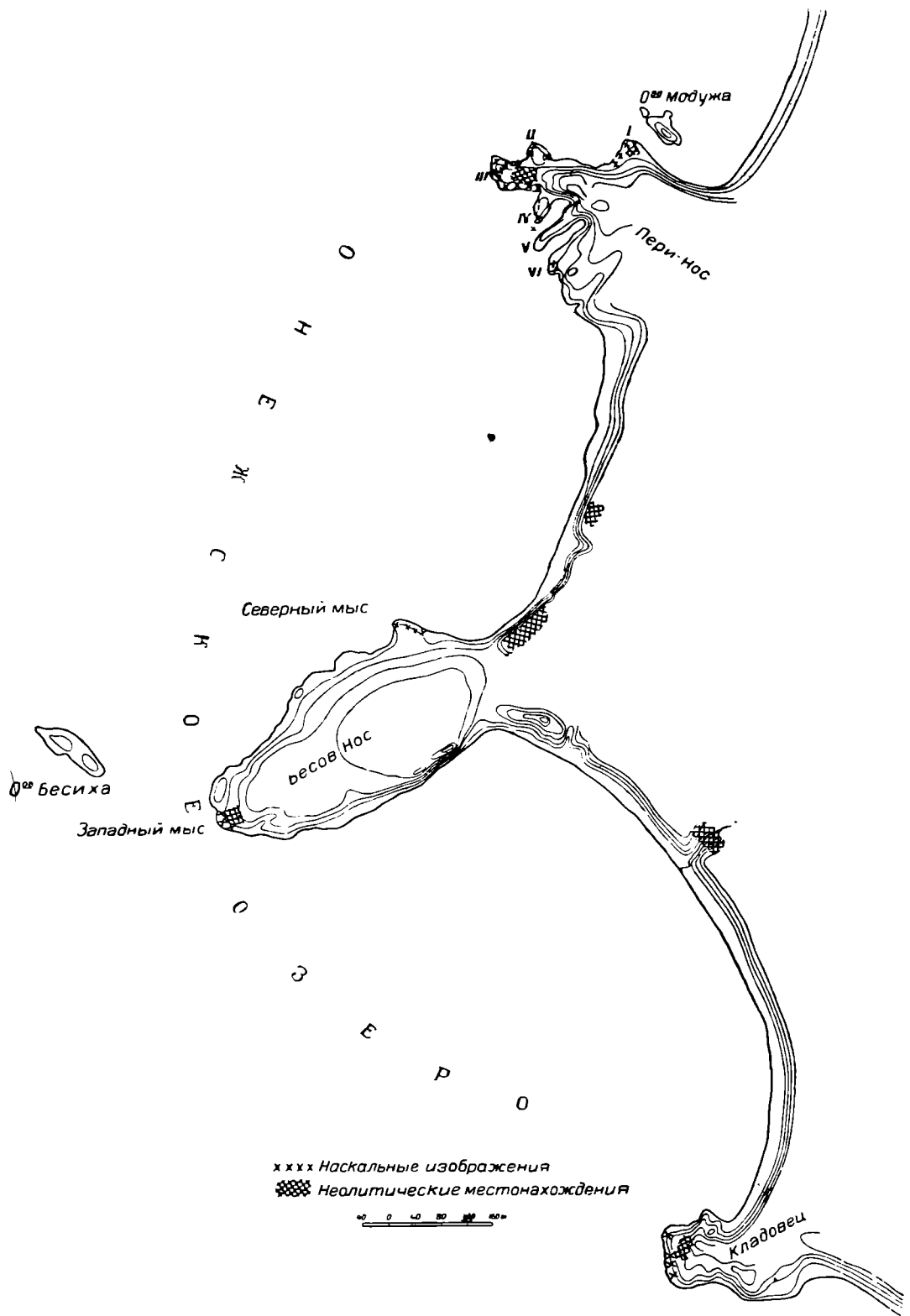

Рис. 8. Расположение наскальных изображений и неолитических стоянок в районе Бесова Носа.

вам, отрывками или частями подготовляемого исследования. Первая работа «К вопросу о петроглифах Карелии», вышедшая в 1929 г. с предисловием А. А. Спицына,¹ представляет общий обзор наскальных изображений Онежского озера и Белого моря с попыткой осветить с помощью этнографических параллелей их значение в качестве образов магического или религиозного порядка. Вторая работа А. М. Линевского «Промыслы доисторической Карелии»² имеет своей задачей восстановление по наскальным изображениям древних «форм Беломорского и Озерного хозяйства».

А. М. Линевский в течение ряда лет собрал материал (копии, фотографии, эстампажи и гипсовые слепки), охватывающий 421 изображение, и воспроизвел в своих работах несколько десятков копий изображений. К сожалению, техника копирования, которой пользовался А. М. Линевский, очень далека от совершенства, и это сильно отразилось на качестве собранных им материалов. А. М. Линевский описывает эту технику в следующих словах: «Вся скала расчерчивается мелом на равные квадраты, величиной несколько меньше развернутого листа; затем каждый квадрат смачивается водой, и чернильным карандашом обводятся контуры изображений, всегда резко выступающих на блестящей поверхности («загара скалы»). Далее лист бумаги (лучше слегка влажной) накладывается ровно на весь квадрат скалы и приглаживается ладонью, щетками и т. п. В результате получается точный отпечаток обратных изображений. Тотчас левая сторона с отпечатавшимися изображениями сверяется с натурой и, где нужно, поправляется карандашом. Затем уже дома, приложив под правую (чистую) сторону листа копировальную бумагу, обводят по левой стороне контуры карандашом; тогда на правой стороне эстампажа получается изображение, во всех отношениях совершенно подобное натуре. Дальнейшие уменьшения производятся пантографом. Таким образом были собраны все изображения с трех групп».³ Хотя А. М. Линевский и называет описанные приемы копирования «совершенно точным способом», но с этим согласиться никак нельзя. Чернильный карандаш, будучи сильно смоченным водой, как известно, расплывается и поэтому отпечатки на бумаге с изображений, обведенных чернильным карандашом, никогда не дадут точного воспроизведения линий, имеющих в натуре, не говоря уже о том, что в подобных отпечатках хотя бы в связи с рельефом поверхности гранита обязательно будут перерывы в линиях и даже выпадать целых частей изобра-

¹ А. М. Линевский. К вопросу о петроглифах Карелии. Сб. ЛОИКФУН (Ленинградского общества изучения финно-угорских народов), т. I (1929), стр. 53—95, 5 рисунков с фотографий и 22 воспроизведения копий наскальных изображений. Здесь же заметка А. А. Спицына «Олоонецкие петроглифы» (стр. 49—52).

² Его же. Промыслы доисторической Карелии. Ежегодник Карельского музея «Карелия», Петрозаводск, 1930 г., стр. 19—52, 4 рис. с фотографий 23 + 1 таблица воспроизведения копий. Иллюстративный материал взят большей частью из предыдущей работы.

³ А. М. Линевский. К вопросу о петроглифах Карелии, стр. 56.

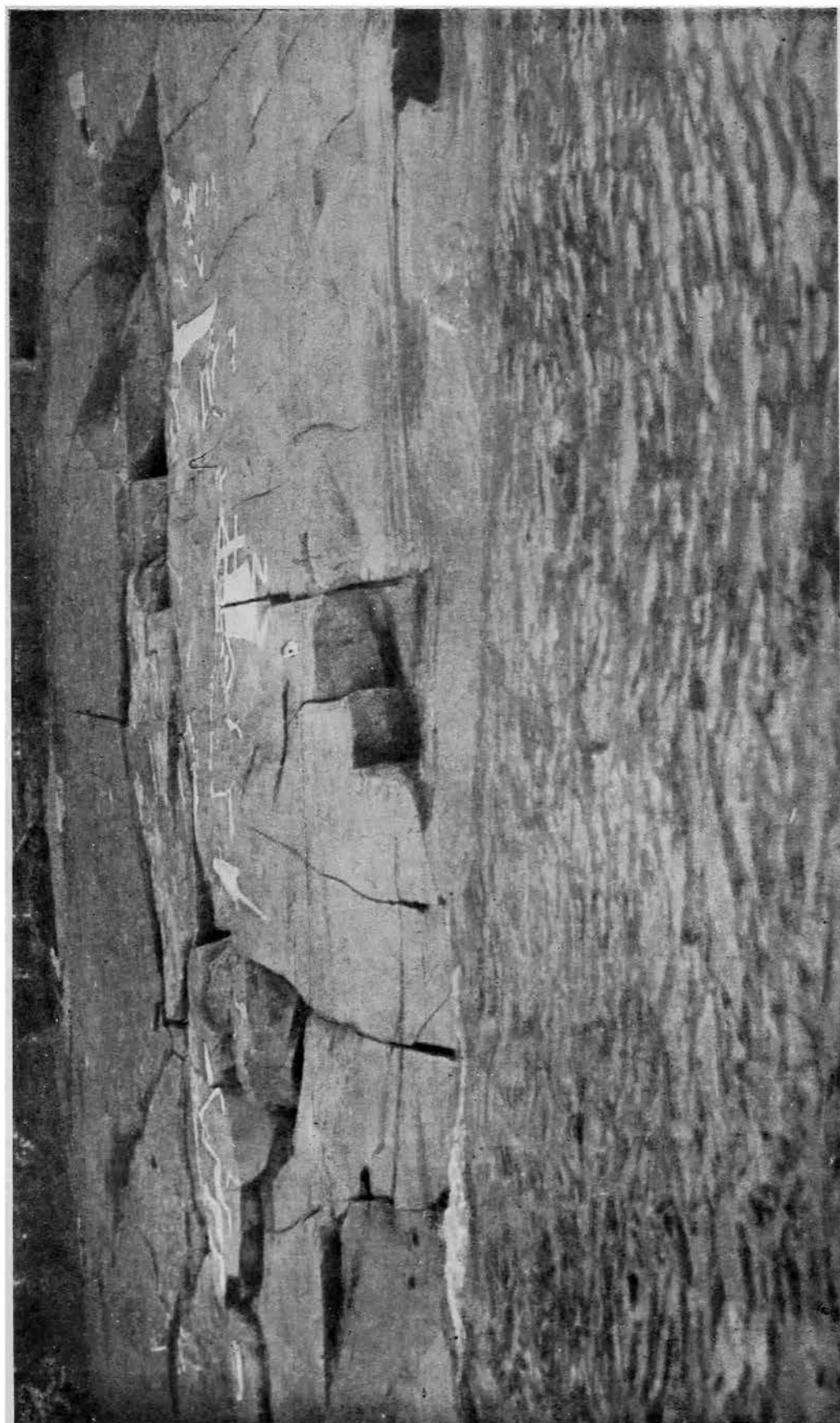

Рис. 9. Группа изображений на Бесовом Носу.

жений, заполнение которых «на-глаз» лишь усилит неизбежные при данном способе копирования искажения. Именно поэтому среди воспроизведенных в работах А. М. Линевского копий наскальных изображений нет почти ни одной вполне сходной с натурой, а некоторые из них, как, напр., фигура 13 в работе «К вопросу о петроглифах Карелии» с натурой не имеют решительно ничего общего. Подобные воспроизведения только вводят в заблуждение как читателей, так даже и самого исследователя, что и получилось, как мы покажем ниже, у А. М. Линевского, при истолковании им не только одного из самых важных, самых ответственных образов Онежского озера, воспроизведенного упомянутой фигурой 13, но и многих других изображений. По той же причине зарисовка от руки М. Беркита точнее копий, полученных «механическим способом» А. М. Линевского.

Воспроизводя неточные и даже совершенно неверные рисунки изображений, А. М. Линевский, кроме того, нигде не дает рисунков целостных групп изображений, ограничиваясь воспроизведением отдельных образов, что, конечно, исключает возможность для читателя получить полное представление о наскальных изображениях Карелии.

Таким образом, новый изобразительный материал по нашим памятникам, введенный в науку А. М. Линевским, несмотря на высокий интерес его по содержанию, отнюдь не может считаться удовлетворительным. Что касается исторического исследования этого автора, то здесь вряд ли он стоит на правильном пути.

Указывая на магическое значение наскальных изображений или на связь их с религиозными верованиями, А. М. Линевский, конечно, совершенно прав, как прав он и в ряде своих частных сопоставлений древних образов Карелии с религиозными представлениями современных народов Севера Евразии (напр., по вопросу о культуре лебедя, о святилищах и пр.). Однако это весьма общее положение не получило развития и конкретизации у А. М. Линевского в должном направлении. Как раз наоборот. Приступая к конкретной интерпретации образов, А. М. Линевский тотчас же забывает об их магическом или религиозном происхождении и весь ход своих рассуждений строит так, как будто бы это были точные воспроизведения действительности, так сказать снимки с природы, а не образы, преломленные через призму первобытного мышления с его специфическими нормами. Он считает, напр., возможным — и это главное содержание его работ — непосредственно от наскальных изображений, т. е. без предварительной расшифровки значения их в первобытном сознании, делать заключения о производстве и формах хозяйства, устанавливать технические детали промыслов и т. п., прибегая даже к приемам простой статистики. Напр., из подсчета числа изображений разных видов животных делается заключение об относительном значении каждого из этих животных в охотничьем хозяйстве,¹ из изображений лодок строится вывод о «морском

¹ А. М. Линевский. Промыслы доисторической Карелии, стр. 32 и 37.

и озерном хозяйстве»¹ и т. д. Но допустим, напр., поскольку наскальные изображения связаны с религиозными верованиями — что изображения животных наносились на скалы Карелии в связи с тотемическими представлениями — и тогда статистика их скорее может дать представление о числе и характере тотемных групп местного общества, чем о роли изображенных животных в его хозяйстве. Какое значение в хозяйстве могли иметь, напр., ящерицы, изображение которых неоднократно встречается на Онежском озере? Лебеди — один из самых любимых сюжетов среди онежских изображений, в то время как рыбы изображались здесь чрезвычайно редко. Между тем мало вероятно, чтобы лебедь занимал видное место в хозяйстве населения, оставившего наскальные изображения, и вполне достоверно, что как раз рыболовство было важнейшей основой существования местного населения в эпоху неолита.² Если же говорить о лодках, изображенных на скалах Онежского озера, то нужно прежде всего учесть, что это условный, чрезвычайно широко распространенный образ безусловно символического порядка со своеобразной семантикой, а не рисунок с натуры, как думает А. М. Линевский.³

В своем толковании наскальных изображений А. М. Линевский руководствуется все тем же принципом сходства их с ныне встречающимися или даже бытующими предметами, которым руководствовались, как мы видели, еще П. Швед и К. Гревингк. Он подбирает аналогии к изображениям или даже к их деталям преимущественно по внешнему сходству из числа предметов материальной культуры современных народов севера Евразии и, конечно, роковым образом впадает в многочисленные ошибки, на которых во избежание повторений мы лишь попутно остановимся в последующем изложении в связи с нашей собственной интерпретацией тех же образов. Для примера укажем здесь на истолкование А. М. Линевским фигур в форме круга или полумесяца с расходящимися под углом, или идущими параллельно линиями, как якобы капканов, тогда как на самом деле они ника-

¹ Там же, стр. 45.

² К. Гревингк, который придерживался в сущности совершенно того же принципа при истолковании онежских изображений, что и А. М. Линевский, был вполне последователен, когда из факта крайней редкости изображений рыб на онежских скалах делал вывод, что «кочующий охотничий народ меньше занимался рыболовством». См. K. Grewingk. Über die in Granit geritzten Bildergruppen..., стр. 431.

³ А. М. Линевский (К вопросу о петроглифах Карелии, стр. 68—69) видит, напр., в одной композиции Перп Носа сцену охоты с лодки на оленей, когда они переплывают реку; другие изображения лодок он считает рисунками местного населения ее скандинавских военных кораблей, появление которых на Онежском озере объясняет тем, что скандинавы, «перетаскивая лодки через свирские пороги..., доходили до Онежского озера и грабили население, промышленявшее за пушным зверем» (стр. 68). Нельзя, конечно, отрицать возможность истолкования ряда композиций наскальных изображений, как сцен из области производства магического порядка, но в каждом отдельном случае нужно делать это мотивированно и непременно с исключением грубореалистического толкования символических образов с точки зрения сознания современного человека.

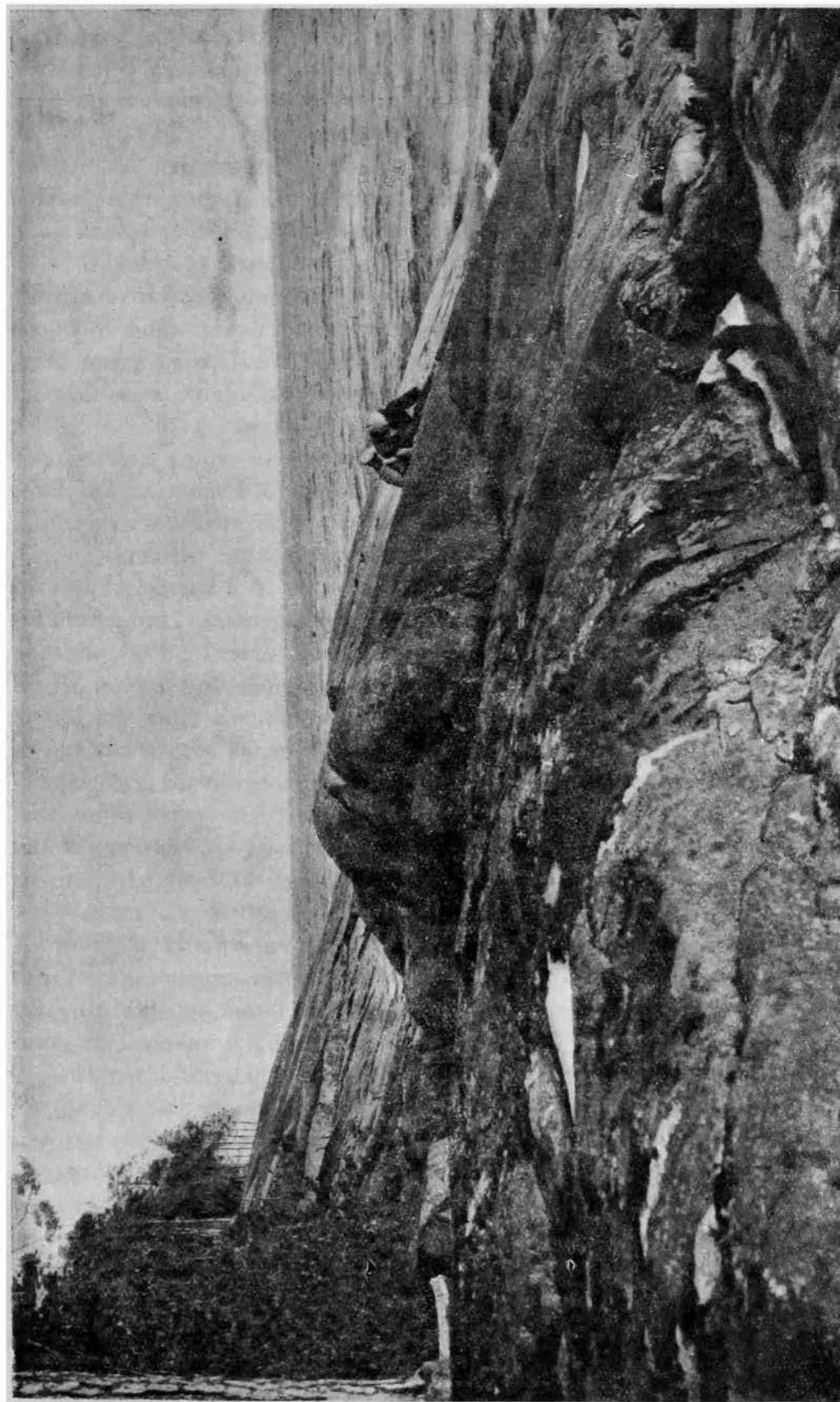

Рис. 10. Галлий Нос.

кого отношения к капканам не имеют.¹ И между тем на этом ошибочном истолковании А. М. Линеvский строит весьма широкие и ответственные выводы о различных формах хозяйства Белого моря и Онежского озера, о наличии собственности в эпоху наскальных изображений у населения Прионежья и т. д. Ошибки усугубляются у А. М. Линеvского тем обстоятельством, что он мало пользуется данными археологии и совершенно не пользуется синстадиальным и наиболее, казалось бы, близким сравнительным материалом по наскальным изображениям других районов.

Прямое заключение от надстроек к базису является, как известно, методологической ошибкой механистического порядка. Мы не против изучения и форм хозяйства по этим изображениям, но такое изучение должно идти более сложным и более трудным путем. Надо восстановить сначала формы мышления данной эпохи, расшифровать семантику наскальных изображений, которую им приписывали люди, их создавшие, и уже затем, отправляясь не от модернизированного согласно нормам нашего собственного мышления, а от подлинного, т. е. древнего смысла изображений, заключать о хозяйстве и об общественной жизни этих людей.

Указанные ошибки отнюдь не умаляют заслуг А. М. Линеvского, которые подчеркивал и А. А. Спицын в своей заметке «Олонецкие петроглифы» («Настоящим изданием вписывается новая интересная страница в науку древностей Восточной Европы»), отмечая здесь же спорность толкований этого автора. Собственную точку зрения А. А. Спицына никак нельзя признать удачной: «...почти с уверенностью — писал он, — что олонецкие петроглифы есть какое-то отражение скандинавских, как эти — отражение египетских, но самое заимствование могло произойти в какое угодно время железного века, вплоть до лопарской старины».² А. А. Спицын не предлагал каких-либо твердых истолкований наскальных изображений, но считал, однако, что «нельзя удержаться от соблазна и более простого объяснения их — лишь как изображений сцен охоты и вообще моментов удачи в жизни. На месте мольбища очень естественны изображения явлений жизни, наиболее занимающих молящихся... Из изображений менее всего понятны фигуры ящеров, иногда огромных размеров; остальное все идет к иллюстрации моления о житейской удаче».³

После выступлений А. М. Линеvского и отчасти по инициативе последнего те же памятники изучал А. Я. Брюсов, который, в частности, производил раскопки находящихся по соседству с наскальными изображениями неолитических местонахождений. В 1928 г. им была раскопана стоянка рядом с изображениями на р. Выг у дер. Выг Остров,⁴ в которой было

¹ Подробная, детально обоснованная расшифровка подлинного значения этих образов будет дана нами в одном из последующих очерков.

² А. А. Спицын. Олонецкие петроглифы, стр. 51.

³ Там же.

⁴ А. Я. Брюсов. К вопросу об археологии и археологических исследованиях по доистории северо-запада СССР. Советская Карелия, 1930, № 2, стр. 122—123.

обнаружено два неолитических культурных слоя, датируемых А. Брюсовым временем «около 4000 лет тому назад», в 1929 и 1930 гг. — стоянка в районе расположения онежских изображений (на р. Черной, близ ее устья, на мысе Кладовец и на Бесовом Носу).¹ К сожалению об этих раскопках можно узнать лишь по кратким сообщениям общего характера, а научные результаты их до сих пор не опубликованы, как не опубликованы и материалы всех вообще исследований А. Я. Брюсова в Карелии, в том числе исследований по самим наскальным изображениям. Известно только, что в интерпретации этих изображений А. Я. Брюсов всецело придерживается точки зрения А. М. Линевского, что видно из соответствующих замечаний в его статьях, а также и из материалов организованной им выставки в Государственном историческом музее в Москве.²

Факт существования в районе наскальных изображений неолитических стоянок, сам по себе исключительно важный, привлек к ним внимание и других исследователей, особенно Б. Ф. Землякова, производившего весьма интересные по результатам раскопки на мысе Кладовец и в районе Бесов Нос — Пери Нос,³ причем им были открыты здесь как новые неолитические местонахождения (на Пери Носе), в бухте между Бесовым Носом и Пери-Носом, так и новые группы изображений (напр., на Гуриих островах).⁴ Полностью материалы Б. Ф. Землякова еще не опубликованы и в настоящее время подготавливаются к печати.

Вот, в основном, и все, что было сделано по изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря до 1935 г. Подведем итоги: 1) Из семи с лишком сотен известных к настоящему времени изображений опубликовано в разное время всего лишь несколько десятков, не более ста, причем ни одной целостной группы изображений не опубликовано; 2) опубликованные копии изображений получены при помощи устарелой, весьма несовершенной техники копирования, не обеспечивающей соответствия копий с оригиналами; 3) отсутствие полноценной публикации порождает неправильные представления о наскальных изображениях нашего севера и в СССР и в зарубежных странах (ошибочное толкование образов вслед-

¹ А. Я. Брюсов. Древнейшие поселения на рр. Суне и Черной. Советская Карелия, 1930, 9—10, стр. 101—103.

² См. указанные выше статьи А. Я. Брюсова, а также составленный им «Путеводитель по открытым залам Гос. истор. музея. Первобытно-коммунистическое общество», Москва, 1934. У А. Я. Брюсова также фигурируют «многочисленные изображения на этих мысах капканов», которые «дают нам представления об одном, повидимому, распространенном способе охоты» («Древние поселения»... стр. 102), изображение человека, душащего руками гуся, и сцена охоты на оленей с лодки (там же, стр. 103), волк в капкане (Путеводитель, стр. 30) и т. д.

³ Б. Ф. Земляков. Палеоэтнографические разведки в районе Бесова Носа. Природа, 1928, II.

⁴ Мы не касаемся здесь мелких заметок и сообщений в общей печати, как, напр., заметки в Карело-Мурманском крае, 1927, № 1, стр. 20, Заметки Ф. М. Морозова «Изображения на скалах восточного берега Онежского озера». Экономика и статистика Карелии, 1927, № 1—3, стр. 142—145 и пр.

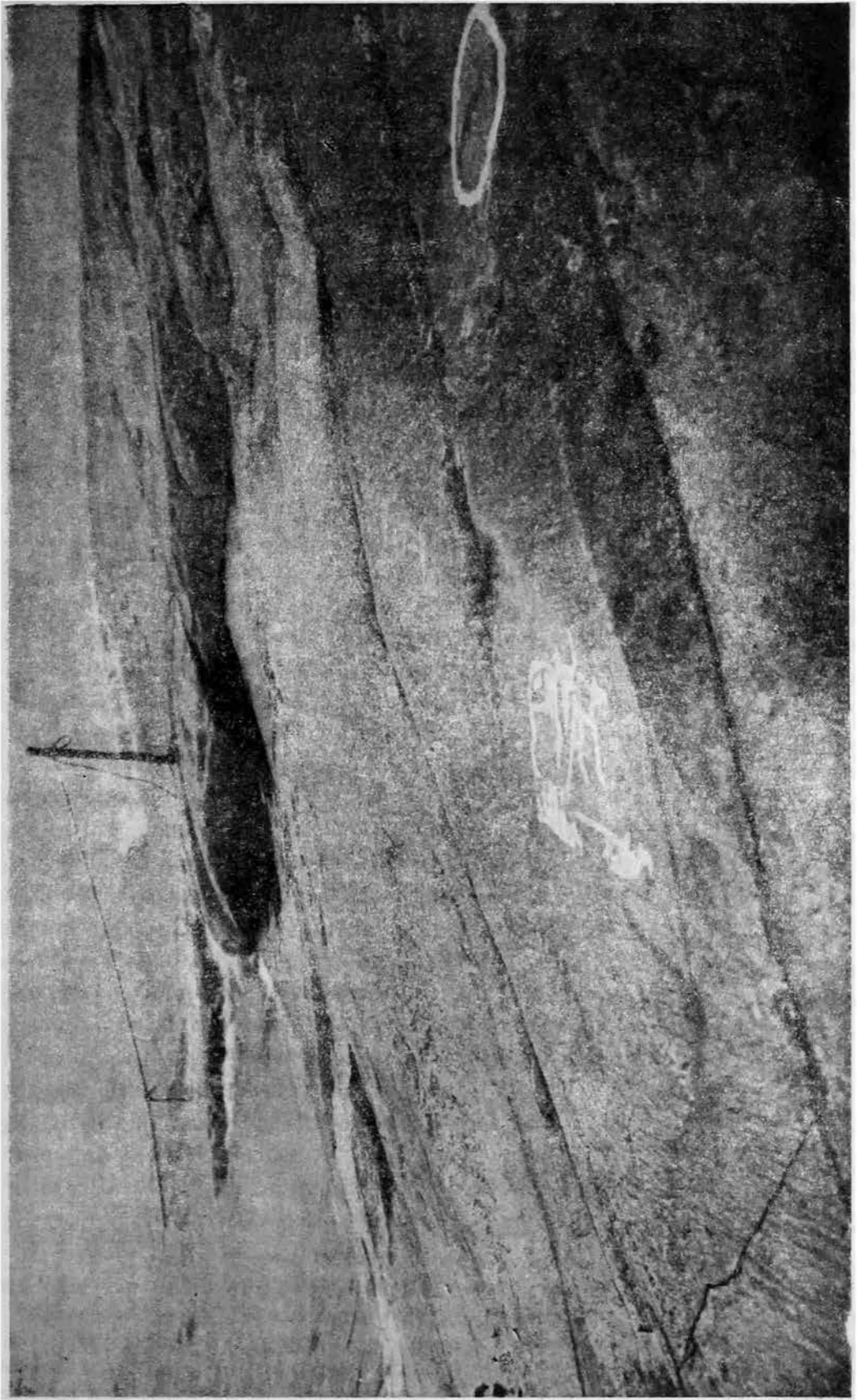

Рис. 11. Карцвині Пос.

ствие искажений в их воспроизведениях, мнение об «убожестве» онежских изображений и т. д.); 4) попытки исторической интерпретации этих памятников нельзя считать удачными и близкими к решению сложных исторических проблем, выдвигаемых фактом их существования.

Отсюда видно, что по части изучения наскальных изображений Онежского озера и Белого моря (добавлю, кстати, также Сибири и Алтая) действительно существует пробел в науке, и мне пришлось особенно ощутительно почувствовать этот пробел во время моей работы над сибирскими золотыми бляхами Государственного эрмитажа, так как генезис этих последних образов ведет нас, мне кажется, и в область изобразительного искусства неолита как раз севера Евразии. В стремлении заполнить столь обидный пробел мною были предприняты самостоятельные исследования по изучению наскальных изображений. В 1934 г. во время моих раскопок неолитического местонахождения у с. Вознесенья мне удалось предварительно ознакомиться с изображениями Онежского озера¹ на месте и тогда же предпринять шаги по вывозу в Ленинград отколовшихся от гранитного массива Пери Носа камня с изображениями, неоднократно воспроизводившимися.² В 1935 г. Институтом антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР была организована уже особая экспедиция специально по изучению наскальных изображений, в состав которой входили, кроме автора этих строк, А. М. Линеvский, П. А. Смелов, Л. А. Иванова, Н. Н. Гурина и А. А. Гречкин.

Работы этой экспедиции охватили оба района местонахождения наскальных изображений — Онежский и Беломорский. Самое важное было разработать и применить такую технику фиксации памятников, которая гарантировала бы от серьезных ошибок. Мы применили, учитывая западноевропейский опыт, технику копирования изображений на кальку, причем предварительно все изображения тщательно промазывались раствором мела. Длинные листы кальки дали возможность снять копии в натуральную величину со всех целостных групп изображений. Одновременно производилось фотографирование изображений в их натуральном виде а, затем, и с пробелкой мелом (рис. 5). Кроме того, со многих изображений были изготовлены гипсовые слепки и бумажные эстампажи. О само собою подразумевающихся работах (топографическая съемка, описания, зарисовки) я говорить здесь не буду.

Указанные способы фиксации, повидимому, обеспечивают наиболее точные результаты, хотя мелкие ошибки в отдельных случаях и возможны.

¹ В. И. Равдоникас. Отчет о работах Свирской археологической экспедиции, 1934. Печатается в сборнике отчетов об экспедициях ГАИМК за 1934 г.

² Известный камень с изображениями, которые в частности воспроизведены у М. Беркита на табл. XVI и XVII, ныне (в 1935 г.) без всякого моего участия уже вывезенный в Ленинград. К сожалению, снятие этого камня с места, порученное Государственным эрмитажем Ф. М. Морозову, было произведено без соблюдения должных мер предосторожности, с помощью взрывчатых веществ, вследствие чего некоторые фигуры пострадали.

Дело в том, что рельеф целого ряда изображений настолько изгладился, или настолько испещрен и поврежден шрамами, царапинами и выбоинами в граните, что очертания таких изображений прослеживаются с большим трудом и лишь при сильно боковом освещении. Во всех подобных случаях в экспедиции было принято взаимно и перекрестно проверять друг друга (в копировании принимали участие пять сотрудников) во время копирования, чем в значительной мере элиминировался субъективный подход к памятникам. Сомнительные места наносились на кальку пунктиром.

Экспедицией были собраны таким способом материалы по всем известным группам изображений; всего скопировано было свыше 700 фигур. Надо добавить, что в это число входят изображения, вновь открытые экспедицией путем расчистки скал от наростов лишайев и грязи (рис. 6); число таких вновь открытых изображений — не менее 150. Если учесть, что А. М. Линевский в своих печатных работах насчитывал в Беломорской и Онежской группах вместе взятых всего 421 изображение, то следует признать, что материалы, собранные нашей экспедицией для данного момента, наиболее полно охватывают наскальные изображения Карелии. Говорю «для данного момента», так как не сомневаюсь в том, что последующие изыскания обязательно откроют новые группы и, вероятно, новые районы наскальных изображений, подобно тому как такие открытия были сделаны и нами в 1935 г. даже в условиях напряженной работы специально по копированию уже известных ранее изображений.

Наши открытия заключались не только в количественном расширении числа известных изображений. И среди старых и среди новых фигур одинаково приходилось наталкиваться на такие образы, которые как ярким лучом света освещали целые категории непонятых ранее изображений. Уже во время полевой работы, в непосредственном общении с памятниками среди окружающей их величественной северной природы, рождались догадки о первоначальном смысле этих древних произведений художественного творчества первобытного человека.

Собранные материалы лягут в основу полной публикации наскальных изображений, которая, надеюсь, не задержится выходом в свет. Вместе с тем мне хотелось бы в ряде предварительных и кратких очерков поделиться на страницах «Советской археологии» как наиболее яркими и типичными из наскальных образов севера, так и, главное, изложить свои мнения о тех намечающихся к их истолкованию путях, которые мне представляются наиболее вероятными. Настоящая статья является вводной к этим предполагаемым очеркам, и я закончу ее кратким описанием топографии наших памятников и беглой общей характеристикой их состава.

Наскальные изображения Онежского озера находятся на восточном его берегу в окрестностях деревни Бесоновская (Пудожский район Карельской АССР), расположенной в 16 км к югу от устья р. Водлы или Шалы (рис. 7). В геологическом отношении коренной породой здесь являются граниты — древнейшее образование, считающееся едва ли не первичной

затвердевшей оболочкой земного шара. Сверху граниты покрыты мощными ледниковыми наносами, подвергшимися переработке в послеледниковое время. Там и здесь массивы гранита выходят из-под этих наносов на поверхность, часто образуя на берегу озера длинные скалистые выступы или «носы», а в самом озере — небольшие гранитные острова, иногда выступающие целыми архипелагами. Там, где это наблюдается, — прибрежная местность имеет поразительно живописный вид. Передвигаясь в ясный летний день по озеру вдоль берега на лодке, видишь на фоне светлого неба темнозеленую с оранжевыми пятнами ленту густого соснового леса, под которой сверкает и от солнца и от воды красноватая поверхность отшлифованных скал, иногда совершенно фантастических очертаний. Новое, не менее сильное впечатление, если смотреть на эти скалы и на озеро с берега. Поражает контраст между неподвижным спокойствием застывших каменных форм первозданной природы и непрерывно волнующейся, вечно живой и как жизнь безбрежной поверхностью озера, с его постоянно меняющимися, почти неуловимыми цветовыми оттенками. Два начала слиты в этом впечатлении в их неразрывном противоречивом единстве — движение и покой, жизнь и смерть, становление и бытие... И даже для эмоциональной стороны сознания становится ясным, почему первобытный человек, эмоционально воспринимавший впечатления природы, вероятно, гораздо сильнее чем мы, именно эти скалы избрал местом для художественного воплощения своих представлений о мироздании.

Наскальные изображения расположены как раз на этих скалистых мысах или «носах», вдающихся в озеро. Если считать с севера, от устья

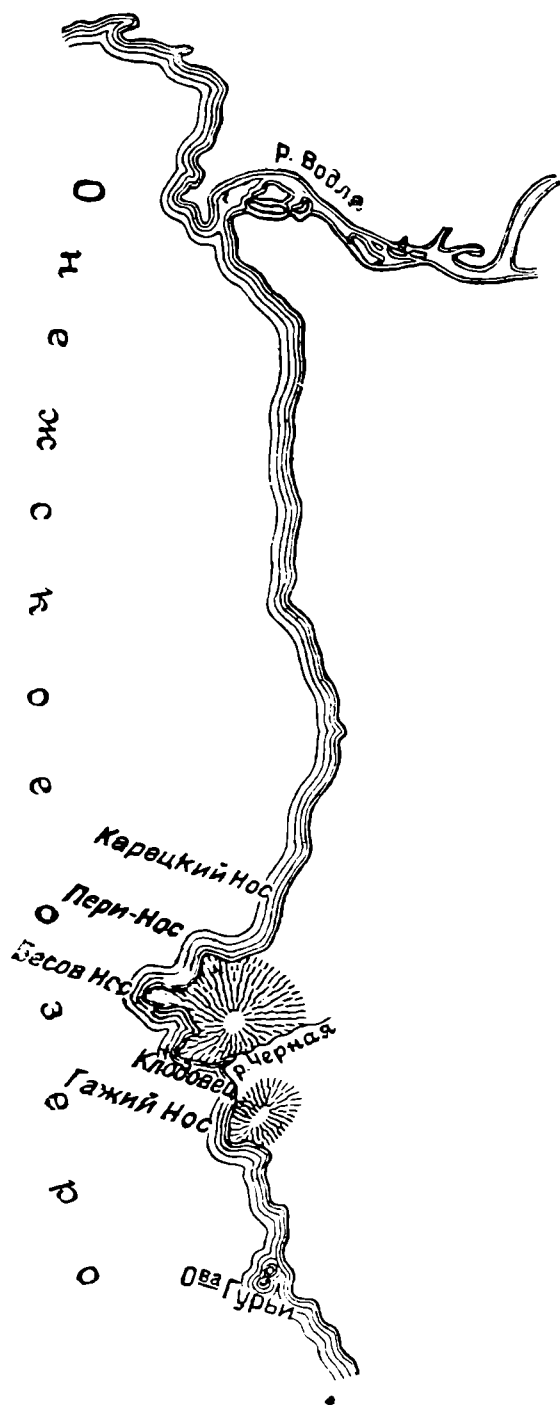

Рис. 12. Берег Онежского озера в районе расположения наскальных изображений.

Водлы, это будут Каредкий Нос, мыс против о. Модужа, Пери Нос с его пятью мысами, из которых четыре имеют изображения, Бесов Нос с двумя группами изображений, мыс Кладовец и, наконец, Гажий нос (рис. 12). Кроме того, изображения имеются на Гурием острове, находящемся против Носа Толстого. Всего, таким образом, мы имеем здесь на протяжении около 10 км береговой линии 11 пунктов с наскальными изображениями — и везде они нанесены на склоне гранитного массива (наклон от 15 до 25°) в узкой полосе у самой воды и не выше 2 — 2½ м от современного уровня озера (рис. 9—11 и трехцветка). Изображения высечены в граните ударной техникой при помощи каменных орудий, очевидно, узкого долота и заостренного клина. Удар по обуху заостренного орудия оставлял в граните след в виде точки или маленького кружка неправильных очертаний. Из таких точек и состоят линии и площади изображений; иными словами, в них нет непрерывных линий в тесном смысле слова, а имеются лишь пунктирные линии с своеобразной неровной «пикетной» фактурой. В некоторых случаях можно предполагать и более простую технику, заключающуюся в ударах заостренным камнем прямо от руки без посредствующих звеньев.

Искусство наскальных изображений — плоскостное и притом графическое искусство. Большинство фигур на Онежском озере даны в силуэтах, посредством снятия всей поверхности гранита внутри очертаний изображения. Многие фигуры высечены бороздами по контуру (рис. 13). Внутриконтурные детали встречаются не часто. Перспектива и объем не переданы или переданы очень условно, путем косо́й проекции объемных частей на плоскость. Глубина рельефа изображений колеблется от 1—2 мм до 1 см, а иногда (особенно в крупных изображениях) и более. Графический характер наскальных изображений не исключает, однако, некоторых моментов полихромии. Во-первых, свежевыбитая поверхность гранита выделяется беловатым пятном на красноватом или темноватом фоне, чем уже достигается некоторый эффект полихромии, и первоначально все изображения должны были иметь такой вид. Во-вторых, обилие часто силуэтных изображений заставляет думать, что первоначально внутри силуэтов могли наноситься детали красками, а может быть раскрашивалась полностью и вся площадь силуэтов. Впрочем, это является лишь догадкой и не более.

Изображения Беломорской группы расположены в следующих условиях. Быстрая, изобилующая порогами и водопадами р. Выг в своем нижнем течении образует множество рукавов и разветвлений, между которыми расположены острова — скалистые выступы суши. На одном из таких островов, называемом Бесовы Следки, близ дер. Выг Остров (в 8 км от Белого моря, Сорокский район АКССР) и несколько ниже последней плотины Беломоро-Балтийского канала (рис. 7), на прибрежном, весьма отлогом выступе гранита и высечены изображения компактной группой близко друг к другу у самой воды (рис. 15, 16). В настоящее время изображения Бесовых Следков полностью заливаются водой каждый раз, когда плотина Беломоро-Балтий-

Рис. 13. Контурное изображение фигуры дубеда из группы Кладовец.

ского канала открыта. По обе стороны острова вода стремительно падает каскадами вниз; особенно эффектен западный водопад — Шойрукша. Здесь контраст между динамическим и статическим моментами в окружающей природе выступает не менее резко, чем в районе онежских изображений. Что касается техники и характера беломорских изображений, то они приближаются к тому, что я описывал, говоря о технике и графическом плоскостном характере изображений Онежской группы. Здесь, однако, техника несколько грубее, средний рельеф изображений значительно глубже, а линии далеко не всегда правильны.

Необходимо несколько слов сказать об археологических памятниках, с которыми можно связать наши изображения. В р-не Белого моря и Онежского озера в пределах Карелии массовые археологические памятники, известные до настоящего времени, относятся или к неолиту или к очень поздней пред- и раннефеодальной эпохе, начиная с X в. (курганы, еще более поздние могильники). Промежуток между этими двумя эпохами представляет сейчас загадку, для решения которой мы пока не располагаем источниками. Если делать выбор между этими двумя группами памятников, то связь наскальных изображений с пред- и раннефеодальными памятниками следует, конечно, начисто отвергнуть. Остается неолит и непосредственно следующий за ним, пока загадочный период. Мы без особых колебаний, исходя из семантики и техники наскальных изображений, не говоря уже о косвенных доказательствах, делаем выбор в пользу неолита, что подтверждается прямым фактом соседства неолитических стоянок с группами наскальных изображений как на Бесовых Следках, так и в районе Онежского озера. В последнем районе близ дер. Бесоносовки известно сейчас шесть неолитических местонахождений, показанных (за исключением стоянки на р. Черной) на прилагаемой карте (фиг. 8), составленной Б. Ф. Земляковым и нами дополненной. Разведками нашей экспедиции был собран подъемный материал (керамика и орудия) на четырех из них (Пери Нос, бухта между Бесовым Носом и Пери Носом, бухта между Бесовым Носом и Кладовцом, Кладовец). Наш материал совершенно аналогичен находкам из раскопок Б. Ф. Землякова в этом районе. Керамика относится к самой поздней группе ямочно-гребенчатой керамики (мелкие ямки, мелкий вырождающийся гребенчатый штамп, тонкостенные сосуды, примесь асбеста к глине), относимой к концу неолита.

Из этого не следует, что все наскальные изображения Карелии надо датировать непременно концом неолита. Мы имеем основания думать, что начало их восходит к более ранней поре, а по крайней мере пережиточно, те же образы идут далеко и в эпоху металла. Однако, только основательные, глубокие исследования могут дать более точную, и, главное, дифференцированную хронологизацию этих памятников. Сейчас мы можем утверждать только, что состав наших наскальных изображений отличается значительной сложностью и что нельзя обобщать эти памятники, как якобы совершенно однородный материал.

Эта сложность состава наскальных изображений выступает, например, как указывалось выше, в некоторых различиях между отдельными группами и фигурами по технике их выполнения. Еще более ясно она выступает в тематике образов. На ряду с многочисленными изображениями животных и птиц, тематически восходящими к самым ранним периодам

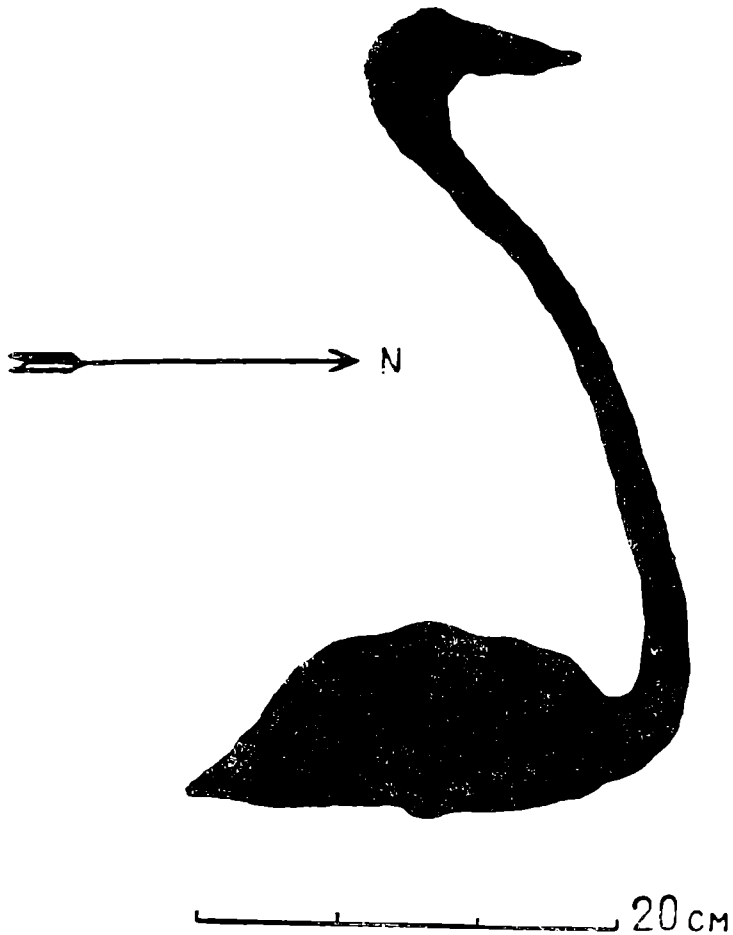

Рис. 14. Изображение лебедя из группы на Пери Носе.

истории первобытного искусства, мы встречаем здесь не менее многочисленные символические и схематические фигуры, по своей семантике связанные с кругом представлений позднейших периодов доклассового общества. Наконец, стилистические различия между изображениями показывают нам эту сложность состава наскальных изображений может быть с наибольшей ясностью.

Возьмем два одинаковых по сюжету изображения, показанных на рисунках 14 и 17. Как видно — это изображения лебедя. Первое из них (рис. 14) принадлежит к одной из групп Пери Носа, второе (рис. 17) — к группе, находящейся между Бесовым Носом и Пери Носом. Тематическая

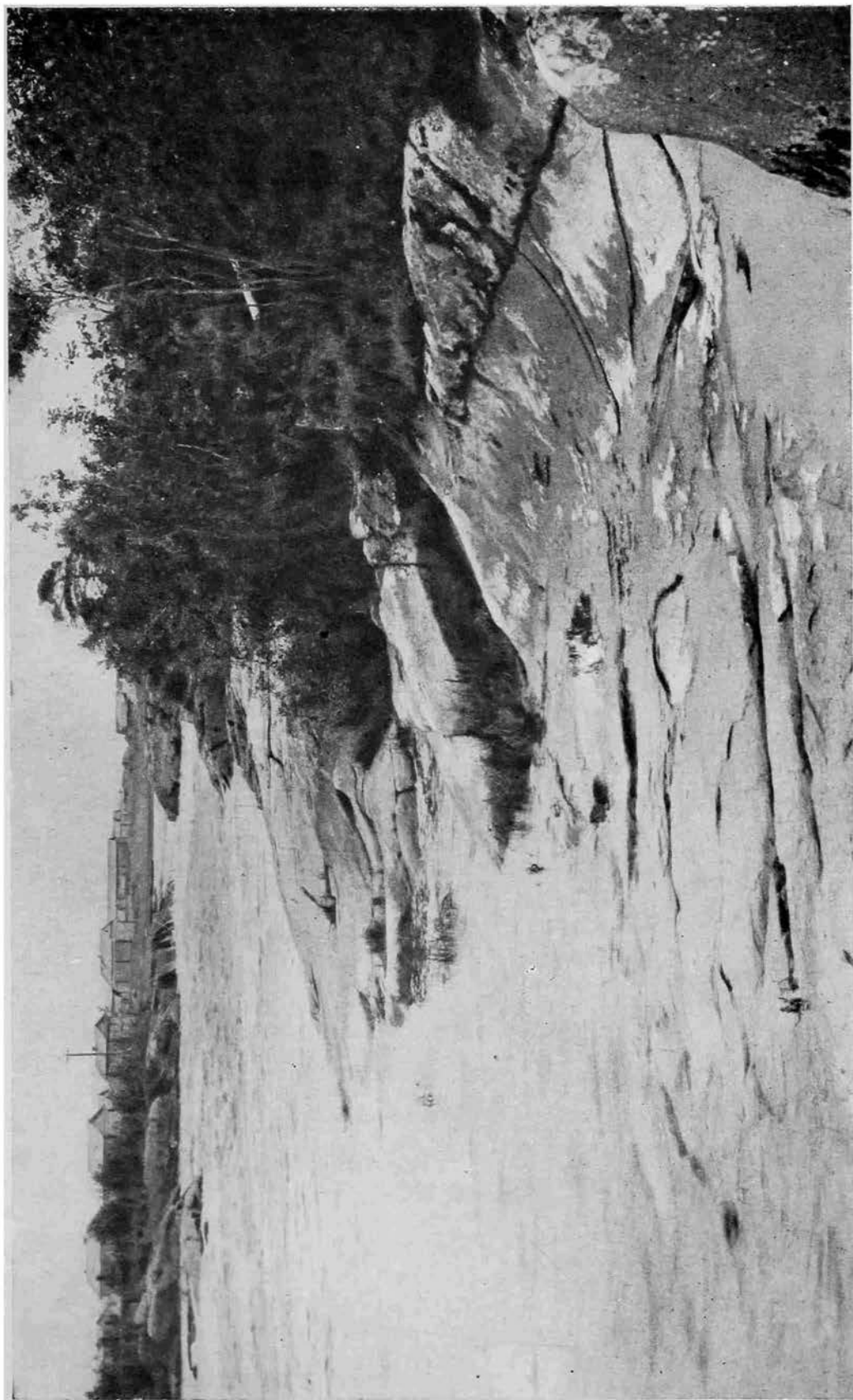

Рис. 15. Бесовы Следки.

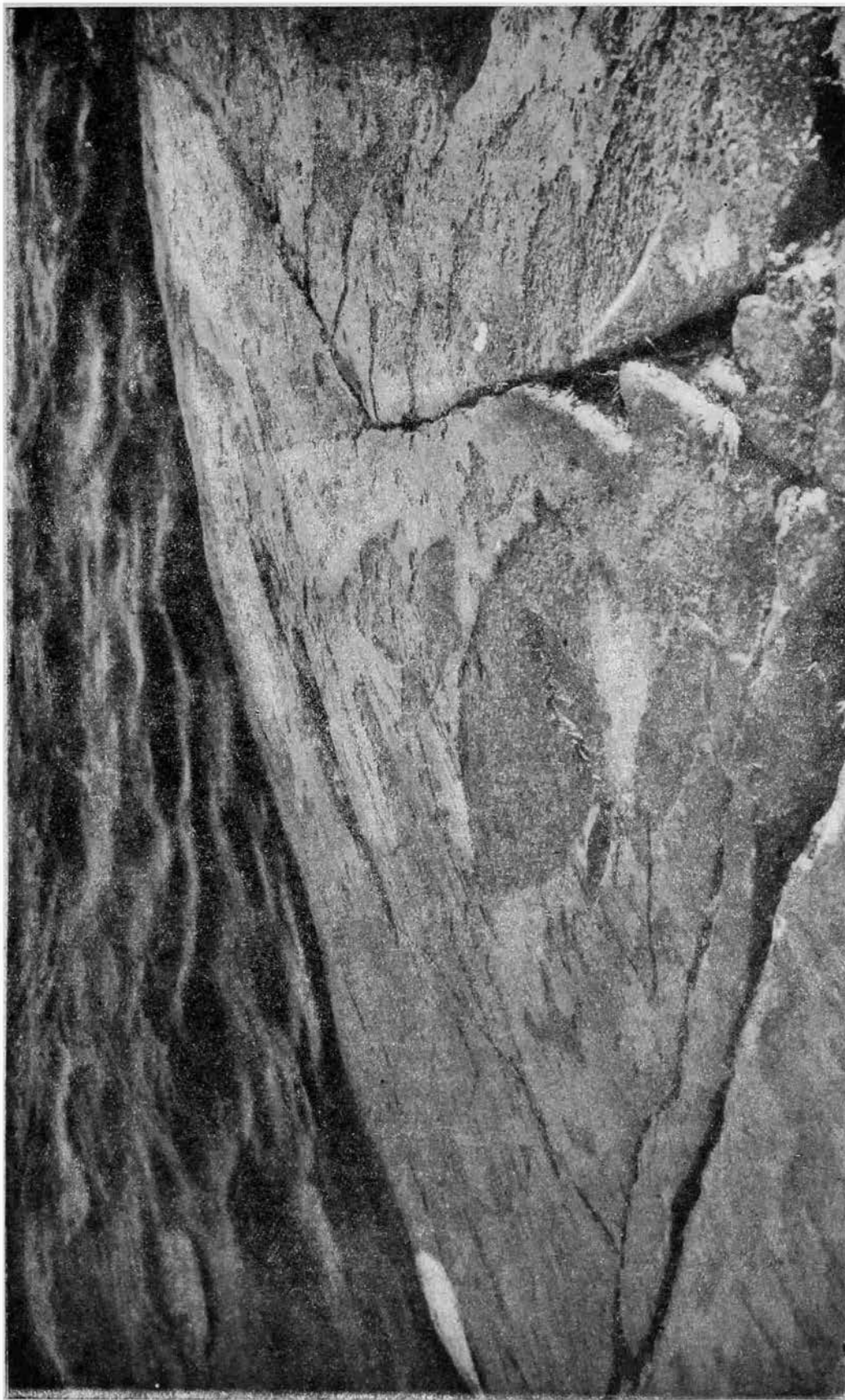

Рис. 16. Часть группы изображений на Бесовых Следках.

или сюжетная общность обоих изображений только подчеркивает глубину их расхождений по стилю.

В первом изображении (рис. 14) силуэтные очертания фигуры лебедя чрезвычайно близки к натуре. Вы действительно видите здесь знакомую фигуру живого лебедя. Он плывет по воде с высоко поднятой головой и с характерно изогнутой шеей. Передавая этот образ, художник, без сомнения, руководствовался одним стремлением — достигнуть наибольшего сходства с натурой, показать лебедя таким, каким он существует в природе, ничего

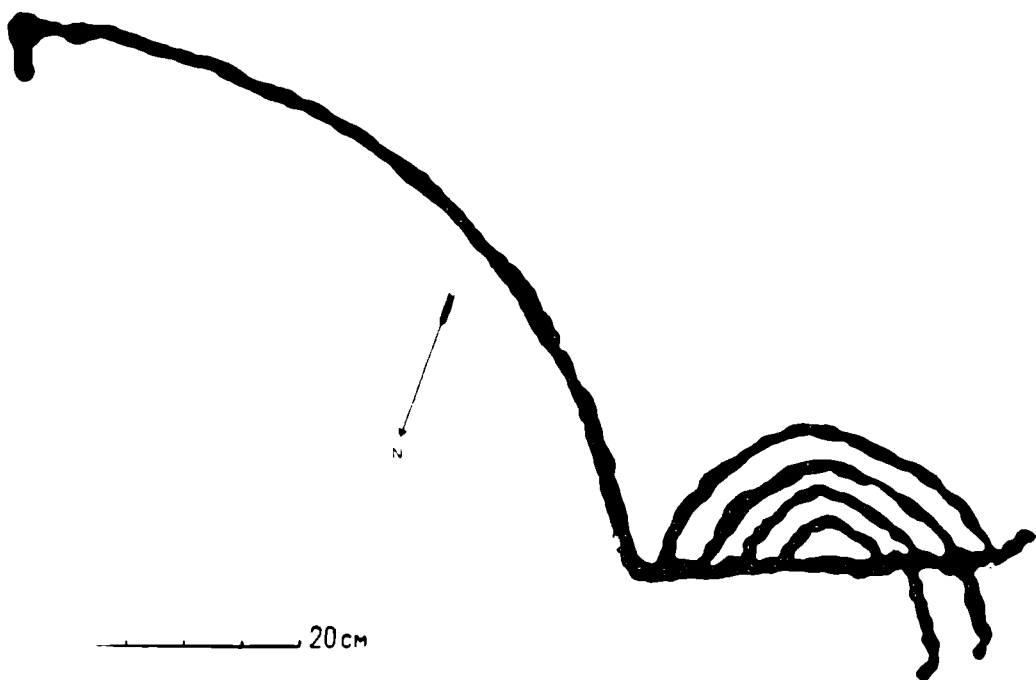

Рис. 17. Изображение лебедя из группы между Бесовым Носом и Пери Носом.

не привнося и не вкладывая в этот образ от своего сознания. Перед нами яркий пример так наз. «натуралистического», или «физиопластического», или «сенсорного» искусства.

Совсем иная трактовка того же сюжета дана в другом нашем изображении (рис. 17). Сходство с натурой улавливается здесь с трудом и не столько по общему впечатлению, сколько путем интерпретации почти условных и геометризированных деталей фигуры — длинная шея, птичьи лапы и т. д. Расчерченный дугами симметричный корпус лебедя и совершенно геометрическая, бегущая по правильной окружности линия его шеи свидетельствуют, что уже не сходство с действительным объектом было целью художника, изобразившего эту фигуру, но какие-то его собственные идеи, какие-то внутренние представления, нашедшие для своего воплощения только как форму эту полуусловную фигуру лебедя. Данное изображение никоим образом нельзя рассматривать как искажение действительности вследствие неумения или неискренности художника. Оно, если хотите, является также крупным достижением в искусстве, но искусство данного

рода порождено мышлением иного качества, чем мышление, создававшее натуралистические образы. Мы видим здесь пример «идеопластического», или «схематического», или «имагинативного» искусства, с помощью которого художник намеренно отклоняется от реальных форм природы, чтобы в схематизированных образах передать содержание своих или, вернее, коллективных, уже оторвавшихся от действительности, представлений.

В этих двух изображениях мы имеем, следовательно, различные стадии развития общественного мышления первобытного человека. Какие это стадии — об этом будет речь дальше, а сейчас настоящего примера вполне достаточно, чтобы иллюстрировать положение о сложности состава наскальных изображений севера. И если даже ограничить их сравнительно узкими хронологическими рамками, напр., отнести в связи с датировкой соседних стоянок к концу неолита, — от этого решающая суть дела не меняется. Общественная идеология всегда сложна, включая в себя пережитки предшествующих стадий. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, независимо от абсолютной хронологизации их, и по своему содержанию и по стилю отражают различные стадии истории первобытного мышления, и первая задача подходящего к ним исследователя заключается в том, чтобы попытаться выявить эти стадии в их динамическом переходе от одной к другой и конкретно раскрыть их общественное содержание. Стадиальный анализ, палеонтология мышления — вот путь конкретного изучения наскальных изображений, который ближе, чем все прежние опыты, приведет нас к цели.

Следующий очерк и будет посвящен характеристике стадиально древнейшей категории наших наскальных изображений.

W. RAUDONIKAS

CONTRIBUTION À L'ÉTUDE DES GRAVURES RUPESTRES DES BORDS DU LAC ONÉGA ET DE LA MER BLANCHE

RÉSUMÉ

Les gravures sur roche des bords du lac Onéga et de la mer Blanche, qui occupent une place fort importante parmi les monuments analogues de l'Europe et de l'Asie, sont encore très mal étudiées jusqu'à ce jour. On en trouve la confirmation dans la revue critique de toute la littérature se rapportant à ces monuments donnée par l'auteur et qui l'amène aux constatations suivantes: 1) sur sept cents et quelques gravures actuellement connues, quelques dizaines à peine (pas plus de cent) ont été publiées, et ceci sans qu'un seul groupe complet n'en ait jamais été reproduit; 2) les reproductions publiées ont

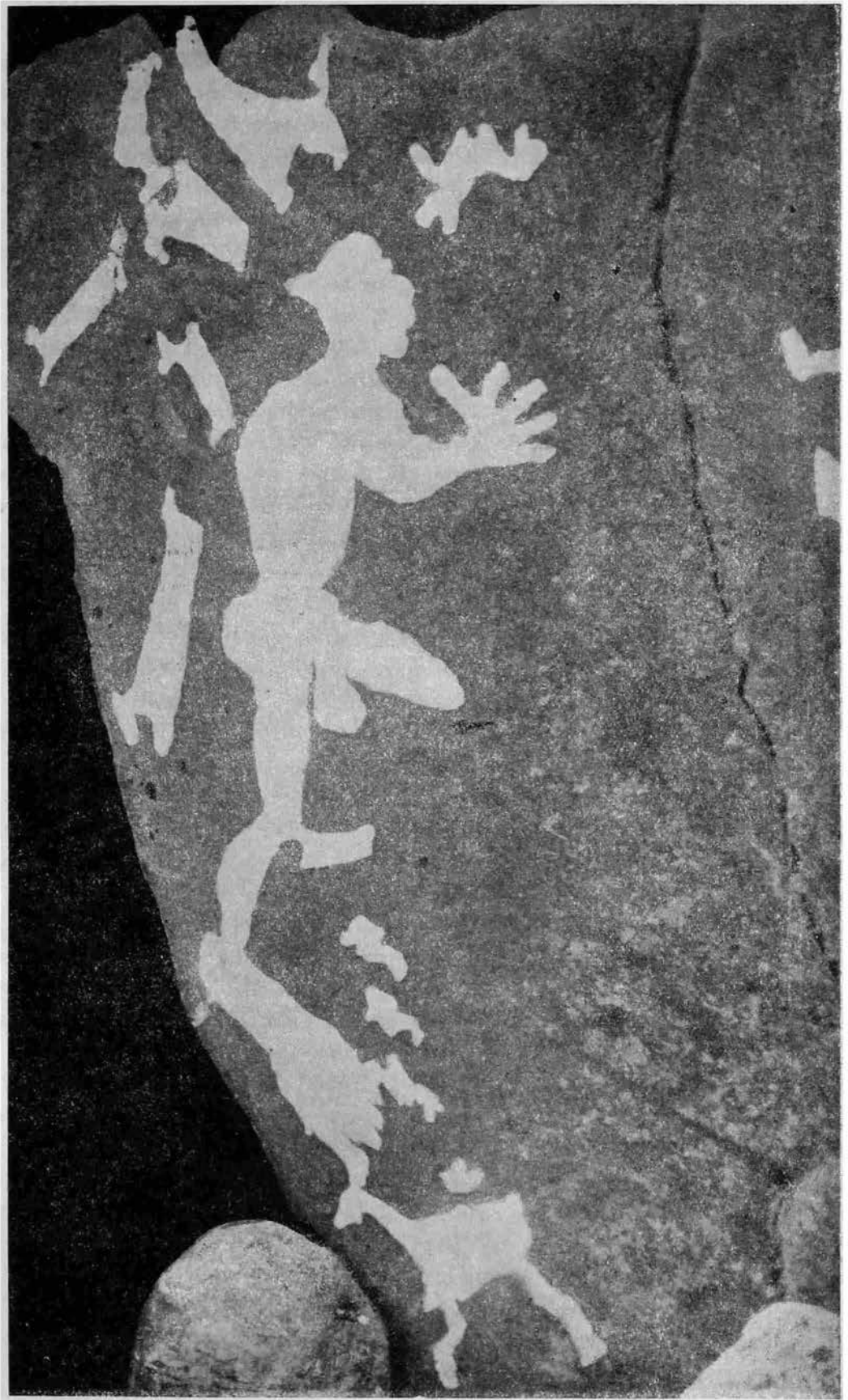

Рис. 18. Сидящее изображение «беса» из группы Бесовых Следков.

été obtenues à l'aide d'une technique surannée des plus imparfaites, ne pouvant assurer leur conformité avec l'original; 3) l'absence de publication pleinement satisfaisante donne lieu à des représentations inexactes en ce qui concerne les gravures rupestres du nord de l'URSS, tant chez nous qu'à l'étranger; 4) les tentatives d'interprétation historique de ces monuments faites jusqu'ici ne peuvent être regardées comme heureuses ni proches de la solution des problèmes historiques complexes soulevés par le fait de leur existence.

En vue de combler cette lacune, l'auteur a entrepris en 1934, et surtout en 1935, l'étude systématique des gravures rupestres des bords du lac Onéga et de la mer Blanche, avec application d'une technique exacte de fixation (surchage des gravures à la craie, leur calquage exact, moulages en plâtre et estampage sur le papier, photographie). A l'aide de ces procédés, il a fixé au total 750 représentations, en bonne partie nouvellement découvertes après nettoyage des rochers du lichen et de la boue qui les recouvraient. Ces matériaux seront publiés sous peu en entier. En même temps, l'auteur se propose de donner une série d'études sur les gravures rupestres dans «L'Archéologie Soviétique», à commencer par le présent article.

Les gravures rupestres du lac Onéga se trouvent sur sa rive orientale, aux environs du village Bessonosovskaïa (district de Poudoj). Elles ont été taillées à l'aide d'outils en pierre, en groupes ou isolément, sur des rochers granitiques à pente de 15—20° plongeant directement dans l'eau, à une hauteur allant jusqu'à 2—2.5 m au-dessus du niveau du lac (fig. 9—11). Celles de la mer Blanche sont dans l'île «Bessovy slédki» (riv. Vyg, près le village Vygstrov) et ont été également taillées à l'aide d'outils en pierre sur les granites riverains (fig. 15 et 18). En une série de cas, on trouve dans leur voisinage immédiat des stations du Néolithique récent avec céramique à ornement «à peigne et à fossettes», ce qui détermine leur âge comme néolithique.

Les gravures rupestres étudiées appartiennent à l'art graphique plan. La majorité des images sont des silhouettes obtenues par ablation de toute la surface du granite comprise à l'intérieur de leurs contours. Un grand nombre sont taillées suivant les contours (fig. 13). La perspective et le volume ne sont pas rendus ou ne le sont que de manière très conventionnelle, par projection oblique en plan. Le relief atteint de 1—2 mm à 1 cm de profondeur, voire d'avantage.

Les gravures rupestres du Nord-Est de l'Europe se distinguent par une grande complexité de sujet, de technique et de style. Sur l'exemple de deux représentations de cygnes d'un sujet identique (fig. 15, 16, 18) l'auteur montre les différences de style fondamentales entre les diverses figures. Le cygne de la fig. 14 est un spécimen de l'art naturaliste ou sensoriel, alors que celui de la fig. 17 constitue un exemple de géométrisation, procédé par lequel l'artiste s'est écarté consciemment des formes naturelles pour traduire ses propres représentations ou celles de la collectivité, détachées déjà de la réalité.

L'auteur voit dans ces deux images deux stades différents de la mentalité de l'homme primitif, stades qu'il se réserve de traiter plus en détail dans

la suite de son travail, se bornant ici à l'exemple cité, qui illustre suffisamment le caractère complexe des gravures sur roche du Nord. Par leur sujet et par leur style, les gravures rupestres du lac Onéga et de la mer Blanche reflètent différents stades de l'histoire de la mentalité primitive, et la première tâche du savant qui en aborde l'étude consiste à essayer d'établir ces stades dans leur passage dynamique de l'un à l'autre et d'en révéler le contenu social concret. L'analyse des stades, la paléontologie de la pensée — telle est la voie de l'étude concrète des gravures rupestres, qui, plus rapidement que toutes les tentatives précédentes, nous amèneront au but.

L'article suivant de l'auteur sera consacré à la caractéristique des gravures rupestres du stade le plus ancien.

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

К ИЗУЧЕНИЮ ГОНЧАРНОЙ ТЕХНИКИ ПЕРВОБЫТНО-КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РСФСР

Описываемая нами территория была заселена уже в последнико-вое время, когда не только совершилось освобождение от покрова последнего, Вюрмского, оледенения, но и произошло покрытие ее лесным покровом и заселение животными.

Наиболее древние поселения, относящиеся к концу Вюрмской ледниковой эпохи, известны лишь в южных частях территории, на границе современной лесостепной зоны. Это стоянки — Карачаровская близ г. Муром, Супоньевская и Тимоновская близ г. Брянска, и Гагаринская Липецкого р. Воронежской обл. (в б. Липецком у.).

Все эти стоянки связаны с арктической ледниковой фауной мамонта, носорога и северного оленя и относятся к так наз. верхнему палеолиту. Севернее пока никаких следов палеолитических поселений не найдено.

Самое заселение северных территорий происходило, судя по всем последним данным, во время Азильско-Свидерской стадии, следовавшей за верхним палеолитом и развившейся на его основе. Это заселение шло широким фронтом с юга на север, постепенно осваивая новые территории.

Поселения Азильско-Свидерской стадии представляют собой небольшие охотничьи лагеря охотников-собирателей с типичным охотничьим инвентарем.

В силу условий залегания культурного слоя на открытых песчаных, развеваемых дюнах до нас дошли лишь кремневые орудия. Орудия из кости, рога и дерева, несомненно очень многочисленные, разрушились так же, как и кости животных.

Производственный инвентарь состоит в основном из охотничьих орудий в виде наконечников дротиков и стрел и инструментов для выделки орудий из кости и дерева в виде различных скребков, ножей, проколов и пр.

Хозяйственный уклад как верхнего палеолита, с его охотой на крупных животных, так и Азильско-Свидерской стадии, с бродячей охотой сравнительно небольших коллективов, не создавал предпосылок для появления глиняной посуды. И, действительно, ни на одной стоянке этого времени остатков керамики не найдено. Необходимые условия для появления глиняной посуды создались позже, с развитием более оседлого рыболовческо-охотничьего хозяйства, в так наз. неолите.

Наиболее ранними поселениями с находками остатков керамики являются «кьёккенмёддинги» в Прибалтике. Остатки этих поселений представляют собой узкие валы, тянущиеся по берегам заливов и бухт морского побережья северной Германии и Дании. Состоят они из скопления раковин морских моллюсков (рис. 1), литорины, устриц, мидий, костей птиц и млекопитающих.

В слоях этих «кухонных» отбросов находятся остатки кострищ, каменные и костяные орудия и обломки глиняных сосудов.

Сосуды известны разной величины — наиболее крупные служили, по видимому, для хранения пищевых запасов, более мелкие — для варки пищи, а небольшие чаши — для еды и питья.

Посуда эта выделывалась без гончарного круга, была грубой и плохо обожженной. Большинство сосудов, особенно крупных, имеет характерное заостренное дно, по видимому, приспособленное для установки в неглубокие ямки (рис. 2).

Керамика эта до сих пор очень слабо изучена, особенно в части техники ее изготовления. На территории Союза до сих пор аналогичных памятников не найдено, и все известные здесь стоянки с остатками керамики относятся уже к более позднему времени.

Большинство неолитических стоянок на описываемой нами территории представляют собой остатки рыболовческо-охотничьих поселений, расположенных по берегам озер и небольших речек, а иногда на дюнах в широких поймах больших рек, богатых старицами, вроде р. Оки.¹ Большее количество из них в настоящее время прикрыто слоями торфа, образовавшегося при заболачивании бывших здесь водоемов.

Судя по характеру самих стоянок и находимым на них остаткам материальной культуры, это были стационарные поселения рыболово-охотников, селившихся по берегам водоемов, в местах наиболее удобных для рыболовства. Стоянки эти часто имеют большие размеры, с мощными слоями культурных отложений, достигающих иногда толщины 1—2 м. Это говорит о длительной оседлости населявших их родовых коллективов.

¹ Жуков Б. С. Неолитическая стоянка близ с. Льялов Московского у. Гр. Антроп. научно-иссл. вст., т. I, М., 1925; Пностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера, СПб., 1882; Спицын А. А. и Каменский В. Стоянка каменного века близ Балахны, Зап. отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ. т. VII, вып. 1, 1905.

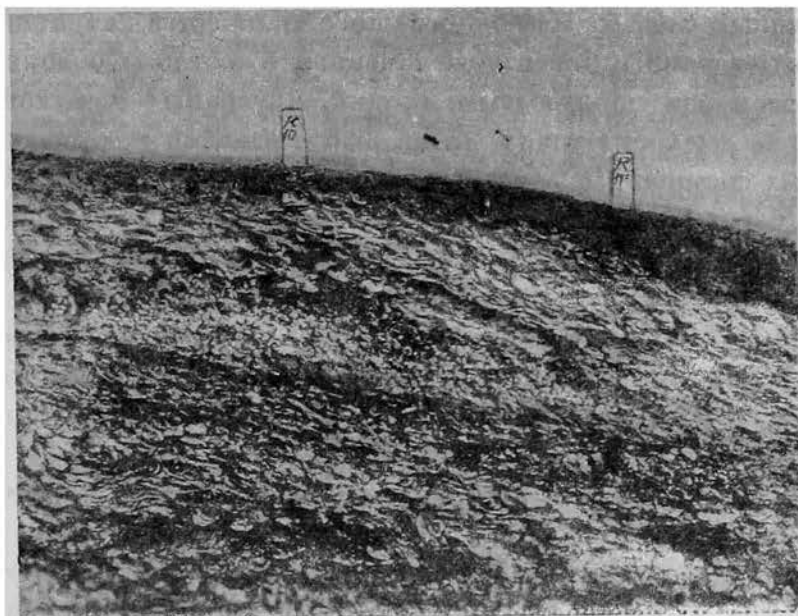

Рис. 1. Разрез «Кухонной кучи» — кьёккенмёддингга (Дания).

Рис. 2. Сосуд из кьёккенмёддингга (Дания).

Культурный слой состоит из большого количества каменного и костяного производственного инвентаря, каменных и костяных обломков, являющихся отбросом при производстве орудий, «кухонных остатков», состоящих из костей млекопитающих, птиц, рыб и раковин моллюсков, и обломков глиняных сосудов. Производственный инвентарь состоит из кремневых костяных и роговых орудий для рыболовства и охоты, в виде наконечников дротиков, стрел и гарпунов, каменных орудий для обработки дерева, кости и рога в виде топоров, тесел, скребков и прочих инструментов.

«Кухонные отбросы» состоят главным образом из остатков водной фауны — раковин пресноводных моллюсков *Unio* и *Anodonta*, костей рыб, водяных птиц и млекопитающих, среди которых главное место занимают остатки бобра, лося и кабана.

Остатки керамики находятся в огромном количестве, но почти исключительно в виде обломков.

Стоянки такого типа занимают всю территорию северной, лесной зоны. Южная граница их распространения совпадает, примерно, с зоной современной лесостепи. Южнее, в степной полосе поселения имеют совершенно иной характер, связанный уже с ранними формами мотыжного земледелия.

Форма сосудов. Со всей описываемой нами территории имеется до настоящего времени около трех десятков целиком реставрированных сосудов, по которым можно иметь представление об их действительной форме и величине. Пользуясь этими сосудами в качестве базы, можно с большей или меньшей достоверностью реконструировать формы прочей керамики, состоящей из многих десятков тысяч более или менее значительных фрагментов. Реконструкция формы при наличии более или менее крупных фрагментов значительно облегчается изобретением прибора, применяемого в Антропологическом научно-исследовательском институте Московского государственного университета. При зачерчивании профилей фрагментов этим прибором последние получают уже с готовой ориентировкой (рис. 3). Формы сосудов в ранненеолитических стоянках типа Ляловской, Мало-Окуловской¹ и других очень однообразны. Сосуды эти остродонные (табл. I, рис. 1, 2), со слегка выпуклыми стенками, обычно несколько суживающимися в верхней части. Шейки совершенно не выражены, обрез венчика округлый или слегка скошенный изнутри. Большая часть сосудов крупной величины, высотой 30—50 см, с диаметром отверстия горла в 25—40 см. Мелкие сосуды высотой 10—20 см встречаются сравнительно в небольшом количестве.

В поздненеолитических стоянках, примером которых могут служить Волосовская, Балахнинская, Федоровская² и другие, формы сосудов значительно отличаются от ранней стадии.

¹ Joukov B. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est.

Eurasia Septentr. Antiqua, t. IV, Helsinki, 1930.

² Фосс М. Е. Керамика Федоровской стоянки. Тр. Сек. археол. РАНИОН, т. IV. М., 1929.

Кроме обычных «яйцевидных» сосудов (табл. I, рис. 3, 4) появляются сосуды с округлым и слегка уплощенным дном (табл. I, рис. 5, 7). Происходит оформление верхней части — выделяются шейки и венчики. Форма последних становится особенно разнообразной. Происходит дифференциация форм сосудов в зависимости от их назначения и величины. Наиболее крупные сосуды имеют чаще всего ту же «яйцевидную» форму (табл. I, рис. 3, 4). Четко выделяется группа небольших сосудов, имеющих форму плоских чаш

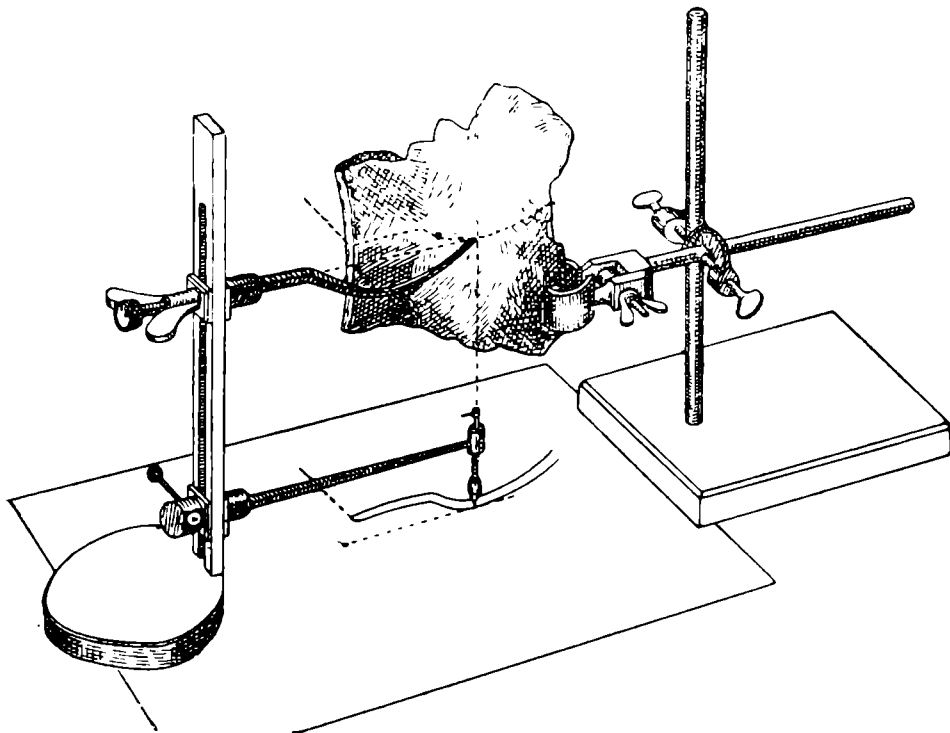

Рис. 3. Вычерчивание профиля шейки сосуда посредством диаграфа системы проф. Мартина.

с округлым или слегка уплощенным дном (табл. I, рис. 8—12). Появляются сосуды, имеющие форму круглодонных котелков (табл. I, рис. 6, 13) и т. д.

При вычислении размеров сосудов, благодаря небольшому количеству реставрированных полностью, приходится ограничиваться измерением на фрагментах шеек диаметра отверстия горла. Эти размеры дают возможность судить довольно точно о величине сосудов, так как отношение диаметра горла к высоте является более или менее постоянной величиной в пределах одного памятника.

О назначении разных категорий сосудов можно судить лишь с известной долей вероятности. Часть наиболее крупных сосудов несомненно служила для хранения пищевых запасов. Это доказывается прежде всего отсутствием на них за редким исключением нагара, и кроме того тем, что на многих из них имеются в стенках сквозные сверлины. Эти отверстия просверливались по краям образовавшихся трещин попарно по обоим краям их для продевания ремешков или растительных волокон, стягивающих лопнув-

ший сосуд. На сосудах более позднего времени встречаются в этих случаях металлические проволочные сшивки. В таких сосудах варить пищу было невозможно.

Большинство менее крупных и средних сосудов употреблялось несомненно для варки пищи. Это совершенно определенно доказывается присутствием на очень многих из них на внутренней поверхности стенок остатков нагара от обгоревшей пищи.

Любопытным является тот факт, что этот нагар, достигающий иногда толщины 1—2 мм, никогда не встречается на наружной поверхности. На основании этого можно предположить, что варка пищи производилась не на костре, следы действия которого должны были бы остаться на наружной поверхности, а путем бросания внутрь сосуда, наполненного жидкостью, раскаленных камней. Такой способ варки пищи был отмечен исследователями у многих племен, стоящих на низком уровне развития.

Мелкие сосуды и чаши несомненно служили для принятия пищи, следов нагара на них не встречается.

Состав глиняного теста. Почти вся неолитическая керамика изготовлялась из глины с различными добавками. Наиболее древней и широко распространенной является примесь дресвы. Дресва приготавливалась обычно из гранита или других аналогичных кристаллических пород путем нагревания на огне и обливания водой в раскаленном состоянии. При этом куски камня растрескивались и рассыпались, давая крупный песок с угловатыми песчинками, состоящий из кристаллов кварца, полевого шпата и слюды.

Примеси к глине добавлялись гончарами для улучшения ее свойств при просушке и обжиге сосудов. Жирные глины при высыхании и обжиге сильно садятся и сосуды при этом растрескиваются. Введенные в глину зерна примесей остопают ее и играют роль как бы скелета, препятствующего неравномерной усадке сосуда, тем самым препятствуя его растрескиванию.

В настоящее время в кустарном гончарном промысле в жирные глины добавляется обычно чистый речной песок или шамот — мелко дробленые черепки от разбитых сосудов.

В ранне-неолитических стоянках типа Льяловской, Мало-Окуловской и других, на всей описываемой территории добавлялась к глине одна дресва, причем иногда в таких количествах и с настолько крупными зернами, что они выступают на поверхность (табл. IV, рис. 4—5).

Приготовление дресвы производилось тут же на стоянках, на которых нередко находятся обожженные, часто совершенно распавшиеся куски гранита.

В поздне-неолитических памятниках кроме дресвы применялся и ряд других примесей. В целом ряде районов в виде примесей применялись местные минералы — как, например, на Урале примесь талька и асбеста,¹ в се-

¹ Бортвин Н. Из области древне-сибирской керамики. Зап. Русск. археол. общ., т. XI, 1915.

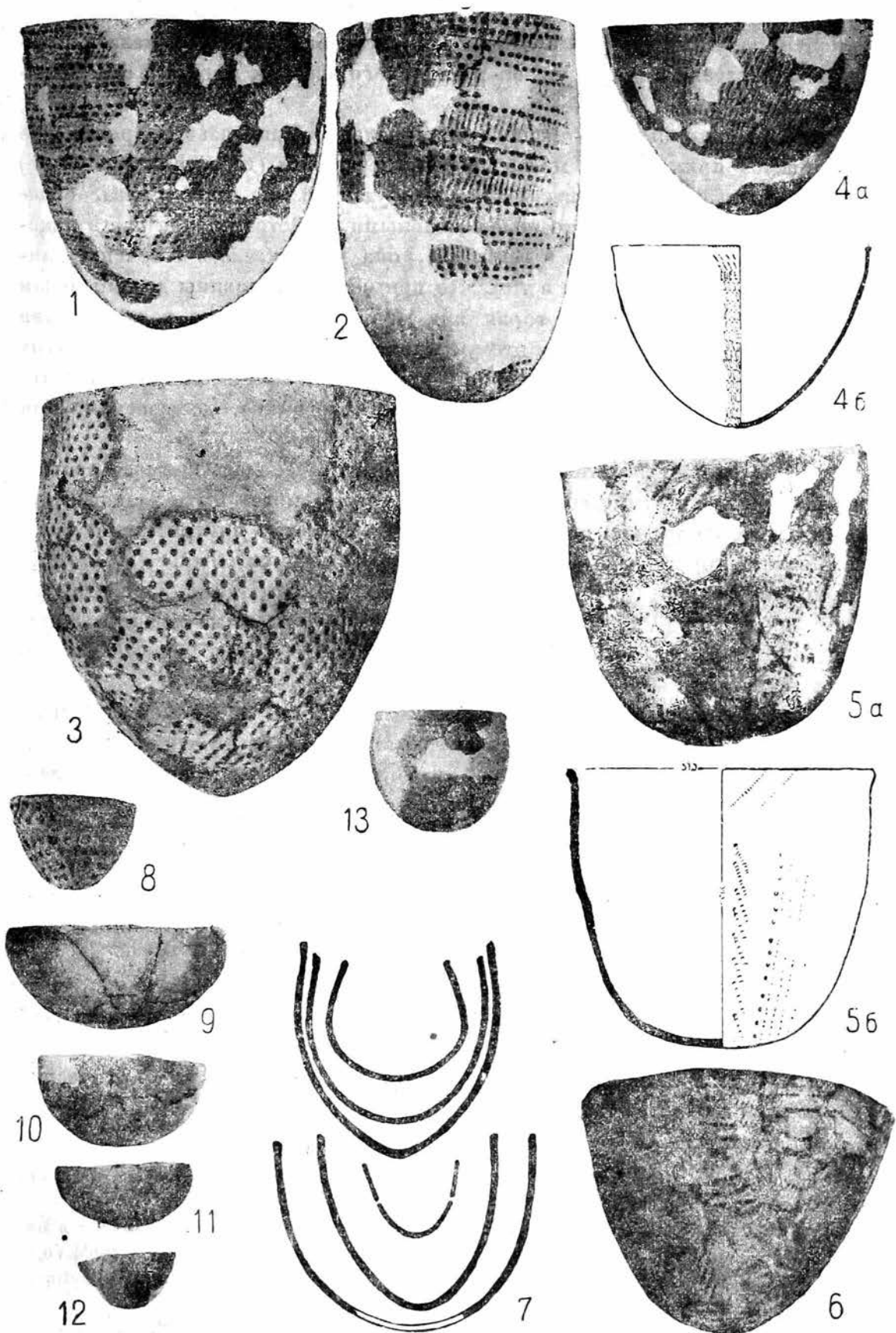

Рис. 1—6— $\frac{1}{9}$ н. в., рис. 7— $\frac{1}{18}$ н. в., рис. 8—13— $\frac{1}{6}$ н. в.

верной Карелии и стоянках в зоне Беломорско-Балтийского канала в больших количествах примесь рогово-обманкового асбеста, иногда в виде больших пластинок.¹

На территории Волго-Окского междуречья, в Приуралье и Приладожье применялась примесь из мелкодробленых раковин (табл. IV, рис. 6—7) речных моллюсков.² Примесь эта, малоудачная на наш взгляд, обладала, повидимому, какими-то положительными свойствами, так как в некоторых районах, в частности в Прикамье, она удерживалась в течение длительного времени (9).³ Дело в том, что при обжиге раковины должны были пережигаться на известь, которая при соприкосновении с водой должна была гаситься, разрушая при этом стенки сосуда. Повидимому, из-за этих свойств раковин все неолитические сосуды с этой примесью очень толсто-стенны, достигая толщины 12—15 мм. Эта керамика, добываемая при раскопках, отличается очень плохой сохранностью.

На некоторых памятниках этого времени применялась примесь, состоящая из измельченных стеблей и листьев травы, может быть злаков. Прослеживается она хорошо по многочисленным пустотам внутри стенок сосудов, получившимся благодаря выгоранию примесей при обжиге. На стенках этих пустот хорошо заметны отпечатки волокон растений. В настоящее время применение растительной примеси и шерсти нам известно лишь в Средней Азии, при вылепке крупных сосудов для воды и печей для выпечки лепешек.³

Мнение некоторых исследователей, что многие из этих примесей не сознательно добавлялись гончарами, а являлись естественными примесями к глине в ее коренных месторождениях, можно считать совершенно неосновательным, так как большинство зерен дресвы, асбеста и других минералов, применяющихся в качестве примесей, имеет совершенно свежий, неокатанный характер с острыми гранями и углами. Кроме того, на многих стоянках встречена в больших количествах заготовленная дресва, дробленая раковина и другие материалы, употреблявшиеся в неолитическом гончарном деле.

По отзывам, собранным среди современных гончаров, известно, что они предпочитают добывать с большей глубины более чистую жирную глину и добавлять в нее примесь крупного речного песка, нежели пользоваться тощими глинами, содержащими песок в коренных месторождениях.

Техника лепки и формовка сосудов. Лепка неолитических сосудов производилась так наз. ленточным (жгутовым) способом.

¹ В керамике из раскопок Б. Ф. Землякова в зоне Беломорско-Балтийского канала и А. Я. Брюсова в Карелии.

² Высоцкий Н. и Штукенберг А. Материалы по изучению каменного века в Казанской губ. Тр. Общ. естествоисп. при Казанском унив., т. XIV, вып. 5, 1885; Vojevodski M. Les moyens méthodiques pour l'étude de la céramique, Eurasia Sept. Antiqua. t. IV, Helsinki, 1930.

³ Воеводский М. В. К истории гончарной техники народов СССР. Этнография, т. IV, 1930.

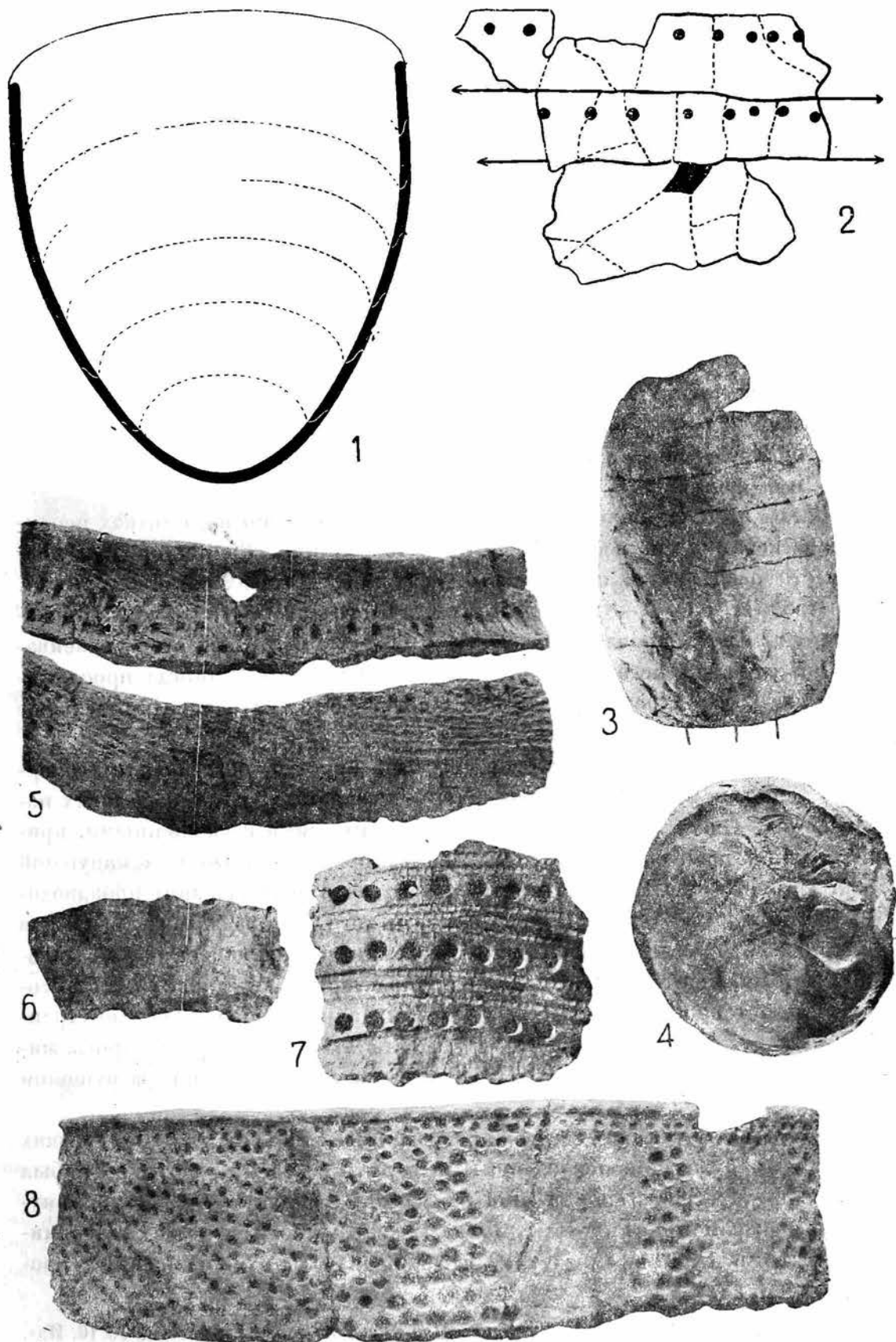

Рис. 2, 3— $\frac{2}{3}$ н. в., рис. 4, 5, 6, 8— $\frac{1}{3}$ н. в., рис. 7— $\frac{2}{3}$ н. в.

Судя по сохранившимся до настоящего времени пережиткам этого способа, самый процесс лепки должен был происходить следующим образом.

Из приготовленного глиняного теста мастер делал цилиндрические жгуты длиной до 40—50 см, из которых путем их постепенного накладывания по спирали друг на друга вылепал весь сосуд¹ (табл. II, рис. 1, 3). В момент накладывания жгуты сдавливались между пальцами и превращались в ленту шириной 4—7 см. Спайка краев обоих жгутов между собой производилась таким образом, что верхний жгут охватывался большим и указательным или средним пальцем правой руки, а концы пальцев сжимали шов. Благодаря этому ширина лент не превышала длины пальцев. Следы такого обжимания швов сохранились на древних сосудах в виде отпечатков пальцевых подушечек.

Нижняя часть дна в форме неглубокой чашечки диаметром 10—15 см вылеплась из одного жгута (табл. II, рис. 4) и уже на нее налеплялись одна за другой следующие ленты. На готовом сосуде швы обычно заглаживались при формовке.

Следы этой техники прослеживаются очень хорошо на остатках неолитической керамики по всей описываемой территории. Сосуды при разбивании часто распадаются на отдельные ленты, из которых они были вылеплены (табл. II, рис. 5—8). Происходит это благодаря тому, что лепка производилась из слегка провянувших жгутов, которые благодаря этому склеивались между собой не очень прочно. На целых сосудах иногда прослеживаются следы швов, особенно хорошо заметные в том случае, если отдельные ленты имели разную толщину.

Края выпавших лент имеют ряд особенностей, позволяющих совершенно точно отличить разлом по спаю от случайных разломов в иных направлениях. Оба края ленты бывают всегда гладкими и скошенными, причем верхний край скошен с внутренней стороны, а нижний с наружной (табл. II, рис. 6—8). Происходит это потому, что подлепка лент производилась изнутри сосуда (табл. II, рис. 3). Кроме того, на краях таких обломков можно бывает проследить пальцевые вдавления, получавшиеся при склеивании лент. Сильное утолщение венчика, характерное для многих позднеолитических стоянок, достигалось путем подделки второго слоя с внутренней или наружной стороны. Эта двухслойность также хорошо прослеживается на многих фрагментах, благодаря расслаиванию их при разрушении сосуда.

Лепка неолитических сосудов производилась прямо от руки, безо всяких станков или других приспособлений. За то, что во время работы сосуд был совершенно пустым, говорят многочисленные отпечатки пальцев на внутренней поверхности. Гипотезы, высказываемые многими исследователями-археологами и этнографами о том, что первоначально лепка сосудов про-

¹ Степанов П. Гончарное производство Саратовской мордвы, Листовка № 16. Изд. Саратовского гос. обл. музея.

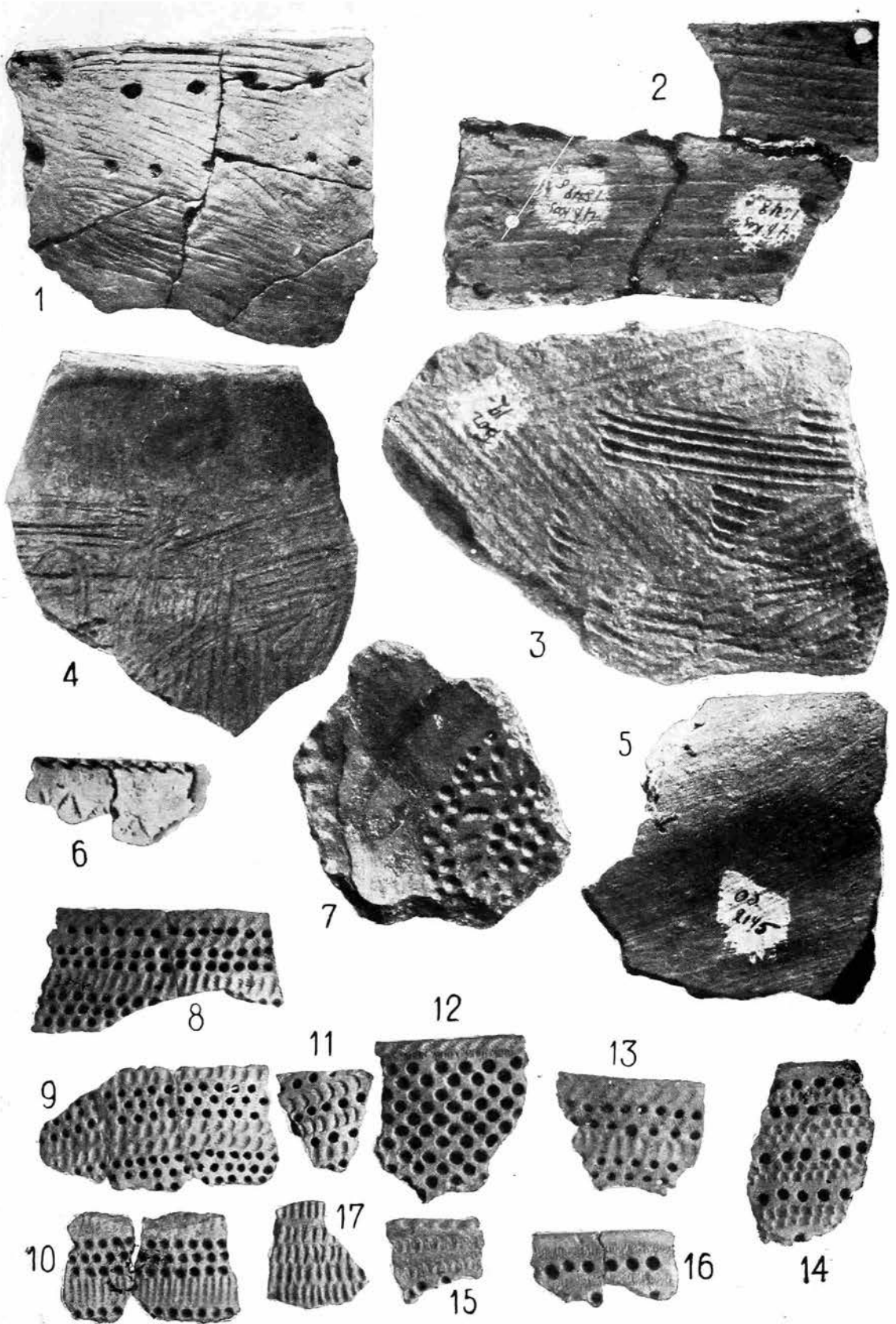

Рис. 1— $1\frac{1}{3}$ н. в., рис. 2— $5\frac{2}{3}$ н. в., рис. 6— $2\frac{1}{9}$ н. в., рис. 7— $4\frac{1}{9}$ н. в.
рис. 8—17— $2\frac{1}{9}$ н. в.

изводилась на корзинах, путем обмазки их глиной, не имеет под собой никаких реальных оснований. На всем просмотренном нами материале совершенно нет отпечатков от предполагаемой плетеной основы. Та грубая штриховатость, которая имеется на поздне-неолитических и более поздних сосудах, является не отпечатками плетения, а результатом особой техники сглаживания зубчатым инструментом (табл. III, рис. 2, 3) или пучком тонких прутьев (табл. III, рис. 1).

В том, что лепка даже самых больших неолитических сосудов могла производиться безо всякой твердой основы, убеждает нас способ лепки больших керамических печных труб до метра высотой, изученный нами в селах близ районного г. Осташкова Великолудского окр. (б. Тверской губ.). Мастер лепил эти трубы из жгутов, налепляемых по спирали, ходя вокруг них. Большая сделанная таким образом труба совершенно не давала осадки при высыхании.

Описанный нами ленточный способ является единственным на большой территории, включающей всю лесную северную часть Европейской части Союза и Западной Сибири. В Восточной Сибири применялся иной способ лепки, путем «выбивания», а южнее, в Средней Азии, способ лепки из «четырёх поясов». Вне этой территории ленточный или жгутовый способ распространен очень широко почти по всему земному шару в виде отдельных очагов, являя, таким образом, яркий пример конвергенции. Описан он в различных пунктах (рис. 4) среди многих племен Америки, Океании и Африки.

На описываемой нами территории ленточный способ бытует от момента возникновения здесь глиняной посуды в раннем неолите вплоть до появления ножного гончарного круга, на котором сосуды «вытягиваются» из одного куска глины. Ножной круг появляется в разных частях нашей территории в разное время, но, по видимому, не ранее XV—XVI вв. н. э.

Старая русская и более древняя «славянская» керамика изготовлялась ленточным способом на ручном кругу «легкого типа», а более ранняя (до X—XI вв.) без круга.

Таким образом, следы ленточной техники прослеживаются на остатках керамики, начиная с неолита (т. II, рис. 6—8), в памятниках более позднего времени — ранне-земледельческих (табл. II, рис. 2) «культурах» Фатьяповской, Срубно-Хвалынской и других, в «культуре» городищ Дьякова типа, относящихся к эпохе разложения родового общества (табл. II, рис. 5), в еще более поздних славянских памятниках, наконец, еще довольно широко распространены в современном кустарном гончарстве (табл. II, рис. 3, 4).

Формовка сосудов после вылепки «болванки» производилась прямо руками, с применением примитивных костяных или деревянных инструментов для выравнивания стенок. Отгибание стенок на перегибе от дна и у шейки, в верхней части сосуда, производилось руками. Следы этой работы сохраняются часто в виде глубоких пальцевых вдавлений.

Выступающие части стенок и швы заглаживались какими-то не очень острыми орудиями. Для этой цели могли употребляться ножи из ребер крупных животных, или деревянные. В настоящее время при кустарной выработке сосуда обтачиваются обычно особыми деревянными ножичками, смачиваемыми во время работы водой. Следы, оставляемые такими ножичками, вполне аналогичны тонкой штриховке на стенках неолитических сосудов.

Кроме того, употребление подобных орудий прослеживается по другим признакам. Так, на многих фрагментах можно видеть, что выступающие на поверхность зерна дресвы были сдвинуты с места при сглаживании стенки и оставили длинные царапины. В тех местах, где такой ножичек останавливался, видны отдавленные поперечные неглубокие борозды.

Стенки неолитической посуды обычно неравной толщины. Они имеют наибольшую толщину на дне, выше слегка утончаются, а к венчику иногда утолщаются вновь.

Толщина стенок сосудов из разных памятников различна. В некоторых памятниках, как, напр., стоянках близ г. Балахны, средняя толщина равна 6—7 мм. Стоянки типа Волосовской, с керамикой, имеющей раковинную примесь к глине, дают толщину до 10—15 мм. Обычно сосуды, сделанные из глины с примесью песка и дресвы, имеют более тонкие стенки, нежели сосуды с раковинной примесью. Объясняется это, повидимому, тем, что сосуды с раковинной примесью имели более пористые и сравнительно хрупкие стенки, что компенсировалось их большей толщиной. Необходимо все же отметить, что такое объяснение не вполне подтверждается на более поздней керамике с городищ Прикамья, где керамика, несмотря на раковинную примесь, отличается крайней тонкостью стенок, достигающей 3—4 мм.

Лепка и вообще вся выработка неолитической керамики производилась, повидимому, женщинами. Предположить это можно прежде всего по аналогии с производством глиняной посуды у различных племен, находящихся на стадии доклассового общества, и там, где производство ее имеет домашний характер, не выделившись в специальное ремесло, и не имеет значения основного занятия производителя. Таким образом производится керамика у различных племен Америки, Африки и Океании, и на территории Союза — у горных таджиков,¹ и т. д. Что посуда в нашем неолите производилась в каждом поселении для собственных нужд и не употреблялась даже для сколько-нибудь широкого обмена, можно заключить из того, что керамика отдельных стоянок довольно резко отличается от материала с других стоянок, иногда очень близко расположенных. Керамика групп стоянок, принадлежащих, повидимому, к одному племени или роду, являет всегда черты своеобразия, не повторяющиеся в других группах.

¹ Пещерова Е. М. Гончарное производство у горных таджиков. Изв. Среднеаз. геогр. общ., т. XIX, Ташкент, 1929.

Для суждения о том, кто являлся производителем посуды в неолите, имеется некоторый, правда, небольшой фактический материал. Нами было собрано большое количество обломков керамики с отпечатками пальцев и дано на определение известному знатоку дактилоскопии проф. Семеновскому, который высказал мнение, что «отпечатки, повидимому, принадлежат женской руке в силу ее сравнительно небольшой величины».

Рис. 4. Лепка сосудов ленточной техникой у негров Центральной Африки.

Обработка поверхности сосудов. Обработка поверхности сосудов в ранненеолитических стоянках типа Льяловской или Мало-Окуловской производилась путем сглаживания ее рукой или куском кожи, смоченной водой.

Это совершенно ясно прослеживается по очень тонкой штриховатости, покрывающей всю наружную и внутреннюю поверхность. Кроме того, обычно обе поверхности покрыты очень тонким слоем чистой глины, толщиной 0.1—0.2 мм. Древа, примешанная к глине, вдавлена внутрь, почти не выступает на поверхность и видна бывает по большей части лишь на изломе черепка. Все эти результаты могли получиться лишь при сглаживании мокрой рукой или куском кожи.

При изучении современной гончарной техники нами были произведены многократные наблюдения над способом обработки поверхности, дав-

шие значительный материал, который позволяет реконструировать древнюю гончарную технику.

Современный гончар, закончив формовку горшка, производит окончательную его отделку путем многократного сглаживания поверхности куском кожи, постоянно смачиваемой в воде, налитой в небольшую чашку.

Благодаря тому, что кожа многократно окунается, после соприкосновения с глиняной стенкой, в одну и ту же воду, в последней растворяется постепенно большое количество глины, которая при сглаживании стенок сосуда покрывает их очень тонким слоем. Выступающие до этого на поверхность зерна дресвы или крупного песка при этом вдавливаются внутрь и также замазываются слоем очень тонко отмученной глины. В процессе такой обработки происходит, кроме того, растворение поверхностного слоя, который также размазывается тонким слоем. Поэтому, имея дело с древней керамикой, следует очень внимательно анализировать причину и способ покрытия поверхности сосуда глиной иной структуры, чем внутри стенок, дабы не смешивать его с настоящей ангобой.

Вся поверхность сосуда в результате такой обработки покрывается сплошь очень тонкой штриховатостью, наносимой прилипшими к коже или руке мелкими щечинками (табл. III, рис. 5).

Многие исследователи-археологи, не знающие деталей гончарной техники, к сожалению, часто относят к ангобе то, что ею не является.

Сравнивая результаты, полученные при описанном способе обработки, с результатами, имеющимися на неолитической керамике, можно установить их полное сходство.

Описанный способ является простейшим и наблюдался нами как среди гончаров Европейской части Союза, так и при примитивной гончарной технике в Средней Азии. Он, повидимому, является одним из способов, применяемых почти с момента изобретения глиняной посуды.

На некоторых неолитических сосудах видны следы первичного сглаживания, может быть, связанного еще с формовкой. Наблюдаются они в виде пучков довольно грубых штрихов, идущих в разных направлениях и обычно сглаженных при окончательной обработке поверхности. Эти штрихи нанесены, повидимому, пучком грубой травы, зажатом в руке. В виду того, что такая штриховатость встречается лишь на внутренней поверхности, можно предположить, что таким способом производилось продавливание наружу более выпуклой средней части сосуда, аналогичное «опузаниванию» горшков и крынок у современных гончаров. В поздне-неолитических стоянках типа Балахнинских или Волосовской, кроме описанных способов, применялось еще сглаживание поверхности зубчатым орудием (табл. III, ф. 2), причем на наружной поверхности это имело, повидимому, декоративное значение, а на внутренней могло применяться при формовке сосудов. Такая штриховка появляется в конце неолита и широко распространена в более поздних стадиях, относящихся к началу развития мотыжного земледелия и появления бронзового инвентаря.

Особенно часто зубчатое сглаживание встречается на так наз. керамике с текстильным орнаментом и керамике срубно-хвалынского типа.¹ Эта штриховка имеет несомненно декоративный характер, на ряду с грубой штриховкой, нанесенной пучком тонких прутьев (табл. III, рис. 1).

В виде пережитка сглаживание зубчатым инструментом, сходным, повидимому, с орудиями для нанесения орнамента (табл. VI, рис. 6, 7), встречается часто в древнейших слоях наших городищ (табл. III, рис. 3) на ряду с грубым сглаживанием пучком травы (табл. III, рис. 4).

Обжиг. Необходимо прежде всего отметить, что до сих пор при изучении древней керамики не выработано методов, дающих возможность объективного суждения о действительном способе обжига. Некоторые исследователи-археологи, по большей части мало знакомые с керамической техникой, пытались подойти к решению вопроса о технике и характере обжига с чисто априорными положениями.² При этом совершенно не принимались во внимание те изменения в керамике, которые произошли в ней благодаря тысячелетнему пребыванию в земле в самых различных условиях. Остатки керамики, находясь в земле, подвергаются влиянию самых различных почвообразовательных процессов, в частности, сильному выветриванию, оподзоливанию, или внесению совершенно новых элементов при лежании, напр., в торфяных слоях. При определении обжига основное внимание обращалось на цвет, звонкость черепка, на способность поглощать воду. Совершенно ясно, что именно эти признаки меньше всего сохраняют свой первоначальный характер. Что касается цвета, то всякий исследователь знает, что почти вся керамика с разветвленных дюнных стоянок имеет светлый цвет, а керамика из торфяных стоянок и стоянок с хорошо сохранившимся культурным слоем — темносерый цвет. Нам приходилось наблюдать факты, когда черепки от одного и того же сосуда резко различались по цвету. При реставрации сосуда с Чортова Городища на р. Ветлуге нами было склеено два фрагмента, один из которых был темносерого, почти черного цвета, а другой, подвергшийся оподзоливанию, яркobelого.

Что касается звонкости и способности впитывать влагу, то совершенно ясно, что эти признаки целиком зависят от степени сохранности материала. Для получения более объективных данных необходимо выработать точную методику, допускающую возможность проверки получаемых результатов. Пока, пользуясь всеми данными, основанными на изучении неолитической керамики и аналогиях в бытующей примитивной гончарной технике, известной по энтографическим исследованиям, можно считать наиболее вероятным применение кострового обжига, может быть в сочетании с полуприкрытыми ямами. В частности, такой способ полного обжига применяется до настоящего времени горными таджиками, стоящими

¹ Zbrujev A. V. Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Vladimir. Eurasia Septentr. Antiqua, IV, Helsinki, 1929.

² Городцов В. А. Русская доисторическая керамика. Тр. XI археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, Москва, 1901.

на гораздо более высоком уровне развития. В виду большой редкости описания аналогичных примитивных способов обжига мы позволим себе привести выдержки из монографии Е. М. Пещеровой.

«Обжиг сосудов производится на воздухе. Сосуды укладываются в кучу на слой кизяка (комки, сделанные из навоза, употребляемые в качестве топлива) и обкладываются снаружи тем же кизяком. Топливо поджигают со всех сторон. Прогоревшие места закрываются свежим кизяком. Обожженные сосуды пятнистого красновато-бурого цвета, сердцевина стенок темносерого цвета. Обжиг получается довольно слабый.

Все производство керамики у горных таджиков от начала до конца имеет ярковыраженный магический характер.¹ Оно имеет «табу» в отношении определенных дней и месяцев. Понедельник, вторник и четверг считаются несчастными днями и обжигание в них не производится. Месяц сафар — второй месяц в году — считается самым плохим. К месту обжига допускаются только женщины и дети, причем не допускаются женщины, находящиеся в периоде менструации. Нежелательно присутствие светлокотких женщин, чтобы посуда не получилась бледной.

Первый сосуд ставит старшая или ребенок; при этом произносится заклинание, обращенное к духу-покровителю, поджигается костер посредством палочек, взятых с перекрестка. При этом сжигаются и экскременты собаки, являющейся в их представлениях животным, наделенным магическими свойствами. С громкими криками «хумб-дарьо» женщины с прыжками оббегают зажженный костер, размахивая платками. Всю ночь до утра идут пляски и пение. В некоторых местах изготовляют кукол, изображающих духов-покровителей гончаров, которых сажают на почетное место и делают вид, что разговаривают с ними. Весь процесс носит характер производственного праздника с пиршеством, возможно формой жертвоприношения).

Нами таджикская керамика изучалась по собраниям Музея антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР с целью прослеживания результатов, получаемых при костровом способе обжигания, и затем этот материал сравнивался с нашей древней керамикой. Если учесть все возможные изменения, происшедшие при длительном пребывании в земле в различных условиях, то можно совершенно ясно проследить большое сходство в результатах, полученных при обжиге в обоих сравниваемых комплексах. Очень характерной является прежде всего неравномерность обжига различных частей одного и того же сосуда. Рядом с участками хорошо прокаленной глины имеются пятна более темного, бурого цвета и гораздо худшего обжига. Черепок в изломе на всей керамике всегда темнобурого, иногда почти черного цвета. Если мы внимательно посмотрим неолитическую керамику, находившуюся в различных условиях, даже наиболее сильно разрушенную, собранную на развеевных дюнах, то увидим,

¹ Григорьев Г. В. Архаические черты в производстве керамики у горных таджиков. Пзв. Гос. акад. истории материальной культуры, т. X, вып. 10, Л., 1931.

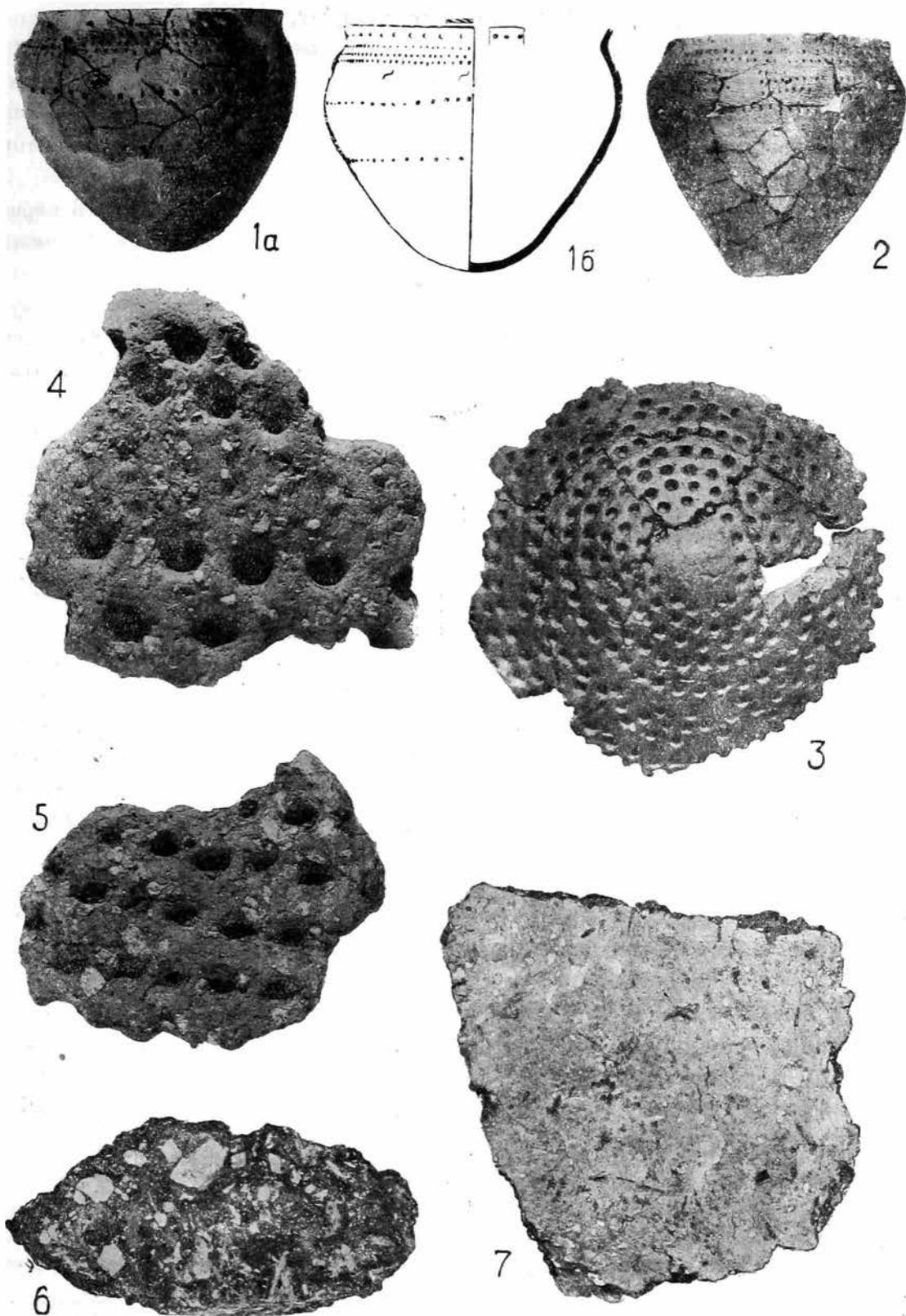

Рис. 1, 2— $\frac{1}{9}$ н. в., рис. 3— $\frac{4}{9}$ н. в., рис. 4—7— $\frac{2}{3}$ н. в.

что черепок всегда будет иметь темносерый цвет, причем иногда заметно его как бы двуслойность. Наружная поверхность имеет часто более светлый, красновато-желтый цвет, а внутренняя темносерый, буроватый. Примером этого может служить, напр., керамика с Козинских и Балахнинских стоянок близ г. Балахны. Особенно такая двуцветность характерна для фрагментов крупных сосудов.

Аналогичная же двуцветность нами наблюдалась на таджикской керамике и на керамике негров из центральной Африки, обожженной также напольным способом.

На сильно выветренных фрагментах, имеющих очень светлую окраску, можно на свежем изломе всегда увидеть в толще черепка более или менее толстую темносерую прослойку, причем, чем лучше сохранность фрагмента, тем эта прослойка будет толще и более темно окрашена.

Таким образом, при современном уровне наших знаний, можно считать наиболее достоверным применение в неолите напольного способа обжига, близкого к описанному выше. За то, что здесь не применялись иные, более совершенные способы, говорит и полное отсутствие находок каких-либо сооружений для обжига посуды.

Орнамент. Неолитические сосуды, как и вообще сосуды всей северной лесной территории Евразии и Северной Америки, покрыты орнаментом, состоящим из оттисков различных штампов. Это одно из основных отличий их от керамики более южных степных и, отчасти, лесостепных территорий на этих материках. На самом деле, на всем протяжении от Пиренейского полуострова, через Балканы, территорию Украины и Среднюю Азию, вплоть до берегов Тихого Океана в культурах, примерно, одновременных нашему северному неолиту, почти вся керамика покрыта росписным орнаментом. Керамика с инвентарем позднего неолита и ранней бронзы в стадияльно близких «культурах» Трипольской¹ на Украине, типа Петрен и Кукутен в Бессарабии,² Анау и его аналогов в Средней Азии^{3, 4} и Яншао в Китае сплошь покрыта богатым моно- и полихромным росписным орнаментом.

В северной же зоне до чрезвычайно позднего времени, вплоть до появления поливной посуды, не встречено буквально ни одного сосуда, покрытого росписью. Аналогичная же закономерность прослеживается и в Америке. Керамика Мексики, Перу, Южной, Средней и южных степных

¹ Хвойко В. В. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI археол. съезда в Киеве в 1889 г., т. I, М., 1901.

² Штерн Э. Р. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII археол. съезда, т. I, 1905.

³ Pumpelly R. Explorations in Turkestan, Expedition of 1904. Prehist. civilisation of Anau Origins etc., Washington, 1908, Published by the Carnegie Institution.

⁴ Кобранов Е. А. Историческое и культурное значение Анау. Туркм. гос. изд., Ашхабад, 1927 (в основном переложение Пумпелли).

⁵ Andersson J. G. Archäologische Studien in China. Mitt. der Antropol. Ges. in Wien, 1924, 1—2.

частей Северной Америки, покрыта многокрасочной росписью, а керамика северной, лесной части Северной Америки покрыта вдавленным орнаментом.

Большинство буржуазных исследователей-археологов и этнологов, как Н. Schmidt и другие, обращая внимание на эту закономерность, объясняют ее по большей части огромными миграционными волнами культур и рас человека, переносивших с собой, будто бы, присущий ей орнаментальный стиль, форму сосудов, равно как и целый ряд элементов «материальной» и «духовной» культуры. Абсурдность этих положений, базирующихся на установках культурно-исторической школы, совершенно очевидна.

Если мы попытаемся разобраться в содержании этих «культур» юга с крашеной керамикой и «культур» севера с керамикой, покрытой ямочно-гребенчатым и другим вдавленным орнаментом, то отчасти сумеем вскрыть и причину этих различий.

Вся, даже наиболее древняя, крашеная керамика принадлежит земледельческим обществам, с развитым мотыжным земледелием, и несет в себе отражение их идеологии. Между прочим, на большинстве памятников с крашеной керамикой находятся специфические женские статуэтки, являющиеся одним из символов аграрного культа. Орнамент на сосудах обычно состоит из сложных спиральных, меандровых и свастических узоров, связанных несомненно с культом солнца, являющегося также одной из составных частей «аграрной» идеологии.

Северная, неолитическая, керамика принадлежит на всей территории ее распространения рыболовческо-охотничьим обществам с совершенно иной идеологией, несомненно отражавшейся в орнаменте на сосудах.

Орнамент же на ранних стадиях развития человеческого общества выполняет не просто «украшательные» функции, а имеет несомненно культовое, магическое значение.

В частности, на примере упоминавшейся выше таджикской керамики, можно проследить именно эту сторону в значении орнамента, сохраняющуюся, правда, уже в виде пережитка. Так, на описанных Е. М. Пещеровой и Г. В. Григорьевым глиняных сосудах имеется лепной орнамент, имеющий вид двух спиралек, соединенных дужкой, с небольшими выпуклыми бугорками, которые называются чи-ча. На таджикском языке это означает женскую грудь. Любопытно, что среди древних сосудов в Средней Азии и в Средиземноморье встречаются сосуды сходного стиля, но часто имеющие менее стилизованные изображения с человеческим лицом и двумя бугорками на месте грудей.

Сосуды ранних стадий нашего неолита типа Льяловской и Мало-Окуловской стоянок покрыты орнаментом сплошь по всей наружной поверхности, от обреза венчика и до самого низа дна (табл. I, рис. 1, 2). Иногда орнамент покрывает не только наружную поверхность, но имеется и на внутренней поверхности. Орнамент внутри никогда не покрывает всей поверхности, а имеется лишь на самом дне сосуда и отчасти на стен-

ках (табл. III, рис. 6, 7). На стенках он обычно состоит лишь из нескольких отпечатков гребенчатого штампа (табл. III, рис. 6).

Набор элементов орнамента в ранней стадии очень невелик. Основным элементом являются округлые в плане ямки с коническим дном, нанесенные острым концом белемнита (табл. III, рис. 12), и так наз. «гребенчатые» отпечатки, нанесенные краем плоской гальки с нарезанными на нем поперечными зубчиками (табл. IV, рис. 3, 5). Белемниты и гальки с зубчиками встречены до настоящего времени на многих стоянках, и отпечатки, нанесенные этими орудиями (табл. VI, рис. 3, 4), вполне аналогичны отпечаткам, имеющимся на стенках сосудов (табл. III, рис. 8—10). Из этих основных элементов состоит орнамент почти на всех сосудах раннего неолита. На небольшом количестве сосудов имеются, кроме того, отпечатки шнура (табл. III, рис. 15, 16) и разной формы ямочные вдавления (табл. III, рис. 11, 14, 17). Орнамент покрывает сосуд сплошь, безо всяких промежутков. Основной фон обычно состоит из круглых ямок, расположенных чаще всего в шахматном порядке (табл. III, рис. 12) для более полного заполнения фона. Орнаментальное поле разбивается несколькими горизонтальными поясками, состоящими из гребенчатых отпечатков (табл. III, рис. 8, 9, 10, 13). Обычно гребенчатый орнамент нанесен по верху шейки под обрезом венчика, а ниже, на теле сосуда, имеется еще три-четыре горизонтальных пояска, и, наконец, последний поясок часто обрамляет центр дна. Орнамент следующей стадии, — развитого и, отчасти, позднего неолита, значительно меняется. Сильно сокращается площадь орнаментального поля и почти нет сосудов, сплошь покрытых орнаментом, как это мы видели в раннем неолите.

У значительной части сосудов орнамент состоит из редких поясков, охватывающих сосуд по горизонтали, с большими незаполненными полями между ними (табл. V, рис. 1, 2, 4). На многих сосудах орнаментирована лишь верхняя часть шейки и часть плечиков (табл. V, рис. 9). И, наконец, часть сосудов, особенно мелких, не орнаментирована вовсе (табл. I, рис. 9—12). Также значительные изменения можно проследить и в узоре. Вместо поля, сплошь покрытого круглыми «белемнитными» ямками и разбитого по высоте несколькими горизонтальными поясками из гребенчатых отпечатков, появляется целый ряд более сложных узоров (табл. V, рис. 2—8). Особенно часто встречаются различные варианты зигзаговых узоров (табл. V, рис. 1, 3, 7) в виде спускающихся фестонов (табл. V, рис. 5), ромбов (табл. V, рис. 7), треугольников и т. д. В некоторых комплексах (в частности Волосовском) вместо обычного горизонтального членения орнаментальные поля располагаются по вертикали — от шейки ко дну (табл. V, рис. 6, табл. I, рис. 5). Шейки и венчик орнаментированы почти на всех сосудах. Орнамент здесь обычно состоит из нескольких горизонтальных поясков гребенчатых отпечатков. Венчик часто бывает покрыт поперечными насечками или гребенчатыми отпечатками. Часто орнаментирована внутренняя поверхность венчика и части шейки. Большие сосуды, служившие, по видимому, для хранения

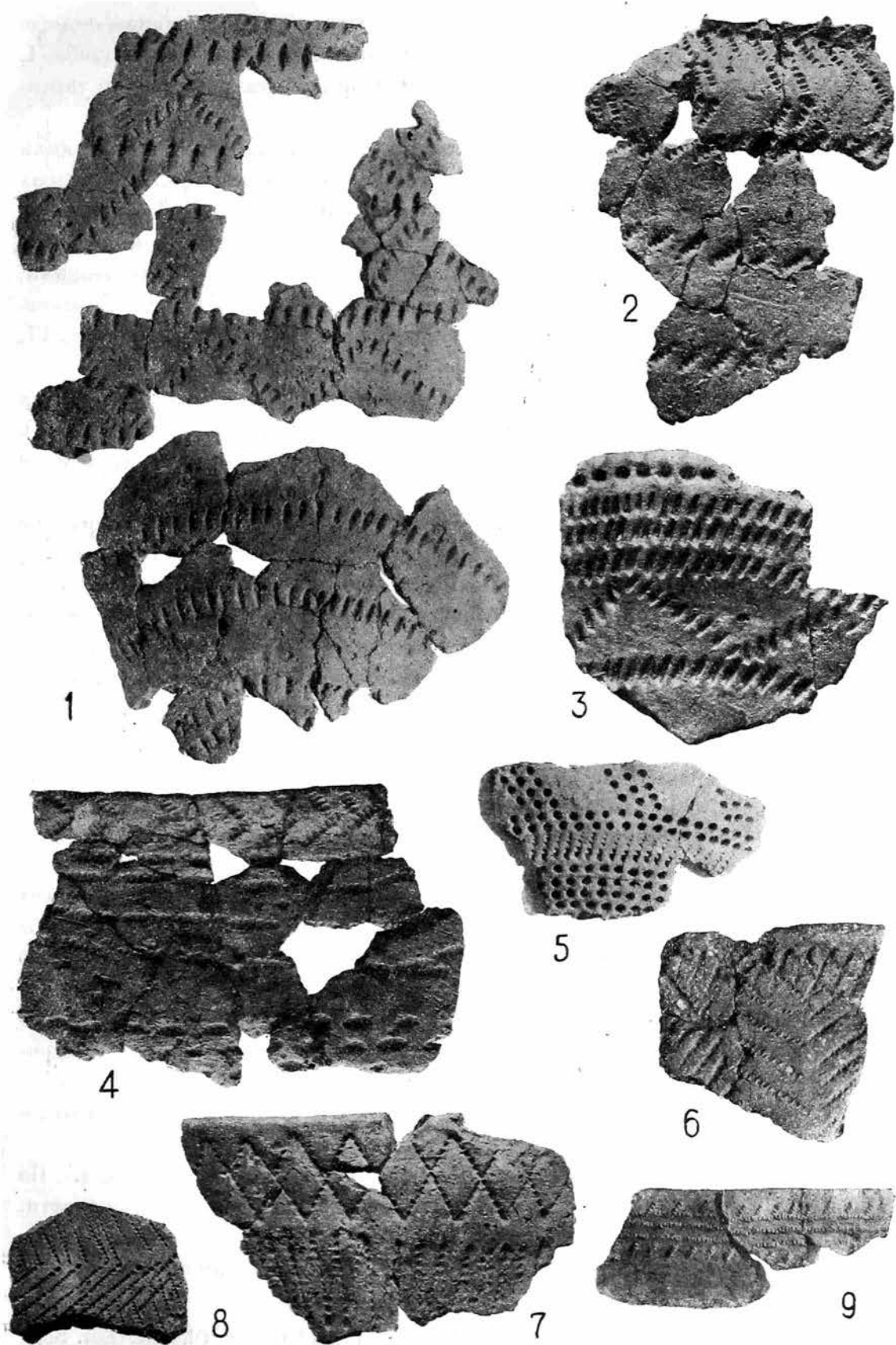

Рис. 1—4— $\frac{1}{3}$ н. в., рис. 5, 9— $\frac{2}{9}$ н. в., рис. 6—8— $\frac{1}{3}$ н. в.

запасов и варки пищи, обычно орнаментируются полнее, мелкие — в виде небольших сосудиков и чашек — часто не орнаментированы вовсе (табл. I, рис. 9—12) или очень слабо. Число элементов орнамента значительно увеличивается.

Взамен широко распространенной в раннем неолите округлой ямки с коническим дном появляются ямочные вдавления самых разнообразных очертаний — удлиненные, квадратные, дугообразные и др. (табл. VI, рис. 1, 4). Становятся более однообразными и гребенчатые отпечатки — появляются более длинные с мелкими зубчиками, с крупными подквадратными зубцами, с двумя рядами зубцов и т. д. Кроме каменных гребенчатых штампов, описанных выше, применяются разнообразные костяные штампы (табл. VI, рис. 1—2) и, быть может, деревянные.

Каменные штампы делаются часто не из галек, а из плоских плиток с тщательно зашлифованными пирамидальными зубчиками (табл. V, рис. 4). Появляются кольцеобразные вдавления, нанесенные концом трубчатой кости.

Бросается в глаза то обстоятельство, что в то время как керамика раннего неолита имеет очень однообразный характер на территории почти всего Волго-окского междуречья, — поздненеолитическая керамика, даже из очень близких, иногда соседних районов, имеет значительные отличия. Отличия прослеживаются на формах сосудов, на примесях к глине, но наиболее резко выражены в орнаменте. Эта локализация охватывает небольшое количество памятников, обычно не свыше двух-трех десятков. Группа таких стоянок, судя по всем имеющимся признакам, может считаться принадлежащей одному племени или роду. Таким образом удастся проследить, что выработка глиняной посуды имела характер домашнего производства и сделанная керамика не распространялась за пределами своего рода.

На ряду с описанным поздненеолитическим комплексом, почти на всех поздних стоянках встречается керамика, являющаяся несомненным пережитком более ранней неолитической стадии. Эти сосуды, встречающиеся обычно в небольшом проценте, покрыты сплошь по всей поверхности ямочно-гребенчатым орнаментом (табл. I, рис. 3), имеют архаичную яйцевидную форму и обычно — крупные размеры. Употреблялись они, по всей вероятности, для хранения запасов.

В конце неолита появляется керамика с так наз. текстильными отпечатками.

В это время наблюдается определенный перелом в хозяйстве.¹ На большой территории — во всем Волго-окском междуречье, и, отчасти, в более северных областях — совершается переход от рыболовческо-охотничьего хозяйства к мотыжному земледелию. Каменный производственный

¹ Bahder O. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale. Eur. Sept. Antiqua, VI, Helsinki, 1930.

инвентарь постепенно заменяется металлическим и костяным. В южных частях описываемой территории этот процесс происходит в более раннее время, в северных — позднее. Прослеживается этот переход довольно ясно по целому ряду признаков и, прежде всего, по условиям расположения поселений.

Стоянки этого времени переносятся с низких мест, расположенных по берегам мелких речек и озер, на более возвышенные пункты. Заметно изменяется производственный инвентарь, а среди кухонных отходов появляются кости домашних животных. Резко изменяется и характер керамики. На ряду с сохраняющимися в небольшом количестве (табл. I, рис. 3, 4) яйцевидными остродонными сосудами, появляется целый ряд форм плоскодонных сосудов. Иначе оформляется верхняя часть сосудов — появляются формы с высокой прямой шейкой и выпуклыми плечиками, приближающиеся к сосудам более позднего времени (табл. IV, рис. 1, 2).

Техника лепки (табл. II, рис. 2, 5), формовки и, по видимому, обжига в общем не отличается от описанных выше.

У значительного числа сосудов наружная поверхность покрывается отпечатками грубой ткани и плетения (табл. IV, рис. 1—2 и табл. VI, рис. 9—11), говорящими о развитии ткачества. Связано ли это покрытие «текстильными» отпечатками с техникой выделки, или оно является лишь способом декоративного оформления поверхности, сейчас сказать трудно, так как изучение памятников этого времени началось сравнительно недавно и материал с них пока слабо изучен.

Кроме «текстильных» отпечатков большинство сосудов покрыто, сверх того, орнаментом. Орнаментирована почти исключительно верхняя часть сосуда — шейка и верхняя часть плечиков (табл. VI, рис. 8—13). Орнамент обычно состоит из одного или нескольких поясков, охватывающих сосуд по горизонтали. Сложные узоры почти совсем отсутствуют. Пояски орнамента расположены довольно редко. Элементы орнамента совершенно иные, чем в более ранних стадиях. Здесь почти отсутствуют столь характерные для неолита круглые ямки, нанесенные острым концом белемнита. Обычной является круглая ямка с плоским дном, нанесенная концом цилиндрической палочки. Характерны ямки в форме розетки (табл. VI, рис. 9) и др. Гребенчатые отпечатки имеют характер, общий с развитым неолитом, но нанесены они почти исключительно костяными штампами (табл. VI, рис. 6—7), типичными и для керамики более поздних стадий, относящихся уже к эпохе разложения родового строя — времени, так наз., костеносных городищ в восточной части территории и городищ Дьякова типа в центральной или западной. Очень широко распространены шнуровые отпечатки, нанесенные тонким крученым шнурком (табл. VI, рис. 8, 13).

Заканчивая описание развития орнамента различных стадий нашего неолита, необходимо еще раз остановиться на его значении.

По части значения орнамента имеется целый ряд гипотез. Высказывались предположения, что ямочный орнамент должен был способствовать

меньшему растрескиванию сосудов при просушке и обжиге, и, кроме того, содействовать лучшему прогреванию стенок. По части шнурового орнамента говорилось, что первоначально он мог являться подражанием обвязке сосудов при их переноске, гребенчатый — подражанием отпечаткам плетенки, получавшимся при лепке сосудов, будто бы, лепившихся путем обмазки глиной плетеных корзин и т. д.

Ни одна из этих гипотез, объясняющих орнаментацию либо чисто утилитарными моментами, либо подражанием результатам технических приемов, не выдерживает никакой критики. Кругло-ямочный орнамент не мог иметь никакого практического значения прежде всего потому, что он распространен на сравнительно узкой территории и существует не очень длительный период.

На других территориях, как, напр., в Сибири, где неолитические сосуды не имеют сплошного ямочного орнамента, они тем не менее при том же примитивном обжиге не трескаются.

То же самое можно сказать и о поздне-неолитических комплексах на нашей территории, типа Балахнинских или Волосовской стоянок, сосуды которых также часто не имеют орнамента из глубоких ямочных вдавлений.

Подражанием отпечаткам плетенки гребенчатый орнамент не может быть прежде всего потому, что на всей территории Европейской части Союза и Сибири нигде сосуды не лепились путем обмазки корзин. Это показывают с достаточной ясностью и наши собственные наблюдения и исследования других авторов.

Иногда исследователи считают возможным придавать орнаменту значение лишь простого украшения поверхности и занимаются его изучением с чисто формально-искусствоведческой стороны. Этот подход является в корне неверным. На самом деле, если попытаться проанализировать закономерности в развитии орнамента, то станет совершенно ясным, что весь орнамент на сосудах, в особенности в неолите, имеет явно магический характер. Если бы орнаментация имела «украшательное» значение, то было бы бессмысленным нанесение орнамента на внутренних поверхностях стенок и, тем более, дна, где его никогда не будет видно, или покрывать густым орнаментом всю наружную поверхность, часто в ущерб всякой красоте и симметрии. Так же несомненно магическое значение имеет и орнамент в виде заштрихованных треугольников, меандра, свастики и пр., появляющийся на более поздних стадиях. Нужно сказать, что с этой стороны материал еще не подвергался изучению, а между тем изучение его дает возможность вскрыть одну из сторон идеологии ранних этапов родового общества.

Эта гипотеза подтверждается и известным этнографическим материалом и, в особенности, лингвистическими работами школы Н. Я. Марра.

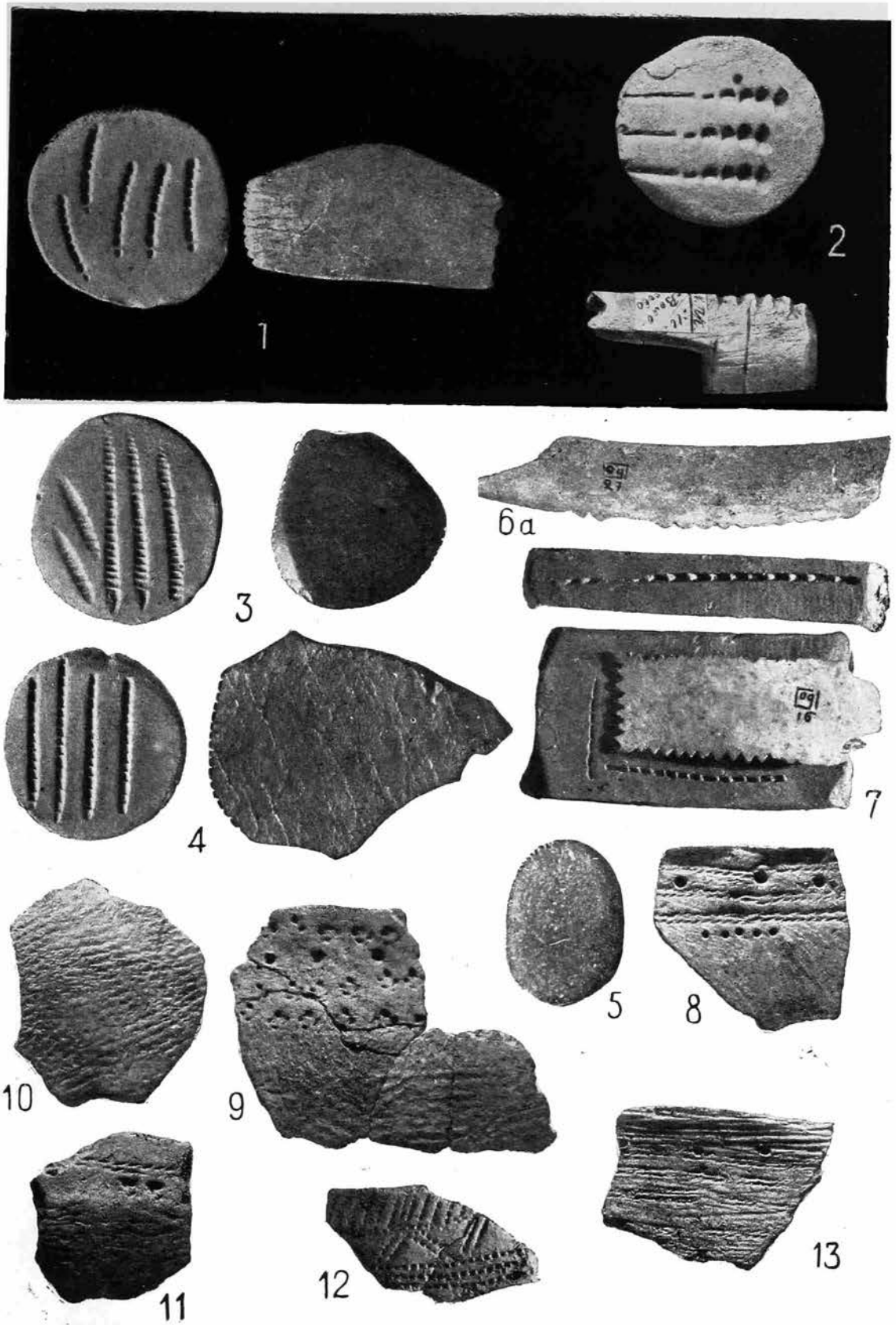

Рис. 1—7— $\frac{2}{3}$ нат. вел., рис. 8—13— $\frac{1}{8}$ нат. вел.

M. VOEVODSKIJ

CONTRIBUTION À L'ÉTUDE DE L'ART DE LA POTERIE
DANS LA SOCIÉTÉ COMMUNISTE PRIMITIVE

RÉSUMÉ

1. Dans la zone forestière de la partie Européenne de l'URSS la fabrication de la vaisselle de terre cuite a commencé avec le passage de la population du stade des chasseurs errants au stade plus sédentaire des pêcheurs-chasseurs dans les lacs et les petites rivières.

2. Dans les stations plus anciennes, les vases présentent une forme unique indépendamment de leurs dimensions. Ce sont presque exclusivement des vases ovoïdes à fond en pointe arrondie, généralement de grandes dimensions. Les petits vases sont rares.

Dans les stades postérieurs les vases sont de forme variée et de différente grandeur, suivant leur destination. Les plus grands, qui servaient apparemment à garder les provisions, ont le plus souvent une forme ovoïde, parfois avec fond plus arrondi. Les petits vases, utilisés pour prendre la nourriture, ont pour la plupart la forme de coupes à fond arrondi. Ces derniers sont beaucoup plus nombreux ici que dans les monuments plus anciens.

3. Jusqu'à l'apparition du tour de potier, tous les vases, tant néolithiques que des stades plus récents, étaient faits à la main, sans aucun établi, par le procédé dit «du ruban» — avec des rubans d'argile de 6—9 cm de large s'appliquant l'un sur l'autre suivant une spirale. Le travail était exécuté, semble-t-il, par les femmes.

4. Pour préserver les vases du fendillement, on mêlait à l'argile différentes matières dures. Dans la céramique du Néolithique ancien on employait à cette fin du sable obtenu par broyage du granite. Dans le Néolithique récent, on utilisait en outre une série de matériaux locaux répandus dans la région — talc dans la région subouralienne, asbeste amphibolique en Carélie et dans la région du Nord, etc.

5. La cuisson s'effectuait sans four spécial, à ce qu'il semble directement sur un feu couvert de gazon ou de terre, à peu près comme cela se pratique aujourd'hui dans la fabrication du charbon de bois. Le résultat obtenu était inégal; la terre cuite acquérait une couleur presque noire, pas suite de la calcination incomplète des substances organiques dans l'argile.

6. Les vases étaient généralement recouverts d'un ornement consistant en impressions produites le plus souvent par l'extrémité pointue d'une bélemnite ou d'un bâtonnet ou par le bord d'un galet plat ou d'un os denticulé. Dans les vases des stades anciens du Néolithique, l'ornementation recou-

вrait en entier toute la surface extérieure du vase, depuis le col jusqu'au fond, et une partie de la surface intérieure. Le dessin était alors fort simple — il consistait ordinairement en étroites bandes horizontales. Pas d'ornements compliqués. Dans les stades récents, l'ornement est limité en général à la partie supérieure du vase. Il est de beaucoup plus compliqué — on voit apparaître des lignes zigzagüées ou ondulées, des triangles hachurés à l'intérieur et d'autres figures. L'ornement n'occupe pas toute la surface, il est plus ou moins disséminé.

L'ornementation n'avait aucune valeur pratique, contrairement à ce que pensent certains auteurs, mais elle avait incontestablement une signification magique, reflétant l'idéologie de la société primitive des chasseurs-pêcheurs.

ОБЪЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ

- Т а б л и ц а I. Рис. 1, 2. Сосуды с Мало-Окуловской стоянки близ г. Муром.
 Рис. 3. Сосуд с Федоровской стоянки близ г. Чухломы.
 Рис. 4. Сосуд с 4-й Больше-Козинской стоянки близ г. Балахны.
 Рис. 5—6. Сосуды с Волосовской стоянки близ г. Муром.
 Рис. 7. Профили сосудов с Федоровской стоянки.
 Рис. 8. Чашка с Федоровской стоянки.
 Рис. 9, 10, 12. Чаши с 4-й Больше-Козинской стоянки.
 Рис. 11. Чаша с Балахнинской стоянки близ г. Балахны.
 Рис. 13. Сосуд с 4-й Больше-Козинской стоянки.

- Т а б л и ц а II. Рис. 1. Схема лепки неолитического сосуда из лент.
 Рис. 2. Часть сосуда с линиями распада по спаям лент. Липкинская стоянка близ г. Вязников.
 Рис. 3, 4. Техника современной лепки сосуда в Можайском районе Московской обл.
 Рис. 5. Части лент от сосуда со стоянки Николо-Перевоз в Ленинском районе Московской обл.
 Рис. 6, 7, 8. Части лент от сосудов со стоянок близ г. Балахны Горьковского края.

- Т а б л и ц а III. Рис. 1. Штрихи от сглаживания поверхности пучком прутьев. Борочковская стоянка на р. Шексне.
 Рис. 2. Следы от сглаживания поверхности зубчатым инструментом. 4-я Больше-Козинская стоянка близ г. Балахны.
 Рис. 3. Сглаживание поверхности зубчатым орудием. Богородское городище на р. Ветлуге.
 Рис. 5. Сглаживание поверхности мокрой тряпкой или кожей. Одоевское городище на р. Ветлуге.
 Рис. 6. Фрагмент стенки сосуда с орнаментом на внутренней поверхности. Балахнинская стоянка.
 Рис. 7. Фрагмент дна сосуда с орнаментом на внутренней поверхности. Стоянка Плеханов Бор близ г. Муром.
 Рис. 8—17. Фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым и шнуровым орнаментом. Льяловская стоянка у с. Льялова, Московской обл.

- Т а б л и ц а IV. Рис. 1а-б. Сосуд с «текстильными» отпечатками. Липкинская стоянка.
 Рис. 2. То же. Стоянка Николо-Перевоз.
 Рис. 3. Острое дно сосуда. Балахвинская стоянка.
 Рис. 4—5. Фрагменты сосудов с примесью дресвы к глине. Воятицкая стоянка на р. Шексне.
 Рис. 6—7. То же, с примесью дробленых раковин. Волосовская стоянка близ г. Мурома.
- Т а б л и ц а V. Рис. 1—4. Фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом. 4 Больше-Козинская стоянка.
 Рис. 5, 9. То же. Балахвинская стоянка.
 Рис. 6—8. Фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом. Волосовская стоянка.
- Т а б л и ц а VI. Рис. 1—2. Костяные штампы и их отпечатки. Волосовская стоянка.
 Рис. 3. Галечный штамп. Федоровская стоянка близ г. Чухломы.
 Рис. 4. Штамп из сланцевой плитки, стоянка Кинема на оз. Лача Северн. края.
 Рис. 5. Галечный штамп. Льяловская стоянка.
 Рис. 6—7. Костяные штампы и их отпечатки. Одоевское городище на р. Ветлуге.
 Рис. 8—13. Фрагменты сосудов с текстильными отпечатками и орнаментом. Борочковская стоянка на р. Шексне.

Б. РАБИНОВИЧ

О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ СКИФСКИХ КУРГАНОВ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ

Изучению скифских погребений Среднего Приднепровья, в частности вопросу об их датировке, уделялось, в общем, немало внимания. Существуют даже две независимые хронологические классификации, предложенные А. Спицыным¹ и М. Ростовцевым.² В настоящее время становится очевидным, что ни та, ни другая не могут нас, однако, удовлетворить, и по ряду курганов вопрос датировки должен ставиться заново.

Работа А. А. Спицына, при некоторых ее достоинствах, как то: ориентировка на изучение местного элемента и полнота охвата памятников, — страдает в то же время схематичностью и является ярким примером методологической беспомощности. В основу классификации А. А. Спицыным положен один из признаков, характеризующих погребальный памятник — обряд погребения — признак безусловно существенный, но взятый независимо от анализа инвентаря — искажающий хронологическую картину. В одни и те же разделы попадают вместе погребения, которые на основании особенностей инвентаря должны быть отнесены к разному времени. Так, в раздел «Курганы переходного времени» включено, по признаку скорченности костяков, много погребений, содержавших вещи, типичные для развитой скифской эпохи.³ Относимые к старшей журавской культуре подразделы: «Погребения с перерубленными костяками» и «Курганы с трупосожжением» в сущности представляют собою перечни разновременных погребений, лишь с некоторым внешним сходством в способе захоронения.⁴

К тому же, отсутствие у А. А. Спицына мотивировок к его датировкам мешает опереться на его построения даже в тех случаях, когда его мнение по существу не встречает возражений.

¹ А. А. Спицын. Курганы скифов пахарей. ПАК, вып. 65, стр. 87.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 463.

А: Спицын. Ук. соч., стр. 90, § 4; стр. 91, § 7—8 и др.

⁴ Спицын. Там же, стр. 106—110, D и E.

М. И. Ростовцев, как буржуазный ученый, значительно лучше владеющий западноевропейской литературой, чем А. А. Спицын, рассматривает археологический материал с более широкой точки зрения в связи с интересующими его историческими проблемами. Хронологическая система, устанавливаемая им для скифских курганов, кажется весьма стройной и обоснованной данными из истории ювелирного и керамического производства греческих колоний, продукты которого встречаются в скифских погребениях. Однако греческие предметы, достоверно датированные, довольно редки в скифских могилах Среднего Приднепровья, и фактически по одному-двум предметам М. И. Ростовцев датирует целые курганные группы. Вещи же массового характера, относящиеся к местному производству, оставляются без внимания, что часто приводит к значительным курьезам. Уже Б. Н. Граков нанес сильный удар этой классификации, доказав, что Яблоновская группа курганов, раскопанная Д. Самоквасовым, относимая М. И. Ростовцевым к его Каневской группе III—II в. до н. э., на самом деле частью древнее, частью же моложе этого времени.¹

Новые важные данные к пересмотру датировок скифских погребений дают разработанные Р. Рау хронологические таблицы скифских наконечников стрел.² Если и можно спорить против пригодности этих таблиц для всех районов юго-восточной Европы, то для Северного Причерноморья и Кубани их нужно считать вполне приемлемыми, выявляющими основную линию изменения форм наконечников стрел. Р. Рау, хотя и базируется часто на датировках М. И. Ростовцева, в ряде случаев приходит к иным выводам, однако, не отмечая этого.

В этих расхождениях между М. И. Ростовцевым и другими исследователями первый, большею частью, оказывается сторонником низких дат. И не случайно наиболее спорными являются даты погребений, включенных М. И. Ростовцевым в группу поздних, III—II в. до н. э., к которой им относится так. наз. «Каневская группа» в Киевщине и ряд курганов Полтавщины. Эта группа, по его мнению, характеризуется в погребальном обряде переходом от срубного труположения к трупосожжению с промежуточной стадией в виде сожжения тризны над могилой. В инвентаре им отмечается огрубение стиля и качества золотых вещей, вытеснение золота серебром, замена греческих ювелирных работ более простыми формами украшений. Он говорит об изменении всего уклада жизни, о появлении новых форм одежды, вооружения, конского и человеческого убора. Но развернутого, конкретного определения сущности изменений нигде не дает, ограничиваясь лишь крайне беглой ссылкой на единичные случаи находок новых, по его мнению, предметов. Далее, М. И. Ростовцев указывает на переход местной керамики «к новым формам, которые требовали бы специального изучения, и главной особенностью которых является, насколько

¹ Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Самоквасова. Тр. Археологической секции РАНИОН, т. II.

² Р. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929.

можно судить по невразумительным отчетам, сильное влияние на них греческой техники и греческих форм сосудов».¹ Пояснений и примеров к своим словам он опять-таки не дает.

Между тем, эта выделяемая М. И. Ростовцевым группа поздних погребений занимает важное место в его концепции, касающейся истории юго-восточной Европы. С одной стороны, эта группа рассматривается им, как переходная к полям погребальных урн. С другой стороны, она является излюбленным опорным пунктом его миграционной теории, доказательством движения сарматов с Востока в Среднее Приднепровье. Во всех своих основных работах М. И. Ростовцев уделяет большое внимание сходству между сарматской, по его мнению, оренбургской курганной группой и поздними курганами Среднего Приднепровья. Он проводит аналогии, в первую очередь, по обряду погребения — сочетания труположения с трупосожжением, затем — по некоторым элементам инвентаря, как то: каменные блюда, кинжалы новой формы и т. д. И обе эти группы он связывает с одной и той же миграционной волной.²

Однако если вместо подбора случайных, разрозненных аналогий попытаться произвести более полный анализ отдельных погребений, составляющих эту позднюю группу Среднего Приднепровья, то получим выводы, совершенно отличные от данных М. И. Ростовцевым. При производимом ниже разборе некоторых погребений этой группы убедимся, что они относятся ко времени значительно более раннему. И, учитывая также упомянутое исследование Б. Н. Гракова, должны будем признать, что единства этой группы и, следовательно, самой группы, как таковой, со всеми ее особенностями, не существует, а перед нами лишь искусственно созданная миграционная схема.

В 1895 г. в б. Полтавской губ., близ с. Глинище, (ныне Зеньковский р. Харьковской обл.), крестьяне раскопали курган, где нашли: «123 бронзовых наконечника стрел, круглое разбитое бронзовое зеркало с бронзовой же ручкой по середине, бронзовое с выступами кольцо, сердоликовую бусу и два куска румян». Дальнейшие раскопки были приостановлены, и найденные предметы доставлены в Археологическую комиссию.

За исследование этого кургана взялся А. Бобринский. При предварительном осмотре он нашел, что раскопки крестьян, хотя и проникли глубоко и потревожили могильную яму, но имели неширокие размеры. В насыпи над могильной ямой замечены следы деревянной крыши, остатки

¹ М. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Мат. по археол. России, вып. 34, 1919, стр. 32—33; он же. Скифия и Боспор, стр. 491—504, 523—529.

² М. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл., стр. 31 и дальше во многих местах, особенно стр. 80—81; он же. Скифия и Боспор, стр. 612; M. Rostovtsev. *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, стр. 145—146. Здесь указываются даже конкретные племена сарматов, перекочевавшие в Среднее Приднепровье, — это языги и роксоланы.

тризны: ребра коровы или лошади, кости грызунов и птиц. Попадались также пепел и обожженная земля. Длина ямы — 5 м, ширина — 3.8 м, глубина — 0.7 м. Она была заполнена черной землей и остатками дерева от крыши и облицовки стен. В ней найдены лишь незначительные остатки человеческих костей, три бронзовые наконечника стрел и кусочки румян. В яму вел грабительский ход, с помощью которого она была в древности ограблена. Во время раскопок А. Бобринскому доставили найденную ранее в верхних слоях насыпи золотую серьгу.

Таковы те сведения, которые даны в отчете А. К.¹ Найденные вещи представляют собой следующее:²

Зеркало. Рис. 1. Имеет форму диска с отогнутыми назад под прямым углом краями. На обратной стороне, в центре — ручка, состоящая из двух столбиков, подпирающих сильно фрагментированную бляшку, на которой заметны, однако, следы стертости изображения, кажется, животного. Диаметр диска — 13.8 см. Высота ручки — 2 см.

Наконечники стрел.³ Большинство из них двухлопастные с овальной или ромбической головкой, с шипом на втулке и без него (рис. 2 а, б). Особо отличаются среди двухлопастных: тип, изображенный под № 2 в, с широкими, длинными лопастями, доходящими до конца втулки, и тип 2 г, имеющий всего 1.6 см длины, с полуовальной головкой, с заостренными в шипы лопастями, свисающими в уровень с основанием втулки. Далее следуют: трехлопастные с овальной головкой и с шипом на втулке (рис. 2 д); трехгранные с плоскими гранями и с овальной головкой, слабо отделяющейся от втулки (рис. 2 е); трехгранные с плоскими гранями, полуовальной головкой и с нижними краями ребер, перпендикулярными ко втулке, на которой имеется шип (рис. 2 ж); трехлопастные треугольной формы со скрытой втулкой и с плоским основанием (рис. 2 з).

Серьга ОАК, 1895, стр. 23, рис. 39, золотая, полая, луновидной формы, с составляющим с нею одно целое, отходящим книзу отростком. Поверхность серьги и ее отростка покрыта штампованным орнаментом в виде черточек, поясков и точек.

Кольцо бронзовое 1, там же, рис. 37, имеющее в пяти местах своей внешней окружности по три расположенных рядом круглых выступа.

Буса, там же, рис. 38, боченовидная из слоистого агата, прослойки которого образуют косою поясик на ее поверхности.

Bela Posta приводит весь этот комплекс вещей⁴ вместе с комплексами из других киевских и полтавских погребений в качестве характерных для сарматской эпохи II—I в. до н. э. Доказательством наличия сарматских погребений на Украине он стремится установить миграционный мост к сарматским находкам Венгрии. При этом для датировки этих комплексов он

¹ ОАК, 1895, стр. 73—74.

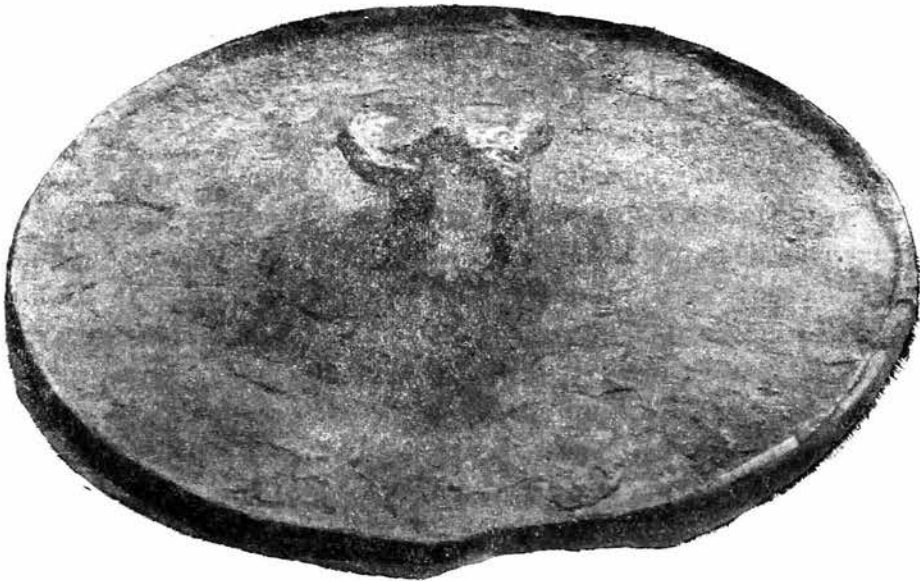
² Вещи хранятся в Гос. Историческом музее в Москве.

³ Я видел их в ГИМе в количестве 75 штук.

⁴ Bela Posta. Archäologische Studien auf russischem Boden, стр. 472, рис. 260.

а

б

Рис. 1. Бронзовое зеркало из кургана близ с. Глинище.
а — сверху; б — сбоку ($\frac{2}{3}$ н. в.).

привлекает отдельные встречающиеся в них предметы, напоминающие формы позднего Гальштатта или же характерные для Латена, весь же остальной инвентарь принимается за сарматский. Что касается нашего погребения, то типичным для Латена он считает здесь кольцо с выступами.

Сравнивая разобранные им погребения с венгерскими, Bela-Posta говорит: «Mit den Rudimenten des hallstatter und des La-Tenstyles mengen sich in den jetzt behandelten südrussischen Funden, die mit den skythischen Typen verwandten, aber aus den späteren sarmatischen Zeiten stammenden Elemente, so wie auch die provinzialen römischen Elemente. Auch in den hatvanboldoger Funden vermengen sich mit den Elementen des hallstatter und des La-Tenstyles solche Elemente, die sich auf südrussischem Gebiete in jenen Zeiten entwickeln, die durch das Übergewicht der sarmatischen Völker charakterisirt sind. Unter solchen Umständen kann wohl hier von nichts Anderem die Rede sein, als von jenem ersten sarmatischen Eindringen, dessen Einwirkung wir in den Jahrhunderten um Christi Geburt erst in den östlichen und dann später auch in den mittleren Theilen unseres Vaterlandes fühlen».

Выделение Bela Posta группы сарматских погребений в Киевщине и Полтавщине вполне подходит под миграционную теорию М. И. Ростовцева, который и следует за ним в датировке всех затронутых погребений, в том числе и нашего. После обзора ряда полтавских курганов, причисляемых им к группе III—II вв. до н. э., он продолжает: «В еще более позднее время ведут нас находки в Полтавской губ., разобранные Bela Posta...». И, изложив далее мнение Bela Posta, М. И. Ростовцев заканчивает: «Характерно, что во всех этих курганах мы имеем следы сожжения...»¹ Ни Bela Posta, ни М. И. Ростовцев не пытались, однако, более полно исследовать находки близ с. Глинище и проверить, действительно ли их можно отнести к одному и тому же погребальному комплексу.

Между тем, даже при поверхностном взгляде на упомянутые вещи, замечаем, что часть из них определенно не соответствует этой поздней дате. В первую очередь ей противоречит комплекс наконечников стрел. Здесь преобладают типы с овальными и ромбическими, двухлопастными и трехлопастными головками и еще совершенно отсутствуют узкие трехгранные наконечники с треугольной головкой со спущенными в острые шипы ребрами. Наиболее ранним в этом комплексе видом следует считать изображенный на рис. 2в, восходящий к глубокой арханке,² а наиболее поздним — данный на рисунке 2з, обычный для конца VI — начала V в.³ Весь же комплекс, как целое, надо, повидимому, отнести ко времени не позднее конца VI в. до н. э.

¹ М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 525.

² См. аналогии у P. Rau, Taf. XIV «Vorskythische Periode» 3, A—C.

³ См. там же, Taf. IV, 2 A и Taf. V, IE.

Из других предметов этой находки особого внимания заслуживает зеркало, которое дает подтверждение результатов, полученных на основании изучения наконечников стрел.

На вопросе датировки зеркал этого типа необходимо остановиться подробнее.

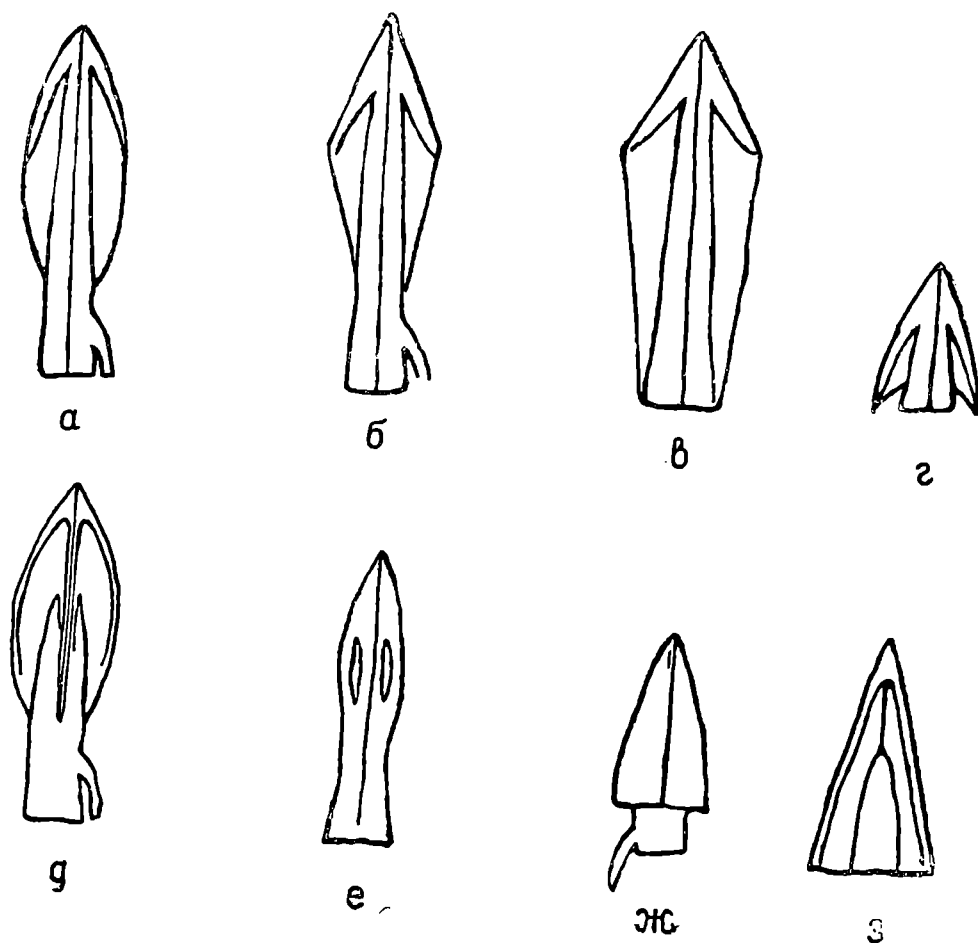

Рис. 2. Типы бронзовых наконечников стрел из кургана близ с. Глинище (н. в.).

Зеркал с центральными, перпендикулярными диску ручками, состоящими из двух столбиков, накрытых бляшкой, мне известно среди древностей Приднепровья, Прикубанья и прилегающих к ним областей Восточной Европы, кроме описанного, еще 9 экземпляров, а именно:

1. Зеркало, изданное А. Бобринским,¹ который о его происхождении указывает лишь то, что оно найдено близ с. Аксютинцы Смелянского р.

¹ А. Бобринский. Курганы и археологические находки близ м. Смелы, т. III, стр. 71 и табл. XII, рис. 3. Там же А. Бобринский перечисляет еще три зеркала с центральными перпендикулярными диску ручками, но описание ручек весьма неясно. Особенное недоумение вызывает указанная там длина ручек в 25 см. Каких-либо дополнительных сведений об этих зеркалах получить не удалось.

Новоград-Волынского окр. Киевской обл. (б. Роменского у.). Оно имеет приподнятые с обратной стороны края и ручку в виде двух столбиков, заканчивающихся фигуркой лежащего горного козла. Диаметр зеркала — 16 см. Высота ручки — 6 см.

2. Зеркало из кургана № 35 раскопок Зноско-Боровского близ с. Бобрицы Каневского р. Киевской обл. (б. Каневского у.).¹ И здесь имеется закраина на обратной стороне, и ручка также состоит из двух столбиков, подпирающих блюдку; но блюдка окружена сверху ободком, и изображен на ней стоящий вепрь. Диаметр зеркала — 14 см. Высота ручки — 3 см.

3. Зеркало из раскопок Д. Я. Самоквасова в 1878 г. близ с. Герасимовки Смелянского р. Новоград-Волынского окр. Киевской обл. (б. Роменского у.). О нем было известно лишь то, что оно имеет центральную ручку, оканчивающуюся изображением лежащей лошади.² Здесь оно воспроизводится впервые (рис. 3). Как можно убедиться, это зеркало примыкает к разбираемой серии. Диаметр его — 19.7 см. Высота ручки — 3.2 см.

4. Зеркало, найденное также Д. Я. Самоквасовым в могильнике Чеснок-Горы под Пятигорском, в погребении № 4.³ По конструкции оно сходно с описанными, но на блюдке здесь орнамент геометрический, в виде звезды.⁴

5. Зеркало, хранящееся в Краснодарском музее,⁵ найденное на Широкой ул. в Краснодаре. Два столбика его ручки заканчиваются птицей с распростертыми крыльями.

6. Зеркало из раскопок П. С. Рыкова, близ с. Сусел, в Республике Немцев Поволжья, из погребения 26-го.⁶ По своей форме оно тождественно с предыдущими, отличаясь лишь отсутствием орнамента на блюдке, прикрывающей стойки ручки.

7. Зеркало, происходящее из отдаленной от Скифии местности. Оно найдено Пономаревым близ с. Пустая Морквашка Татарской АССР (б. Казанской губ.).⁷ Во всем оно подходит под общий тип; на блюдке, увенчивающей ручку, имеется непонятное изображение какого-то животного с изогнутым узким туловищем.

Относительно еще двух зеркал будет сказано несколько дальше.

¹ Бобринский. Курганы, т. III, стр. 113, фиг. 62 и табл. XIX, II; Б. Н. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, Киев, 1900, вып. 3, LVIII, 0.

² Д. Самоквасов. Могила Русской земли, Варшава, 1884, стр. 3.

³ Там же, стр. 125—126. Его же. Основания хронологической классификации древностей раскопок Самоквасова, табл. III, рис. 1.

⁴ От разбора этого погребения воздержусь, так как инвентарь его описан в дневнике раскопок довольно поверхностно, и получить о нем полное представление не оказывается для меня возможным.

⁵ По сообщению Л. А. Мадулевича. (Размеры зеркала неизвестны мне.)

⁶ П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник, Саратов, 1925, стр. 13, 36, рис. 20.

⁷ A. Tallgren в Suomen Museosta, 1916, т. XXIII, стр. 61, рис. 7; его же. L'époque dite d'Ananino, Helsinki, 1919, стр. 52, рис. 48.

а

б

Рис. 3. Бронзовое зеркало из кургана близ с. Герасимовки.
а — сверху; б — сбоку (1/2 н. в.).

Каким же временем датируются зеркала этого типа?

То, что до сих пор писалось об этих зеркалах в буржуазной науке, относится к беспочвенным поискам источников их происхождения путем формально-типологических сравнений. Известно, что аналогии к этим зеркалам, хотя и далеко неполные, встречаются среди минусинских древностей, а именно: зеркала с гладким без ободка диском, с ручкой в виде четырех или трех стоек, накрытых бляшкой; орнамент на бляшке чаще всего представляет собой вписанные в круг зачатые или звезду.¹

Обычно эти сибирские зеркала объединялись в одну группу с другими зеркалами, оттуда же и из Восточной Европы, имеющими в центре на обратной стороне приспособление для держания в руке или привешивания, напр., ушко, кнопку или фигурку животного. Для всей этой группы указывались аналогии среди китайских форм, в противоположность зеркалам с боковой ручкой, относившихся к греческому типу. При этом Reinecke² полагал, что в Сибирь, а затем в Скифию эти формы проникли из Китая. К этому же взгляду присоединялись А. Бобринский³ и I. Minns.⁴ С другой стороны, S. Reinach,⁵ а за ним Tallgren⁶ придерживаются обратного мнения, т. е. что Китай заимствовал эти типы зеркал из Сибири, в свою очередь, находившейся под влиянием Скифии.

М. И. Ростовцев, не соглашаясь полностью ни с тем, ни с другим взглядом, считает, что скифская и соответствующая ей материальная культура западной Сибири имеют свой общий источник где-то в третьем месте, в Центральной Азии и, в частности, это относится к зеркалам.⁷

Ясно, что все такого рода поиски прототипов и родины предметов на основании приблизительных сравнений носят весьма произвольный характер и ничего конкретно обоснованного, что могло бы оказаться полезным и в отношении датировки, не могут нам дать.

Однако у М. И. Ростовцева имеются и более определенные замечания относительно разбираемого типа зеркал, из которых видно, что он связывает его появление с группой погребений III—II в. до н. э. При рассмо-

¹ Martin. L'âge du Bronze, Pl. 27, 7—18; Tallgren. Collection Tovostine, Pl. VIII, 2, 5, 9. Там же, стр. 55, Helsingfors, 1917.

² P. Reinecke. Ueber einige Beziehungen der Alterthümer China's zu denen des skythisch-sibirischen Völkerkreises. Ztschr. f. Ethnol. Bd. XXIX, 1897, стр. 141, 157.

³ Бобринский (Курганы, т. III, стр. 71) полагает, что зеркала с перпендикулярными ручками являются результатом слияния китайских зеркал с ушками с греческими, с боковыми ручками.

⁴ Minns E. H. Scythians and Greeks, Cambridge 1913, стр. 66.

⁵ Reinach. La représentation du galop. Rev. archéol., vol. XXXVIII, стр. 238.

⁶ Tallgren. Collection Tovostine, стр. 56.

⁷ М. Ростовцев. Курганы Оренбургской обл., стр. 60, 66 и 71; Скифия и Боспор, стр. 339. Мнение о связи между Скифией и Сибирью приводится здесь лишь в той мере, поскольку авторами затрагивается при этом вопрос о происхождении интересующего нас типа зеркал. В действительности же существует весьма обширная литература по вопросу о взаимоотношениях между материальной культурой этих стран, но его обсуждение не входит в наши задачи.

трених форм зеркал юга России он говорит о зеркалах с вертикальной ручкой: «этот тип характерен для погребений среднего Приднепровья того типа, который наиболее богато и характерно представлен курганными погребениями Каневского р. Киевской обл. (б. Каневского у.) и поздними погребениями Полтавской группы», и в качестве примера приводит зеркало из кургана № 35 Бобринского могильника.¹

В другом месте при разборе этого последнего погребения среди других курганов Каневской группы М. И. Ростовцев отмечает находку зеркала «особой новой формы».²

Однако факты резко противоречат изложенному взгляду М. И. Ростовцева. Среди вещей, происходящих из Келермесского кургана № 2, раскопок Н. И. Веселовского 1904 г., несомненно относящегося ко времени не позднее первой половины VI в. до н. э.,³ имеется зеркало рассматриваемой формы (рис. 4).⁴ В отчете Н. Веселовского о нем указано лишь следующее: «В северо-западном углу могилы... бронзовое зеркало диам. 0.154 м без орнамента, с утолщенным ободком на обратной стороне и ушком для держания в руке.⁵ Это зеркало находится в настоящее время в крайне разрушенном состоянии. Оно распалось на три фрагмента и до того изъедено окисью, что подвергать его очистке и реставрации не представляется возможным. Его обе поверхности покрыты слоем дерева, возможно, от деревянного футляра. Несмотря на разрушенность, все же отчетливо видно, что диск с обратной стороны окружен бортиком и что находящаяся на той же стороне, в центре, ручка состоит из двух столбиков, подпирающих блюдце. На блюдце различимы следы изображения свернувшейся пантеры с характерной трактовкой лап, уха, глаза и ноздри в виде кружков (рис. 5). Подобным образом стилизованы свернувшиеся пантеры, покрывающие лапы и хвост золотого зверя кошачьей породы из Келермесского кургана, раскопанного техником Шульцем.⁶ Таких же свернувшихся пантер

¹ М. Ростовцев. Курганные находки, стр. 71. Не должно вводить в заблуждение то, что М. Ростовцев тут же говорит о бобринском зеркале: «Появление его в сравнительно ранней могиле (на это указывают типы золотых бляшек головного убора и местная посуда так наз. скифского типа) каневской группы очень характерно». «Сравнительно ранняя могила» здесь ни в коем случае не означает более ранней, чем III в. до н. э., что видно как из этого же текста, так и из другого места там же, на стр. 69, где упоминается этот курган, и, наконец, из приводимого нами места из «Скифия и Боспор».

² «Скифия и Боспор», стр. 494.

³ Дата келермесских курганов, весьма сходных между собой по инвентарю, устанавливается на основании ассирийского стиля орнаментации обложенных золотом секиры, ножен и рукоятки меча из шульцевских раскопок и архаически-ионийских форм и украшений других предметов оттуда же — зеркала, диадемы, ритона и др. См. об этом: Е. Придик. Мельгуновский клад. МАР, 31, стр. 20—21 (о сходных мечах и ножах из Мельгуновского кургана) и Б. В. Фармаковский в *Archaeologischer Anzeiger* за 1904 и 1905 гг., стр. 57—59. Ростовцев. *Iranians and Greeks*, стр. 51.

⁴ По инв. Г. Э. Ку 1904, 2/152.

⁵ ОАК, 1904, стр. 93.

⁶ См. Borovka G. *Scythian art*, 1928, Pl. 12.

а

б

Рис. 4. Бронзовое зеркало из кургана близ ст. Келермесской. а — сверху ($\frac{2}{3}$ н. в.), б — сбоку ($\frac{3}{4}$ н. в.).

встречаем и на некоторых костяных продырявленных цилиндриках из самого же кургана № 2 Н. И. Веселовского.¹

По всем признакам, к этому же типу зеркал относится и знаменитое серебряное зеркало, обложенное листовым золотом с выгравированными на нем мифологическими изображениями, происходящее из келермесских раскопок Шульца. На обратной его стороне имеется высокий ободок и там же в центре сохранились основания двух стоек, составлявших ручку.²

Келермесские зеркала, таким образом, сходны по своей форме с перечисленными выше. И трудно предполагать между теми и другими большой промежуток времени. По всей вероятности, широкое распространение этого типа на юге Восточной Европы падает на VI в. до н. э. При датировке целых погребальных комплексов необходимо в каждом отдельном случае проверять этот вывод на всех предметах комплекса.

Рис. 5. Бляшка, увенчивающая ручку зеркала, рис. 4 (н. в).

На первый взгляд нашей ранней датировке противоречит упомянутая находка зеркала в погребении 26 Суловского могильника. В этом погребении найдена также золотая бляшка, напоминающая сарматские, в виде ромба, заключенного между двумя параллельными линиями, и к тому же костяк

был ориентирован на юг так же, как и в соседних, без сомнения, сарматских погребениях. Но в данном случае возможно, что этот экземпляр как особая ценность долго хранился до положения его в могилу. Н. И. Веселовский приводит ряд примеров находок архаических и архаизирующих предметов в сарматских погребениях на Кубани, относящихся ко II в. до н. э.³ И можно предполагать наличие этого явления и для Поволжья. Это тем более вероятно, что находка подобного зеркала является единственной в Нижнем Поволжье. Что касается зеркала из Пустой Морквашки, то весь его инвентарь подтверждает данную для зеркал рассматриваемой формы дату и для столь отдаленной от Кубани области.

А. Tallgren⁴ причисляет это погребение к ранним погребениям ананьинского типа. По последним же указаниям А. Талльгрена,⁵ начало

¹ Там же, Pl. 32 В.

² См. Ростовцев. Эллинизмо и иранство на юге России. Пгр., 1918, табл. VI, рис. 2.

³ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в перпод римского владычества в Северном Кавказе, ТАС XII, т. I, стр. 369.

⁴ Tallgren. Suomen Museosta, XXIII, 1916, стр. 61; L'époque dite d'Ananino, 1919, стр. 51. Collection Tovostine, 1917, стр. 56; в Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. IX, стр. 317.

⁵ Tallgren в Reallexikon der Vorgeschichte, IX, стр. 317.

ананьинской эпохи падает на время около середины 1 тысячелетия до н. э.; и, следовательно, датировка Морквашевского погребения VI в. до н. э. является вполне приемлемой.

Вернемся к находке близ с. Глинище.

Как сказано выше, наконечники стрел здесь вполне подкрепляют устанавливаемую для зеркала дату, и думать о сохранении его в качестве пережитка в данном случае невозможно. Иначе обстоит дело с остальными тремя предметами находки. Серьга, правда, в основном напоминает собой обычные архаические серьги формы калачика, но среди них неизвестны мне такие, у которых подвеска составляла бы одно целое с основой серьги. С другой стороны, среди серег более позднего времени также не встречаются решающие аналогии. Все же трудно утверждать с полной уверенностью о современности этой серьги наконечникам стрел и зеркалу.

Кольцо с тройными выступами более определенно тянет в позднее время. Шпички, как орнаментальный прием, встречаются на принадлежащих к конской сбруе бронзовых, серебряных и золотых кольцах лишь начиная с IV в. до н. э.¹ И хотя наше кольцо по характеру расположения выступов отличается от всех известных колец подобного рода, все же, по всей вероятности, оно представляет собой один из вариантов этого типа. Во всяком случае, отсутствие полных аналогий к данному экземпляру среди вещественных комплексов IV—III вв. может явиться лишь доводом к тому, чтобы отнести его к еще более позднему времени, но никак не к архаике.

Боченковидная буса из слоистого агата носит еще более выраженный поздний характер. Такая буса имеется среди вещей римской эпохи, приобретенных от Петрика в 1900 г., представляющих собой комплекс, происходящий из одного погребения.² Возможно, что этот тип бус появляется раньше, но вряд ли можно его отодвигать далеко назад.

Таким образом, находка близ с. Глинище представляет собой не единый комплекс, а разбивается на две группы вещей, относящихся к инвентарю двух разновременных погребений: наконечники стрел и зеркало принадлежат раннему из них, а кольцо, буса и, возможно, серьга — более позднему. Если это так, архаическим основным погребением придется считать то, которому соответствует грунтовая яма со срубом. И, следовательно, жженные кости и угли, найденные над этой ямой, не доказывают, что следы сожжения являются характерными для погребений III—II вв. до н. э.

Кроме того, трактовка этой находки, как относящейся к пришельцам-сарматам, также отпадает, так как именно те предметы, в которых можно было усмотреть восточный колорит — бронзовые наконечники стрел и зер-

¹ Судя по комплексам, в которых они встречены: Чмырева могила, ИАК 19, стр. 109, рис. 69 и 67. Кург. Огуз: ИАК 19, стр. 163 и 165, рис. 8 и 25. Курган близ Марьевской станицы: ИАК 49, стр. 130, рис. 1. Кург. № 5, близ с. Мастюгина — ИАК 43, табл. — рис. 11. Кург. CD XXXVII, близ с. Капитововки — ИАК 35, рис. 11. Кург. близ с. Резина I bior Wiadomasei, T. XII, Tabl. XIII, рис. 7.

² ОАК 1900, стр. 103.

кало с центральной ручкой относятся к более ранней эпохе и оказываются в полной мере скифскими.

Курган близ с. Герасимовки,¹ откуда происходит одно из вышеперечисленных зеркал, также относится М. И. Ростовцевым к группе переходных III—II в. до н. э. Не мотивируя своего мнения, он лишь отмечает, со слов Д. Самоквасова, сходство между изображением лошади на бляшке ручки зеркала и изображением на бронзовых цилиндриках с боковыми отверстиями из «Старшей могилы» близ с. Аксютинцы, Смелянского р. Новоград-Волынского окр. Киевской обл. (б. Роменского у.), раскопанной тем же

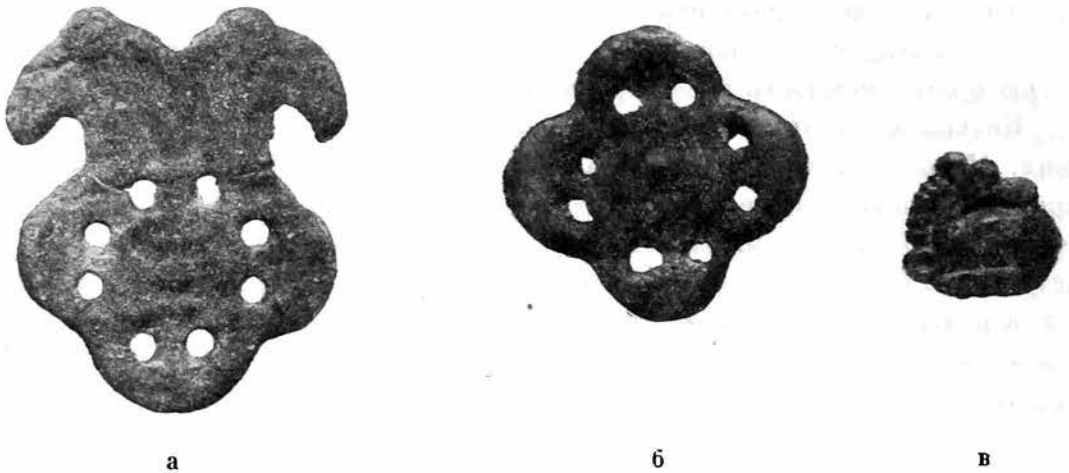

Рис. 6. а—б — бляшки бронзовые из кургана близ с. Герасимовки; в — бляшка, покрывающая сверху бронзовый цилиндр из «Старшей могилы».

исследователем (рис. 6в).² Однако это сходство должно скорее говорить об обратном — о раннем времени данного погребения, так как сама «Старшая могила», судя по типам найденных в ней наконечников стрел,³ относится ко времени не позднее V в. до н. э. Но, кроме того, весь остальной инвентарь Герасимовского погребения носит резко выраженный отпечаток архаичности.

Курган этот имел высоту 6 арш. Могильное сооружение представляло собою яму 6 арш. длины и 4 арш. ширины и глубины, обложенную внутри деревом и покрытую деревянной крышкой, опиравшейся на семь столбов. Над ямой попадались следы тризны: черепки, уголь, кости животных. На дне ямы найдены разбросанные человеческие кости, фрагменты браслетов из бронзовой проволоки и обломок золотой бляшки. В восточной половине могилы — глиняный сосудик баночной формы, глиняный горшечек с высокой ручкой (рис. 7), кости барана и свиньи, железные ножик и наконечник копья. У южной стены могилы — железные удила с железными и костяными псалиями; четыре бронзовые крестовидные узорчатые бляхи с восемью

¹ Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 111.

² М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 524.

³ Не опубликованы. Хранятся в Гос. Ист. музее.

отверстиями вокруг центра (рис. 6б) и таких же несколько серебряных бляшек; бронзовая бляха, сходная в основном с предыдущими, но один из четырех выступов которой представляет собою две птичьих головки, обращенные в противоположные стороны (рис. 6а).¹ В северо-западном углу лежало зеркало, о котором идет речь, три серебряные и одна бронзовая шпильки в виде гвоздя со шляпкой, кусок серы и кусок краски, тарелка из песчаника, наполненная крупными и мелкими глиняными и стеклянными бусами разной формы и разного цвета: до 60 круглых бус, более 8000 мелких бус и 10 из тонкой бронзовой проволоки, свернутой спирально в трубочку. В западной стенке ямы был обнаружен грабительский подкоп.

Из найденных вещей в первую очередь обращает на себя внимание небольшой глиняный сосуд черного цвета, со следами лощения, с высокой ручкой, имевшей сверху рожок, ныне отбитый, и с расширенной нижней частью. Он представляет собою одну из разновидностей чарок с высокими ручками, характерных для раннеархаических погребений, причем мы видим здесь некоторое приближение к форме кувшина. Аналогией к нему по форме ручки и по расширенной нижней части тулова является, напр., сосуд из основного погребения кургана № 406 из урочища Горячево, близ с. Журовки, Чигиринского р. Киевской обл. (б. Чигиринского у.), изображенный в ИАК, вып. 14, стр. 32, рис. 74, сопровождавшийся характерным комплексом архаических бронзовых и железных наконечников стрел,² а также сосуд из кургана 447, близ с. Журовки, 2в ИАК, вып. 17, стр. 94, рис. 29, где найдено также ионийское блюдо.³

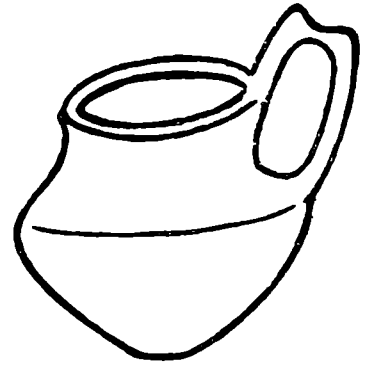

Рис. 7. Сосудик глиняный из кургана близ с. Герасимовки.

Дальше опять коснемся вопроса о времени чарок с высокими ручками и вообще черно-лощеной скифской керамики.⁴

С упомянутыми двумя Журовскими раннескифскими курганами Герасимовский курган сближается и находкой в нем каменного блюда, а с 447-м — также наличием серебряных гвоздеобразных шпилек.⁵

Характерными для раннего времени являются и крестовидные бронзовые бляшки, со вписанными один в другой почти квадратными городками и с восемью отверстиями вокруг них. Сходная бляшка происходит из кургана № 375 из раскопок Н. Е. Бранденбурга близ с. Емчихи Каневского р. Киевской обл. (б. Каневского у.) (рис. 8а). Она была найдена на равном расстоянии

¹ См. сходные бляхи: А. Бобринский. Курганы, II, табл. XXIV, рис. 21, 23, 25.

² О наконечниках стрел см. Rau, Taf. II, 2 A.

³ ИАК, 17, стр. 94, рис. 29—30.

⁴ Хотя герасимовский сосуд имеет лишь чуть лощеную поверхность, но он, без сомнения, подражает по своей форме более тщательно отделанным черно-лощеным сосудам.

⁵ ИАК 17, рис. 26.

от двух костяков, лежавших на спине; из них у одного были согнуты рука и нога, а у второго — обе ноги. В остальных двух погребениях этого кургана один костяк также лежал на спине с согнутыми ногами; над ним найдено бронзовое навершие булавы, шарообразной формы (рис. 8б), а другой был вовсе скорчен. В земле, выброшенной из этого кургана, найден псалий бронзовый в виде круглого стержня с тремя отверстиями, один конец его удлинен и изогнут, а другой завершается кнопкой (рис. 8в).¹ Подобные псалии вместе с бронзовыми удилами имеются среди вещей, происходящих из

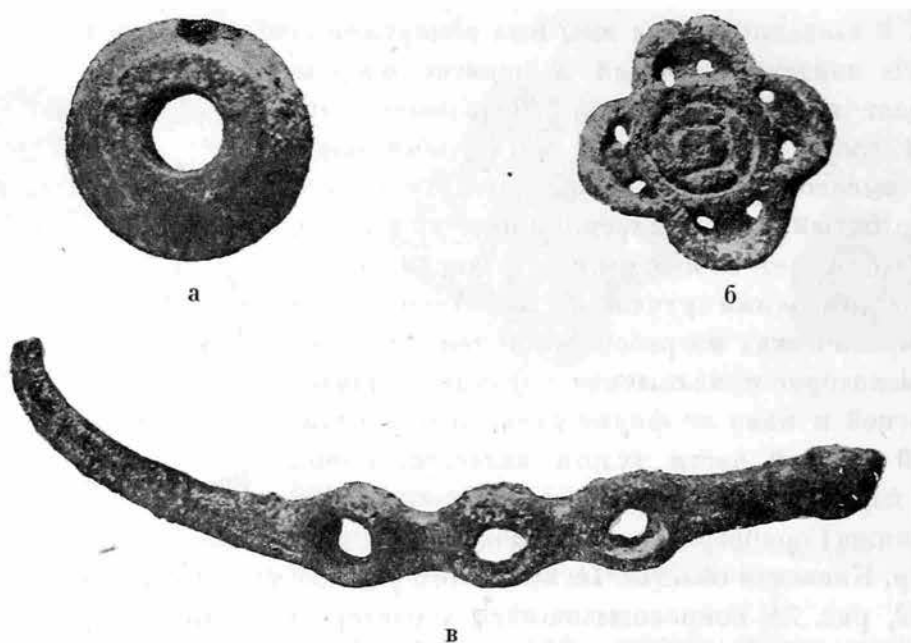

Рис. 8. Бронзовые предметы из кургана близ с. Емчихи. а—бляшка; б—навершие булавы; в—псалий (н. в.).

раннескифского кургана № 524 близ с. Жаботина Черкасского р. Киевской обл. (б. Черкасского у.) (рис. 10).² Бляшки этого же типа, с небольшими отличиями в количестве и форме отверстий, имеются также среди вещей из Келермесского кургана № 2 раскопок Н. И. Веселовского, того самого, откуда происходит бронзовое зеркало (рис. 9).

В том же кургане, как и в остальных келермесских курганах как раскопок Шульца, так и Н. И. Веселовского, найдено такое же множество мелких пастовых бус, как и в нашем кургане.

Эту же последнюю особенность, как и ряд других параллелей к тому, что найдено в Герасимовском погребении (чарки, каменное блюдо, шпильки

¹ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, СПб., 1908, стр. 94. Вещи хранятся в Гос. Эрмитаже.

² ПСК, вып. 60, стр. 2. Вещи хранятся в Гос. Эрмитаже.

Дата этого кургана устанавливается, в первую очередь, по комплексу бронзовых наконечников стрел, сходных с найденными в келермесских курганах и, в особенности, в Мельгуновском кургане.

и, наконец, зеркало), встретим в разбираемых ниже погребениях курганов № 35 и № 100 из раскопок Зноско-Боровского.

Эти два кургана: первый — из могильника у с. Бобрицкое Каневского р. Киевской обл. (б. Каневского у.) и второй — из могильника у с. Синявки, того же уезда — имеют много общего между собой и по погребальному обряду и по инвентарю, что уже отмечалось самим Зноско-Боровским. Они относятся М. И. Ростовцевым к типичным для его Каневской группы погребениям,¹ на основании которых он делает ряд выводов относительно признаков группы в целом. Поэтому эти оба погребения должны быть рассмотрены вместе.

Курган № 35 имел высоту 5 м. На глубине 1.5 м найдена монета императора Коммода, которая, как уже полагал Зноско-Боровский, не одновременна самому погребению. Глубже в насыпи найдены: «2 листовидные бронзовые стрелы с ребром по середине» и половина человеческого черепа. Попадался также уголь в небольшом количестве. Был обнаружен грабительский подкоп, который шел по насыпи вниз, но не был доведен до материка, благодаря чему погребение уцелело.

Могильное сооружение представляло собою яму квадратной формы с длиной сторон по 5.6 м и глубиной в 2.8 м, с боковым наклонным спуском длиной в 6 м и шириною 1.5 м. Яма и спуск были по бокам обложены деревом, а сверху прикрыты потолком, поддерживавшимся четырьмя столбами по углам ямы.

В могиле находились два человеческих костяка в вытянутом положении на спине. Один лежал по середине могилы, а другой — у стены, в перпендикулярном направлении к первому. У ног главного покойника лежал остов лошади. Костяки людей и лошади, а также вещи, находившиеся при них, сверху обгорели. Очевидно, над всем положенным в могилу был сверху зажжен костер, огонь которого, однако, не проник глубоко вниз.

У главного покойника на голове лежала повязка, составленная из золотых блях двух родов. 15 — в виде треугольника из трех кружков и 19 — со штампованным изображением лежащего горного козла.² На груди лежали два ожерелья из бус: одно состояло из 32 шт. полудрагоценных камней, другое — из 40 шт. из композиции и двух из янтаря. У правого плеча лежала в куче масса мелких, белых и черных бус, «общеизвестных каждому исследователю могил, составлявших низку длиной в 3 м». У правого бока находился деревянный покрытый кожей колчан с 21 бронзовыми наконечниками стрел «древнего типа с шейками и крючками». Там же найдены бронзовое кольцо и железные удила. С левой стороны обоих погребенных лежало в обгоревшем кожаном колчане описанное нами зеркало. Кроме того, недалеко от головы первого покойника лежала кость вола и около нее железный ножик. У головы второго погребенного найдены 2 бронзо-

¹ Скифия и Боспор, стр. 494—495, 501—502.

² Бобринский. Курганы . . . VIII табл., XVIII, рис. 7 и 8. ДП III, LVIII, I.

вых серьги в виде гвоздика со шляпкой, с загнутым концом,¹ и 2 бронзовые шпильки длиной в 9 см. Около левой руки второго покойника стояло песчаниковое челнообразное блюдо. Под блюдом найдено ожерелье из белых и черных бус, между которыми было 125 янтарных бус. Все бусы составляли низку в 3 м длиной. Около блюда лежал кусок розовой и кусок белой краски. Далее найдены глиняные сосуды, о которых Зноско-Боровский говорит следующее: «В ногах у второго сожженного стояла раздавленная миска (высотой 0.14 м), в NW углу около дуба стоял раздавленный большой глиняный горшок, высотой в 0.37 м, простой, грубой работы,

Рис. 9. Бронзовая бляшка из кургана близ ст. Келермесской (в. в.).

украшенный кривыми зигзагами и дырочками у венчика. Рядом — большая миска с выступами по краям (высотой 0.09 м). Далее — ковш средней величины, с высокой ручкой (0.125 м высоты) и такой же ковш поменьше, с высокою же ручкой (высота 0.07 м)».²

Если внимательно рассмотрим найденные в этом погребении вещи, убедимся, что перед нами обычный раннескифский инвентарь, и наличие здесь зеркала раннего типа не является случайным.

Хотя и не знаем точную форму наконечников стрел, но много говорит само указание Зноско-Боровского, что «они все однородны, между ними нет длинных трехгранных легких с шейками; это все тяжелые с крючками на тулье, типа известного исследователям могил».³

Из этого можно заключить, что эти наконечники стрел, во всяком случае, не могут относиться ко времени позже VI в. до н. э. Р. Рау, который видел эти наконечники в количестве 7 штук, датирует их с большей точностью — серединой этого же века.⁴

Очень характерно полное отсутствие в этом, столь богатом погребении, греческой керамики. Местная же посуда, здесь найденная, носит четкий раннескифский отпечаток. Миски, правда, встречаются в течение очень долгого времени, и требуется еще серьезная работа по их изучению, прежде, чем они смогут служить целям датировки. Но относительно ковшей или чарок с ручками можно уже сейчас с достаточной уверенностью утверждать, что они так же, как и другая форма сосудов с выпуклой, закругленной нижней частью и с высокой шейкой, так наз. кубки, свойственны VII—VI вв.

¹ А. Бобринский указывает в примечании: «Схожие серьги у Ханенко, табл. XIX, 423, но немного крупнее».

² А. Бобринский. Курганы..., III, стр. 113.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Р. Рау, S. 17.

до н. э.; в V в. они встречаются редко, а для еще более позднего времени уже являются пережитком.

Суждения об архаичности этих форм посуды, как и вообще чернолощеной и инкрустированной белым керамике, встречаются у А. Спицына,¹ Н. Макаренко² и А. Потапова.³ Как один из многих примеров обилия в раннескифских погребениях чарок и других форм чернолощеной посуды с белой инкрустацией, можно привести могильник близ с. Константиновки, Чигиринского р. Киевской обл. (б. Чигиринского у.), раскопанный А. Бобринским в 1901 г.⁴ Там они найдены в погребениях в большом количестве, в сопровождении плоских железных наконечников стрел и удил бронзовых раннекобанского типа, с двойными внешними петлями и массивными подвесками в виде короткого стержня с круглой бляхой на конце, и с псалями с одним удлиненным загнутым концом и тремя боковыми ушками.⁵

Сосуд грубой выделки с венчиком, украшенным дырочками и налепным зигзагообразным пояском, также обычен для раннескифских погребений. Могу сослаться на уже упомянутое ранее погребение кургана 406 близ с. Журовки,⁶ где сосуд с таким же орнаментом на венчике найден вместе с глубокой чаркой и двумя мисками на ножках. С этим же погребением сближается курган 35 и находкой в обоих каменных овальных блюдах. Интересно также то, что и в погребении 406 замечены следы разложенного в могильной яме костра.

В то же время курган № 35 имеет много общего и с другим упомянутым выше архаическим курганом № 447, где тоже найдены каменное блюдо, гвоздеобразные шпильки и также гвоздеобразные серьги со шляпками,⁷ сходные с бронзовыми серьгами из нашего погребения, несмотря на некоторое различие в величине шляпок.

Далее, в кургане 35 опять встречаем большое количество мелких пастовых бус, что уже отмечалось нами, как признак, характерный для раннескифских погребений.

Что касается изображения лежащего горного козла на золотых бляшках головного убора, то этот мотив, как и изображение в этом же положении других животных, является, как известно, весьма распространенным

¹ А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, стр. 100, 112 (перечисление признаков старшей и средней журавских культур).

² Н. Макаренко. La civilisation des scythes et Hallstatt. ESA V, 1930, стр. 22—48.

³ А. Потапов. Inkrustirte Keramik von Belsk. ESA IV, 1929, стр. 168.

⁴ ИАК 4, стр. 30—36, рис. 3—5.

⁵ Там же, рис. 1—2,7. См. Мат. по археол. Кавказа, вып. 8, стр. 30, рис. 31, табл. XXXVII, рис. 1 и табл. XXXVIII, рис. 1. О датировке там же, стр. 362. Сходные в основном удила и псаляны найдены в одном кургане на нижнем Дону, вместе с комплексом бронзовых наконечников стрел крайне равных типов. См. Тр. VIII арх. съезда, т. IV, табл. LXXXIII, рис. 15—17 и пояснения к таблицам, стр. 329.

⁶ ИАК 14, стр. 31—32. Инв. Т. Э. ДН 1903 8/80.

⁷ ИАК 17, стр. 92, рис. 23—24.

в раннескифское время, и останавливаться на нем не будем.¹ Напомню лишь для примера изображения горных козлов на покрытых золотом келермесской секире² и перекрестии меча из Мельгуновского кургана,³ и на одном из двух бронзовых плоских наверший из также раннего кургана № 2 близ Ульского аула, раскопок 1909 г.⁴ Во всех этих случаях животные представлены в той же позе — лежащими с подогнутыми под себя ногами и повернутой назад головой, с тем лишь отличием, что рога здесь высоко приподняты над шеей. На обложенном золотом перекрестии меча из раннескифского кургана близ хутора Шумейко,⁵ Смелянского района, Новоград-Волынского округа, Киевской области (б. Роменского у.), видим двух лежащих горных козлов, расположенных один к другому спинами,⁶ по повороту шеи еще ближе подходящих к изображенным на наших бляшках.

Итак, просмотрев инвентарь погребения кургана № 35, приходим к выводу, что дата его должна быть передвинута с III—II в. до н. э. на три века назад, т. е. на VI в. до н. э. Одновременно с этим должна быть передвинута и в том же направлении дата кургана № 100 раскопок Зноско-Боровского. Высота этого кургана была 4 м. Могильная яма имела 4 м в длину и 3.5 в ширину. Она сверху была покрыта деревянной крышей, а внутри нее был деревянный сруб. На дне ямы находились 4 костяка. Главный покойник лежал на середине, головой на запад; в головах у него лежал поперек ему, головой на север, второй остов, а в ногах этого остова, также головой на север, лежал третий остов. Рядом со вторым остовом, справа, находился остов ребенка. Главный покойник имел на голове повязку, украшенную золотыми бляхами. 31 бляха представляли собой лежащих оленей, а 11 — треугольники из трех кружков.⁷ Повязка была зашпиlena сзади золотой шпилькой.⁸ На шее было ожерелье из трех рядов. Первый ряд состоял из золотых бляшек в виде четырехлепестковых розеток.⁹ Второй ряд был составлен из золотых трубочек и полых блях, между которыми были три

¹ Воговка (Scythian art) пытается дать анализ отдельных мотивов скифского «звериного стиля», но делает схематично, не объясняя их хронологич. взаимоотношения.

² М. Ростовцев. Эллинизмо и перанство, табл. V, рис. 1.

³ Придик. Мельгуновский клад. МАР, 31, 1911 г., табл. III, рис. 2.

⁴ ОАК 1909—1910, стр. 151, рис. 216. О датировке см. Г. Боровка. Бронзовый олень из Ульского кургана. Изв. РАИМК, т. II, 1922, стр. 193. Б. Фармаковский в *Archaeologischer Anzeiger* за 1910 г., XXV, стр. 196.

⁵ ДП III, 7, табл. XLV, № 461.

⁶ М. Ростовцев (Скифия..., 507) видит здесь двух горных козлов, «стоящих на подогнутых задних ногах, один вправо, другой — влево, гербообразно, спинами один к другому, причем головы повернуты в противоположную туловищу сторону и соприкасаются лбами». Мне же кажется, что они находятся в более естественной позе, — лежащими с подогнутыми ногами.

⁷ А. Бобринский. Курганы..., III, стр. 139, фиг. 71 и табл. XVIII, 2; ДП III, табл. LIX.

⁸ А. Бобринский. Курганы..., III, рис. 74.

⁹ Там же, рис. 75.

бусы из горного хрусталя и одна буса из сердолика.¹ Третий ряд ожерелья состоял из 26 бус из полудрагоценных камней и стекла. Тут же были 84 янтарных бусы.² На повязке против ушей находились две массивные золотые серьги типа гвоздя со шляпкой.³ На шее второго остова находились два ожерелья. Одно состояло из свыше 160 шт. раковин, другое — из 31 бусы из композиции и 21 бусы темных (?). Между ними — масса мелких желтых и черных бус. С правой стороны стояло песчанниковое блюдо овальной формы с небольшой резной ручкой.⁴ В блюде лежал кусок розовой краски. Ниже блюда лежало бронзовое зеркало с железной ручкой.

Третий остов. На поясе его лежал железный клинжал с деревянной ручкой. С правой стороны, у головы, лежал железный наконечник копья с продольным ребром по середине. На левой стороне был колчан. Здесь подобрано свыше 160 шт. наконечников стрел. «Все листовидные и пирамидальные, древнего типа с крючками...» В ногах остова и вообще по южной стене могилы стояла посуда местного производства. «Типы те же, напр., чарочка с высокой ручкой, — тип общезвестный, но здесь две чарочки соединены вместе, с отверстием по середине, и к ним приделана одна общая ручка; или сделан большой, в 0.265 м высоты, сосуд формы тех же ковшей с высокой ручкой, но к нему приставлены 2 высокие ручки. Тут же стояли 3 больших горшка: один — очень широкий, а два узких, высоких, с пояском по середине; три простых ковша с высокой ручкой и маленький сосуд».⁵ Найденные в кургане № 100 вещи дают ряд аналогий к инвентарю кургана № 35. Такой же архаический комплекс наконечников стрел (Rau определяет его время серединой VI в. до н. э.);⁶ такая же форма головной повязки, с тем лишь отличием, что вместо изображения горного козла золотые бляшки дают здесь еще более распространенное в раннескифское время изображение лежащего оленя.

В состав ожерелья второго покойника и здесь входит большое количество мелких пастовых бус. Имеется тут и каменное блюдо, которое особенно сходно с блюдом кургана 447, благодаря наличию и там и здесь фигурной ручки.⁷ Керамика опять-таки состоит исключительно из местных типов с преобладанием чарок. При этом особенно интересен двойной сосуд с высокой ручкой, который весьма напоминает раннегалльштатские формы.

После всего этого не может быть никаких сомнений в том, что курган № 100 относится ко времени не позднее VI в. до н. э.

¹ Там же, рис. 76.

² Там же, табл. XVII.

³ Там же, рис. 77.

⁴ Там же, III, рис. 78. ДП III, табл. LXII, № 3. Поскольку можно судить по рисункам, ручка представляет собою голову барана или грифона.

⁵ ДП III, табл. XII, 5⁶; ДП III, XIII, 2⁶.

⁶ P. Rau, стр. 17.

⁷ ИАК 17, стр. 94, рис. 31. Тут Бобринский дает определенное указание, что ручка имеет форму головы барана.

Как уже было сказано, курганы №№ 35 и 100 раскопок Зноско-Боровского принимаются М. Ростовцевым, как наиболее характерные для устанавливаемой им Каневской группы. Это видно из того, что большая часть определяемых им особенностей этой группы встречается, главным образом, или даже исключительно, в этих погребениях, из всех, к этой группе относимых. Именно на инвентаре этих погребений основывается его вышеприведенное положение об огрубении стиля и качества золотых вещей скифского обихода, о том, что «прекрасные греческие ювелирные работы, напр., ожерелья и серьги заменяются низкими простых каменных, стеклянных и металлических бус и очень простыми формами ушных украшений».¹ Он обращает внимание «на интересную форму головного убора Бобрицкого могильника и Синявки, пользующуюся бляшками скифского обихода, но применяющую их к особой форме головного покрытия, ничего общего с эллино-скифским головным убором не имеющую».² Ссылкой на эти два погребения М. Ростовцев доказывает также, что наличие каменных блюд является характерным признаком Каневской группы, связывающим ее с оренбургскими курганами.³ С изменением же датировки этих погребений оказывается, что все эти черты свойственны как раз раннескифскому времени.

Кроме того, на примерах могил близ Глинища, Герасимовки, Бобрицы и Синявки убеждаемся, что сожжение трупов и частичное сожжение покойника вовсе не составляют особенности погребений III—II вв. до н. э., а встречаются, и даже в большей степени, значительно раньше.

Таким образом, главные признаки, характеризующие позднюю группу М. Ростовцева, отпадают, и она оказывается искусственным объединением разновременных курганов. Вместе с этим, рушатся и те исторические выводы, которые на ней основывались. Если даже согласиться с М. Ростовцевым относительно некоторых курганов, что они датируются III—II вв., то все же у нас не остается никаких данных, говорящих о качественном отличии их от более ранних погребений, и позволяющих предполагать появление нового этноса. Не остается также места для проведения аналогий с оренбургскими курганами, для доказательства движения сарматов с востока. Но можно сказать заранее, что число курганов Среднего Приднепровья, действительно относящихся к III—II вв., должно будет при тщательном исследовании все более сокращаться, особенно, если проверить также те из погребений, которые датируются греческой керамикой.

¹ Ростовцев. Скифия..., стр. 501.

² Там же, стр. 502.

³ М. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл., стр. 69—70. Там же находка каменных блюд в могильнике близ Гуляй-Города рассматривается как доказательство «сравнительно поздней даты могильника». В примечании к стр. 70 Ростовцев оговаривает находку блюда в кургане 447: «На этот раз V—IV вв. до н. э.»; однако, в «Скифия и Боспор» он же относит этот курган к VI в. до н. э.

B. RABINOVIČ

SUR L'ÂGE DE QUELQUES TUMULI SCYTHIQUES DE LA RÉGION
DU DNIÉPR MOYEN

RÉSUMÉ

L'auteur soumet à une révision les dates attribuées à certains tumuli scythiques de la région du Dniepr moyen, ainsi que les déductions concernant l'histoire de la culture basées sur ces dates.

On sait que dans sa classification des tumuli scythiques, M. Rostovcev range les tumuli des III—II-e siècles avant l'ère chrétienne de la région du Dniepr moyen en un groupe à part, comprenant le «groupe de Kanev» dans le pays de Kiev et une série de tumuli de l'ancien district de Romny dans le pays de Poltava. L'unité de ce groupe réside pour lui dans le passage du rite du dépôt du cadavre au rite de son incinération partielle ou totale, ainsi que dans une série de traits nouveaux qu'offre à son avis le matériel funéraire et qu'il définit sommairement, tels que: apparition de nouvelles formes de vêtements, d'armement, de parures de cheval et de parures humaines; style et qualité plus grossiers des objets en or, remplacement des ouvrages d'orfèverie par des formes de parure plus simples. En même temps, se basant sur cette combinaison de la déposition et de l'incinération du cadavre et sur la similitude de certains éléments du matériel (plats de pierre, poignards de forme nouvelle), Rostovcev rapproche le groupe tardif du Dniepr moyen du groupe d'Orenbourg, qu'il admet comme sarmate, les rattachant tous deux à une seule et même vague de migration venue de l'Orient. Mais comme ces constructions théoriques de Rostovcev ne s'appuient pas sur l'analyse de l'élément local du matériel, qui en constitue la masse essentielle, elles se trouvent être très fragiles. L'auteur du présent travail procède à l'examen des objets trouvés dans quatre sépultures rapportées au groupe tardif du Dniepr moyen, ce qui l'amène à la conclusion qu'en réalité ces sépultures appartiennent à une époque de beaucoup plus ancienne — le VI-e siècle avant l'ère chrétienne.

Le premier de ces tumuli, situé près le village Glinistché (ancien district de Romny du gouvernement de Poltava), fouillé d'abord par des paysans et dont l'exploration fut achevée par A. Bobrinskij, renfermait une fosse funéraire avec charpente, au-dessus de laquelle subsistaient des traces d'un feu; on y a recueilli les objets suivants: objets de bronze — miroir, pointes de flèches et anneaux avec parties en relief; boucle d'oreille en or et perle en agate. Rostovcev, se référant à Bela Posta, rapporte cette sépulture au II-e siècle avant l'ère chrétienne. Or les formes des pointes de flèches, dont la majorité sont bilobées, et du miroir, qui possède un manche central constitué par deux petites colonnes couronnées par une plaque, donnent la conviction

qu'une partie des objets trouvés ici datent du VI-e siècle avant l'ère chrétienne, que nous avons ici un mélange du matériel de deux sépultures et que la fosse à charpente et traces de feu appartient à une sépulture scythique de la période ancienne. L'auteur produit une série de pièces (miroirs semblables trouvés dans les tumuli de Kélermès) prouvant le caractère archaïque des miroirs du type susindiqué, ce qui est indispensable pour pouvoir dater les autres tumuli étudiés, dont deux renfermaient également de pareils miroirs.

Dans le second tumulus, situé près le village Guérassimovka (ancien district de Romny), qui a été exploré par Samokvasov, on a constaté également des traces d'incinération au-dessus de la fosse à charpente. L'auteur date cette sépulture du VI-e siècle avant notre ère, en se fondant sur la présence ici d'un miroir, d'une petite coupe en argile à poignée élevée, de nombreuses petites perles en pâte, de plaquettes de bronze en forme de croix, d'épingles en forme de clous et d'un plat ovale en pierre, objets dont on connaît de nombreux analogues dans le matériel des tumuli archaïques de Kélermès, de Jourovka et d'autres localités.

Les deux derniers tumuli, fouillés par Znosko-Borovskij, se trouvent dans l'ancien district de Kanev du gouvernement de Kiev, l'un près le village de Bobritsa (№ 35), l'autre près le village de Siniavki (№ 100). Ils ont beaucoup de traits communs et sont tous deux cités par Rostovcev comme particulièrement caractéristiques de son «groupe de Kanev». Cet auteur admet comme nouveaux et postérieurs une série de caractères observés dans ces sépultures: incinération partielle du mort et des objets qui lui appartenaient (tumulus № 35), coiffures faites de petites plaques d'or estampées, pendants d'oreilles en forme de clous, perles en pierres semi-précieuses et plats de pierre. Or les parallèles établis par l'auteur démontrent que c'est précisément dans les sépultures du VI-e siècle avant notre ère que toutes ces particularités se rencontrent le plus souvent. Bien mieux — une partie des objets trouvés dans ces deux sépultures sont propres exclusivement aux tombes de la période scythique ancienne, à savoir: les pointes de flèches bilobées, les petites coupes en argile à poignée élevée, le miroir à manche central, les nombreuses petites perles en pâte.

L'examen critique de ces quatre sépultures prouve donc qu'elles ne peuvent être rapportées aux III—II-e siècles avant l'ère chrétienne et que les particularités essentielles dans le cérémonial funéraire et le matériel caractérisant, selon Rostovcev, le groupe tardif des sépultures du Dniepr moyen créé par lui, sont en réalité propres aux tumuli scythiques de la période ancienne. Si l'on tient compte, en outre, des recherches de B. Grakov, qui ont établi que les tumuli de Jablonovka, rangés par Rostovcev dans le groupe de Kanev, appartiennent en majorité à l'époque archaïque, il deviendra évident que le groupe tardif du Dniepr moyen réunit tout artificiellement des sépultures de différents âges. Par conséquent l'hypothèse de l'apparition d'une ethnie nouvelle, qui se basait sur l'existence de ce groupe, ne se trouve pas confirmée.

М А Т Е Р И А Л Ы

В. А. ГОРОДЦОВ

УРТУЙСКАЯ МИКРОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В БАССЕЙНЕ р. АМУРА

В начале текущего 1935 г. меня познакомила геолог — Екатерина Алексеевна Шебарова — с интересной коллекцией каменных орудий и других предметов, собранных ею и А. А. Макуни в юго-восточном Забайкалье. Я посоветовал направить коллекцию в Археологический музей Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР и опубликовать в соответствующем научном издании. Несколько позднее Е. А. Шебарова просила меня сделать описание ее коллекции и передать последнюю в названный музей. О месте, времени и обстоятельствах находки предметов коллекции привожу текстуально выдержки из письма Е. А. Шебаровой.

«Во время геологических исследований в юго-восточном Забайкалье, летом 1934 г., — пишет она, — геологами А. А. Макуни и Е. А. Шебаровой были найдены орудия и предметы обихода доисторического человека. Место находки расположено на одном из пологих отрогов северного окончания горы Шилы, на древней террасе (IV надпойменной), возвышающейся на 50 м над тальвегом долины р. Уртуя, левого притока р. Турш, впадающей справа в р. Онон (бассейн Амура). Терраса сложена из мелкозернистых желтых песков, частью развеваемых ветром, в результате чего образовалась довольно значительная котловина выдувания, размерами в 350 × 200 м. Часть песков навевана ветром в барханы. В северо-западном участке котловины выдувания, где пески снесены ветром, выступают мелкие, низкие пирамидальные останцы, сложенные из глинисто-песчаных и суглинистых материалов с примесью золы, составляющих „культурный слой“. В углублениях между останцами и были собраны наконечники стрел, скребки, сверла, молоток, нуклеусы, черепки посуды и др. Вместе с ними были найдены многочисленные осколки тех же пород, из которых сделаны орудия, свидетельствующие о том, что выработка их производилась здесь же. Материалом послужили разноцветные яшмы, полупрозрачные, молочного цвета халцедоны и агаты, а для молотка — окатанная галька зеленовато-желтоватого мелко-зернистого, крепкого песчаника. Все эти породы, довольно широко развитые в юго-восточном Забайкалье, отсутствуют на горах Шилы и в бли-

жайших окрестностях, сложенных из метаморфизированных сланцев и песчаников немого палеозоя и, следовательно, были принесены сюда издалека. Найденные здесь же кусочки оплавленной медной руды (малахита), также отсутствующей на горах Шилы, указывают на то, что к этому времени человек был уже знаком с металлическими (медными) изделиями».¹

Приведенное описание достаточно ясно и точно. Памятники древней культуры происходят из очень глухой местности и являются первыми вестниками, свидетельствующими о минувшей трудовой жизни теперь исчезнувшего населения местности, а это сообщает найденным вещам особенный интерес, который усиливается красотой совсем необычного в Европе цветного материала каменных орудий, отличающихся изящностью форм и совершенством технических приемов их выработки. Все это свидетельствует о довольно развитых бытовых чертах и вкусах первобытного населения.

В технике выработки каменных орудий господствует «отжимная» и «зубцеватая». Более примитивная «сколотая» техника практикуется только для обработки нуклеусов. Орудия преобладают малых (микромитических) размеров, что, повидимому, обуславливалось не эпохой их существования, а небольшими гальками обрабатываемого материала и специальным назначением вырабатываемых орудий.

В состав коллекции предметов входят: 1) нуклеусы, 2) наконечники стрел, 3) скребки, 4) скребковидные предметы загадочного назначения, 5) ножевидные пластинки, 6) вкладыши, 7) проколки, 8) нуклеовидные долотца, 9) один молот, 10) одна галька с природным отверстием и 11) группа обломков глиняной посуды.

Нуклеусов имеется четыре (рис. 1—4); все они из яшмы, два зеленоватого, один желтого и один красновато-шоколадного цвета. Зеленоватые нуклеусы (рис. 3 и 4), повидимому, происходят из одного куска породы; на древних поверхностях их наблюдаются прекрасно выраженные веточки дендритов; оба эти нуклеуса призматической формы; наибольший из них имеет в длину 8.5 см, в ширину — 4.5 см и в толщину — 3.5 см; наименьший же в длину имеет 5.9 см, в ширину — 4 см и в толщину — 2.3 см. Желтый нуклеус продолговатой призматической формы, длиной 4.5 см, шириной 1.9 см и толщиной — 1.5 см. Красновато-кофейный нуклеус той же призматической формы, длиной 3.7 см, шириной 2.3 см и толщиной 1.9 см.

Наконечников стрел имеется 22 экземпляра, из них: два яшмовых и двадцать халцедоновых (рис. 5—7). Целых наконечников четыре, остальные фрагментированы. Один яшмовый наконечник выделяется своими более крупными размерами, достигая в длину 4.8 см и в ширину 2.4 см; прочие наконечники имеют малые размеры, из них наибольший достигает всего лишь 3.3 см в длину и 1.6 см в ширину, а наименьший — 1.4 см в длину и 1.2 см в ширину. Все целые наконечники стрел и их обломки, сохранив-

¹ Письмо Е. А. Шебаровой от 22 VI 1935.

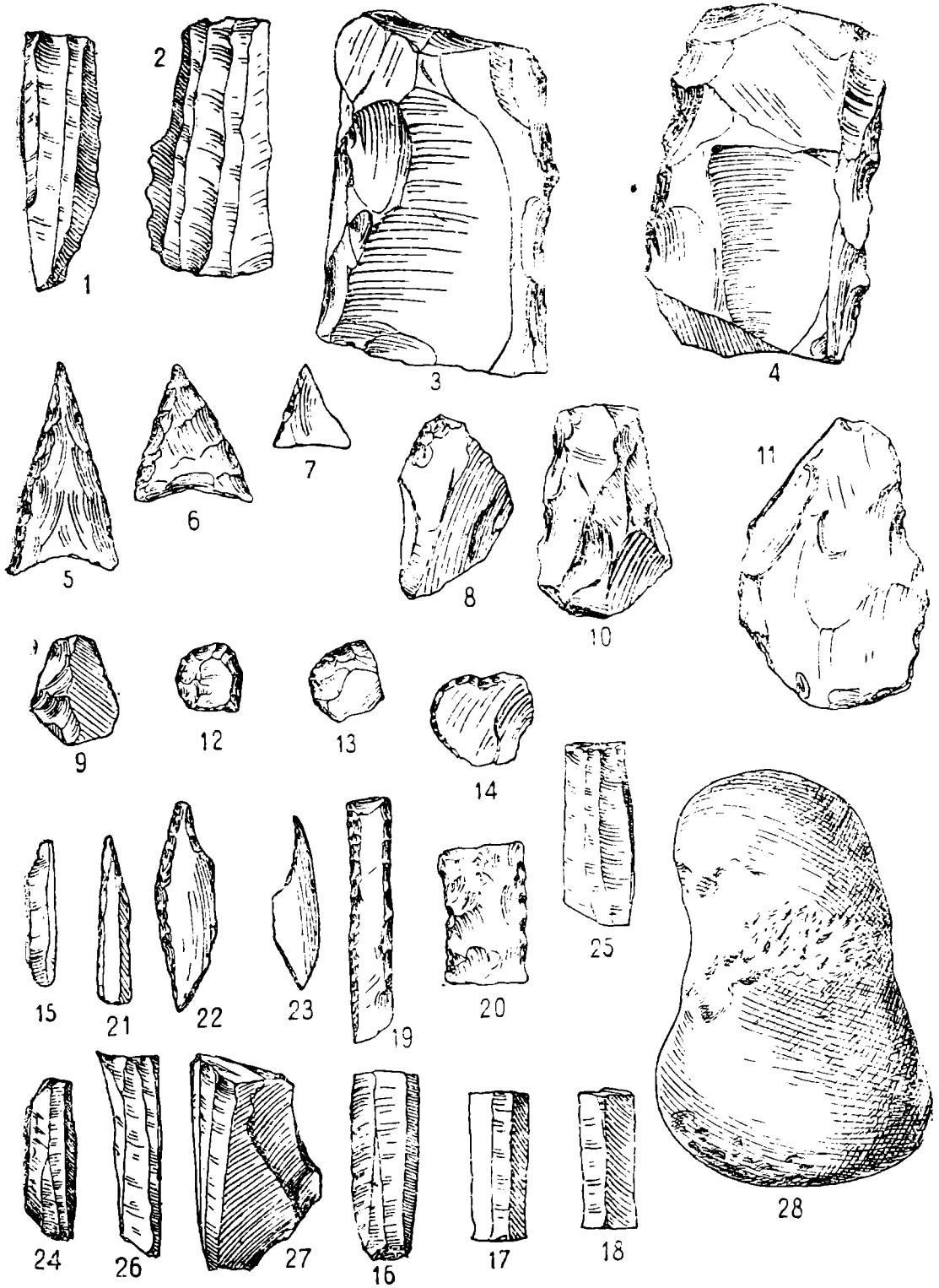

Рис. 1—4 — нуклеусы; 5—7 — наконечники стрел; 8—11 — скребки; 12—14 — скребко-видные предметы; 15—19 — ножевидные пластинки; 20 — вкладыш; 21—23 — проолжки; 24—27 — нуклеовидные долота; 28 — каменный молоток.

шие основания, принадлежат к типам трехгранных с выемкой в основании. Эти типы позднего происхождения: в неолитических культурах территории СССР они никогда не встречаются и характерными становятся только в металлическом периоде, в эпохи палеометаллическую и отчасти неометаллическую. Ниже мы увидим, что уртуйские наконечники стрел, как и другие сопровождающие их предметы, с наибольшей вероятностью могут быть отнесены к ранней поре последней из названных эпох, т. е. приблизительно от XII до I в. до н. э.

Скребок в коллекции имеется пять (рис. 8—11); все они из разноцветных кусков яшмы. Наибольший из них имеет в длину 7.2 см и в ширину 5.6 см; все прочие скребки значительно меньших размеров; самый же малый из них имеет в длину только 2 см, а в ширину 1.5 см. Три скребка относятся к типам высоких, предназначавшихся, вероятнее всего, для обработки дерева, и два наиболее крупных скребка — к типам низких, вероятнее всего, игравших роль в обработке шкурок и кож животных. Один из последних скребков (рис. 11) имеет рабочий конец сильно сглаженным. Изучая характер сглаживания, невольно приходишь к заключению, что работа этим инструментом велась по мягкому материалу, не оставлявшему на лезвии никаких зазубринок и царапин, что и убеждает в назначении скребка обрабатывать именно мягкие шкурки небольших зверьков.

Чрезвычайно любопытна группа скребоквидных мелких предметов загадочного назначения (рис. 12—14). В коллекции их имеется семь штук; из них шесть — из халцедона и одна — из зеленовато-желтой яшмы (рис. 14). До сих пор подобные предметы относились к микролитическим скребкам, однако с этим едва ли можно согласиться, потому что предметы эти слишком малы: от руки, без рукоятки, ими трудно работать, но их трудно связать и с рукоятками, так как они толсты и в то же время миниатюрны. Наиболее крупным из них является яшмовый предмет, имеющий в длину 1.7 см и в ширину — 1.5 см; но его лезвие обработано фигурно, и весь предмет напоминает сердечко или пятно червонного туза с отрезанной вершиной, а это говорит более за декоративное, а не служебное назначение. Все халцедоновые предметы группы имеют размеры меньше; четыре из них, самых меньших, напоминают формой пуговицы и возбуждают вопрос, не служили ли они в роли украшений одежды.

Любопытно, что совершенно аналогичные скребоквидные микролитики были находимы и в других местностях, напр., в калмыцких степях Приморского района. Калмыцкие скребоквидные предметы так же, как и уртуйские, сопровождаются микролитическими типами каменных орудий. Известны подобные явления и в других местностях.¹

¹ Собрание микролитов т. Мовсева 1920—1922 гг., найденных в Крыму, на Яйле. Собрание хранится в музее Инст. антропол., этногр. и археол. Акад. Наук СССР, в Ленинграде. В этом собрании имеется кремневое скребоквидное орудие, дл. в 1.7 см, шир. — 1.2 см и толщ. — 0.35 см, которое, по своей округлой форме, вполне схоже с калмыцкими и уртуйскими.

Ножевидных пластинок найдено 41 экземпляр (рис. 15—19), но из них целых совсем не оказалось. Все они сделаны из разноцветной яшмы, преимущественно зеленого, реже желтого и красновато-шоколадного цвета. Один осколок, наиболее хорошо сохранившийся, имеет на нижней плоскости ретушь на обоих ее продольных краях. Назначение этих орудий не совсем ясно. Возможно, что многие из них играли роль «вкладышей», костяных и деревянных режущих орудий зубцеватой техники. Подобные орудия известны и в среднеуральских торфяниковых стоянках, и в окрестностях Иркутска. Размеры пластинок варьируют между 4.1 см и 0.9 см в длину и между 1 см и 0.5 см в ширину. Толщина пластинок совсем незначительна, что и обуславливает их ломкость.

Несомненных вкладышей имеется четыре, из них три халцедоновые (рис. 20) и один из светложелтой яшмы. Целый вкладыш найден только один: он имеет четырехугольную форму и тонко отретуширован со всех сторон. Длина его равна 2.4 см, а ширина 1.4 см. Три фрагментированные вкладыша имели также четырехугольную форму и были так же отретушированы со всех сторон. Присутствие в культуре этих несомненных вкладышей и является основанием для допущения, что часть ножевидных пластинок могла также служить вкладышами зубцеватых деревянных и костяных орудий.

Прокол в коллекции имеется три (рис. 21—23); все они сделаны из халцедона. Одна проковка дублированная (двойная): ее оба конца тщательно отретушированы, но вершинка одного конца отломана. Длина этого орудья равна 3.6 см, ширина — 0.9 см. Две другие проковки — одноконечные, размеры их меньше; острия очень тщательно отретушированы.

Совершенно особенный интерес представляют нуклеовидные долота, подобные которым, насколько автору заметки известно, еще нигде не встречались. Эти небольшие орудья (рис. 24—27) сделаны из нуклеусов, обработанных отжимниками. Когда нуклеусы были использованы настолько, что от них больше нельзя было отделять пластинок, их назначили служить долотами, имевшими несколько скошенные лезвия. Такой формы лезвия получают иногда при отжимании пластинок, так сказать, естественным путем (рис. 27). Нуклеусы с такими случайными лезвиями, повидимому, и послужили образцами для специальной выработки миниатюрных нуклеовидных долот, причем лезвия их формировались специальной ретушью. В результате получился оригинальный и устойчивый тип орудий. Всего таких орудий найдено 8 экземпляров, из них 5 экз. совершенно целых и 3 экз. с отбитыми лезвиями.

Приводим описание целых поштучно.

1. Нуклеовидное долотце из желтоватой яшмы с более бледными прожилками, длиной в 3.6 см, шириной — в 1.2 см и толщиной — в 0.8 см, с лезвием естественным, т. е. не обработанным дополнительной ретушью.

2. Нуклеовидное долотце из темножелтоватой яшмы со светлыми прожилками, длиной 3.3 см, шириной 1.2 см и толщиной 1.2 см. Скошенное лезвие тщательно отретушировано с обеих сторон.

3. Нуклеовидное долотце из яшмы кофейного цвета. Длина его 3.8 см, ширина 2 см и толщина 1.5 см. Скошенное лезвие подправлено ретушью и сильно притуплено, может быть, в работе.

4. Нуклеовидное долотце из темнозеленой яшмы. Длина 2.8 см, ширина 1 см и толщина 0.8 см. Скошенное лезвие тщательно подправлено ретушью, но только с одной стороны.

5. Нуклеовидное долотце из светлозеленой яшмы. Длина — 4.5 см, ширина — 1.3 см и толщина — 0.9 см. Лезвие подправлено с обеих сторон.

6—8. Нуклеовидные долотца с отбитыми лезвиями. Все они небольших размеров.

Имеется в коллекции одно клювовидное халцедоновое орудие, повидимому, служившее для разрезания тонких шкурочек мелких зверьков. Длина — 2.3 см, ширина — 1 см и толщина — 0.6 см.

Имеются еще четыре обломка халцедоновых орудий и два халцедоновых осколка, на описании которых останавливаться нет необходимости.

Каменный молоток сделан из окатанной гальки желтоватого песчаника (рис. 28). На молотке для скрепления с рукояткой пробит каким-то острым орудием желобок: ударная (рабочая) плоскость молотка сплошь сбита, что указывает на продолжительное пользование молотком. Длина его равна 10 см, ширина — 5.5 см и толщина — 4 см. Предмет, по своей примитивности, заслуживает внимания.

Природная галька с природным круглым отверстием, напоминающим искусственное отверстие. Галька из желтоватой яшмы представляет тот интерес, что она является предметом, принесенным древним человеком на стоянку издали, а, следовательно, она по той или другой причине заинтересовывала человека. В русской деревне подобные гальки с природными отверстиями пользовались мистическим значением: их считали «куриными богами» и вешали на куриных нашествиях, чтобы куры несли больше яиц. Возможно, что подобным мистическим значением пользовалась и описываемая галька у древнего человека Уртуйской стоянки, что и могло побудить его принести гальку к своему временному или постоянному жилищу издали.

Этим исчерпывается весь каменный материал, собранный на Уртуйской стоянке. На ряду с этим материалом найдены оплавленные кусочки медной руды (малахита) и обломки довольно грубой керамики.

В коллекции находятся два небольших кусочка малахитовой руды, которые свидетельствуют, по верному замечанию Е. А. Шебаровой, о том, что человек, принесший и оплавивший руду, был знаком с металлическими изделиями; но был ли этот человек владельцем и описанных каменных орудий? Решение этого вопроса требует продолжения исследований на месте, где могут существовать более определенные и ясные признаки отношений

производств каменных орудий к металлическим (медным) изделиям. О возможности их одновременного существования и принадлежности одному и тому же человеку говорят, как отмечено выше, наконечники трехугольных стрел с выемками в основании, которые мы склонны относить к металлическому периоду.

Загруднение имеется и в увязке обломков глиняной посуды с каменными орудиями: им ничто не мешало быть и разновременными. В пользу их одновременности может говорить то, что в глухой пустынной местности эти памятники могли, вернее всего, отложиться в почве одновременно, а если бы это было действительно так, то комплекс всех предметов Уртуйской стоянки приобрел бы совершенно исключительный научный интерес, и это потому, что керамика в состоянии дать более точную дату микролитическому каменному инвентарю всей территории СССР, Польши и, вероятно, других стран. В конце XIX и в начале XX вв. микролитические каменные комплексы относили или к конечной стадии палеолитической, или начальной стадии неолитической эпох. Однако с течением времени мало-по-малу накапливались факты, указывающие на существование микролитических орудий и в более позднее время металлического периода. Из советских археологов первой обратила внимание на это моя бывшая ученица В. В. Гольмстен, которой удалось установить на самарских дюнах залегание характерных микролитических кремневых орудий, на ряду с культурами, относящимися, несомненно, к металлическому периоду.¹ После подобные явления стали повторяться все чаще и чаще, и поэтому факты, наблюдаемые на Уртуйской стоянке, не представляют какой-либо неожиданности.

Уртуйская керамика представлена пятнадцатью небольшими кусками, происходящими от разных глиняных сосудов. Судя по этим обломкам, следует заключить, что сосуды делались из глины, смешанной или с песком, или с дрсвой. Сосуды вылепливались от руки, без помощи гончарного круга, но при помощи устойчивых основ, сооружаемых из грубых тканей, причем, повидимому, существовало два разных приема лепки сосудов: 1) лепки внутри спитого мешочка, оставлявшего отпечатки ткани на стенках снаружи, и 2) лепки на узлах, охваченных тканью, оставлявшей отпечатки на стенках внутри сосудов. Отпечатки тканей часто сглаживались, особенно внутри сосудов, с очевидною целью сделать сосуды более опрятными и чистыми.

Отпечатки грубой ткани на внешних стенках имеют два уртуйских черепка, а отпечатки на внутренних стенках не без труда прослеживаются только на одном обломке. На всех других обломках отпечатки сильно сглажены.

Оба приема лепки сосудов возникли очень рано, именно, в позднюю пору неолитической эпохи, но продолжают существовать не только в течение

¹ Об изложенном открытии велась оживленная переписка между В. В. Гольмстен и автором настоящей заметки. Письма хранятся у последнего. Автор.

всей палеометаллической, но и почти всей неометаллической эпохи. Области распространения обоих гончарных приемов служат средняя полоса восточно-европейской равнины, затем северная Азия (до Камчатки включительно) и С. Америка.

Ургуйский прием лепки сосудов внутри груботканых мешочков точно совпадает с приемами, практиковавшимися в Сибири и Окско-волжской области Средней России, в раннюю и отчасти среднюю поры неометаллической эпохи, именно, в первом тысячелетии до н. э. и в первых веках н. э.

Повидимому, к этому времени следует относить и керамику Ургуйской стоянки. На это, а не на более раннее время, указывают и значительная степень обжига, и малая распространенность орнаментики, и обычай сшивания разбитых или треснувших сосудов через просверленные круглые отверстия, какие сохранились на одном из обломков ургуйских сосудов. Принимая же во внимание, что наконечники каменных стрел с выемками в основании, равно как и другие виды каменных орудий, к концу I тысячелетия до н. э. становятся редкими, можно, при современном уровне археологического знания, определить время ургуйской микролитической культуры, если только она современна с описанной керамикой, первой (древнейшей) половиной I тысячелетия до н. э., а это указывало бы на огромную продолжительность существования микролитических орудий, вызванных в жизнь в примитивных обществах потребностью иметь каменные орудия с наиболее острыми лезвиями, каковыми и являлись ножевидные пластины, сделанные при помощи «отжимной» техники, а также потребностью иметь длинные костяные и деревянные орудия с такими же острыми лезвиями, что вызвало в жизнь особую «зубцеватую» технику, обеспечивающую возможность соединения острых каменных «вкладышей» с деревянными и костяными усовершенствованными орудиями.

V. GORODÇOV

LA STATION MICROLITHIQUE DE L'OURTOUÏA DANS LE BASSIN
DE L'AMOUR

RÉSUMÉ

En 1935 le géologue Šebarova a fait connaître à l'auteur une intéressante station archéologique, découverte par elle en Transbaïkalie sud-orientale près de la montagne Chila, sur la rivière Ourtouïa (affluent gauche de la rivière Turch, elle-même tributaire de la rivière Onone, bassin de l'Amour). Les trouvailles faites ici caractérisent le genre d'activité de l'ancienne population du pays, aujourd'hui disparue. Ce sont des outils faits d'une pierre de couleur inusitée en Europe, d'une forme élégante et d'un travail parfait. La collection comprend des nucléi, des pointes de flèches, des grattoirs, de petits ciseaux nucléiformes, des lamelles en forme de couteaux, des perçoirs, un marteau, un galet percé d'un orifice naturel, etc.

L'auteur décrit ces objets par groupes et par pièces, les comparant avec les objets analogues trouvés ailleurs.

Outre l'outillage en pierre, on a découvert des fragments de minerai de cuivre (malachite) et une céramique d'argile grossière, que l'auteur décrit aussi, en donnant la caractéristique du procédé de fabrication de la poterie propre à la région de l'Ourtouïa.

П. С. РЫКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ КУРГАНОВ
В УРОЧИЩЕ «ТРИ БРАТА» В КАЛМЫЦКОЙ ОБЛАСТИ,
ПРОИЗВЕДЕННЫЕ В 1933 и 1934 гг.

В 1932 г. во время моего пребывания в г. Элисте, Калмыцкой автономной области, и производства небольших раскопок в районе города, мне удалось ознакомиться с урочищем «Три Брата», которое находится в 17 км от Элисты. Это урочище, расположенное над долиной, в которую выходят многочисленные овраги, обладающие водой, принадлежит к землям колхоза им. Хомутникова (сельсовет Ульдючин 2-й). Вся местность в целом носит название Хамур, т. е. высоты или горы. Она представляет собою покатые увалы значительной величины.

На одном из таких увалов и расположены 4 курганные группы, которые я объединяю под общим именем урочища «Три Брата», но очень условно, так как вдали виднеются еще курганные группы. Такое объединение я делаю в целях наиболее удобной ориентировки, поскольку все эти четыре группы лежат приблизительно в полукилометре и менее друг от друга, тогда как другие группы отстоят значительно дальше. I группа является собственно группой «Трех Братьев» и представлена тремя большими курганами от 5 до 7 м в высоту, расположенными с сев.-запада на юго-восток один на небольшом расстоянии от другого в виде одного ряда. Между средним курганом (меньшей величины) и двумя другими обнаружены каменные круглые кладки без каких-либо признаков могил, костей и т. п.

К крайним двум курганам непосредственно примыкают курганы меньшей величины, часть которых, повидимому, существовала до появления «Трех Братьев», судя по срезанной части насыпи одного кургана, расположенного около сев.-зап. крупного кургана, при насыпке которого и была срезана эта насыпь. Всего в первой группе насчитывается до 30 курганов, большая часть которых и была раскопана в 1933—1935 гг.

II группа находится на расстоянии 0.5 км к востоку от «Трех Братьев» и представляет собой обособленную группу. Между нею и первой группой,

на расстоянии 387 м от первой, открыто каменное сооружение в виде плоской, из одного ряда уложенных камней, дуги длиной до 150 м. На концах ее имеются круглые кладки. Расстояние между концами дуги достигает 100 м при ширине дуги в 1.5—2 м. Произведенное обследование дуги и круглой кладки не дало никаких результатов: под слоем камня не оказалось никаких ям или культурного слоя.

Местные жители, рассказывая об этой дуге, уверяли, что она прежде была хорошо заметна и они считали ее дорогой от крайнего, юго-восточного большого кургана, одного из «Трех Братьев», к одному из крайних курганов во второй группе.

III группа, состоящая из 4—5 курганов, лежит в 0.5 км от первой группы к юго-западу.

Наконец, IV группа лежит к юго-востоку на расстоянии несколько более 0.5 км от первой на склоне к оврагу или балке (сала — по-калмыцки), впадающему в долину Хамура и состоит из 13 небольших курганов. Приблизительно, в 4 км от нее, далее к юго-востоку находится Дом Отдыха — Лала, около которого, уже на другой стороне долины находится еще группа курганов. В 1933 и 1934 гг. Саратовский ниже-волжский институт краеведения им. М. Горького и Саратовский краевой музей, по приглашению Калмоблоно, произвели под моим руководством при участии научных работников И. В. Синицина и Н. К. Арзютова раскопки I и II групп, причем эти раскопки были продолжены в 1935 г. с целью наиболее полного изучения археологических памятников в этом районе, давшем значительные разнообразные материалы, которые относятся к разновременным эпохам. Кроме того, пользуясь случаем отметить, что в 1935 г. почти все наше внимание было сосредоточено на раскопке одного из «Трех Братьев», числящегося под № 9 (I группа), который дал весьма ценные материалы, характеризующие конец бронзы, т. е. время разложения родового строя.

Несмотря на то, что раскопки, как видно из сказанного выше, нельзя считать еще законченными, я считаю возможным опубликование результатов работ, сделанных в 1933 и 1934 гг., воздерживаясь пока от окончательных и полных выводов. Последние я имею в виду дать лишь после работ, намеченных в 1936 г. Всего за два года было раскопано в I группе 11 и начат раскопкой курган № 9 (большой), а во второй группе — 29 курганов.

В результате раскопок можно установить, что все раскопанные памятники разделяются на следующие по времени:

1. Курганы эпохи бронзы, т. е., характерные для родового общества и времени его разложения (III—II тысячелетие до н. э.).
2. Курганы скифо-сарматские, т. е. характерные для времени разложения рода и образования племен (V в. до н. э. — II—III вв. н. э.).
3. Курганы эпохи кочевников XI—XIII вв.
4. Курганы золотоордынской эпохи XIII—XIV вв. (феодалное общество).

Не вдаваясь в подробное описание полученных результатов, отмечу лишь, что некоторые курганы дали совершенно новые для Нижнего Поволжья формы могильных сооружений и новые вещи, указывающие на возможность постановки весьма интересных вопросов, какие в связи с этими находками могут и должны быть поставлены.

Я имею в виду, во-первых, открытие в кургане № 6 (I группы) могил эпохи бронзы, обложенных по краям камнями, чего прежде не встречалось на территории Нижней Волги, и могил необычно обширных для того же времени, в том же кургане. Далее весьма интересным следует считать своеобразное устройство могил в курганах № 24 и № 26 (II группы, в основном, сарматской). Особенно важным считаю находки кольцевых застежек, весьма близких таким же предметам из древних мордовских могильников,¹ — имею в виду курганы № 14 и № 23. Курган № 9 из I группы я исключаю пока из дневника, поскольку раскопка его была в основном закончена лишь в 1935 г. Весьма важным следует считать находки костяков, имеющих деформированные черепа (кург. 1, гр. 1, погр. 2 и кург. 4, гр. 1, погр. 7), поскольку они относятся к эпохе бронзы.

Наконец, следует указать на курган № 7, который дал погребение, относящееся к скифскому времени, судя по характеру ритуала и бронзовому зеркалу, типичному для V—IV вв. до н. э. Замечу кстати, что второе такое же погребение было вскрыто в той же группе в 1935 г. и дало, помимо бронзовых наконечников стрел той же эпохи, грубое каменное изваяние (курган № 16).

В заключение этих общих и кратких замечаний следует сказать, что урочище «Три Брата» дает, по существу, материалы, характерные для различных и притом почти всех стадий общества, когда-либо существовавшего на территории Калмыцкой области.

Это обстоятельство побуждает настойчиво изучать этот район, поскольку он может содействовать установлению наиболее полной картины прошлого южной и юго-западной частей Нижнего Поволжья, связывающих огромный край с Северным Кавказом и донскими степями.

Замечу также, что раскопки 1935 г. значительно дополнили эту картину, не говоря уже о материалах, полученных из кургана № 9 I группы и дали возможность установить хронологическую последовательность погребений, относящихся к эпохе бронзы, при значительном разнообразии их типов.

¹ П. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы, Саратов, 1930.

ДНЕВНИК РАСКОПОК

В урочище «Три Брата», близ колхоза им. Хомутникова, Калмыцкой автономной области, произведенных в 1933 и 1934 гг.

I ГРУППА

Курган № 1

Диаметр — 14 м.

Высота — 0.60 м.

Раскопка производилась квадратным сечением 7×7 м в центре насыпи с небольшим отклонением к югу.

Погребение 1. Около западной стенки сечения кургана, на 50 см за его пределами, на глубине 70 см от поверхности, обнаружена в материковой глине могильная яма глубиной до 15 см, длиной (по линии запад-восток) до 1.50 м и шириной до 85 см. На дне ее лежал костяк человека скорченно на левом боку, будучи ориентирован головой к востоку. Череп костяка, часть позвоночника и плечевая кость правой руки отсутствовали. Около кисти левой руки, направленной к лицу покойника, найден лежащим на боку и днищем обращенный к ней глиняный плоскодонный горшок с хорошо выявленной шейкой и днищем. На закрайке горшка имеется нечто вроде носика. Высота горшка — 18.5 см, диаметр — 16.5 см. На костях, особенно на ступнях, отмечена красная краска.

Погребение 2. На глубине 80 см на расстоянии 1 м к востоку от описанного горшка и 1 м от северной стенки разреза обнаружено второе погребение. На расстоянии 0.40 м от северной стенки лежат на уровне материка четыре крупных каменных плиты, прикрывающие могилу, ориентированную длинной стороной по линии северо-запад — юго-восток.

На расстоянии 0.55 м от юго-восточного края могилы на уровне плит помещаются опрокинутый вверх дном глиняный горшок и около него ножные кости, нижняя челюсть и череп овцы. Горшок имеет в высоту 15.5 см при диаметре в наиболее широкой части туловища до 17.5 см и диаметре днища до 7 см. По нижней части шейки горшка нанесен чеканный елочный орнамент (рис. 1).

Под камнями обнаружена могильная подбойная яма, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад и имеющая в длину 1.70 м, в ширину 0.50 м и в глубину, считая от поверхности материка, 0.80 м. В южной стенке ямы устроен подбой длиной до 1.80 м, шириной — 0.70 м и высотой — 0.65 м. В северной стенке ямы имеется небольшой подбой, над которым в материке сделан срез, где были положены прикрывавшие могилу плиты. В яме лежал костяк женщины на левом боку со скорченными ногами в коленных сочленениях почти прямым углом, а в бедрах — под тупым. Правая рука покойницы, согнутая в локте, лежала на тазу, а левая вытянута вдоль туло-

вища. Покойница была положена головой к юго-востоку, будучи обращена лицом влево. На костях сильно разрушенного временем деформированного черепа отмечена красная краска, покрывающая также и ступни ног.

Рядом с первым костяком лежал второй — мужской костяк, ориентированный также к юго-востоку, на левом боку. Руки его были согнуты в локтях и кистями лежали около стенки подбоя против тазовых костей

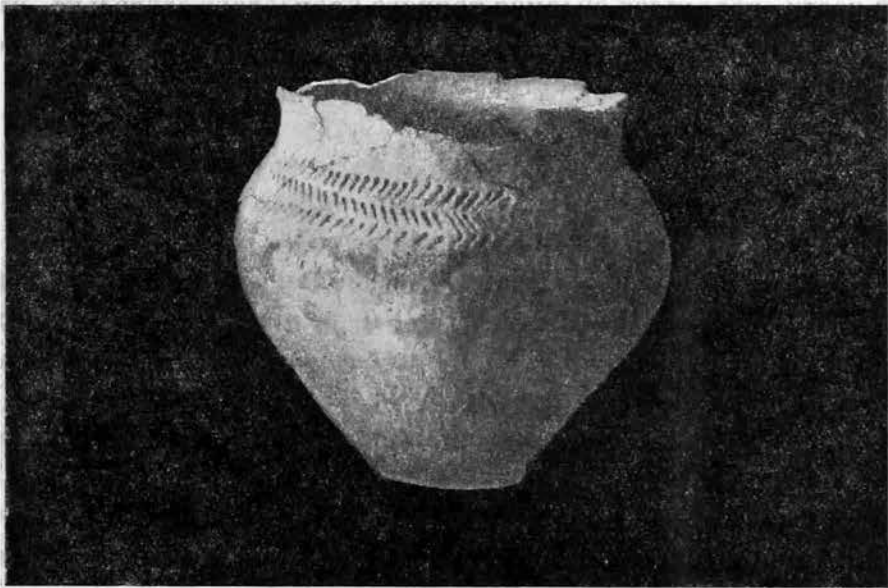

Рис. 1. Горшок из кург. № 1, гр. 1, погр. 2 (1/4 н. в.).

На деформированном черепе и ступнях найдена красная краска, а на грудной клетке лежал небольшой четырехгранный кусочек кварцита. Кости обоих покойников были мощными, но плохо сохранились.

Курган № 2

Диаметр — 8 м.

Высота — 0.40 м.

Раскопка производилась квадратным сечением 3×3 м в центре насыпи, состоящей из желтой глины. Сверху насыпь заросла полынью и ковылем. В центре кургана, на глубине 0.40 м открыта могильная яма, вырытая в погребенной ныне почве, имевшей мощность до 7 см, а далее в материковой глине. Могила ориентирована по линии север-юг с небольшим уклоном к З и имела в глубину до 2 м, считая от поверхности насыпи, в длину — 2.25 м сверху, в ширину — в северном конце — 0.65 м, в южном — 0.35 м и в средней части длины — 0.60 м. По дну яма имела длину до 2.40 м, в ширину — до 0.80 м в северном конце и до 0.30 м в южном. С западной стороны яма имеет приступку в 0.10 м при высоте до 0.33 м.

В засыпке ямы встречались мелкие кусочки гнилого дерева. На дне могилы, будучи ориентирован головой к северу, лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками костяк женщины, имевший длину до 1.60 м. На костях и под ними оказались следы тлена коричневого цвета. На расстоянии 7 см от локтя левой руки покойницы помещался плоский листовидной формы железный наконечник копьяд со стержнем для насада на древко. Длина наконечника — 27 см. Рядом с ним, слегка прикрыв его вершину, лежала баранья лопатка. Рядом с левой частью тазовой кости, близ верхушки бедренной кости, находился обломок тонкого бронзового зеркала, имевшего в диаметре 6 см. Рядом с кистью правой руки лежали железные ножницы длиной 18.5 см, обращенные острием к ногам покойницы.

Курган № 3

Диаметр — 8 м.

Высота — 0.45 м (до древней поверхности).

Раскопка произведена квадратным сечением 3×3 м в центре насыпи.

Погребение 1. На глубине 0.80 м в центре выемки обнаружена могильная яма, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад. Длина ямы — 2.10 м, ширина — 1.60 м и глубина 1.05 м, считая от древней поверхности. На дне ямы лежал костяк мужчины, на спине вытянуто, будучи ориентирован головой на северо-восток. Череп костяка деформирован. Правая рука покойника, согнутая в локте, лежит на тазу. Левая рука и обе ноги уничтожены ямой, вырытой для другого, впускного, погребения. На шейных позвонках костяка найдена небольшая пастовая бусинка в виде цилиндра, сжатого по середине. Длина ее — 1.2 см. На правом плече — на лопатке — лежала железная круглая пряжка, имевшая в диаметре до 3.7 см.

В северном углу могильной ямы против правого плеча покойника стоял глиняный горшок шаровидной формы, горло которого имеет до 12 см в диаметре. Венчик горшка отогнут, орнамента нет. Около горшка лежал кусок мела. В южном углу ямы стоял крупный лощеный кувшин с одной ручкой, короткой шейей, горло которой имеет до 8.3 см в диаметре. Бока кувшина сильно раздвинуты. Рядом с этим кувшином, примыкая к стенкам ямы, стоял горшок небольших размеров, вытянутой формы (около 20 см) с довольно высокой шейкой (до 3 см). Этот сосуд орнаментирован тремя ямочками, расположенными в виде треугольника на горле горшка. В выброшенной засыпке ямы найдено глиняное пряслице, имеющее в поперечном сечении форму шестиугольника.

Погребение 2. В той же могильной яме была сделана вдоль южной ее стенки вторая яма, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток и имеющая в длину 2.05 м, в ширину — 0.55 м и в глубину 1.25 м. Она разрушила частично первое погребение, о чем сказано выше. На дне ее лежал вытянутый костяк мужчины, ориентированный головой к юго-западу. Лицом покойник был обращен направо. Правая рука вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локте и, будучи слегка отведена в сторону от туловища,

кистью лежит на тазу. Ноги были подогнуты и, с течением времени, упали на бок, вправо, в том же согнутом положении. Справа от покойника, вдоль стенки могильной ямы, находился берестяной колчан без стрел, занимающий место немного выше линии локтя и до голени включительно. Длина колчана — 60 см и ширина — 10 см. Колчан сильно сплюснен. На бересте заметны следы черной смолистой краски. Покойник был прикрыт плашками, положенными в количестве 10 поперек могильной ямы. Каждая плашка имела в ширину до 6.5 см при толщине до 0.5 см. Длина плашки равна ширине ямы. Плашки отделялись одна от другой 15—16 см.

Курган № 4

Диаметр — 27 м.

Высота — 1.13 м. Раскопки — выемкой в 12 кв. м.

Курган устроен на естественном холме, давшем ему вид более крупного, чем то имеется в действительности.

Погребение 1. В центре насыпи, в 5 м к востоку от западной стенки разреза и в 4 м от северной стенки, обнаружена грабительская яма, полностью разрушившая погребение человека, кости которого попадались, начиная с глубины 5 см и далее вплоть до материка (глубина — 1 м).

Погребение 2. Та же яма уничтожила почти полностью, за исключением части таза и костей ног, погребение человека, находившееся на 30 см ниже и южнее первого, на глубине 1 м, т. е., на грунтовом слое. Судя по сохранившимся отдельным частям костяка, можно установить, что покойник лежал на левом боку скорченно, и был ориентирован головой к юго-востоку. Кости имели вид мощных, но плохо сохранились. Под костяком была подстилка из крупных стеблей.

Погребение 3. На глубине 1.30 м, на расстоянии 3.50 м от южной стенки и 4.50 м от западной почти рядом со вторым костяком (расстояние около 30—40 см) лежал третий костяк — женщины (?) — скорченно, на левом боку, будучи ориентирован головой на юго-восток. Левая рука покойницы была вытянута в направлении к коленям, а правая, согнутая под тупым углом в локте, кистью примыкает к кисти левой руки. Ноги подогнуты под острым углом. Длина костяка — 1.60 м. На запястье правой руки находилось шесть костных бочкообразных бус. На расстоянии 0.40 от колен покойницы в направлении к юго-западу, опустившись несколько в могильную засыпку ниже лежащей другой могилы, стоял довольно крупный горшок, имевший диаметр в 10 см. Верх и боковые стенки горшка грубо сбиты, вследствие чего получилась миска, в которой лежали угольки от сгоревших прутьев.

Костяк лежал на древесной подстилке, покрытой местами красной краской (мумией).

Погребение 4. На расстоянии 1.50 м от северной и 5 м от западной стенок разреза на глубине 1.20 м, т. е. в грунтовом слое, открыта могильная яма, имевшая в длину 1.70 м, в ширину 0.85 м и в глубину, считая от поверхности кургана, 1.22. Яма ориентирована по линии юго-востока — северо-

запада. На дне ее находился костяк женщины, положенной на левом боку скорченно, ориентированный головою к юго-востоку (рис. 2). Покойница обращена лицом в левую сторону. Правая ее рука, согнутая в локте, помещалась кистью на тазовых костях, а левая рука, согнутая под острым углом от плеча, была

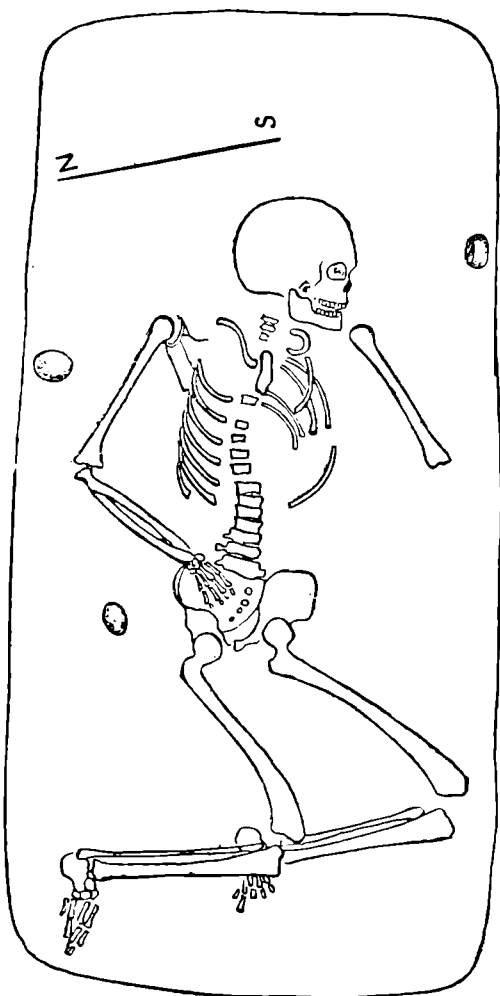

Рис. 2. Кург. № 4, гр. 1, погр. 4.

вытянута вдоль туловища в направлении к краю могильной ямы. Обе ноги были согнуты в коленях почти под прямым углом. Возраст умершей — средний. Под костяком оказалась подстилка из стеблей. Против лица покойницы в углу ямы лежал шаровидный кусок красной краски, находившийся в берестяной коробочке, сохранившейся в незначительных остатках. Около ступней ног обильно была положена большим (10×7 см) и густым слоем красная краска, особенно около правой ступни. Кроме того, отдельные мазки краски и кусочки ее отмечены в разных местах на дне ямы. Около правой плечевой кости покойницы — на половине длины — лежал белый каменный шарик, имевший в диаметре 5 см. Он был благодаря сурчине поднят выше дна на 15 см. Второй такой же шар несколько меньшей величины лежал около тазовых костей, справа от костяка.

Погребение 5 (основное).

1 м На расстоянии 3 м от западной и 2.40 м от южной стенок разреза на глубине 1.40 м открыта могильная яма, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад и имеющая в длину 1.70 м, в ширину — в северо-западной стороне — 1.10 м и в юго-восточной, несколько округленной стороне — 1.25 м. Измерение по дну ямы показывает, что она была значительно расширена внизу, образуя таким образом своими стенками нечто вроде свода, а именно ее длина — 2.10 м, ширина в северо-западной стороне — 1.32 м и в юго-восточной — 1.55 м. Глубина ямы, считая от поверхности грунта — 1 м. На дне ее, по середине, лежал костяк мужчины высокого роста, судя по костям, сильно потревоженный, вероятно, при устройстве третьего погребения. Кости, за исключением немногих, сдвинуты в сторону и отчасти сгружены на месте, где должен был лежать череп, которого в могиле вовсе не оказалось.

Кости ног находились на своем месте нетронутыми, причем они образуют торчащий своей вершиной вверх конус, слегка склоненный к южной стенке ямы.

Покойник был несомненно положен в могиле на спине с подогнутыми и подтянутыми к животу ногами. Судя по сохранившейся вытянутой правой руке, некоторым ребрам и позвонкам, покойник лежал головой к востоку или востоку-юго-востоку. Сверху он был густо посыпан краской, сильно маслянистой, которая лежала слоем в 5—7 см, пройдя довольно глубоко в глину и окрасив ее в буро-красный цвет. Краски было так много, что вся могильная яма по дну и частично по стенкам казалась ярко выкрашенной. Под костями обнаружена подстилка из камыша. Вещей при костяке не было.

Погребение 6. На расстоянии 1 м от западной и 1.60 м от южной стенок разреза в грунтовом слое обнаружена подбойная могила, срезанная другой могилой. Длина могильного входа, судя по сохранившейся западной его части—1.70 м, ширина—по дну—0.90 м, по верху—0.80 м и глубина от поверхности кургана—1.75 м (от поверхности погребенной почвы—1.10 м). Могила ориентирована по линии север-юг. Подбой, устроенный в западной стенке входа, давно обрушился, вследствие чего нельзя было установить его точные размеры. На сохранившемся дне, длиной до 1 м, лежал костяк молодого человека на левом боку, скорченно, с протянутыми внутрь подбоя руками, под острым углом к туловищу. От черепа до плеч костяк срезан при устройстве седьмого погребения, причем от правой руки сохранились лучевая и локтевая кости. Ноги костяка согнуты в коленях под острым углом. Покойник был ориентирован головой к юго-юго-западу. Череп и прочие кости, недостававшие описанному костяку, были найдены в подбое погребения 7, где они лежали около входа в катакомбу. Среди них находилось костяное колечко в виде широкого ободка.

Обращаясь к описанию шестого погребения, надо отметить, что в южном, сохранившемся конце обрушившегося подбоя, стояла круглая глиняная плошка-жаровня на крестовидной ножке (рис. 3). Диаметр плошки—9 см, высота—3 см. Внутри плошки устроено небольшое—до 1.5 см в диаметре округлое отделение, в котором лежало несколько угольков от сгоревшего кизяка; размер одного из них: длина—1.5 см, ширина—0.7 см и толщина—0.5 см. Жаровня орнаментирована по венчику косыми углублениями; так же орнаментирован и венчик отделения в плошке-жаровне. Бока сосуда снаружи покрыты веревочным орнаментом в виде пояска из трех линий, по-верху, с примыкающим к нему снизу рядом, состоящим из пяти равносторонних треугольников, заполненных косыми линиями. Кроме того, в одном из треугольников имеется орнамент в виде лунок. Ножка жаровни по краям орнаментирована мелким трехугольным чеканом. Против одной крестовины ножки непосредственно под пояском имеется круглое отверстие, повидимому, для рукоятки. Под жаровней лежали мелкие крупинки красной краски.

На расстоянии 0.74 м от южного конца подбоя сверху него (на грунте) и в 0.20 м от его западной стенки стоял вверх дном глиняный горшок, рядом с которым лежали ножные кости и нижняя челюсть овцы. Высота горшка достигает 18—20 см, диаметр горла—15 см и диаметр днища—10 см. Стенки горшка орнаментированы чеканным широким—до 3 см, пояском, состоящим по краям из трех веревочных линий и в средней части, занятой такой же, но двойной линией, к которой с обеих сторон примыкает по одной ломаной линии. Образованные ею углы—именно внутренние—заполнены маленькими чеканными завитками (рис. 4).

Погребение 7. Вследствие устройства могильного входа в катакомбу этого погребения была, как сказано, срезана часть могилы и костяка из погребения 6.

Длина входа—1.50 м, ширина 1 м и глубина, считая от поверхности кургана—1.75 м (в грунтовом слое—0.80). Вход ориентирован по линии восток-запад. В южной стенке входа устроено устье катакомбы, имеющее в длину 1 м и в высоту—0.50 м. Вход в катакомбу скошен внутрь на 30 см. Высота катакомбы достигает 0.70 м, т. е. ее дно ниже дна входа на 20 см.

Катакомба имеет в длину 1.80 м и в ширину—1.20 м. Длинной стороной катакомба обращена к югу. По середине, на дне катакомбы, лежал костяк мужчины на левом боку, ориентированный головой к востоку, причем шейные позвонки вместе с деформированным черепом резко выгнуты к юго-востоку. Правая рука, слегка согнутая в локте, кистью направлена к коленям и согнутыми пальцами касается левой бедренной кости на середине длины последней. Левая рука почти выпрямлена и кистью лежит также на левой бедренной кости, как бы охватывая ее, на том же месте, где отмечена и кисть правой руки. Ноги покойника согнуты под острым углом. Покойник был покрыт красной краской, особенно на ступнях. Длина костяка—1.65 м. На правой теменной кости покойника имеется вдавленность овальной формы 2×1.5 см, произведенная, вероятно, ударом тупого орудия (каменного топора). От этого удара часть черепной крышки с внутренней стороны по изгибу отвалилась, прижав таким образом, а, может быть, и разорвав мозговую оболочку. Такая рана должна была быть смертельной. Левое бедро покойника было сросшимся с тазовой костью. На правом бедре, у коленного сочленения, с внутренней стороны отмечен овальный фиолетовый кружок (3.5×2.2 см) с резко очерченными краями и с трухлявым костным веществом—результат, очевидно, омертвления кости. Бедро в разных его местах покрыто фиолетовыми пятнами. Покойник был пожилым человеком и при жизни передвигался, судя по указанным признакам, со значительным трудом. На расстоянии 0.15 м от ступней и на таком же расстоянии от западной стенки катакомбы стоял вверх дном глиняный горшок, имеющий диаметр шейки до 15 см и днища до 7 см. Бока горшка сильно округлены, а шейка со слегка отогнутым венчиком. На ней сделано два защипа, один против другого, очевидно заменяющие ушки. По плечикам горшка нанесен орнамент в виде пояса, состоящего из вере-

Рис. 3. Жаровня из кург. № 4, гр. 1, погр. 6 ($\frac{2}{3}$ н. в.).

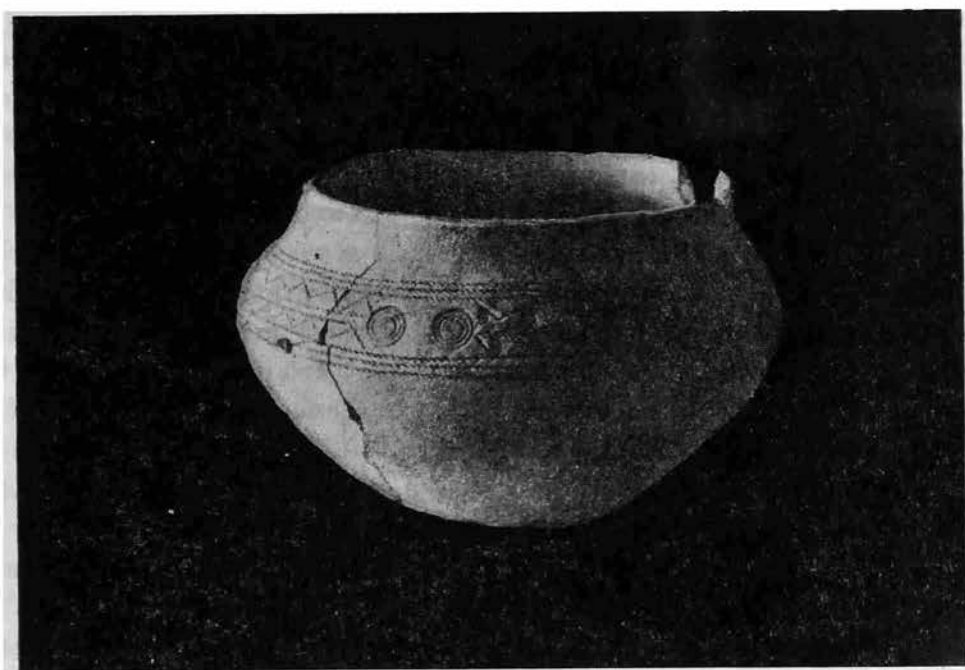

Рис. 4. Горшок из кург. № 4, гр. 1, погр. 6 ($\frac{1}{3}$ н. в.).

вочных линий с заключенными между ними концентрическими кружками, вернее, завитками. Кроме того, такие же кружочки расположены и непосредственно внизу около пояска. Горшок был густо покрыт маслянистой красной краской. Рядом с ним, как было отмечено, лежали череп и кости человека, погребенного в 6-й могиле, чему служит доказательством находка половинки нижней челюсти среди этих костей, тогда как другая найдена при костяке из шестого погребения. Повсюду заметны остатки подстилки из камыша и покрытий из ветвей, имевших толщину до 12 см в диаметре.

Погребение 8. Близ юго-восточной стенки катакомбы погребения 7, соприкасаясь с нею, обнаружено катакомбное погребение. Длина входа — 0.80 м, ширина 0.55 м и высота — 1 м. Вход ориентирован по линии север-юг. Длина устья катакомбы, устроенной в восточной стенке входа — 0.80 м, т. е. во всю длину входа, высота — 0.60 м. Длина катакомбы 0.80 м, ширина — 0.50 м. Форма катакомбы, таким образом, полусферическая. Дно катакомбы покатое в направлении вглубь ее. Перед устьем лежал крупный осколок от большого сосуда с покатым горлом и отогнутым венчиком, а в катакомбе находился костяк очень маленького ребенка, ориентированный головой к югу. Сохранность костяка плохая. Среди костей найден альчик.

Погребение 9. Около северной стенки разреза, на расстоянии 0.80 м от западной стенки на глубине 0.50 м обнаружен разбитый горшок, орнаментированный пояском в виде елочка. Близ него попадались повсюду разбитые кости человека, причем часть берцовой кости носила следы красной краски. Кроме того, здесь же найдены кусочки этой краски. На той же глубине, на расстоянии 4 м от горшка в южном направлении, в 1 м от западной стенки найдена кучка ножных костей овцы и недалеко опять обломки человеческих костей. Очевидно, имеем разрушенное погребение, скорее всего типа погребения 3 или 4 в этом кургане.

Погребение 10. На расстоянии 2.50 м от северной и 3 м от восточной стенок разреза, на уровне грунта найдены врытыми в погребенную почву глиняный горшок вверх дном и около него ножные кости и нижняя челюсть овцы. Горшок того же размера и типа, что и при погребении 6, т. е. пышно орнаментированный (рис. 5). Предполагаемое близ горшка погребение, несмотря на проведенное широкое обследование, не было обнаружено. Возможно, что в этом случае его и вовсе не было, а горшок был помещен в насыпь с какими-то особыми ритуальными целями.

Погребение 11. На расстоянии 0.20 м в западном направлении от могильного входа в катакомбу погребения 7 открыто на глубине 1.40 м маленькое детское катакомбное погребение. Длина входной ямы, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток, равна 1 м, ширина — 0.50 м и глубина 0.40 м. В северо-западной стенке входа устроена маленькая катакомба, имевшая в длину 0.21 м, в ширину — 0.25 м и в высоту — 0.20 м. На дне катакомбы находились в беспорядке остатки детского костяка, среди которых найден кусок красной краски. Около юго-западной стенки во входе лежал на боку небольшой горшок с невысоким горлом и отогнутым венчиком, ориентиро-

ванным косой насечкой. По плечикам имеется веревочный орнамент в виде пояска из трех линий и ямочных вдавлений.

Около северного края могильного входа стояла глиняная плошка-жаровня, плохой сохранности, без ножки.

Курган № 5

Диаметр — 7 м.

Под дерном обнаружена не могила, а каменная кладка, состоящая из камней разной величины (от 11—30 см), лежащих вплотную и составивших таким образом, как бы помост. На камнях и между ними, в щелях, попадались довольно много костей разных домашних животных, а именно: овцы,

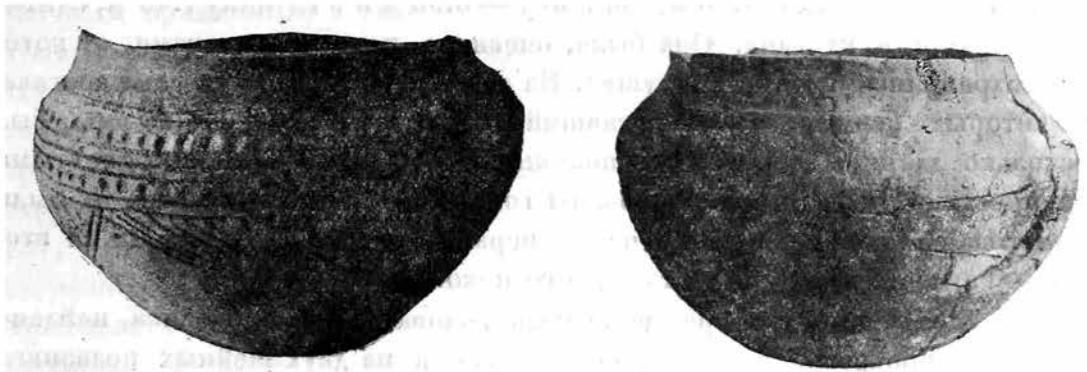

Рис. 5. Горшок из кург. № 4, гр. 1, погр. 10 (1/3 н. в.).

Рис. 6. Горшок из кург. № 6, гр. 1, погр. 1 (1/3 н. в.).

коровы, верблюда и лошади. В центре круга камни лежат более редко и сами они мельче. Впрочем, в данном случае можно предполагать, что насыпь эту кто-то копал, напр., судя по рассказам, пастухи, искавшие клады.

Повидимому, эта каменная кладка имела ритуальный характер, может быть здесь был жертвенник.

Курган № 6

Диаметр — 22 м.

Высота — 1.35 м.

Сечение насыпи — в центре, с небольшим отклонением к югу — 9 кв. м. Курган расположен на самом краю рва северо-западного крайнего большого кургана — одного из «Трех Братьев».

По гребеню 1. Вдоль восточной стенки разреза на расстоянии 1.30 м от южной его стенки открыта грунтовая могильная яма, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток и имеющая в длину—сверху—1.30 м, внизу—1.70 м, в ширину—1 м и в глубину—1.10 м от грунта, а от поверхности кургана—до 2.25 м. Таким образом оказалось, что стенки ямы кверху суживаются, чем ей придается несколько куполообразный вид. На дне ямы лежал скелет мужчины длиной до 1.75 м, на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми в коленях ногами, упавшими в правую сторону, при-

чем коленными сочленениями кости ног уперлись в западную стенку ямы. Правая кисть руки лежала под бедряными костями, а левая — на бедре и тазовых костях. Покойник был положен головой к северо-западу.

Справа от него, в расстоянии 15 см от черепа и выше на 5 см, лежал на боку глиняный горшок формы близкой к шаровидной, с невысоким горлом, отогнутым венчиком и вдавленным внутрь дном малого диаметра (рис. 6). На сосуде обнаружены значительные следы красной краски (мумии), которой оказались покрыты плечи, грудь и ступни ног покойника. На дне могилы попадались отдельно небольшие кусочки угля.

Погребение 2. В расстоянии 1.40 м от западной стенки разреза, вдоль его южной стенки, открыта могильная яма, ориентированная по линии восток-запад и имевшая в длину 1.50 м, в ширину — 0.90 м и в глубину 1.40 м, считая от поверхности кургана. Она была, очевидно, прикрыта ветками, от которых сохранились остатки гнилушек. На дне ямы лежали два детских костяка, из которых первый, т. е. лежавший ближе к южной стенке ямы, был несколько длиннее второго. Оба покойника лежали на спине с вытянутыми конечностями и были ориентированы головами к востоку. Черепа их были сдвинуты грызунами, причем череп первого находился на груди, а второго — на месте левой части таза этого покойника.

На том месте, где прежде лежала голова первого ребенка, найдено небольшое бронзовое проволочное колечко, а на двух шейных позвонках заметны пятна медной окиси от разложившегося металлического предмета.

Рядом с локтем левой его руки отмечено пятно красной краски. Дно могильной ямы между южной ее стенкой и костями левой ноги первого костяка усыпано довольно крупными кусками угля.

Погребение 3. В расстоянии 2 м от южной стенки разреза и 0.50 м от западной открыта могильная яма, ориентированная по линии юго-восток—северо-восток, имевшая в длину 1.80 м.

С северо-западной стороны в нее ведет спуск в виде ступени глубиной 0.30 м, считая от уровня грунта, и шириной до 1 м. Ширина ямы — 0.75 м и глубина — 0.65 м (считая также от уровня грунта).

На дне лежал костяк ребенка, положенного на спину с вытянутыми конечностями и ориентированного головой к северо-северо-востоку. Длина костяка — 0.75 м. Около колена левой ноги найдена красная краска.

Погребение 4. В расстоянии 1 м от западной стенки разреза и 0.50 м от погребения 3 открыта могильная яма, обложенная камнем (известковые конкреции). Длина обкладки — 2 м, ширина — 1 м. Форма — овално-подчетырехугольная (рис. 7). Могила ориентирована по линии восток-запад. Длина ямы — 1.65 м, ширина — 0.80 м в центральной части и 0.60 м с восточной и западной стороны. С южной стороны была сделана приступка длиной до 1.05 м для укладки камней. С восточной и западной сторон обкладки камни положены большей величины в сравнении с камнями, составляющими всю обкладку. Глубина ямы 1.10 м. Яма была прикрыта ветвями, остатки которых обнаружены в виде гнилушек. На дне ее лежал костяк мужчины, скло-

ненный на левый бок и ориентированный головой к юго-востоку. Правая рука покойника кистью заходит на таз, а левая лежит вытянуто. Ноги согнуты в бедрах и коленях, что дает покойнику скорченное положение. Около ступней стоял глиняный горшок с широким горлом, округленными боками, покрытыми веревочным орнаментом в виде кружков, ниже которых проходят горизонтальные линии, сменяющиеся на боках косыми черточками. По нижнему краю, вокруг дна, имеется орнамент, состоящий из 8 кружков, подобных верхним (рис. 8). Около левого плеча и на ногах покойника, а также под горшком, обнаружено довольно много красной краски (мумии).

Погребение 5. На глубине 0.30 м от поверхности кургана, в расстоянии 5 м от южной, в 4 м от западной стенок разреза и в 1 м к востоку от погребения 4 под кладкой размером в 1 кв. м из камней, уложенных в один ряд, обнаружен на глубине 0.35 м костяк мужчины, положенный спиной вверх и ориентированный головой к юго-западу. Правая рука была согнута в локте, причем кисть лежала ладонью вверх. Левая рука была согнута немного, а кисти у нее не оказалось, хотя никаких следов, которые указывали бы на то, что она могла быть отсечена, не было установлено. На правой височной кости черепа отмечены как-будто бы следы от удара каким-то орудием, причинившим небольшой пролом в кости.

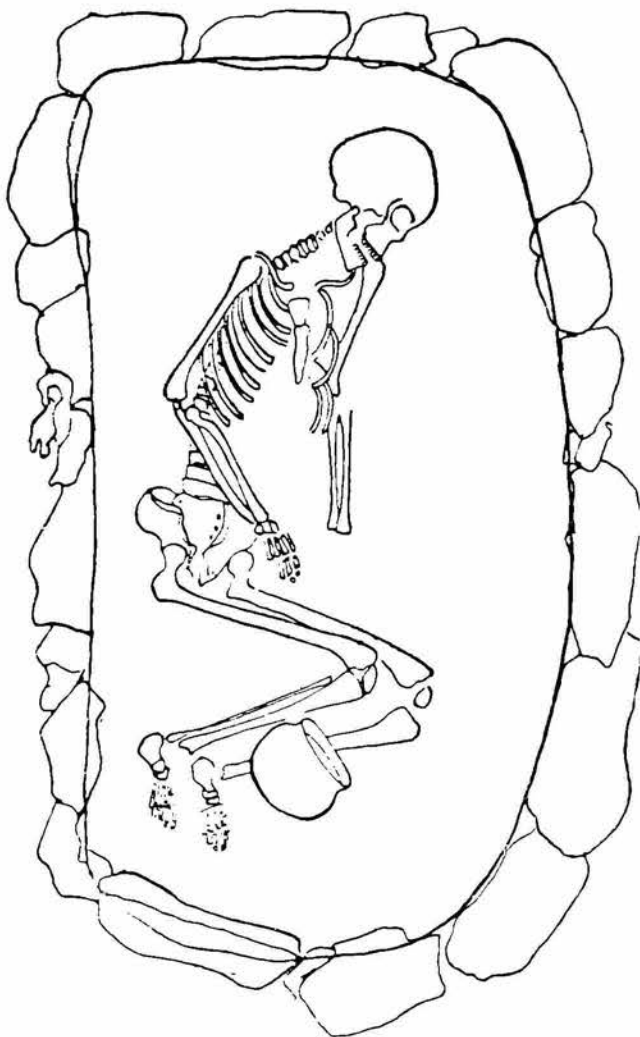

Рис. 7. Кург. № 6, гр. 1, погр. 4.

Рис. 8. Горшок из кург. № 6, гр. 1, погр. 4 (1/3 в. в.).

Длина костяка — 1.65 м; никаких вещей при покойнике не оказалось. Погребение 6. В расстоянии 1 м к северу от погребения 5 и ниже его на 0.80 м, около северной стенки разреза, открыта могильная яма, ориентированная по линии север-юг.

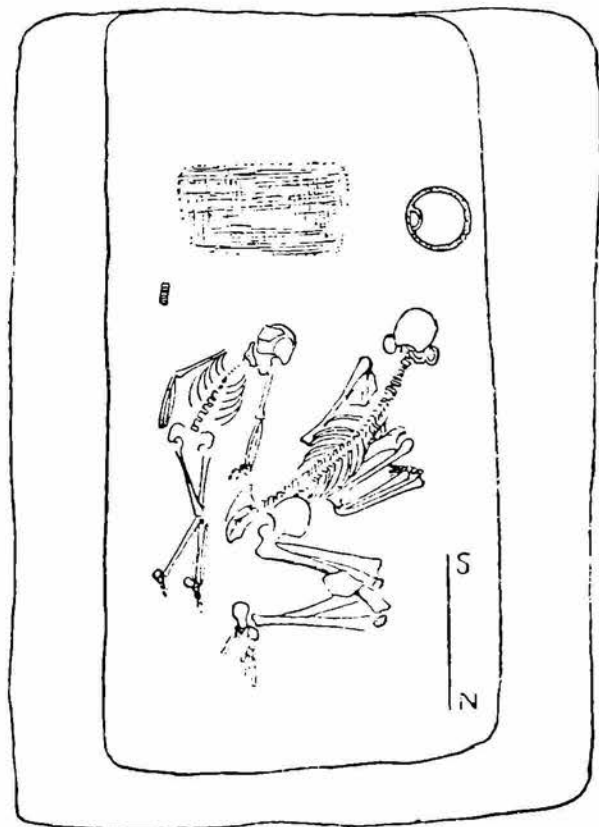

Рис. 9. Кург. № 6, гр. 1, погр. 6.

Рис. 10. Жаровня из кург. № 6, гр. 1, погр. 6
(1/4 н. в.).

Форма ямы в плане трапециевидная. Длина ее западной стенки — 2.50 м, восточной — 2.70 м при глубине в 3 м. Вдоль западной и восточной стенок вырезаны приступки шириной от 0.20 до 0.40 м на высоте 1 м от дна ямы. Размер ямы: с восточной стороны — 2.60 м, с западной — 2.40 м, с северной — 1.40 м и с южной — 1.20 м. Углы ямы округлены. Сверху яма была прикрыта колотыми бревнами, концами лежавшими на приступках и имевшими, судя по сохранившимся остаткам, в ширину до 0.20 м. Этот деревянный накат был накрыт слоем травы. На половине длины восточной приступки лежал каменный шарик, вероятно метательный (для пращи?). На дне ямы, в расстоянии 1.16 м от южной стенки, помещались два костяка: первый — молодой женщины и второй — ребенка, лежавший справа от женщины рядом с нею, т. е. ближе к восточной стенке могильной ямы (рис. 9). Костяк женщины, ориентированный головой к юго-западу, лежал почти ничком, лицом ко дну могилы.

Правая рука, резко согнутая в локте, кистью почти касалась западной стенки ямы, а левая, согнутая в локте под прямым углом, лежала под покойницей и приходилась кистью под правой рукой. Бедряные кости были согнуты в коленных сочленениях таким образом, что ступни ног находились в 0.15 м от тазовых костей. На месте ушных отверстий черепа лежало по бронзовому крупному — до 7 см в диаметре, литому височному кольцу. В углу, образованном согнутыми в коленях ногами, находился кусок камня. Ноги покойницы от колен до пяточных костей лежали на густом слое красной

краски и, частично, были ею покрыты. Детский костяк лежал на спине, причем правая его рука была немного согнута в локте, кистью касаясь бедра, а левая вытянута вдоль туловища. Правая нога, согнутая в коленном сочленении под тупым углом, коленом лежала на вытянутой вдоль туловища левой ноге. Ориентированы костяки головами к юго-западу. Черепа раздавлены. В южной, свободной части ямы, в расстоянии 0.30 м от черепа костяка женщины около западной стенки стояла глиняная так наз. жаровня известного типа в виде миски на крестовидной ножке, наполненная углем и золой (рис. 10). Между жаровней и черепом покойницы найдено 4 бронзовых проволочных прямоугольной формы обоймы (без четвертой стороны), вероятно, от какого-то деревянного ларца. В расстоянии 0.20 м от жаровни в направлении к середине свободной части могильного дна на пространстве до 0.50 м с запада на восток и до 0.30 м — с севера на юг обнаружены остатки какого-то деревянного предмета (короба или корзины) со следами бывшей здесь плетенки, имевшей розоватый цвет (быть может, цвет этот — естественно получился от разложившегося дерева). Здесь же найден обломок от деревянного сосуда, имевшего, по видимому, форму чашечки. В расстоянии 0.30 м от черепа ребенка, на одной линии с ним, и в 0.20 м от восточной стенки ямы лежал небольшой бронзовый стержень длиной до 4 см, имеющий на конце бронзовую же проволочную обмотку. Здесь же найдены два маленьких бронзовых стерженька от какого-то деревянного предмета.

В могиле попадались повсюду, особенно в южной ее части, угольки и густой белого цвета тлен. Такой же тлен, но зеленого цвета, обнаружен около женского костяка, возможно, от бывшей на женщине одежды.

Курган № 7

Диаметр — 13 м.

Высота — 0.55 м.

Разрез в центре насыпи 4 кв. м.

Погребение 1 (впускное). В расстоянии 1 м от северной и 0.21 м от западной стенок разреза открыта могильная яма, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад и имеющая в длину 2.20 м, в ширину 0.69 м и в глубину 0.71 м, считая от древней поверхности. На дне ямы лежал костяк мужчины, ориентированный головой к юго-востоку, в вытянутом положении на спине. Под покойником находилась подстилка, от которой сохранились гнилушки. На позвонках, около тазовых костей, отмечена зеленого цвета окись, очевидно, от украшения пояса, бывшего на погребенном, а в ногах — обломок обожженной косточки.

Погребение оказалось впускным в основную могилу.

Погребение 2 (основное). Под погребением 1 обнаружена могильная яма, ориентированная по линии запад-восток и имевшая в длину 2.20 м, в ширину — 1 м и в глубину — 1.70 м, считая от древней поверхности. Форма ямы — овалоподчетырехугольная. В могильной засыпке найдены

остатки деревянного покрытия и бронзовый колокольцевидный массивный предмет, очевидно, ворворка от кисти для подвешивания на шею лошади. На дне могильной ямы лежал на спине вытянуто костяк женщины,

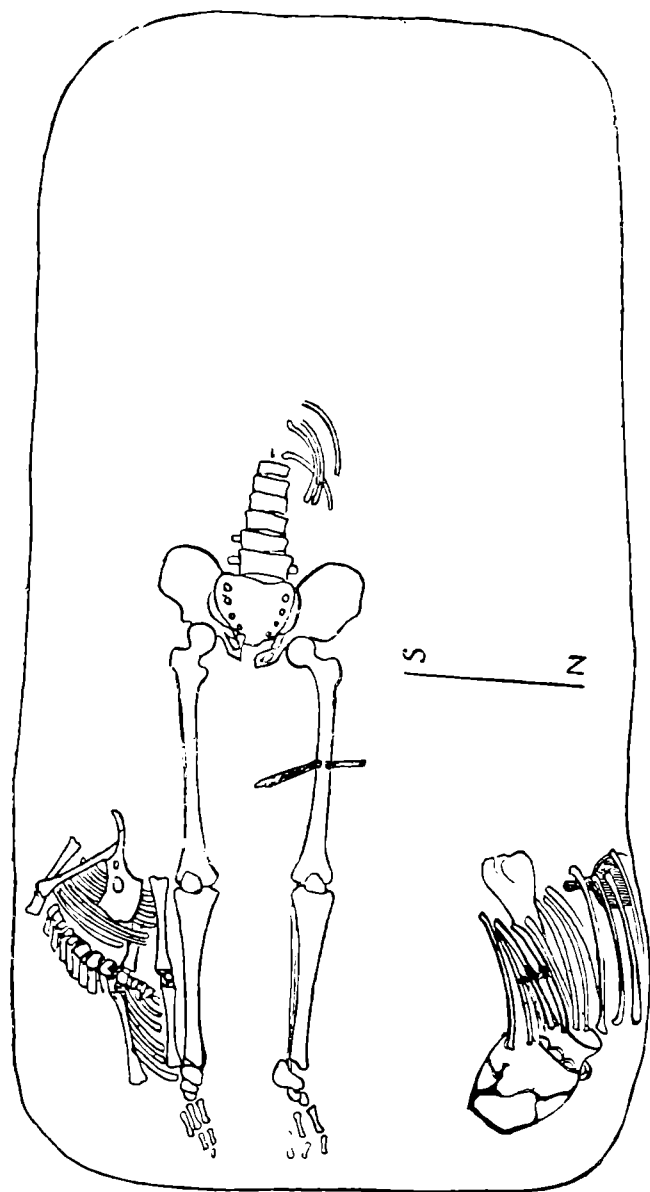

Рис. 11. Кург. № 7, гр. 1, погр. 2.

ориентированный головой к западу (рис. 11). Верхняя часть туловища сильно потревожена грызунами, причем кости рук, нижняя челюсть, часть позвонков и ребер оказались в большой норе, а череп вовсе не был найден. Часть же позвонков, тазовые кости и кости ног и фаланги пальцев левой руки лежали на месте нструнутыми. На левой бедренной кости найден железный нож, лежавший поперек ноги (рис. 12). В засыпке, немного выше ступней, найден обломок железной пряжки. Около берцовой кости правой ноги вдоль стенки ямы находился целый костяк овцы, за исключением черепа. Около левой берцовой кости вдоль стенки ямы, начиная с угла, лежали ребра коровы, прикрывавшие собой большое бронзовое зеркало, диаметром до 18 см с бронзовым же плоским стержнем, длиной до 10 см, имевшим округленный конец (рис. 12). Здесь же в углу могилы и отчасти прикрытый костями коровы стоял глиняный грубой работы кувшин с ушком и удлиненным горлом, венчик которого отогнут. По плечикам сосуда нанесен орнамент в виде ленты, состоящей из двух линий, включающих узор в форме арок и треугольников. Донышко сосуда имеет в сравнении с горлом небольшой диаметр.

В боку кувшина сделано четыре отверстия для шнурка в целях скрепления бывшей здесь трещины (рис. 13). В ногах покойницы лежали мелкие угли.

Верхняя часть туловища сильно потревожена грызунами, причем кости рук, нижняя челюсть, часть позвонков и ребер оказались в большой норе, а череп вовсе не был найден. Часть же позвонков, тазовые кости и кости ног и фаланги пальцев левой руки лежали на месте нструнутыми. На левой бедренной кости найден железный нож, лежавший поперек ноги (рис. 12). В засыпке, немного выше ступней, найден обломок железной пряжки. Около берцовой кости правой ноги вдоль стенки ямы находился целый костяк овцы, за исключением черепа. Около левой берцовой кости вдоль стенки ямы, начиная с угла, лежали ребра коровы, прикрывавшие собой большое бронзовое зеркало, диаметром до 18 см с бронзовым же плоским стержнем, длиной до 10 см, имевшим округленный конец (рис. 12). Здесь же в углу могилы и отчасти прикрытый костями коровы стоял глиняный грубой работы кувшин с ушком и удлиненным горлом,

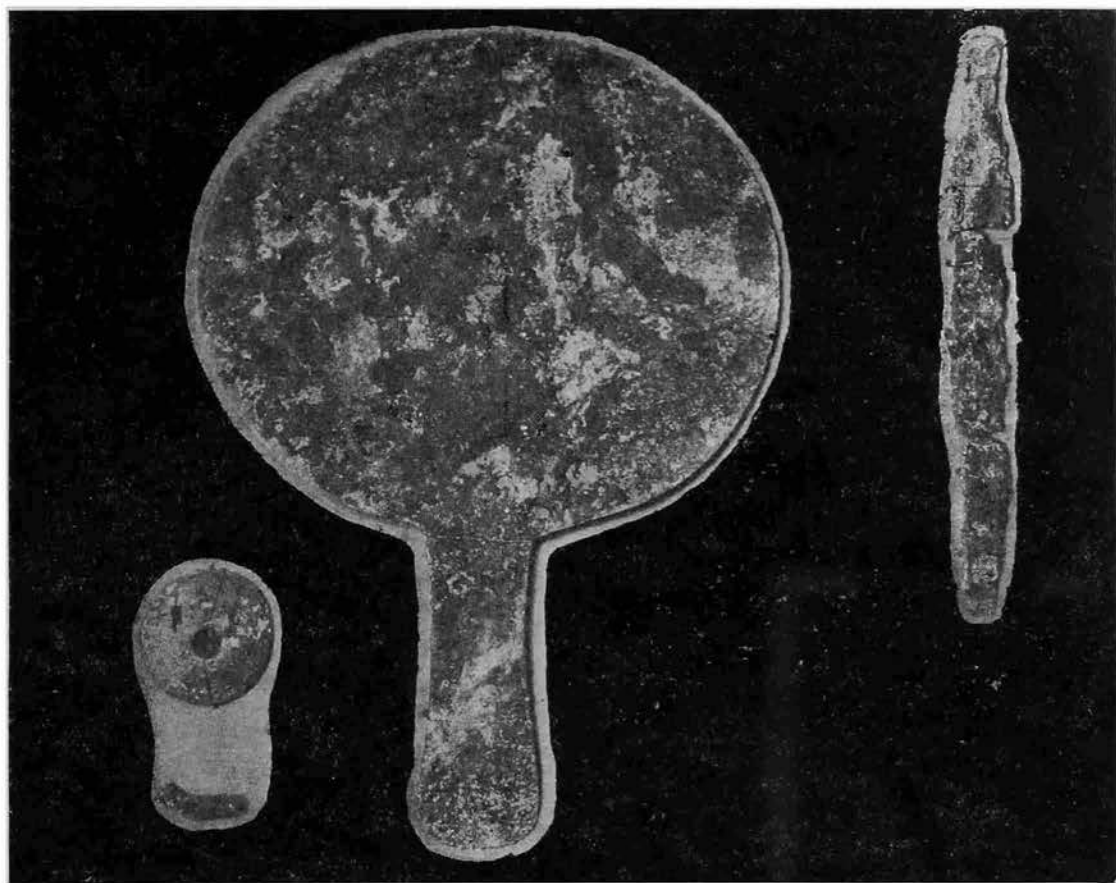

Рис. 12. Кург. № 7, гр. 1, погр. 2: ворворка, зеркало и нож (1/3 н. в.).

Курган № 8

Диаметр — 9 м.

Высота — 0.40 м.

Разрез в центре насыпи 3 кв. м.

В центре обнаружена могильная яма, ориентированная по линии север-юг и имевшая в длину 2 м, в ширину — 1.50 м и в глубину — 1.40 м, считая от поверхности кургана. В насыпи и на краю ямы найдены черепки от глиняных сосудов. Погребение оказалось совершенно уничтоженным, причем от костяка ничего не сохранилось. Около западной стенки ямы на дне ее, ближе к северо-западному углу, лежали ножные кости овцы. В центральной части ямы, ближе к северной, найдены черепки от 5 или 6 кувшинов и горшков разных форм и размеров, причем один из кувшинов, судя по ручке, был довольно большим. Кроме того, найдены черепки от глиняной миски, свойственной сарматским погребениям. Здесь же был найден и обломок ножа.

Курган № 9

Диаметр — 62 м.

Высота — 7 м.

Описание раскопки будет дано в отчете за 1935 г.

Курган № 10

Диаметр — 16 м.

Высота — 0.55 м.

Разрез в центре — 6 кв. м.

Погребение 1. На глубине 0.65 м, считая от поверхности кургана, в расстоянии 3 м от западной и 1.80 м от южной стенок разреза открыт

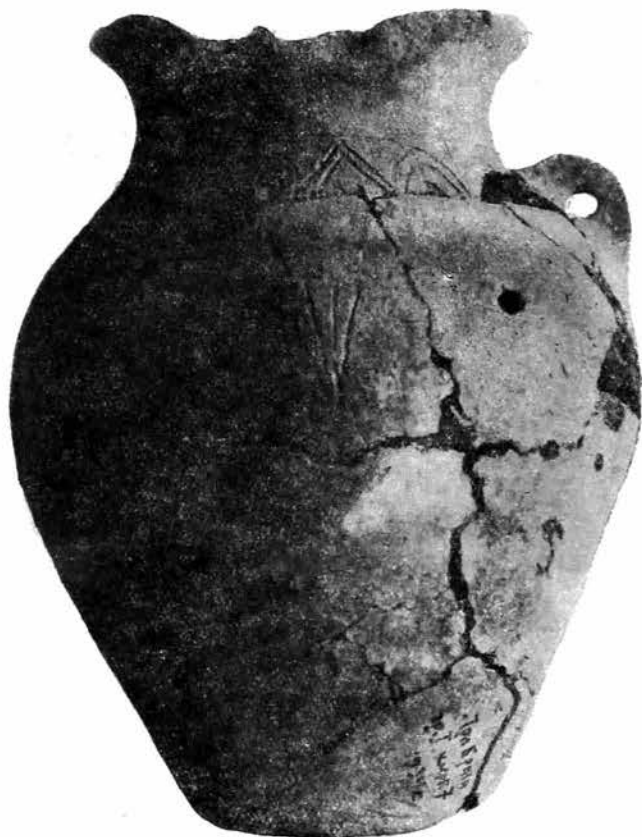

Рис. 13. Горшок из кург. № 7, гр. 1, погр. 2 (1/3 н. в.).

костяк маленького ребенка, лежащий склоненным на левый бок и ориентированный головой к юго-востоку. Руки вытянуты вдоль туловища, бедренные кости слегка согнуты в левую сторону, а сохранившаяся берцовая кость лежит параллельно бедренным костям. Кости очень плохо сохранились.

Погребение 2. В расстоянии 3 м от западной и в 10 см от южной стенок разреза на глубине 1 м открыта могильная яма, ориентированная по линии северо-запад-запад — юго-восток-восток. Углы ее слегка округлены. Длина — 1.40 м, ширина — 0.93 м и глубина, считая от поверхности кургана, 1.75 м. Сверху могила была прикрыта: судя по сохранившимся остаткам, деревянным настилом.

По середине, на дне ямы, на подстилке из стеблей растений, лежали два детских костяка, из которых один, лежавший слева, имел длину до 0.95 м, а другой, бывший с ним рядом — до 0.80 м. Оба покойника лежали на спине с вытянутыми конечностями и были ориентированы головами к юго-востоку-востоку. Кости (очень плохой сохранности) были покрыты красной краской, которая большим пятном отмечена и на ногах второго костяка. Между черепами покойников найдена одна небольшая бронзовая спиральная височная привеска, имеющая в диаметре 1 см. На ногах второго покойника и под правым его коленом лежали черепки от крупного глиняного горшка с выпуклыми боками и отогнутым венчиком. Стенки горшка были покрыты «елочным» узором, нанесенным перевитой веревочкой.

В юго-западном углу могильной ямы, т. е. слева от черепа первого костяка, лежал предмет, вероятно, служивший игрушкой и представляющий собою конкрецию в виде двух соединенных шаров.

В насыпи кургана, приблизительно в расстоянии 1.50 м от могилы, на той же глубине 1 м найдено небольшое кремневое орудие в виде обработанной пластинки.

Курган № 11

Диаметр — 30 м.

Высота — 1.25 м.

Разрез в центре — 9 кв. м.

Погребение 1. Почти в центре кургана обнаружена грабительская яма конусообразной формы, дошедшая до глубины 0.40 м в материке и разрушившая погребение человека, от костяка которого сохранились лишь берцовые кости. Судя по их положению, можно предположить что покойник был ориентирован головой к востоку.

Погребение 2. На глубине 1 м обнаружено в расстоянии 1.30 м от южной стенки разреза, в его юго-западном углу, могильная яма, ориентированная по линии запад-восток и имевшая в длину 1.50 м, в ширину 0.85 м и в глубину — 1.60 м, считая от уровня материка. Яма была вырыта инструментом вроде долота, причем ее стенки обработаны очень неровно и грубо. На дне лежал костяк человека (мужчины?) на спине с поджатыми ногами, упиравшимися коленями в западную стенку ямы, будучи ориентирован головой к востоку. Правая рука покойника откинута и согнута в локте, кисть же обращена к бедру. Левая рука вытянута вдоль туловища. Покойник был положен на подстилке из стеблей растений.

Погребение 3. В расстоянии 3 м от северной и 3.20 м от западной стенок разреза на глубине 1 м обнаружено погребение ребенка, сверху прикрытого камнями на полметра. Костяк положен на спину с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми ногами, будучи ориентирован головой к северовостоку.

Погребение 4. В расстоянии 2.50 м от северной и 4 м от западной стенок разреза на глубине 1.60 м, считая от поверхности кургана, под погребением 3, лежал костяк мужчины на спине, будучи ориентирован головой к юго-западу. Правая рука вытянута вдоль туловища, а левая, согнутая в локте, лежала кистью близ кисти правой руки, около таза. Этот костяк оказался несколько изогнут вниз, так как под ним находилась могильная яма погребения 5.

Погребение 5. Под погребением 4, ниже его на 0.20 м, открыта выемка в грунте, в центре которой имелась могильная яма. Выемка ориентирована, как и яма, по линии северо-запад — юго-восток и имеет в длину 2 м, в ширину 1.50 м, представляя собой как бы приступку над ямой, на которую были положены плахи, прикрывавшие могильную яму. Последняя имела в длину 1.20 м, в ширину — 0.65 м и в глубину 0.80 м, считая от уровня

грунта. Стенки ямы обработаны гладко. На дне ее, покрытом остатками от досчатой подстилки, лежал скорченно, на левом боку, костяк девочки лет 15. Таз костяка, равно как и часть спинного хребта оказались запрокинутыми вверх тыльной стороной. Покойница ориентирована головой к северо-западу.

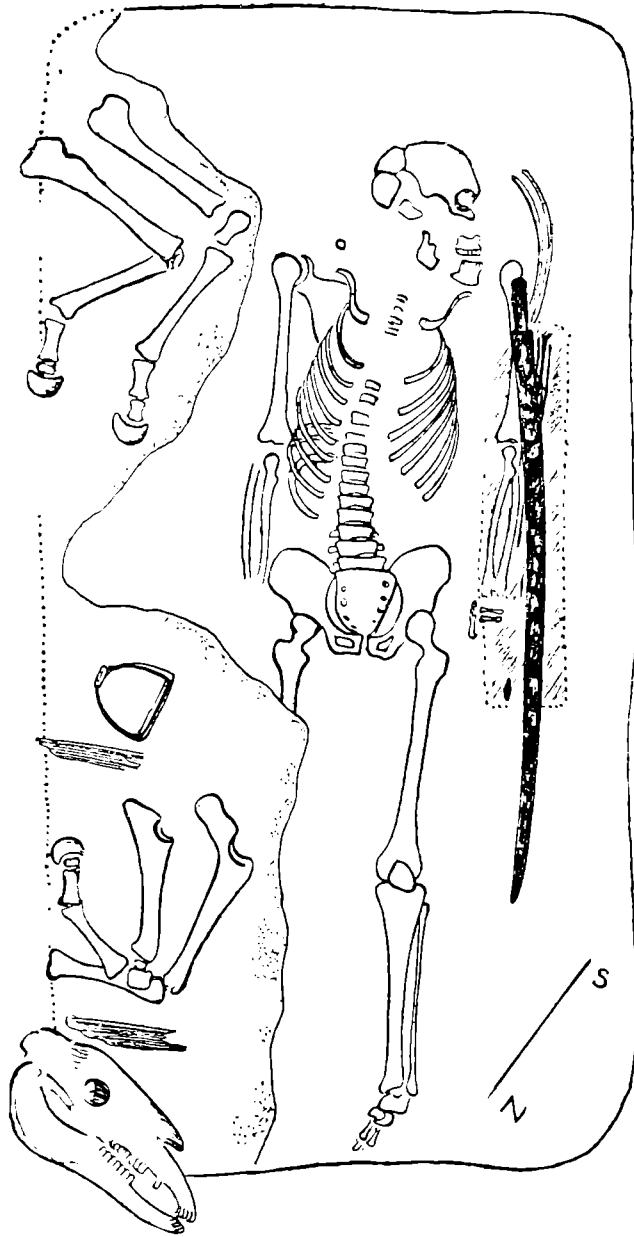

Рис. 14. Кург. № 11, гр. 1, погр. 6.

Сверху покойник был прикрыт, судя по остаткам, камышом. Около его правого плеча лежал небольшой бронзовый бубенчик (пуговица от ворота) и здесь же, ближе к черепу, ножная кость овцы. Прикрывая эфесом левое плечо

Плечевые кости покойницы вытянуты в направлении к северной стенке ямы, а локтевые и лучевые кости от локтевого сочленения обращены в направлении к бедрам, касаясь кистями таза. Ноги покойницы сильно скорчены и, обращенные коленями влево, упираются в северную стенку. Пяточные кости находятся около нижней части таза. Под костями ступней ног отмечен слой красной краски. При покойнице вещей не было.

По гробу ребенка 6. В расстоянии 2.65 м от северной и 0.70 м от восточной стенок разреза на глубине 1.30 м от поверхности кургана обнаружена на уровне древней поверхности могильная яма, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток. Она имела в длину 2.20 м, в ширину — в северо-западной части — 0.90 м, в юго-восточной — 1 м и в глубину, считая от древней поверхности — 0.80 м.

На дне могильной ямы под прикрытием из 7 поперечных тонких плашек и одной продольной во всю длину ямы, лежавшей вдоль ее юго-западной стенки, находился костяк мужчины на спине с вытянутыми конечностями, ориентированный головой к юго-востоку (рис. 14). Сверху покойник был прикрыт, судя по остаткам, камышом. Около его правого плеча лежал небольшой бронзовый бубенчик (пуговица от ворота) и здесь же, ближе к черепу, ножная кость овцы. Прикрывая эфесом левое плечо

покойника, помещалась железная сабля длиной до 1.10 м (рукоять имела в длину 10 см, ширина лезвия — до 3.5 см). Ножны этой сабли были сделаны из кожи. У перекрестья эфеса имелись бронзовые части — пластины. Здесь же под саблей найдены остатки колчана, имевшего в длину 0.75 м. Он был деревянный, обтянутый кожей, и имел плоскую костяную петлю в виде неправильного клина с четырьмя сверлинками. В колчане оказалось шесть железных стержневидных наконечников стрел, причем сохранились их деревянные концы как верхние, к которым прикреплялись наконечники, так и нижние — развилки для вкладывания тетивы. Около эфеса сабли найдены кусочек ткани и остатки деревянного предмета, инкрустированного серебром. Между костями правой руки и таза, а также далее, около правой бедренной кости, лежали костяные обкладки от истлевшего лука. В засыпке могилы найдена концевая часть лука, сделанная из кости. Над покойником, поверх перекрытия, ближе к северо-восточной стороне ямы лежала лошадь. Череп, передние и задние ноги, а также хвостовые позвонки были размещены в естественном порядке, а прочие кости отсутствовали. Ноги лошади были согнуты так, как обычно лошади лежат на земле, а череп свалился налево. В челюсти найдены остатки железных удил. Лошадь была положена головой к северо-западу. На месте, где обычно помещается седло, найдены части его обкладок из кости и одна сегментовидная костяная полированная пуговица с серебряной инкрустацией в виде крестообразно расположенных насечек по три вместе. Ниже остатков седла лежала пара небольших железных стремян с широкими подножками, слабо изогнутыми. Высота стремян — 12 см, ширина у основания (подножка) — 12 см при ширине подножки до 4 см. Исходя из отсутствия костей туловища лошади, можно заключить, что оно было употреблено в пищу, а на его месте было уложено скорее всего сено (или солома), прикрытое чем-либо вроде потника или чепрака.

Курган № 12

Диаметр — 12 м.

Высота — 0.70 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

В центре насыпи небольшая впадина. В юго-западной части насыпи и далее в засыпке могилы найдены кости дрофы. Открытая в центре кургана могильная яма, ориентированная по линии северо-восток—юго-запад, имела в длину — сверху — 2.20 м, внизу — 2 м, в ширину — 1 м и в глубину 2.10 м, считая от поверхности кургана. Яма была вырыта грубым инструментом и очень небрежно. Сверху она была прикрыта плоскими, слегка округленными жердями, судя по остаткам, скорее всего от кибитки (заключение, сделанное калмыками, присутствовавшими при раскопке). Жерди имели в диаметре от 2 до 3 см. В засыпке ямы попадались обломки железных предметов и, в частности, обломок дужки и подножки от железного стремени. На дне ямы лежал костяк мужчины длиной до 1.60 м на

спине с вытянутыми конечностями, сильно потревоженный грызунами; напр., малая берцовая кость левой ноги оказалась около левого бедра, лежа на левой руке покойника, правая ключица — на уровне черепа около стенки ямы, найденные позвонки растащены по всей яме, а коленная чашка найдена высоко в засыпке могилы. Отдельные кости лежали в норах грызунов. Покойник ориентирован головой к северо-востоку. В головах костяка, слева, в углу ямы, найдена ножная кость овцы. В раздвинутых грызунами челюстях костяка лежал небольшой обломок железа, очевидно, занесенный сюда грызуном. Около локтя правой руки находилось железное кресало, на груди — тонкий обломок серебряного предмета невыясненного значения (может быть бурханчик, какие известны в других монгольских погребениях). На тазу и поясных позвонках покойника — три железных коротких стержня. Здесь же найдена круглая железная пряжка с отвалившимся язычком. Там же лежало меньшего диаметра железное колечко. Все описанные предметы относились к поясному ремню. Слева от костяка, около стенки ямы, на линии плечевой кости, ближе к локтю, обнаружен в обломках железный наконечник копья с коротким пером и широкой втулкой. Около локтя левой руки, близ копья, и далее, против кисти той же руки, а также рядом со ступней левой ноги лежали железные обоймы от седла. У правого бедра — железный ножик с остатками деревянных ножен. На половине длины правой бедренной кости, между ней и стенкой ямы находился обломок дужки от стремена. Около правого колена, близ стенки ямы, лежало массивное железное кольцо от сбруи. Около шейки левой бедренной кости — обломок железного предмета в виде согнутой под острым углом пластинки. Слева от наконечника вдоль стенки ямы обнаружены остатки тонкой доски шириной до 10 см, в которую вделаны железные скрепки. Возможно, что это — остатки гроба. На половине длины левой бедренной кости лежал железный наконечник стрелы с разложившимся пером и остатками древесины на стержне. Два таких же наконечника найдены в норах грызунов. Немного ниже линии колен покойника, между ними и стенкой ямы, найдены остатки берестяной коробочки с железной средней частью крышки, и здесь же — железная ложка типа современной столовой ложки.

На ступне правой ноги помещалось крупное железное стремя обычного золотоордынского типа, а другое, в обломках, оказалось сдвинутым отсюда грызунами и вынесенным в нору к ступне левой ноги, у юго-восточной стенки ямы. Под левой ступней найдена квадратная железная пластинка со шпеньком, очевидно часть сбруйного прибора. Вдоль стенки, с левой стороны от костяка, лежали остатки бересты и железная скрепа в виде узкой пластинки со шпеньками на концах, причем эта пластинка переломлена пополам.

II ГРУППА

Курган № 1

Диаметр — 7 м.

Высота — 0.30 м.

Разрез в центре насыпи в 3 кв. м.

На глубине 0.70 м обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Длина могильного входа — 1.70 м, ширина — 0.55 м и глубина — 1.20 м. Подбой устроен в западной стенке входа. Длина его — 1.40 м, ширина — 0.50 м и высота — до 0.40 м. Пол подбоя немного ниже пола входа. Подбой открыт уже обвалившимся, а погребение разрушенным. Сохранились только остатки костяка подростка в полном беспорядке, вследствие чего было невозможно установить ориентировку покойника. В насыпи были найдены черепки от сосуда — ручной лепки. Кроме того, найден обломок железного предмета невыясненного назначения.

Курган № 2

Диаметр — 10.50 м.

Высота — 0.55 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

На глубине 20 см в насыпи найден осколок глиняной миски известного сарматского типа. На глубине 0.70 м обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Длина могильного входа — 1.95 м, ширина сверху — 1 м, а внизу — 0.50 м и глубина — 2.20 м.

С южной и восточной стороны входа в подбой ведут три ступеньки. Размеры трех ступенек с южной стороны: верхняя имела в длину — 0.50 м в ширину — 0.20 м и в высоту — 0.30 м. Средняя и нижняя ступеньки имели в ширину — по 0.25 м, в длину — по 0.50 м и в высоту — по 0.30 м. Следовательно, первая сверху ступенька вырезана на глубине 1.30 м.

Все три ступени с восточной стороны входа имели в длину по 1.90 м, в ширину — по 0.20 м и в высоту — по 0.30 м, т. е., верхняя ступенька была вырезана на глубине 1.30 м.

В засыпке входа найдены остатки его деревянного перекрытия и ножная кость овцы.

Длина подбоя, устроенного в западной стенке входа — 2.10 м, ширина — 0.70 м. Высота его не определена, так как подбой открыт уже обвалившимся. Пол подбоя ниже пола входа на 10 см. Подбой был прикрыт досками, от которых сохранились незначительные остатки.

В подбое лежал костяк мужчины на спине вытянуто, ориентированный головой к югу. Руки вытянуты вдоль туловища, как и правая нога. Левая же нога слегка согнута в колене, как это часто отмечается в подбойных могилах. Череп костяка деформирован (рис. 15). В устье подбоя против плеча покойника лежал раздавленный обвалившимся подбоем глиняный

горшок ручной лепки и один альчик. На правом бедре костяка помещалась глиняная миска сарматского типа.

Курган № 3

Диаметр — 9 м.

Высота — 0.40 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

На глубине 0.20 м в насыпи найдены черепки от крупного, серого цвета, сосуда станковой работы, лежавшие кучкой. На глубине 0.70 м обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Длина

входа в нее — 2 м, ширина — 0.50 м, и глубина — 1.75 м.

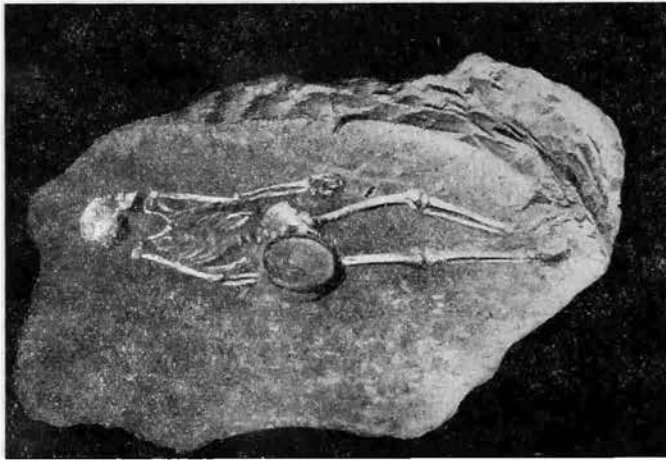

Рис. 15. Кург. № 2, гр. 2—погребение.

Подбой, устроенный в западной стенке входа, имел в длину 1.95 м, в ширину — 0.60 м и в высоту до 0.35 м. Подбой и погребение в нем открыты уже разрушенными. На дне входа, в южной его части, сохранились остатки трех плашек, имевших в длину до 25 см и в ширину до 5 см и лежавших рядом вдоль входа. Костяк покой-

ника в подбое лежал в беспорядке. В северо-западном конце подбоя найден деформированный череп человека и отдельно, в стороне, нижняя челюсть. Остальные кости вытащены во входную яму. В подбое найден обломок железного ножа или ножниц. На затылочной кости черепа и на локтевой кости левой руки отмечены следы окиси меди.

Курган № 4

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.45 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

На глубине 0.75 м открыта подбойная могила, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток. Длина входа в подбой — 2 м, ширина — 0.55 м и глубина — 1.80 м (от поверхности кургана). Найдены остатки деревянного перекрытия входа и кости ног овцы. Подбой, устроенный в западной стенке входа, открыт разрушенным. Длина его — 2.15 м, ширина — 0.35 м и высота — до 0.35 м. Пол подбоя немного ниже пола входа. В северо-западной части входа найдены деформированный череп и кости верхней части туловища женщины. Кости ног оказались лежащими

на месте, в юго-восточной части подбоя. Очевидно, что покойница была положена головой к северо-западу. В засыпке входа найден обломок глиняного конусовидного пряслица и обломок плоского точильного камня со сверлиной для подвешивания к поясу. В подбое, в ногах покойницы обнаружены три стеклянные крупные бусы, величиной с лесной орех. Такая же буса найдена и в головах.

Вследствие ирризации стекла бусы рассыпались в прах.

Курган № 5

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.40 м.

Раскопка произведена квадратным вырезом 3×3 м в центре насыпи.

Обнаружена подбойная могила. Длина могильного входа — 2.10 м, ширина — 0.45 м и глубина — 2 м.

Вход ориентирован по линии север-юг.

На краю входа сверху засыпки лежал небольшой шаровидный камень.

Подбой устроен в западной стенке входной ямы. Длина подбоя — 2.10 м, ширина — 0.40 м и высота — 0.35 м. Восточная стенка входа имеет уклон ко дву в сторону подбоя, который был прикрыт небольшими плашками, поставленными наискось. На дне подбоя лежал костяк женщины, сильно потревоженный грызунами. Покойница была положена на спине с вытянутыми конечностями, будучи ориентирована головой к югу. В головах покойницы лежали ножные кости овцы, остатки деревянной коробочки, окрашенной в красный цвет, и обломок железа, а череп имеет следы окиси зеленого цвета около ушного отверстия. Справа в области таза (у пояса) найдены крупный обломок железного предмета с остатками деревянных ножен, окрашенных в красный цвет (нож) и железная маленькая круглая пряжка. Здесь же лежала маленькая бронзовая спираль и черная цилиндрическая буса, а слева (у пояса же) — железная небольшая подковообразная пряжка. На месте колен покойницы найдены пастовая граненая буса, черная бусинка и там же по левую сторону два обломка железного предмета. На локтевой и лучевой костях правой руки отмечены следы зеленоватой окиси, вероятно от несохранившегося бронзового браслета.

Курган № 6

Диаметр — 7 м.

Высота — 0.40 м.

В центре насыпи раскопка произведена квадратным разрезом 3×3 м.

В юго-восточном углу квадрата на глубине 10—15 см были найдены четыре альчика и казанок овцы.

Подбойная могила помещалась в западной половине квадрата и была обнаружена лишь на глубине 0.60 м, ориентированная по линии север-юг. Длина могильного входа — 1.70 м, ширина — 0.40 м и глубина — 0.90 м. Подбой был устроен в западной стенке входа. Длина под-

боя — 1.70 м, ширина — 40 м и высота — 0.35 м. Дно подбоя на 0.15 м ниже дна входа. В южном конце входной ямы на ее дне лежала грудa альчигов овцы в количестве 65. На дне подбоя лежал костяк подростка, лет 14—15, на спине, с вытянутыми ногами. Череп костяка деформирован и лежал, будучи слегка наклонен на грудь, у левого плеча. Покойник был ориентирован головой к югу. Правая рука лежала на вершине правой бедренной кости, а левая, согнутая в локте, кистью покоилась на тазу (на нижней части живота). В головах, справа, у затылка стоял раздавленный землей и частью растащенный грызунами глиняный небольшой горшок ручной лепки, без орнамента. С левой стороны костяка лежали массивные коленчатые железные удила с кольцами, имевшими в диаметре 7.5 см. Фаланги пальцев правой руки и ног покойника растащены грызунами. Длина костяка — 1.45 м. Под ним заметны остатки подстилки в виде темного глена.

Курган № 7

Диаметр — 13 м.

Высота — 0.60 м.

Разрез в центре кургана — 4 кв. м.

Обнаружена разрушенная подбойная могила. Вход в нее, ориентированный по линии север-восток—юго-запад имел в длину 2.10 м, в ширину — 0.80 м, и в глубину — 1.30 м. Отмечены слабые остатки деревянного перекрытия. Подбой, сделанный в западной стенке входа, имел в длину 2.10 м, в ширину — 0.70 м и в высоту — до 0.30 м (высота устья). Пол подбоя ниже пола входа на 0.30 м. Костяк человека оказался выброшенным из подбоя и сгруженным, за исключением нескольких костей ступни, оболo юго-западной стенки входа. Череп имеет ярко выраженный монгольский тип. Бедренная и берцовая кости левой ноги в коленном сочленении имеют большие наросты — очевидно, являющиеся следствием болезни. На поясничном позвонке, также обладающем наростом, и на внутренней стороне таза отмечена широкая, густая полоса окиси меди, вероятно, от украшений бывшего на покойнике пояса. На месте, где должны были находиться колени покойника, найден зуб дикого животного с надрезом (?) на нем. Сверху, начиная с насыпи и, особенно, в земле, заполнявшей могильный вход, найдены кости ноги и зубы лошади, а также ножные кости овцы.

Курган № 8

Диаметр — 9 м.

Высота — 0.60 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена могильная яма, ориентированная по линии восток-запад и имевшая в длину 2.30 м, в ширину — 0.90 м и в глубину — 1.20 м (считая от древней поверхности). В яме на древесной тонкой подстилке, прикрытый тонким слоем истлевшего дерева, в обкладке из тонких плашек

высотой до 12 см лежал костяк женщины (монголки) на спине вытянуто, будучи ориентирован головой к северо-западу. Длина костяка — 1.55 м.

Справа от покойницы, немного ниже ее правого плеча, около стенки ямы, лежало железное шильце с остатками деревянной ручки, а под плечом и лопаткой — осколок крупного бронзового зеркала и остатки мешочка с белилами. Слева от покойницы, выше плеча, находился истлевший головной убор — бокка в виде остатков берестяной трубочки со следами серебряного украшения. На правой стороне груди лежала стеклянная буса с черными полосками и другая, такая же, найдена около локтя левой руки. Над покойницей, вероятно, на крышке, поверх кисти левой руки, лежали ножные кости и часть ребер овцы.

Курган № 9

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.40 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

На глубине 0.70 м обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток. Могильный вход имел в длину — 2.20 м, в ширину — 0.60 м и в глубину — 1.90 м, считая от поверхности кургана. В засыпке входа найдено несколько мелких гнилушек дерева и ножные кости овцы. Подбой, сделанный в юго-западной стенке входа, имел в длину 2.20 м, в ширину — 0.68 м и в высоту около 0.35 м, причем его пол был на 0.25 м ниже пола входа. Во входе и в подбое найдены кости мужчины, разбросанные в беспорядке. Череп костяка — деформированный. Предположительно, покойник был ориентирован головой к юго-востоку. Никаких вещей не было найдено.

Курган № 10

Диаметр — 8 м.

Высота — 0.35 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Длина входа в подбой — 1.80 м, ширина — 0.55 м и глубина — 1.65 м (считая от поверхности кургана). Он был, очевидно, закрыт досками, от которых сохранились гнилушки. В западной стенке входа был устроен подбой, имевший в длину 2 м, в ширину 0.50 м и в высоту (устье) до 0.40 м, причем пол подбоя ниже пола входа на 15 см. В подбое, открытом в разрушенном состоянии, лежал костяк человека, ориентированный головой к юго — юго-западу. Погребение было ограблено, так как от костяка сохранились лишь кости кисти левой руки, правой части таза, правой ноги и берцовые кости левой ноги вместе со ступней. Покойник был положен вытянуто, на спине. В его ногах стоял глиняный орнаментированный кувшин, раздавленный обрушившимся подбоем. Кроме того, были найдены обломки железного предмета, вроде гривны и круглая гешировая пластинка

со сверлиной в центре. В насыпи и засыпке могилы попадались отдельные кости покойника.

Курган № 11 (крайний с восточной стороны могильника)

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.55 м.

Разрез в центре кургана 3 кв. м.

На глубине 0.55 м обнаружена могильная яма, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад и имевшая в длину 2.15 м, в ширину — в северо-восточной части — 0.90 м и в юго-западной — 0.40 м, а в глубину — 1.30 м, причем по мере приближения к юго-западному краю, дно могилы повышалось, оказавшись на глубине 1.15 м. Яма сделана небрежно, имея очень неровные стенки. В засыпке ее, сверху найдены кости овцы. На высоте 20 см от дна ямы отчетливо заметно покрытие из досок над покойницей, костяк которой лежал на спине с вытянутыми конечностями, будучи ориентирован головой к северо-востоку. Под костяком была подстилка из досок. На черепе, обращенном лицом влево, найдены остатки древесной массы и бересты. Судя по последней, можно предполагать, что на голове женщины была надета шапка — бокка. Здесь же и под черепом лежали две серебряные серьги золотоордынского типа. На каждом их стержне надето по небольшому серебряному желобчатому колечку. Справа от плеча, на уровне черепа, найдено бронзовое маленькое зеркальце вместе с футляром, в виде кожаного мешочка и железные ножницы, изготовленные «на гвоздь».

Зеркальце имеет сверлину и орнаментировано концентрическими выпуклинами.

На месте сдвинутой грызуном плечевой кости левой руки находилась небольшая бронзовая пуговица полушаровидной формы.

Курган № 12

Диаметр — 12 м.

Высота — 0.50 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

В северо-западной части разреза в насыпи найдена половинка нижней челюсти овцы.

На глубине 0.60 м обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Могильный вход имел в длину 1.75 м, в ширину — 0.45 м и в глубину — 1.55 м. Форма ямы слегка изогнутая.

В западной стенке входа устроен подбой, имевший в длину 1.80 м, в ширину — 0.60 м и в высоту — 0.50 м. Форма его (в плане) соответствует форме входа. Пол подбоя ниже пола входной ямы на 26 см, что объясняется ступенью, ведущей в подбой. На полу последнего лежал костяк женщины вытянуто на спине, причем фаланги пальцев левой руки помещаются на вершине бедра. Покойница была положена головой к северу. Длина костяка — 1.50 м. Череп костяка — деформированный. По обе его стороны

у верхушек плечевых костей, лежало по одному проволочному височному кольцу. На концах кольца, бывшего с правой стороны черепа, имеются завитки, из которых один загнут спирально, а другой — сплюснен и заходит за спираль. Кольцо сделано из бронзы. Другое кольцо — серебряное и имеет концы, связанные друг с другом. Диаметр обоих колец до 2.3 см. На грудной кости покойницы находилась бронзовая фибула с широкой пластинчатой спинкой. Пружина и игла сделаны из железа. На фибуле заметны остатки грубой ткани. Вдоль плечевой кости левой руки, между нею и стенкой подбоя, найдено небольшое бронзовое зеркальце в осколках. Здесь же, между ребрами и плечевой костью, лежал обломок железного игольника, который помещался около локтя левой руки, перпендикулярно устью подбоя и имел в длину до 6 см. В ногах покойницы лежало несколько кусков истлевшего дерева.

Курган № 13

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.50 м.

Разрез в центре кургана 3 кв. м.

Обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Вход в нее имел в длину 2.10 м, в ширину — 0.60 м и в глубину — 0.80 м. В западной стенке его устроен подбой, имеющий в длину 2.20 м, в ширину — 0.70 м и в высоту — до 0.45 м. Форма подбоя слегка изогнутая. Пол подбоя ниже пола входа на 10—15 см. В подбое лежал костяк женщины на спине вытянуто, ориентированный головой к северу. Череп — деформированный. Правая рука вытянута, а левая слегка согнута в локте и направлена кистью к бедру. Правая нога, немного согнута в колене, лежит так, что ступни обеих ног сходятся, причем левая нога вытянута прямо.

Около северной стенки подбоя в головах покойницы стояли два сосуда. Один из них, стоящий дальше от устья подбоя, кувшин импортного происхождения станковой работы, лощеный, имеет форму, близкую к шаровидной с лентообразным вдавлением в боках и изогнутыми ручками в виде сильно стилизованных головок животного, причем верхушка ручек гладко срезана. Горлышко кувшина имеет в диаметре до 8.5 см. На дне кувшина — тамга в виде колесика (рис. 16). Вторым сосудом — горшок местного производства, ручной лепки, широкогорлый. В обоих сосудах найдены мелкие обломки костей. Рядом с сосудами лежало глиняное пряслице в виде усеченного конуса. Под черепом костяка обнаружены две серебряные пластинчатые лунницы (рис. 17). На шейных позвонках и плечах — ожерелье из разных бус, а именно: черных гешировых, стеклянных шаровидных, гранатовых граненых, бронзовых спиралек, бус синих стеклянных в виде кубиков, плоских резных и цилиндрических длинных синих с желтой, елочной формы, инкрустацией (смальта). Рядом с ожерельем, около левого плеча, найдено бронзовое зеркальце в обломках и здесь же — бронзовая фибула с широкой пластинчатой спинкой (рис. 17).

Курган № 14

Диаметр — 13 м.

Высота — 0.10 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

В насыпи кургана найдены ножные кости овцы и копытца жеребенка.

Обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии северо-восток—юго-запад. Могильный вход имел в длину 1.95 м, в ширину—0.65 м и в глубину — 1.40 м (считая от уровня материка). Подбой сделанный в западной стенке входа, имел в длину 2.25 м, в ширину — 0.85 м и в высоту — 0.50 м. Форма задней стенки его — изогнутая. Пол подбоя на 10 см ниже уровня пола входа. В подбое лежал костяк женщины вытянутый на спине, ориентированный головой к северу. Череп костяка деформирован. Левая рука покойницы слегка согнута в локте и немного отошла от позвоночника. Правая нога, характерно для подбойных погребений, согнута в колене, ступни обеих ног лежат рядом, причем левая нога вытянута прямо.

Около северо-восточной стенки подбоя, в головах покойницы, рядом стояли два сосуда. Ближайший к устью катакомбы сходен с кувшином из кургана № 13, т. е. имеет несколько приземистую шаровидную форму с высокой шейкой и низким горлом (диам. 8.5 см) и двумя изогнутыми ручками, представляющими сильно стилизованные головки животных, причем верхние концы ручек срезаны и сплющены. По округленному ребру кувшин имеет лентовидное вдавление. Кувшин — станковой работы, лощеный и является импортным. Второй сосуд — местного происхождения, горшок ручной работы. Он имеет шаровидно-вытянутую форму с короткой шейкой и широким горлом — до 12 см. Около этого горшка лежали железный маленький ножик и железное шильце. На шейных позвонках костяка найдено ожерелье, состоящее из черных гешировых подвесок в виде узких рубчатых листиков с острыми концами. Будучи выпуклыми с наружной стороны, они плоски и гладки со стороны, прилегающей к шее. Эти подвески разделены бронзовыми спиралевидными маленькими пронизками. В середине ожерелья, т. е. под подбородком покойницы, была укреплена маленькая серебряная лунница с загнутыми и округленными концами. На правом плече лежала серебряная лунница с остатками ткани. На левой ключице, в остатках ткани, лежала серебряная фибула (длина — 5.5 см) того же типа, что и в кургане № 13, и небольшое бронзовое зеркальце с петлей в центре диска. На груди, между грудной и правой плечевой костью, находилась вторая фибула, более крупного размера, чем первая (длина 7 см) сделанная из бронзы. Под ней лежала круглая пластинчатая бронзовая пряжка с завитками по концам. На левой лопатке, т. е. следовательно, в свое время на левой стороне груди, лежала небольшая бронзовая пластинчатая застежка овальной формы, которая скрепляла ожерелье, положенное,

Рис. 16. Кувшин из кург. № 13, гр. 2 (1/3 н. в.).

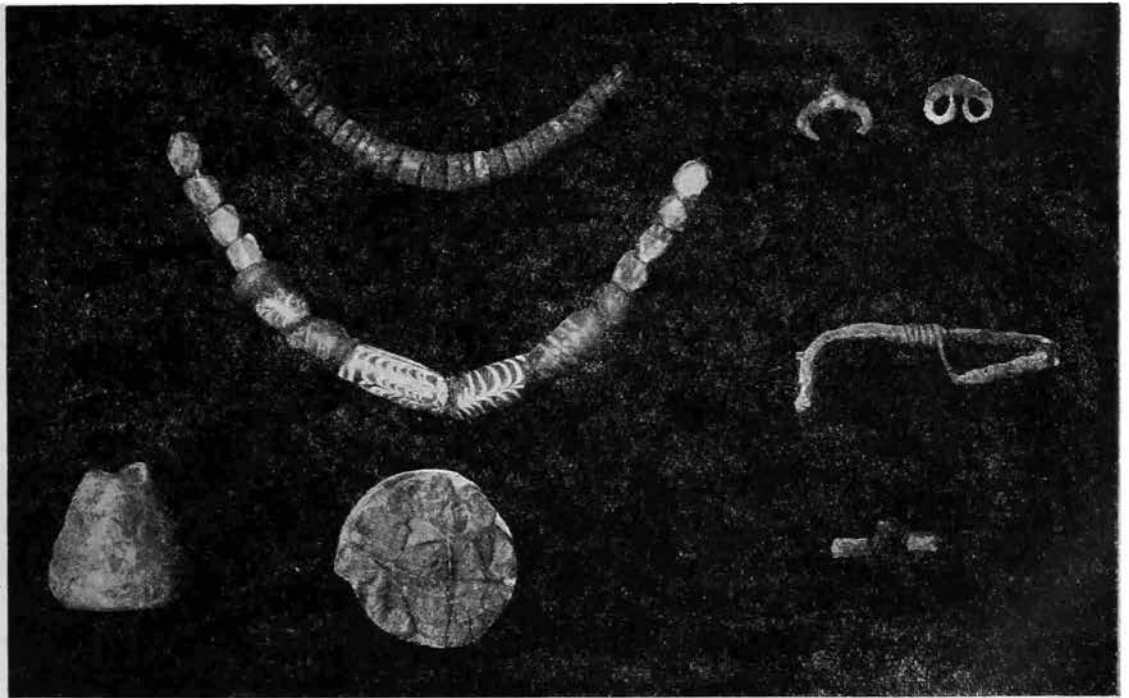

Рис. 17. Кург. № 13, гр. 2: бусы (сверху — янтарные, снизу — палевые и гранитные) лунницы, фибула, зеркальце, подвеска из бус и пряслице (2/5 н. в.).

очевидно, уже в могиле на покойницу. Это ожерелье состояло из небольших бронзовых спиральных пронизок с гранатовыми бусами, стеклянной красной и двух белых крупных цилиндрической формы, трех белых стеклянных шаровидных и одной синей шаровидной с желтыми глазками, и подвесок из пасты в виде двух соединенных цилиндров и лежащего на овальном пьедестале льва. Здесь же между левой рукой и ребрами помещалась фаянсовая фигурка Беса. На ребрах около сочленения правой плечевой и локтевой костей лежал бронзовый цилиндр с ободком по концам (игольник). На половине длины локтевых и лучевых костей обеих рук найдены браслеты в виде нитки из плоских цилиндрических янтарных бус, из которых сохранилось 26 — на правой руке и 15 — на левой (рис. 18).

Курган № 15

Диаметр — 7 м.

Высота — 0.60 м.

Разрез в центре кургана — 2.5 кв. м.

Обнаруженная могильная яма была ориентирована по линии север-юг и имела в длину 1.80 м, в ширину — 0.55 м и в глубину, считая от поверхности кургана, 1.60 м. Вдоль западной и восточной стенок ямы, на уровне ее дна, имелись небольшие подбоя, что дает ширину ямы внизу до 0.80 м. В могиле лежал сильно потревоженный грызунами костяк женщины на спине, с вытянутыми конечностями, ориентированный головой к югу. Череп — деформированный — лежал на 20 см выше, в засыпке могилы. Левая рука покойницы была немного согнута в локте.

Около кистей рук найдены плоские цилиндрической формы янтарные бусы, составлявшие, очевидно, браслеты. На месте сохранилось всего 2 бусы — около правой кисти и 3 — около левой.

Курган № 16

Диаметр — 8 м.

Высота — 0.45 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Длина могильного входа — 1.16 м, ширина — 0.60 м и глубина — 1.25 м. Подбой, устроенный в северо-западном углу входа, расположен по линии юго-запад — северо-восток и имеет в длину 1 м, в ширину — 0.60 м, и в высоту — 0.45 м. Пол подбоя ниже дна входа на 0.20 м. Устье подбоя меньше его длины на 35 см, а высота устья больше высоты самого подбоя (ниши) на 5 см. В подбое найдены остатки костяка ребенка, лежавшего головой к юго-западу, судя по сохранившимся костям правой ноги и таза. Остальные кости были выброшены. Вещей при костяке не обнаружено.

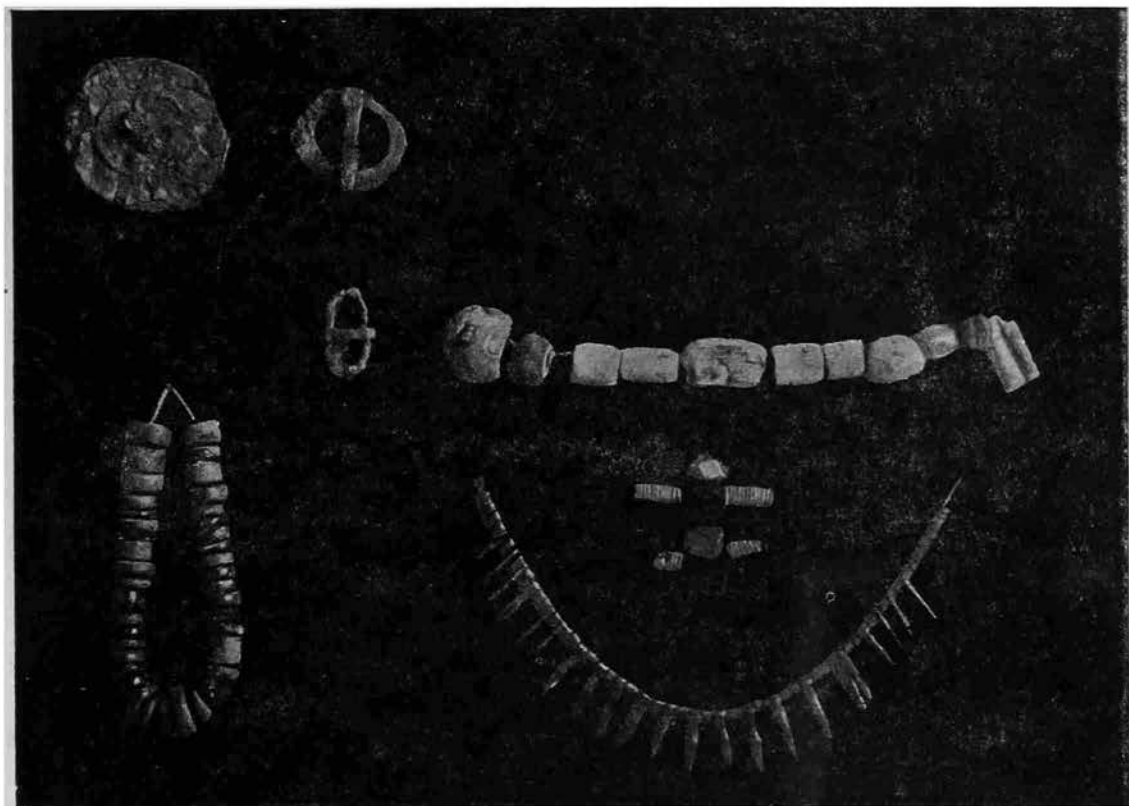

Рис. 18. Кург. № 14, гр. 2: зеркальце, пряжки, янтарные бусы, пастовые и лигнитовые бусы (2/5 н. в.).

Курган № 17

Диаметр — 12 м.

Высота — 0.65 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Длина могильного входа — 2.15 м, ширина — 0.35 м и глубина — 2 м (считая от поверхности кургана).

Подбой, устроенный в западной стенке входа, имел в длину 2.15 м, в ширину — 0.60 м и в высоту — 0.50 м, причем его пол был ниже пола входа на 0.40 м. Погребение в подбое разрушено, особенно в северной стороне. Верхняя часть костяка все же до некоторой степени уцелела на месте. Судя по сохранившимся костям, устанавливается, что костяк мужчины лежал, будучи ориентирован головой к югу на спине, вытянуто. Около южной стенки подбоя найдены ножная кость овцы и два глиняных горшка, из которых один был с высокой шейкой, а другой — с короткой. Оба раздавлены обрушившимся подбоем. Вдоль покойника, справа, найдены обломки широкого и длинного железного меча, часть которых была сдвинута к северной стенке подбоя, где найден также и один альчик.

На месте правого плеча покойника найдена бронзовая, довольно массивная, пряжка прямоугольной формы, с язычком.

Курган № 18

Длина — 13 м.

Высота — 0.70 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

В насыпи, на глубине 0.40 м, в северо-западной части разреза лежало днище глиняного грубого горшка. Обнаруженная подбойная могила была ориентирована по линии север-юг. Вход в могилу имел в длину 2.20 м, в ширину — 0.70 м и в глубине — 1.30 м (считая от поверхности кургана). Во входе найдены отдельные кости человека. Подбой, устроенный в западной стенке входа, имел в длину 2.20 м, в ширину — 0.80 м. Высоту подбоя, вследствие его полного уничтожения, установить не было возможности. Форма подбоя — изогнутая дугообразно. Кости покойника оказались сгруппированными в северной части подбоя, за исключением кисти правой руки, всей правой ноги, берцовых костей левой ноги и ступней, лежавших на месте. Черепа в могиле не оказалось. Судя по положению костей, можно было установить, что покойница была положена головой к северу на спине вытянута. На месте грудной кости найдена черная гешировая буса в виде как бы двойной секиры, мелкие стеклянные бусинки и одна буса граненая, плоская, из граната, а также обломок бронзовой иглы от фибулы. Близ ступней ног покойницы, по берцовым костям, лежали мелкие шаровидные темные бусинки. Под костяком оказались остатки окрашенной в красный цвет деревянной подстилки. Найдены также кусочек мела и обломок серебряного тонкого кольца-привески.

Курган № 19

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.45 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаруженная подбойная могила была ориентирована по линии север-юг.

Длина могильного входа — 1.95 м, ширина — 0.55 м и глубина — 1.85 м. В засыпке входа найдены несколько гнилушек и обломок лопатки овцы.

Подбой, устроенный в западной стенке входа, имел в длину 2.20 м, в ширину — 0.70 м и в высоту — 0.50 м, причем его пол был ниже пола входа на 25 см. В подбое лежал костяк женщины на спине вытянута, ориентированный головой к югу. Череп деформирован и пробит острым орудием.

В головах покойницы, справа, стоял раздавленный глиняный горшок ручной лепки. Около таза костяка, справа, лежала одна стеклянная буса. Справа от берцовой кости правой ноги найден маленький плоский прямоугольный точильный камень со сверлиной и там же, ближе к ступням ног, железный сточенный ножик (длина — около 3 см). Несколько выше над покойницей, между берцовыми костями обеих ног, находилась половинка железных ножниц для стрижки овец. На этой половинке помещались остатки предмета, сделанного из камыша, нечто вроде игольника.

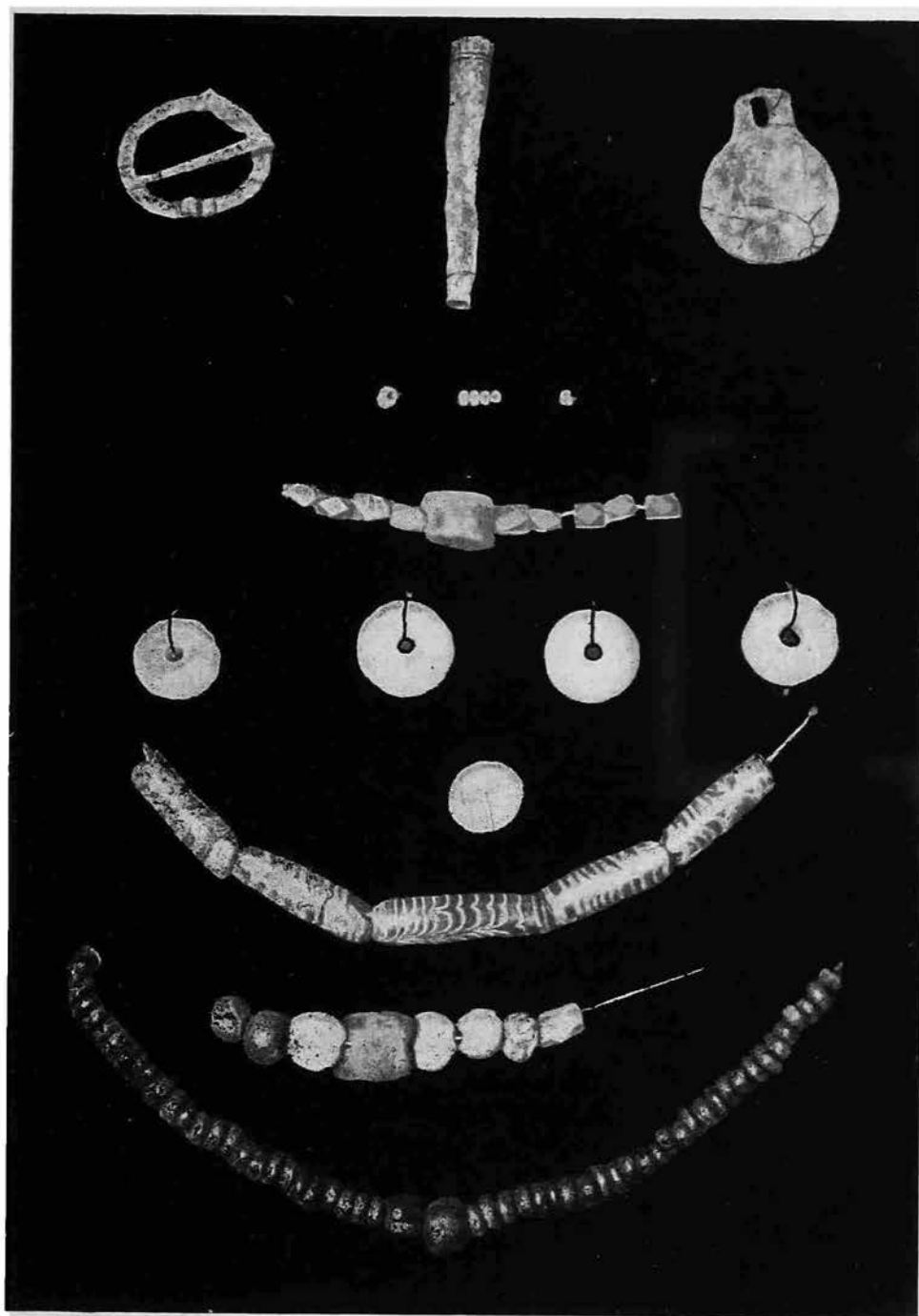

Рис. 19. Кург. 23, гр. 2: кольцевая застежка, игольник, зеркальце, бусы: гранатовые, халцедоновые, пастовые и лигнитовые ($\frac{2}{5}$ н. в.).

Курган № 20

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.45 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Подбойная могила, ориентированная по линии север-юг. Длина входа — 2 м, ширина — 0.60 м и глубина — 0.80 м. Подбой, устроенный в западной стенке входа, имел в длину 2 м, в ширину — 0.60 м и в высоту — 0.45 м, причем его пол ниже пола входа на 25 см.

Кости покойника разбросаны в беспорядке, вещей не оказалось.

Курган № 21

Диаметр — 14 м.

Высота — 0.60 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена разрушенная подбойная могила, ориентированная по линии север-юг.

Длина входа в могилу — 2.30 м, ширина — 0.50 м и глубина — 2 м.

В засыпке входа найдены обломок тазовой кости овцы и вертлюжная кость лошади, а также мелкие обломки человеческих костей.

Подбой, устроенный в западной стенке входа, имел в длину 2.40 м, в ширину — 1.10 м; высота, вследствие разрушения подбоя, не определена, но установлено, что его пол был на 40 см ниже пола входа.

Кости покойника лежали в полном беспорядке, причем отсутствовали череп, кости таза, ног и рук, за исключением обломка локтевой кости.

Вещей не было обнаружено.

Курган № 22

Диаметр — 11 м.

Высота — 0.60 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена совершенно разрушенная подбойная могила, ориентированная по линии северо-северо-запад—юго-юго-восток. Длина входа в могилу — 2 м, ширина — 0.65 м и глубина — 1.20 м. Подбой, устроенный в западной стенке, оказался разрушен. Длина его была несколько более 2 м, судя по сохранившимся частям, ширина — до 0.65 м, высота не установлена, но выяснено, что его пол был на 10 см ниже пола входа.

В засыпке могилы был найден черепок от крупного кувшина розоватой глины, зуб и ножная кость жеребенка.

В юго-юго-восточном углу входа, и, частично, в подбое оказались кости покойника, сгруженные в кучу, причем многие из них, в том числе и череп, отсутствовали.

Курган № 23

Диаметр — 11 м.

Высота — 0.75 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Открыта подбойная могила, ориентированная по линии юго-запад—северо-восток. Длина входа в могилу — 2.35 м, ширина — 0.75 м и глубина — 1.90 м (считая от поверхности кургана). Подбой, устроенный в западной стенке входа, имел в длину — 1.95 м, в ширину — 0.65 м и в высоту — 0.70 м, причем его устье имело в высоту до 0.40 м и, следовательно, пол подбоя ниже пола входа на 30 см.

На половине длины подбоя, около устья, на полу входа найдена бронзовая прямоугольная обойма.

В подбое лежал костяк женщины, ориентированный головой к юго-западу, на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми в бедрах и коленях ногами, обращенными в сторону западной стенки подбоя. Череп костяка деформирован. Под ним лежал бронзовый игольник. За черепом найдены бусы шаровидной формы, стеклянные, небольшого размера. На шее ожерелье из мелких бусинок. Начиная от левого плеча, уходя под череп, обнаружено ожерелье из крупных шаровидных бус из халцедона, крупных цилиндрических пастовых бус с пестрым орнаментом, гранчатых синих, янтарных уплощенно-цилиндрических и четырехгранных пастовых бус. Здесь же, на левом плече, лежала бронзовая круглая пластинчатая застежка с язычком и завитыми концами.

На груди покойницы найдены гранчатые гранатовые, шаровидные белые стеклянные и голубые бусы, составляющие одно ожерелье с вышеописанными халцедоновыми бусами. Около левой плечевой кости, между нею и стенкой подбоя, находилось бронзовое небольшое зеркальце с четырехугольным ушком, а далее, ближе к стенке, две шаровидные стеклянные белые бусы. На локтевом сочленении левой руки найдена гранатовая граненая буса и шаровидная стеклянная. Около локтевой кости левой руки, между нею и ребрами костяка, лежал железный ножик с костяной рукояткой, — костяные пластинки ее скреплены бронзовыми штифтиками. У кисти левой руки найдено 22 шаровидных стеклянных бусы и под кистью правой руки несколько таких же бусин; очевидно, те и другие составляли браслеты на руках покойницы, если только не служили обшивкой рукавов платья (рис. 19). На берцовой кости правой ноги найдены две небольших шаровидных бусинки и здесь же — обломок железной круглой пряжки. Около фаланг пальцев оказалось кресало, кусочек кремня и трут.

Рис. 20. Кург. 24, гр. 2, погребение.

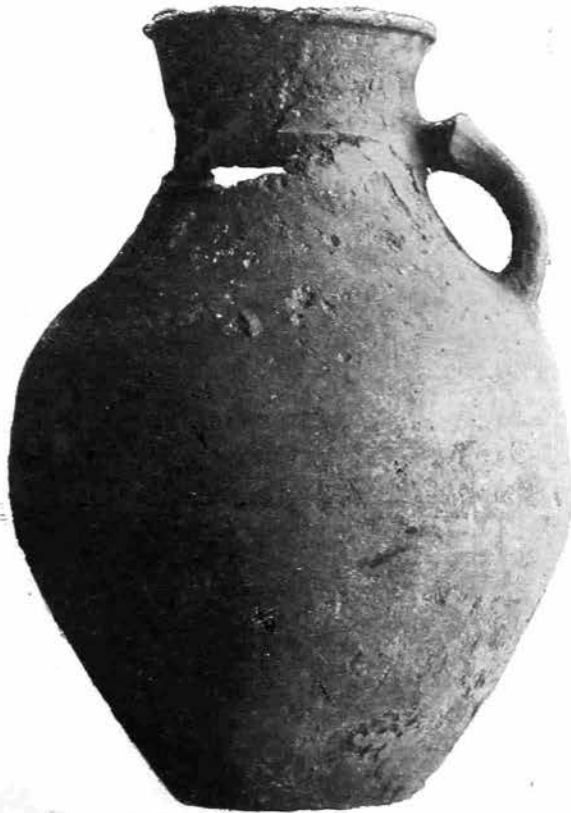

Рис. 21. Кувшин из кург. 24, гр. 2 (1/3 в. в.).

Курган № 24

Диаметр — 14 м.

Высота — 0.60 м.

Разрез в центре кургана — 4 кв. м.

Обнаружена могильная яма, ориентированная по линии север-юг и имевшая в длину 2.35 м, в ширину — 1.80 м и в глубину — 1.30 м. В ней,

на глубине 1 м, было перекрытие из тонких плах с лежавшим на них слоем травы. Эти плахи закрывали яму на указанной глубине сплошь, причем лежали они поперек ямы. На ее дне оказалась вторая, узкая

яма, так же ориентированная, как и первая. Она имела в длину 2 м, в ширину — 0.50 м и в глубину, считая от уровня дна первой ямы, 0.60 м. Часть перекрытия обвалилась во вторую яму. На нем, ближе к северной стенке, лежало глиняное пряслице конусовидной формы и ножная кость овцы. На дне ямы находился костяк женщины, ориентированный головой к югу (череп деформирован). Покойница лежала на спине с согнутыми руками, причем кисть правой руки помещалась на нижних ребрах, а кисть левой на сильно подогнутых ногах, обращенных коленями вправо. Пяточными костями ноги едва не касаются таза. Это странное положение покойницы приходится объяснить, вероятно, продолжительным окостенением трупа, погребенного в этом состоянии (рис. 20). В головах покойницы, в юго-восточном углу ямы, стоял станковой работы лощеный большой кувшин с ручкой в виде стилизованной головки животного (рис. 21), а в юго-западном углу — глиняная известного сарматского типа миска с костями целой ножки овцы и железным ножом (рис. 22). Здесь же, немного выше, отмечены угольки. На шее покойницы найдены небольшие гранатовые граненые бусы и мелкие бисерные, стеклянные. Несколько выше левой ключицы лежала железная фибула. В северо-западном углу ямы стоял глиняный горшок ручной лепки (рис. 23) и близ восточной стенки, около северо-восточного угла, лежали рядом две фрагментированные проволочные бронзовые фибулы и осколки бронзового зеркалаца.

Рис. 22. Миска с костями овцы из кург. № 24, гр. 2 (1/4 н. в.).

Рис. 23. Горшок из кург. № 24, гр. 2 (1/4 н. в.).

Курган № 25

Диаметр — 13 м.

Высота — 0.70 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Открыта могильная яма, ориентированная по линии север-юг и имевшая в длину 2.10 м, в ширину — 1.60 м, и в глубину — 2 м (считая от поверхности кургана). На дне ямы по диагонали лежал костяк мужчины на спине, ориентированный головой к юго-западу. Погребение оказалось частично ограбленным и выброшенным, но ограбление, очевидно, было

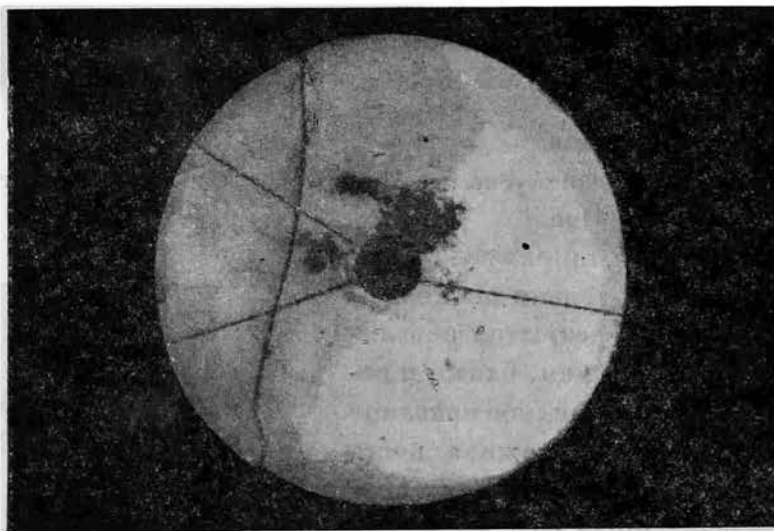

Рис. 24. Халцедоновое навершие меча из кург. № 25, гр. 2 (н. в.).

сделано не в древности, но в более позднее время, когда раскапывавшие, открыв могилу, выбросили кости и не интересовались инвентарем, кроме, вероятно, случайно вырытых вещей.

От костяка сохранились только кости ног, лежавших на месте и позволявших установить ориентировку покойника. Вещи также остались на месте. Справа, около места, где должно было находиться правое плечо покойника, лежало навершие в виде плоского кружка от рукояти меча, сделанное из халцедона или белого нефрита с бронзовым штифтом и следами железа в центре. Навершие было разбито и склеено смолой (рис. 24). Меч лежал вдоль восточной стенки ямы и сохранился в обломках, часть его была выброшена. Около рукоятки меча лежала небольшая железная пряжка и четырехугольное каменное точило со сверлиной. Около места левого плеча покойника, близ западной стенки ямы, стояла глиняная миска сарматского типа, а на ее крае лежала ножная кость овцы; рядом, вдоль стенки, помещались фрагменты глиняного горшка. Около той же стенки, против места, где прежде находилось левое бедро, обнаружено массивное бронзовое колечко, вероятно от сбруи. Невдалеке от восточной стенки ямы, почти около конца

меча, лежал вдоль стенки, с уклоном своим острием к правому колену покойника, железный кинжал с прямой крестовиной (тип современного кинжала). Здесь же, около рукоятки кинжала, найдены железные удила с крупными кольцами.

Курган № 26

Диаметр — 16 м.

Высота — 0.70 м.

Разрез в центре кургана — 4 кв. м.

Обнаружена могильная яма, ориентированная по линии север-юг и имевшая в длину 2.20 м, в ширину — 1.70 м. и в глубину — 1.90 м (считая от поверхности кургана). В засыпке могильной ямы найден трехгранный наконечник железной стрелы.

На дне ямы вырыта вторая яма, также ориентированная и имевшая в длину — 2.70 м (т. е. выходящая за пределы первой ямы в глубине ее), в ширину — 0.70 м и в глубину, считая от уровня дна первой, — 0.50 м. Погребение, бывшее в ней, совершенно разрушено. Найдены кости человека, разбросанные по всей могиле, причем череп оказался деформированным и имеющим следы ударов, нанесенных режущим орудием по теменной кости и по правой глазнице. Оба места ударов зажали при жизни человека.

Далее, среди костей, были найдены обломки длинного и широкого меча без крестовины, остатки костяных обкладок длинного лука, обломок железного плоского круглого предмета, небольшое бронзовое массивное колечко и такого же размера бронзовая круглая пряжка, остатки деревянного предмета (колчана?) с орнаментом из крестовидных бронзовых пластинок, фрагменты крупного лощеного кувшина станковой работы и глиняной миски сарматского типа, а также грубого глиняного горшка ручной лепки и кость овцы.

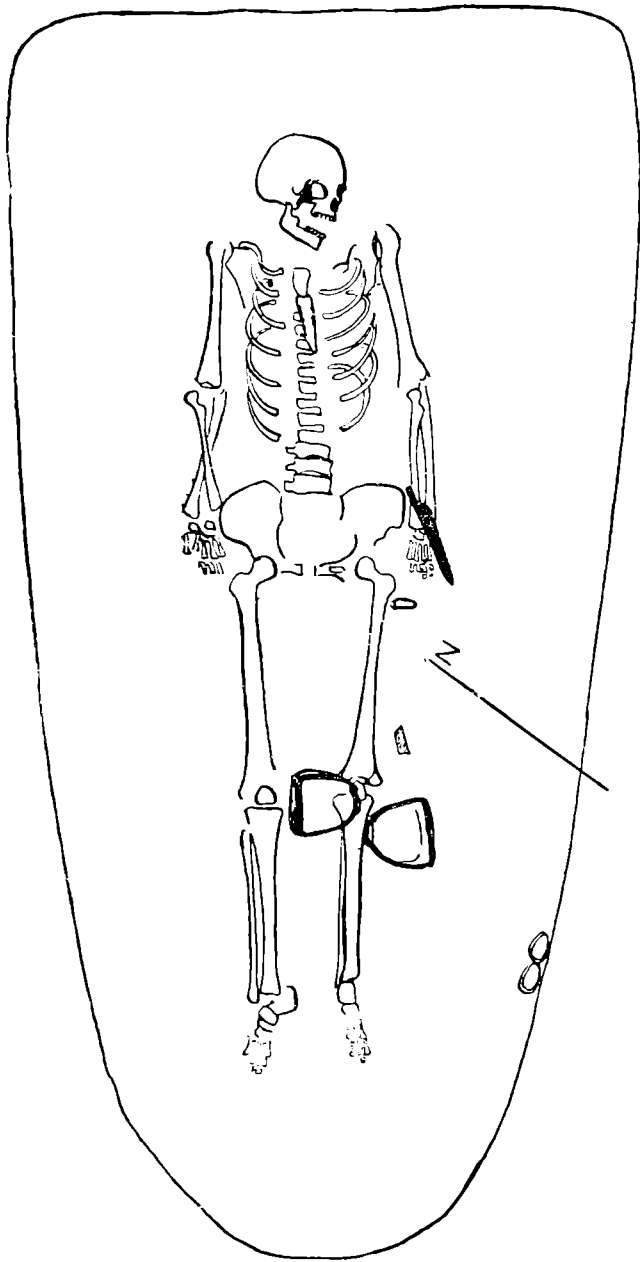

Рис. 25. Кург. № 27, гр. 2 — погребение.

Курган № 27

Диаметр — 9 м.

Высота — 0.55 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена могильная яма, ориентированная по линии северо-восток—юго-запад и имевшая в длину 2.30 м, в ширину—в северо-восточной части — 1.10 м, в юго-западной части — 0.85 м и в глубину — 1.30 м. На дне ямы лежал костяк мужчины на спине с вытянутыми конечностями, ориентированный головой к северо-востоку. Длина костяка — 1.65 м. На левой локтевой и лучевой костях покойника лежал железный нож — кинжал — рукоятью в направлении к нему. Под бедренной костью левой ноги, близ ее верхушки, найдено железное кресало, а на берцовой кости той же ноги — от колена до ступни — пара железных стремян с прорезью в дужке для ремня (рис. 25). Против них, выше на 30 см, в восточной стенке ямы, в норе грызуна, оказались железные удила и рядом с ними, в направлении к северо-восточной стенке — остатки деревянного седла.

Курган № 28

Диаметр — 10 м.

Высота — 0.60 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток. Длина могильного входа — 2 м, ширина — 0.90 м и глубина — 1.60 м. Длина подбоя, устроенного в западной стенке — 2.50 м, ширина — 0.50 м и высота — 0.40 м, причем пол подбоя ниже пола входа на 20 см. Погребение совершенно уничтожено, кости выброшены в могильный вход и частью разбросаны в подбое. Вещей не найдено.

Курган № 29

Диаметр — 11 м.

Высота — 0.50 м.

Разрез в центре кургана — 3 кв. м.

Обнаружена могильная яма, ориентированная по линии север-юг и имевшая в длину — 2.20 м, в ширину — 1.80 м и в глубину — 1 м. Погребение оказалось совершенно уничтоженным, причем были найдены обломки железного ножа, несколько костей человека и ножная кость овцы.

P. RYKOV

Fouilles archéologiques des tumuli dits „des Trois Frères“ (1933—1934)

RÉSUMÉ

Le pays des Kalmyks est une des parties mal connues de la République soviétique socialiste fédérative russe. Son étude systématique date du début de 1929. Les fouilles archéologiques, commencées en 1929—1932, se sont déployées sur une plus large échelle en 1933—1935. Elles ont embrassé surtout la région de la ville d'Elista, en particulier la contrée de Khamour dans les monts Ergheni, où ont été exécutées les fouilles décrites ci-dessus au lieu dit «des Trois Frères», nommé ainsi à cause de trois grands tumuli de 5—7 m de hauteur et d'un diamètre atteignant jusqu'à 67 m, qui s'y dressent au milieu de quatre groupes de tumuli.

Au cours des travaux de 1933 de 1934, on a exploré la plus grande partie du premier groupe et surtout le second groupe. Le premier groupe a fourni presque exclusivement des monuments de l'âge du bronze (régime de clan), le second — des monuments de la culture matérielle sarmate. Les premiers comprennent des sépultures de catacombes, synchroniques de celles à charpente de Khvalynsk, et d'autres, plus anciennes, représentant des tombes en forme de fosses avec marches et couvertures de poutres. L'une des sépultures était entourée (sous le terrassement) par un cercle de pierres. L'élément le plus intéressant de ces sépultures est la céramique, qui montre un ornement rattachant la culture de catacombes avec celle à charpente de Khvalinsk. On a trouvé aussi des tombes du type des «fosses» renfermant en abondance de la couleur rouge. Dans le premier groupe également a été découverte une sépulture du temps des Scythes.

Le second groupe a donné deux types de tombes — dans des fosses carrées avec au fond d'étroites fosses rectangulaires, etc. Les objets qu'elles contiennent sont caractéristiques des II—III-e siècles avant notre ère. Particulièrement intéressantes sont les objets en pâte «égyptienne», entre autres une figurine de Bessa, le pommeau en calcédoine d'une épée et la céramique, qui atteste l'existence d'un échange avec les colonies antiques de la mer Noire.

Outre ces monuments, on a trouvé des tombes de nomades, en particulier de Polovtsy (XI—XII-e siècles) et de Mongols du XIV-e siècle, c'est-à-dire du temps de la Norde d'Or.

Les fouilles exécutées dans la région des Trois Frères ont donc fourni des monuments caractérisant tout le passé historique des steppes Kalmyks.

М. В. ПОКРОВСКИЙ

ПАШКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК № 1

Весною 1927 г. мною, совместно с Н. В. Анфимовым, был обнаружен древний могильник близ станицы Пашковской. Обследуя 26 III 1927 г. линию старого русла р. Кубани в районе этой станицы, мы начали работу с осмотра так наз. «зароя» (место добывания глины) местного кирпичного завода. Этот кирпичный завод расположен на расстоянии 2 км от станицы у так называемой Пашковской переправы через р. Кубань. В северной части зароя незадолго перед этим произошел большой обвал и земляные глыбы устилали значительную площадь его дна. На поверхности обвала нами были найдены два железных меча, две небольших золотых розетки со стеклянными вставками, три небольших серебряных с резьбой по окружности бляшки, большая серебряная бантообразная пряжка с выпуклым квадратным гнездом у основания язычка со стеклянной вставкой красного стекла, несколько тонких электровых пластинок с круглыми отверстиями, янтарные бусы, железный ножичек, мелкие бронзовые пластинки, гвоздики, части костей человеческого скелета и обломки разбитых серых сосудов. Все эти предметы лежали на поверхности обвала среди земляных глыб. Собрав все перечисленное и видя, что дальнейшее обследование этого обвала вследствие наступающих сумерок провести не удастся, мы возвратились в г. Краснодар. 3 апреля 1927 г. мы снова выехали в ст. Пашковскую и приступили к расчистке обвала с целью обнажить всю засыпанную им площадь. В самом начале работ были найдены бронзовое височное кольцо и стеклянная пронизь. При расчистке и разборке его последних глыб нами были обнаружены следующие предметы: 1) большая серебряная гривна (диам. 18 см), застегивающаяся при помощи крючка и плоской петли; 2) бронзовая, со следами позолоты, фибула готского типа, украшенная семью красными камнями; 3) массивный электровый браслет с разомкнутыми, несколько утолщенными концами; 4) серебряный такого же типа браслет; 5) небольшое зеркало белой бронзы с петелькой и орнаментом из двух concentрических кругов на обратной стороне; 6) 2 арбалетных серебряных фибулы; 7) серебряная пряжка того же типа, что и найденная в первый раз, но без вставки и несколько меньших размеров; 8) бронзовые щипчики; 9) бронзовая

цепочка к ним длиной 20 см; 10) железный ножичек; 11) 3 бусы из горного хрусталя; 12) 2 больших круглых халцедоновых бусы; 13) 5 больших янтарных бус; 14) крупная халцедоновая гемма с резным изображением двух воинов, держащих в руках меч. В обстановке, при которой были найдены все эти предметы, восстановить картину погребения не представлялось возможным.

Из расспросов рабочих кирпичного завода удалось выяснить, что на всей довольно большой уже разработанной площади, занятой в настоящее время зароем, в большом количестве встречались древние погребения. Рабочими неоднократно обнаруживались сосуды из серой глины, человеческие кости, бусы и различные украшения.

В течение лета 1927 г. нами при повторных посещениях могильника было дополнительно найдено несколько отдельных предметов: бусы, бронзовые проводочные подвески с надетыми на них бусинками, бронзовые пластинки. 20 VIII 1927 г. во время осмотра зароя, в 3 м к югу от места находки, сделанной 3 апреля, мы заметили торчащий в стене зароя бронзовый предмет. Произведя исследование этого обнажившегося погребения, мы обнаружили следующее: на глубине $1\frac{1}{2}$ м находились 6 сосудов (3 серых кувшина, 2 миски серой глины и 1 горшочек красной глины высотой $9\frac{1}{2}$ см с отогнутым венчиком, украшенным веревочным орнаментом). Перед этими сосудами находился следующий комплекс предметов: 1) бронзовая гривна того же типа, что и найденная ранее, 2) бронзовая фигурка человека, окруженная комком бус, 3) бронзовое височное кольцо, 4) серебряная пластинчатая фибула с истлевшей железной иглой, 5) медный браслет. В числе найденных янтарных, хрустальных и стеклянных бус оказалась одна буса, изображающая лежащего на подставке льва, из голубой египетской пасты. Обнаруженная у самого края стены зароя фаланга пальца ноги и полное отсутствие других костей на всем обследованном пространстве заставляет думать, что все вышеперечисленное есть лишь остаток еще одного погребения, разрушенного в течение лета рабочими завода при добывании глины. На дне двух найденных кувшинов имеются клейма в виде круга с крестообразным знаком внутри его.

В течение последующего периода времени 1928—1929 гг. земляные работы кирпичного завода в этом зарое были прекращены, но добывание глины в нем отдельными гражданами ст. Пашковской попрежнему имело место. С целью возможного сохранения обнаруживаемых при этом предметов мы установили постоянные наблюдения над этим могильником и не менее одного раза в десятидневку члены нашего кружка по очереди посещали могильник, осматривали осыпи и обвалы, а иногда и получали из рук местных жителей отдельные предметы. Так, Н. В. Анфимов, посетив могильник 18 II 1928 г., получил от жителя ст. Пашковской гр. Бобрышева, добывавшего в этот момент глину, следующие предметы: 1) плоскую миску светлосерой глины высотой 5.2 см, 2) серебряный браслет с утолщенными концами, 3) серебряную гривну диаметром 10 см, на которой

имеется орнамент в виде зигзагообразной линии и точек, 4) небольшое бронзовое зеркало с петелькой на обратной стороне и орнаментом в виде трех concentрических кругов, 5) бронзовую цепочку, 6) несколько серебряных обойных пластинок, 7) 30 янтарных бус, несколько бус из горного хрусталя и 12 стеклянных пронизей. Все эти вещи были найдены гр. Бобрышевым на глубине $1\frac{1}{2}$ м. Человеческих костей им обнаружено не было. Из других предметов, найденных нами на территории могильника, следует отметить: 1) фибулу в виде круглой пластинки с четырьмя соколиными

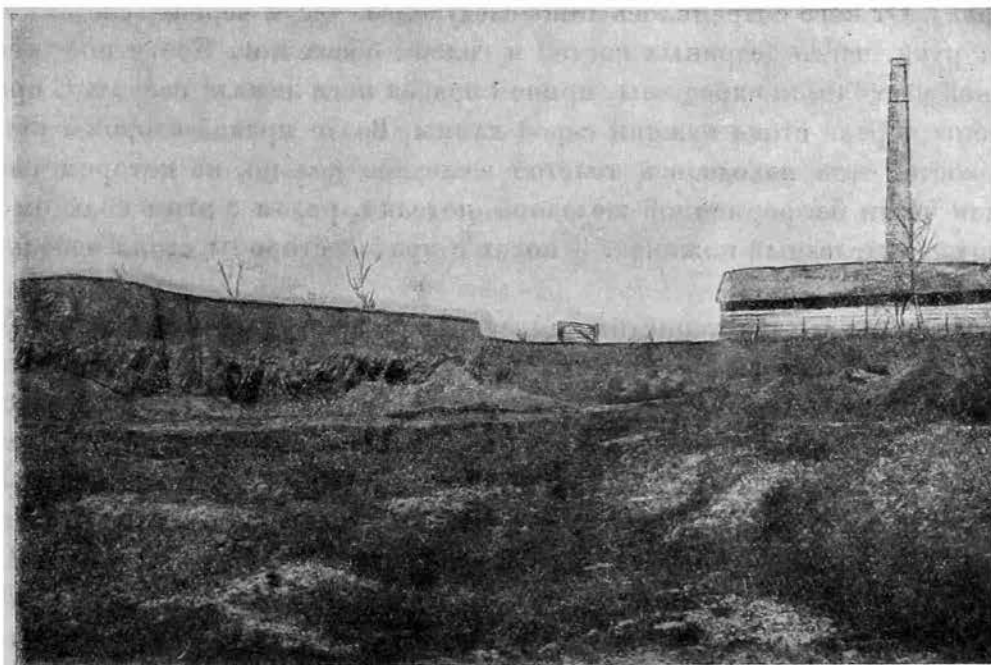

Рис. 1. Общий вид Пашковского могильника.

головками, 2) 7 бронзовых и медных височных колец, несколько серебряных и медных браслетов, из числа которых два имеют расплющенные концы с оттиснутыми на них изображениями головок, 3) 1 серьгу в виде «калачика», 4) медную подвеску с неясным резным изображением и 5) 17 глиняных сосудов.

14 апреля 1929 г. в отвесной стене зароя на глубине 1 м 25 см нами был обнаружен человеческий череп. Произведя исследование, мы установили, что этот череп является остатком погребения, которое было разрушено во время работ по добыче глины. Близ черепа была найдена железная пряжка, а на правой височной кости его находилась медная фибула в виде продолговатой пластинки с ушками в верхней ее части и железной иглой. Несколько западнее в той же стене зароя на глубине 1 м 40 см были обнаружены кости предплечий. Произведя исследование этого обнажившегося погребения, мы обнаружили следующее: на глубине 1 м 40 см лежал человеческий костяк, ориентированный с юго-запада-запад на северо-восток-

восток. Верхняя часть его обвалилась; уцелели лишь кости нижних конечностей с остатками таза и кости предплечий, лежащие на тазовых костях. Костяк оказался крайне плохой сохранности. Длина сохранившейся его части равна 105 см. В ногах скелета стоял серый раздавленный землею кувшин хорошей работы, а на костях правого предплечья по середине их длины находился медный браслет.

24 III 1933 г. нами в северо-восточной части зароя было доследовано еще одно погребение. Обнаруженный залежавший на глубине 1 м 37 см костяк оказался крайне плохой сохранности и был ориентирован головою на запад. От него сохранилось лишь следующее: части черепа, следы костей левой руки, части бедренных костей и голени обеих ног. Кости ног в своей нижней части были скрещены, причем правая нога лежала сверху. С правой стороны черепа стоял кувшин серой глины. Возле правой стороны истлевших костей таза находилось толстое железное кольцо, на котором сверху лежали части бесформенной железной поделки, рядом с этим кольцом был обнаружен железный ножичек. В ногах с правой стороны стоял небольшой горшок желтой глины.

Переходя к характеристике инвентаря Пашковского могильника № 1, прежде всего следует отметить, что этот могильник весьма близок к могильникам крымских готов: Суук-Су, Бал-Гота, Артекскому и др. Артекский могильник дает аналогичные фибулы, пряжки, браслеты и пр.¹ Наиболее же близким из числа крымских могильников к Пашковскому могильнику № 1 является нижний слой могильника Суук-Су, обследованного Н. И. Репниковым. Погребения этого нижнего слоя датируются монетами V—VII вв. Предметами, аналогичными для обоих могильников, Пашковского № 1 и Суук-Су, являются: янтарные бусы, граненые бусы из горного хрусталя, фибулы готского типа, поясные пряжки и браслеты.² Чертою, которая несколько отличает могильник Суук-Су от Пашковского могильника № 1, является то, что в его могилах почти не встречается оружия и керамики, в то время как в Пашковском, поскольку об этом пока можно судить, последние встречаются в довольно значительном количестве. Кроме того, инвентарь Пашковского могильника № 1 встречает ряд аналогий в могильниках Черноморского побережья Кавказа. В 1907 г. были произведены разведки в могильнике близ Агойского аула б. Туапсинского округа.³ Здесь были найдены характерные железные кинжалы с выступами у рукояти, аналогичные пашковскому экземпляру, и другие предметы, близкие пашковским. В с. Небугском того же Туапсинского округа были найдены такие же кинжалы.⁴ Далее следует отметить предметы из случайных находок в с. Веселом б. Сочинского округа, где были найдены аналогичные серебряные

¹ См. Отчет археол. ком. за 1902 г., стр. 135, а также вып. 19, табл. X.

² Изв. археол. ком., вып. 19; «Некоторые могильники области крымских готов», табл. III, рис. 20, 29, 32; табл. IV, рис. 2 и сл.

³ Изв. Археол. ком., вып. 33.

⁴ См. Отчет Археол. ком. за 1897 г.

Рис. 2. Ножевидный кинжал.

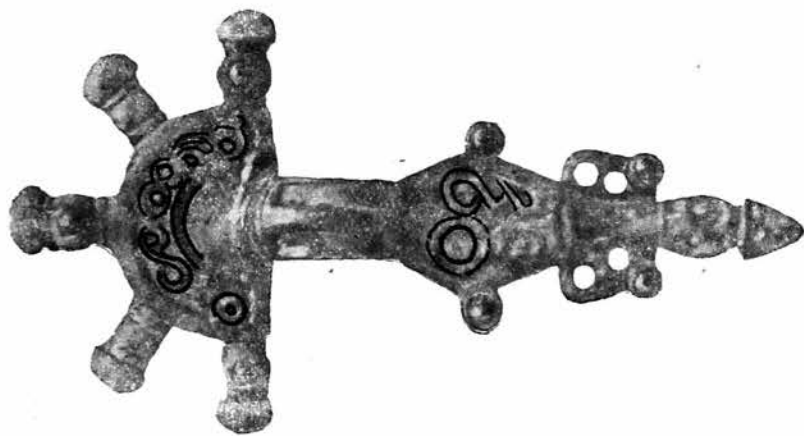

Рис. 3. Фibuла с 7-ю красными камнями и следами позолоты.

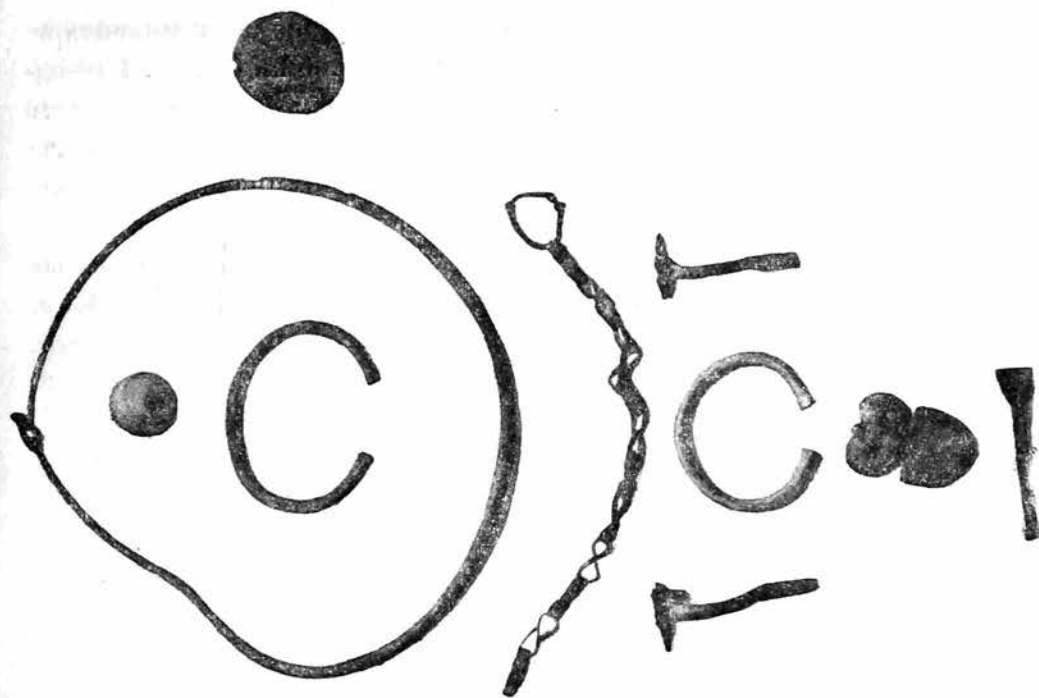

Рис. 4. Предметы, найденные в могильнике.

пряжки. Наибольшее же количество аналогий по отношению к инвентарю Пашковского могильника № 1 дает Борисовский могильник близ г. Геленджика, исследованный в 1911—1912 гг. В. В. Саханевым (вернее, та часть погребений этого могильника, которую В. Саханев датирует V—VII вв. н. э.).¹ Здесь прежде всего останавливают внимание уже упоминавшиеся выше кинжалы с выступами у рукояти.² Далее вполне аналогичными для обоих могильников, Пашковского № 1 и Борисовского, являются серебряные пряжки с характерным изгибом дужки,³ пластинчатые фибулы с пятой, которая своим изгибом образует приемник для иглы в виде трубочки,

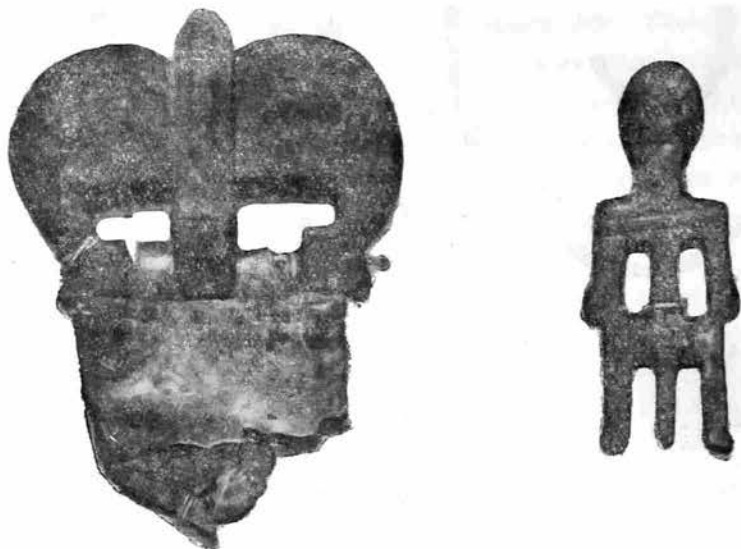

Рис. 5. Пряжка и бронзовая фигурка.

браслеты с расплюснутыми концами, на которых отсиснуты схематические изображения головок, медные и серебряные браслеты со слегка утолщенными концами, тройные, со следами позолоты, провизи, бусы из хрусталя и, наконец, керамика. Среди небольшого количества последней в Борисовском могильнике аналогичными с пашковскими являются невысокие серые кувшины.⁴ Следует отметить, что Пашковский могильник № 1 значительно богаче в отношении керамики, чем Борисовский. Наиболее распространенными формами сосудов в Пашковском могильнике № 1 являются:

1. Серые хорошо обожженные кувшины с ручкой. Размеры их колеблются от 18 см высоты до 11 см. Ручки у этих кувшинов бывают круглые, плоские и плоские, разделенные на две части продольным желобком. У двух кувшинов бортик изогнут и образует выступающий носок. Один

¹ Изв. Археол. ком. за 1914 г., вып. 56, «Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.».

² Изв. Археол. ком., вып. 56, стр. 126.

³ Там же, рис. 20, фиг. 17.

⁴ Изв. Археол. ком., вып. 56, стр. 138, рис. 25.

кувшин высотой $14\frac{1}{2}$ см имеет у основания горла по плечевой окружности три желобка, от нижнего из которых идут неправильной формы вдавленные лощеные полосы. На найденном при расчистке обвала (см. выше, стр. 2) горле кувшина имеется лощеный елочный орнамент. На дне двух

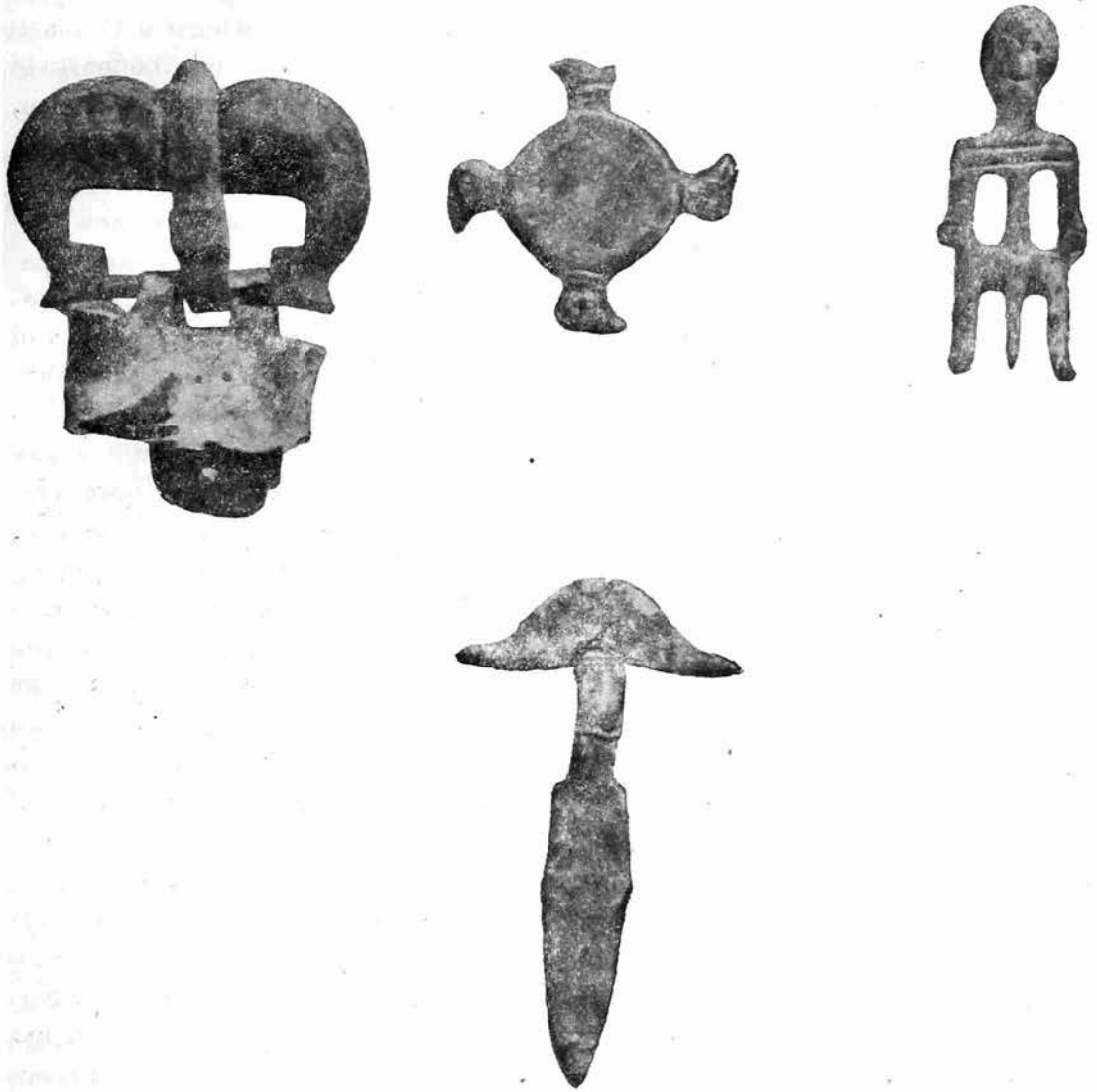

Рис. 6. 1) Пряжка; 2) фибула с соколиными головками; 3) бронзовая фигурка; 4) фибула.

кувшинов, как уже указывалось выше, имеется крестообразный знак, концы которого расплываются в охватывающем его круге.

2. Одинаковой формы с этими кувшинами небольшие сосудики из серой глины, хорошего обжига, высота которых не превышает 6 см.

3. Мисочки из той же серой хорошо обожженной глины. Высота всех этих мисочек около 5 см, диаметр же колеблется в пределах от 11 до 15 см. При исследовании же обвалившегося погребения (см. выше, стр. 3) был найден горшочек из красной глины, высотой $9\frac{1}{2}$ см, с отогнутым венчиком, край которого украшен «веревочным» орнаментом.

Кроме могильников Крыма и могильников Черноморского побережья, Пашковский могильник № 1 в отношении некоторой части своих вещей встречает еще целый ряд аналогий в могильниках Северного Кавказа. Фибулы готского типа были найдены в могильниках Фаскау Тимофеевым.¹ Встречались они также в могилах Верхней Рутхи. Одна из пряжек Пашковского могильника вполне аналогична с теми, которые найдены в Голиате Иоакимовым,² и которые определяются им как «овальные бантообразные пряжки, подобные рутхинским...», но у которых бант шире и выпуклее,

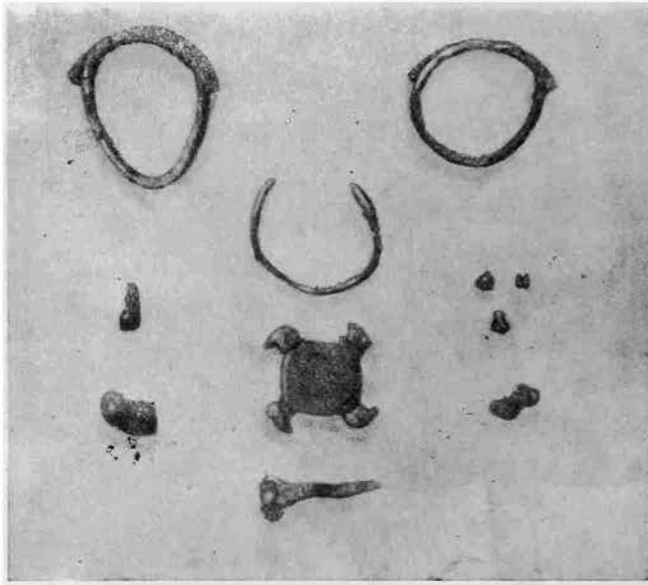

Рис. 7. Предметы, найденные в могильнике.

а соколиный носик, резаный из пластинчатой бронзы и накинута петлей на заднюю часть пряжки, украшен в верхней части высокой бронзовой ячейкой с красным стеклышком». Цепочки, подобные пашковским, употреблявшиеся для подвешивания мелких туалетных принадлежностей, упоминаются в числе предметов, найденных в могильниках Рутхи. Зеркала белой бронзы с петелькой на обратной стороне близки к зеркалам из кобанских катакомб, относимых к VI в.⁸ Бронзовый амулет в виде фигурки человека, совершенно аналогичный с пашковским экземпляром, был найден Ольшевским в Комунте.⁴ Сосуды, на дне которых, как и на двух экземплярах Пашковского могильника № 1, имеется выпуклый круг с крестообразным знаком внутри него, найдены были И. А. Владимировым в 1898 г. при раскопках в Нальчикском окр. Аналогичный знак имеется на мисках из могильников Верхней Рутхи,⁵ на кувшинах из могил близ аула Дзивгиса в Осетии,⁶ а также на сосуде из погребения № 2, разрытого Антоновичем в 1879 г. в Комунте.⁷ Фibuла в виде круглой пластинки с четырьмя соколиными головками упоминается среди предметов, собранных И. Урусбиевым в Чегемском могильнике.⁸ Кроме того, эти же фибулы с гнездами для

¹ Матер. по археол. Кавказа, т. 8, табл. СХVI.

² Матер. по археол. Кавказа, т. 8, стр. 290.

³ Матер. по археол. Кавказа, т. 8, стр. 91.

⁴ Матер. V съезда в Тифлисе, табл. VIII.

Матер. по археол. Кавказа, т. 8, стр. 243.

⁶ Матер. по археол. Кавказа, вып. 1, табл. XIV, рис. 3.

⁷ Материалы по археол. Кавказа, т. 8, стр. 294.

⁸ Матер. по археол. Кавказа, вып. I, табл. XXIV, рис. 21.

заполнения стеклянной массой были найдены в могилах верхней Рутхи.¹ Особый интерес среди инвентаря Пашковского могильника № 1 представляет резной камень, упомянутый выше. Наиболее близкими к нему по своей технике являются некоторые камни из могильников Камунты и Кумбулты. В этом отношении особенно характерны изображения, имеющиеся

Рис. 8. Керамика.

на камнях под №№ 12 и 27, приведенные на табл. СХХVII в 8 томе «Материалов по археологии Кавказа».

В. В. Саханев датирует первую часть Борисовского могильника V—VI вв.² Пашковский могильник № 1, который помимо Борисовского, находит себе ряд аналогий в могильниках крымских готов, можно датировать также V—VI вв. н. э. Этой датировке не противоречат и те данные, которые вытекают из изучения материала вышеупомянутых горных могильников Кавказа. Датирование Пашковского могильника № 1 несколько осложняется лишь тем обстоятельством, что среди его вещей нами была найдена фигурка льва из египетской пасты. Эти изделия, как известно, датируются первыми веками новой эры и в очень большом количестве

¹ Матер. по археол. Кавказа, т. 8, табл. III, рис. 12, 13.

² Изв. Археол. ком., вып. 56, стр. 160.

встречались в керченских катакомбах этого времени. Так, в отчете о раскопках в Керчи за 1905 г. мы находим указания, что они были найдены вместе с другими вещами, в числе которых имелась золотая индикция с монеты Рескупорида IV (239—261 гг.). В той же Керчи они были найдены в могиле, относимой к I в. н. э. На территории г. Краснодара они в значительном количестве были найдены в 1929 г. при постройке дома на месте

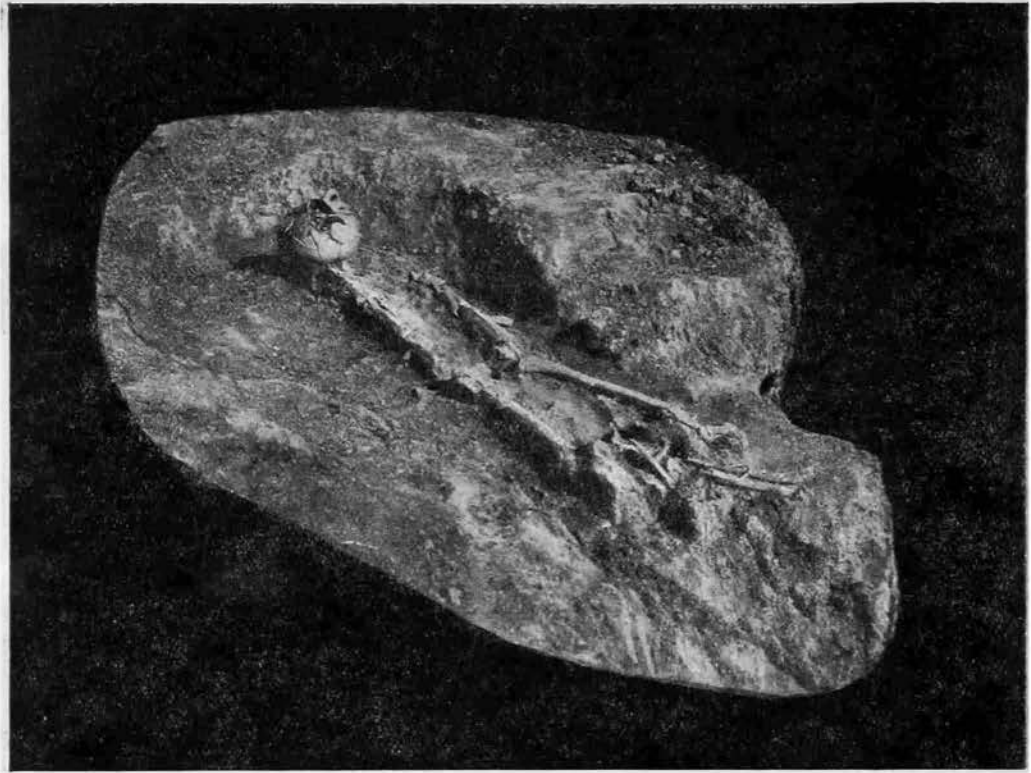

Рис. 9. Общий вид погребения.

могильника на Почтовой ул. Единичные находки подобных изделий среди более поздних по времени вещей Пашковского могильника № 1 могут быть объяснены тем, что рядом с этим могильником имеется селище I—II вв. н. э. Найденная намя среди инвентаря полуразрушенного погребения (см. стр. 4) фигурка льва могла быть подобрана древними насельниками территории Пашковского могильника на этом селище и служить затем еще долгое время в качестве украшения. Подобное явление между прочим довольно обычно для горных могильников Кавказа. Там фигурки львов, скарабеев и черепах из египетской пасты встречаются зачастую вместе с монетами VI—IX вв. н. э. Вс. Миллер¹ пишет, что присутствие вышеупомянутых предметов среди изделий гораздо более позднего времени объясняется тем, что среди древних насельников Кавказа «всегда высоко ценились привозные

¹ Вс. Миллер. Некоторые замечания о культуре, обнаруживаемой могильниками Осетии и горских обществ Кабарды. Матер. по археол. Кавказа, т. I.

безделушки», и что поэтому они могли передаваться из поколения в поколение иногда на протяжении целых столетий, прежде чем попадали в могилу. Следует думать, что отдельные случайные находки изделий из египетской пасты в погребениях Пашковского могильника № 1 не могут изменить его датировки как могильника, относящегося к V—VI вв. н. э.

Заканчивая на этом свое краткое сообщение о Пашковском могильнике № 1, я в заключение считаю необходимым высказать пожелание о необходимости проведения крупных работ в сохранившейся части могильника. Ибо только эти работы дадут возможность правильно разрешить вопрос о социальной структуре общества, жившего на территории нынешней станицы Пашковской в V—VI вв. н. э. Тот материал, которым мы располагаем в настоящее время, уже дает основание говорить об известной дифференциации этого общества. Резко бросающаяся в глаза разница между характером инвентаря первого погребения, обнаруженного нами в обвале, и тех погребений, которые затем были дополнительно вскрыты, не может быть игнорирована. Надо надеяться, что дальнейшие работы дадут четкую картину, позволяющую прийти к обоснованным выводам.

M. POKROVSKIJ

LE CIMETIÈRE № 1 DE PACHKOVSKAÏA

R É S U M É

L'auteur décrit un cimetière découvert en 1927 près le village Pachkovskaïa, sur le fleuve Kouban, sur les lieux d'extraction de l'argile pour la briqueterie locale.

Les objets suivants ont été trouvés: collier, bracelet, miroir en bronze blanc, fibules, perles, céramique, anneaux temporaux en bronze, etc. En 1929, on a découvert au même endroit un crâne humain avec squelette, auprès des pieds duquel était un vase écrasé. En 1933 on y a trouvé une sépulture en mauvais état de conservation.

L'auteur donne la caractéristique du matériel recueilli dans ce cimetière, qu'il rapproche des cimetières des Goths de Crimée, et le compare avec ces objets analogues. Le mobilier de Pachkovskaïa rappelle celui des cimetières de la côte caucasienne de la Mer Noire et du Caucase du Nord; il peut être daté du V—VI-e siècle de notre ère. Un seul objet reste douteux — une figurine de lion en pâte égyptienne, qui se rapporte aux tout premiers siècles de notre ère; sa présence ici s'expliquerait, selon l'auteur, par l'existence au I—II-e siècle dans les environs du cimetière d'un village (sélistché), d'où elle aura pu être apportée sur le territoire du cimetière.

L'auteur compte sur de nouvelles recherches dans la région pour obtenir une image nette permettant des conclusions déterminées.

В. А. ГОРОДЦОВ

ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЕГО МОГИЛЬНИКИ ПО РАСКОПКАМ 1935 ГОДА

(Предварительное сообщение)

Раскопки 1935 г. на площади Елизаветинского городища и сопровождающих его могильников являлись продолжением раскопок, начатых на тех же местах в 1934 г.,¹ когда, благодаря недостаточности средств, исследование городища велось только один день, да и то неполный, главным же объектом раскопок в том году служили погребения западного могильника. В 1935 г. раскапывались могильники и городище, с сильным акцентом на последнем. Однако необходимо сказать, что раскопки городища и в этом году носили только рекогносцировочный характер. Систематические и более исчерпывающие раскопки являются делом будущего, хотя собранный обильный материал позволяет уже и в настоящее время составить суждение о многих чертах жизни населения, оставившего описываемые памятники.

Раскопки 1935 г. производились под руководством автора настоящего сообщения при участии научных сотрудников Д. Н. Лева, М. В. Покровского и Н. В. Анфимова.

Организаторами раскопочной экспедиции, как и в предшествующий год, являлись Институт антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР и Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры. Собранные обширные материалы хранятся в музее названного института.

Елизаветинское городище находится в 18 км к западу от г. Краснодара, в станице Елизаветинской. Оно делится на две части: 1) западную и 2) восточную. Раскопки 1935 г. сосредоточивались на площади западной, более древней части городища. На площади восточной, более обширной и более поздней части, проведена только одна рекогносцировочная траншея.

¹ Советская Этнография, вып. 3, 1935. Изд. АН СССР, стр. 71—76. В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г.

В западной части городища особенно интересны два пункта, имеющие вид холмов, расположенных на берегу старого, теперь пересохшего русла р. Кубани и обведенных с напольной стороны общим глубоким рвом. Более обширный западный холм имеет подчетыреугольную форму, а менее обширный восточный холм — круглую форму. По внешнему виду холмов можно заключить, что они являются памятниками особого назначения, а именно: первый, наибольший из них мог служить укрепленным местом жилища феодала или вообще правителя всего населения городища, а второй — укрепленным местом святилища. На остальной более обширной площади, в разных пунктах наблюдаются возвышения, в виде расплывчатых холмиков, и глубокая, обширная котловина, расположенная к северу против укрепленных холмов.

Наибольшее количество разного рода случайных находок было сделано ранее наших раскопок, вдоль юго-юго-западного обрывистого берега городища, подверженного разрывам весенних разливов р. Кубани, но наибольшее количество находок пантикапейских монет, по показанию всех опрошенных жителей, произведено по юго-западному скату большого укрепленного холма, где после дождевых ливней, монеты собирались детьми и взрослыми десятками и более.

В 1935 г. раскопки начаты на круглом укрепленном холме, где ранее нас, около 1917 г. копал проф. Н. И. Веселовский, принявший холм за курган. Им раскопано не менее $\frac{1}{4}$ холма. Что он нашел в процессе своей крупной работы, остается пока совершенно неизвестным: в печати об этом не сказано ни одного слова. Мы намеревались раскопать весь холм, но скоро убедились, что это дело для наших средств, в связи с другими, стоявшими перед нами задачами, непосильно. Нам удалось провести только одну траншею и выяснить, что культурный слой, покрывший холм, достигает 5.70 м и изобилует материалами разрушенных сооружений, похожих на домашние, и множеством предметов быта, похожего также на домашний. Столь же мощный слой и с такими же культурными остатками, повидимому, покрывает и большой укрепленный холм. Для исследования обоих холмов требуются землекопные машины, или, по меньшей мере, тачки.

Разрез траншеи, сделанный нами, показал, что мощный культурный слой, покрывший круглый холм, слагается из многих прослоек, часто пересекающихся друг с другом и указывающих на весьма непокойное их отложение. Изучая содержимое отдельных, более ярко выраженных прослоек, легко убедиться в том, что они содержат руины глинобитных построек, сопровождающихся сырцевыми и обожженными саманными кирпичами и реже камышом, деревом, камнями и обломками черепиц. Полы разрушенных зданий были иногда глинобитными; стены состояли из деревянного каркаса и камышевого переплета, снаружи и внутри обмазанного саманной глиной, как это делается и в современных домах Елизаветинской станицы. В одном случае, на большой глубине, оказались куски глинобитной стены, выбеленной мелом. Нередкие находки обломков черепиц указывают на то,

что, если не все, то некоторые из бывших в разное время на холме зданий имели черепитчатые крыши. Выяснилось очень интересное явление, а именно, что нижние прослойки культурного слоя были гораздо богаче культурными остатками, чем верхние прослойки, а это свидетельствует, что первые насельники холма были гораздо зажиточнее, чем последние.

Желая узнать глубину рва, окружающего холмы, мы заложили шурф на современном тальвеге заплывающего рва; углубили шурф до 3.50 м, но до грунта не дошли: размеры нашего шурфа оказались недостаточными для дальнейшего углубления. По теоретическим вычислениям, сделанным на основании выясненных толщ культурного слоя, ров должен иметь глубину или до уровня весенних вод р. Кубани, или быть еще глубже. В последнем случае ров был бы водяным, а не сухим. Решение вопроса представляется настолько важным, что, при продолжении раскопок, его непременно следует закончить. В разрезе шурфа найдены обломки глиняной посуды одинаковой с посудой всего городища, кости животных и в особенности много костей и чешуи крупных и мелких рыб.

По окончании рекогносцировочных работ на круглом холме и во рву, раскопки были перенесены на западный конец городища и далее ведены вдоль юго-западного крутого берега поемной долины р. Кубани. Здесь были вскрыты довольно значительные площади, на которых обнаружено два древних гончарных горна, три цилиндрических ямы хозяйственного назначения и несколько развалин глинобитных жилых сооружений, давших много интересных предметов домашнего быта, много амфорных ручек с греческими клеймами, несколько пантикапейских монет и обломков терракотовых античных сосудов.

В процессе работ выяснилось два неудобства. Первое из них заключалось в том, что вскрываемые развалины разного рода сооружений оказывались в более или менее значительной степени уничтоженными обрывами берега, а это не позволяло вскрыть полные комплексы домашних и надворных сооружений. Второе, чисто практическое неудобство заключалось в том, что при частых юго-западных ветрах выносилась из береговых обрывов такая масса пыли, что невозможно было работать даже в особых противопыльных очках; поэтому приходилось волею-неволею делать переносы работ на другие более защищенные от ветра места, внутри площади городища.

Раскопки на последних местах оказались более удобными и, что особенно важно, более продуктивными. В общем же раскопки на площади западной части городища дали возможность познакомиться с техникой сооружения жилых построек, с их приблизительными размерами и с сопровождавшими их надворными сооружениями; так, нами открыто шесть гончарных печей трех разных типов, несколько развалин очагов, три кладовки в форме цилиндрических ям, большое количество бытовых предметов, в виде глиняных сосудов, украшений, монет, амфорных ручек с греческими надписями и клеймами и др.; собрано много костей домашних животных, семян культурных полевых растений; найдены целые комплексы ткацких и рыбо-

ловных принадлежностей и, наконец, предметы религиозного культа и детских игр.

В пределах восточной части городища открыто два колодца и развалины жилых построек, но в гораздо меньшем количестве.

Число вскрытых жилищ на площади западного городища не поддается определению, так как развалины, обычно, сильно перемешаны друг с другом. Подсчет, конечно, очень приблизительный можно сделать по остаткам глинобитных полов, но, изучая современные развалины совсем недавно разрушенных подобных домов, легко убедиться, что и эти полы быстро уничтожаются, да к тому же и не являются обязательными: в некоторых случаях они заменяются досчатыми полами, а в других, правда, более редких случаях остаются просто земляными. В виду всех этих неудобств, мы могли установить только, что нами встречено, в процессе раскопок, много домов, что строились они одним методом и что размеры их были небольшие, около 7 м в длину и 5.50 м в ширину.

Судя по прослеженным деталям в развалинах древних городищенских и современных станичных домов, следует заключить, что методы их сооружений, если были не абсолютно схожими, то весьма близкими. В настоящее время в Елизаветинской станице постройка дома ведется таким образом: на выравненной почве располагается бревенчатая рама, определяющая размеры дома. В раму по углам ставятся наиболее прочные столбы (сохи), между которыми (приблизительно на расстоянии 1.50 м) ставятся промежуточные сохи. Когда установлены все сохи, тогда на них сверху накладывается вторая (верхняя) бревенчатая рама. Между нижней и верхней рамами прокладываются на равных расстояниях промежуточные рамы из снос (коротких кольев). После укрепляются косяки дверей и окон, устанавливаются стропила крыши, на которых укладываются продольные рейки, служащие основой крыши. Когда деревянные части дома укреплены, тогда приступают к сооружению стен, для чего все просветы деревянного каркаса затеваются камышом или турлыком (хворостом из тонких сучков дуба, береста, акации), располагаемым вертикально. В это время готовится саманная глина. Готовую глину берут комками, весом в подъем руки, и начинают смазывать стены сначала снаружи, а потом и изнутри, ведя работу снизу вверх. Когда стены хорошо просохнут, их смазывают чистой глиной и белят мелом.

Крышу современные жители делают из черепицы, толя и камыша. Полы сооружаются или из глины, или из досок.

Когда разрушается такой дом, то деревянные его части и ценные материалы крыши и пола выбираются, а на месте остаются груды глинобитных частей, несущих отпечатки камыша, турлыка и сох, остатки которых иногда сохраняются среди глинобитного материала.

Совершенно аналогичные картины наблюдаются и в развалинах древних городищенских домов. Интересно, что даже комки саманной глины, неоднократно находимые нами в древних развалинах, оказываются, по своей форме и размерам, совершенно схожими с современными комками для лепки стен.

Современные елизаветинские дома отапливаются небольшими печами, да и то только в зимнее время; в теплые же дни топка производится вне дома в очень маленьких печках. В древних городищенских домах наблюдаются те же явления: следы печей открываются или на глинобитных полах внутри домов, или вне последних. Формы их пока не выяснены, но, повидимому, это были небольшие глинобитные сооружения.

При древних домах городища нередко сооружались гончарные печи. Особенно много остатков таких печей открыто в западном углу городища. Установлены три типа таких печей. Первый тип печей имеет подтоп под

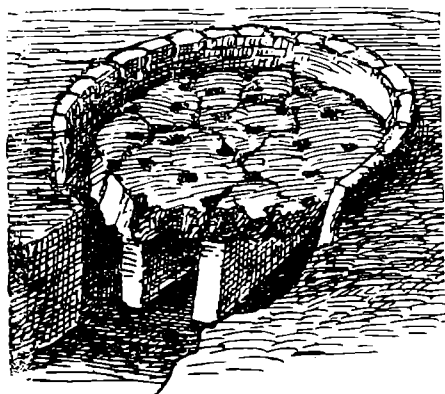

Рис. 1. Реставрированный вид гончарной печи I типа.

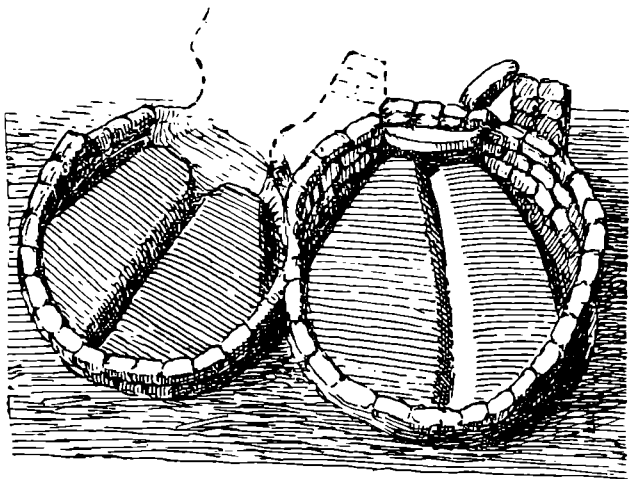

Рис. 2. Гончарная печь II типа.

полом обжигательной камеры. Пол камеры снабжен более или менее многочисленными отверстиями для вывода из топки жара и дыма (рис. 1). Этот тип гончарных печей пользовался и теперь еще пользуется весьма широким распространением; так, он был известен у римлян, в их британских,¹ рейнских,² крымских,³ таманских и⁴ других колониях I—II веков н. э.; они существуют еще и в настоящее время в Полтавщине⁵ и на Кубани.⁶

В Елизаветинском городище открыты четыре гончарные печи этого типа: одна — М. В. Покровским и три других — нашей экспедицией 1935 г.; печь М. В. Покровского — лучшей сохранности.

¹ British Museum, отд. греч. и римск. древн. Путеводитель 1908 г., стр. 172. Более подробные сведения об этих печах даются В. Ф. Гайдукевичем. См. его «Античные керамические обжигательные печи», ОГИЗ, 1934.

² G. Behrens. Beiträge zur römischen Keramik. Mainzer Ztschr., 1915, S. 92, Abb. 6. u. 10.

³ В. Ф. Гайдукевич, стр. 104 и др.

⁴ Его же, стр. 104 и др.

⁵ Обжигательная керамическая печь такого типа изучалась мною лично в 1906 г. в с. Бельском, 6. Полтавской губ.

⁶ Сведения получены в 1935 г. от членов Елизаветинской артели гончаров.

Второй тип городищенских гончарных печей характеризуется затопом вне обжигательной камеры. Эти печи представляются более редкими и оригинальными (рис. 2). Их найдено экспедицией две при одном жилом помещении. Обе печи оказались хорошей сохранности и изучены с большой тщательностью.¹ Не имея возможности здесь остановиться на подробном описании их, замечу только, что нахождение остатков подобных гончарных печей в других местностях мне неизвестно.

Третий тип гончарной печи характеризуется двойною стенкой и каналом между стенками в затопе, помещавшемся под обжигательной камерой (фиг. 3). Остатки такой печи встретились один раз в 1934 г.² Назначение двойной стенки затопа и канала, охватывавшего, повидимому, весь затоп кругом, остается загадочным. Гончарное мастерство у древних жителей

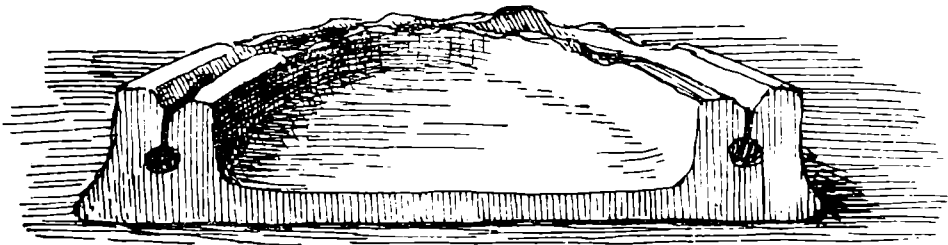

Рис. 3. Гончарная печь III типа.

Елизаветинского городища пользовалось широким распространением и достигало значительного совершенства. Это мастерство процветает и в современной Елизаветинской станице. Елизаветинские гончары считаются лучшими на всей Кубани. Это объясняют тем, что на территории древнего городища, в особенности на участке, занятом курганами, имеется самый лучший сорт гончарной глины, не встречаемый в других местах Прикубанья.

К древним надворным сооружениям относятся хозяйственные ямы и колодцы. Ям вскрыто экспедицией три. Все они цилиндрической формы и небольших размеров. Две из них, повидимому, служили для хранения пищевых продуктов, а третья — наименьшая — для хранения запаса гончарной глины.

Колодцев вскрыто два; оба в восточной части городища. В западной части колодцы не найдены. В современных усадьбах станицы колодцы имеются почти при каждом доме. Отсутствие колодцев в западной части городища можно объяснить двумя причинами: 1) близостью реки древней Кубани и 2) недостаточностью вскрытой площади нашими раскопками.

Древние колодцы похожи на современные елизаветинские: они одинаково цилиндрической формы, и размеры их почти совпадают.

¹ Остатки обеих печей, после измерения и описания, были сфотографированы и вновь засыпаны, как памятники заслуживающие дальнейшего хранения. *Дет.*

² В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. Советская этнография, 1935 № 3, стр. 76.

В развалинах древних домов очень часто попадаются обломки мельничных жерновов. В городском Краснодарском музее хранятся два совершенно целых жернова, доставленные из Елизаветинского городища. Изучая целые жернова и обломки, можно прийти к заключению, что у древних обитателей городища было два типа ручных мельниц: первый тип более примитивной мельницы состоял из песчаниковой четырехугольной плиты

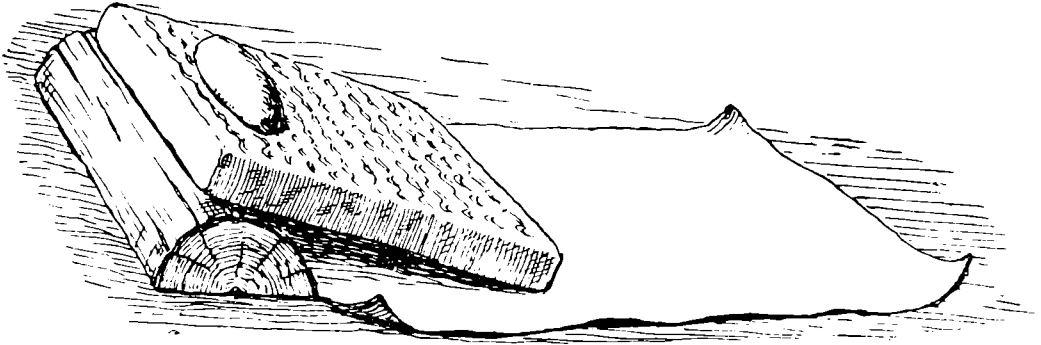

Рис. 4. Реставрированный тип мельницы I типа.

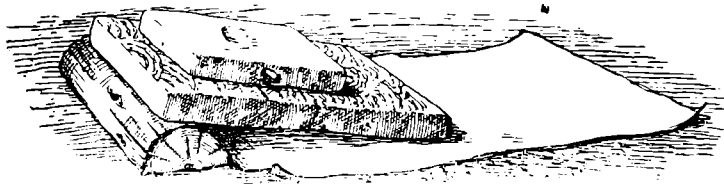

Рис. 5. Реставрированный вид мельницы II типа.

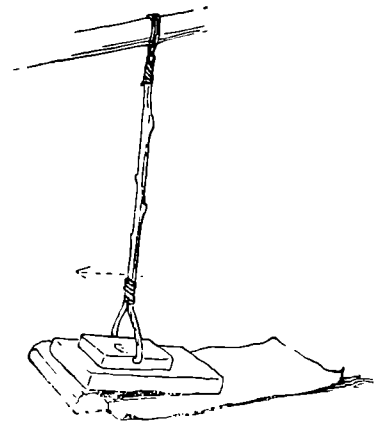

Рис. 6. Реставрированный рычаг для движения верхнего жернова мельницы II типа.

с насечками и без насечек, служившей нижним жерновом, и терки, формой, напоминающей так наз. французскую булку, составляющей верхний жернов мельницы (рис. 4). Второй, более совершенный тип мельницы, состоял из двух песчаниковых четырехугольных плит с насечками, причем одна из них — более крупная — служила нижним жерновом, а другая меньшего размера — верхним жерновом. Верхняя плита имела в середине, сверху, воронку с сквозным отверстием для всыпания в мельницу зерен, а с двух противоположных боков — цилиндрические глубокие гнезда для утверждения деревянных ручек, посредством которых верхний жернов приводился в движение взад и вперед (рис. 5 и 6). Древние мельницы обоих типов были хуже ручных мельниц с круглыми жерновами, явившимися в более позднее время.

К. Маркс отмечал, что ручная мельница дает нам общество с феодализмом, а паровая мельница — общество с промышленным капитализмом. Таким образом мельницы Елизаветинского городища проливают некоторый свет на общественный строй обитателей городища, вступавших, возможно, в сферу феодальных классовых отношений.

Почти во всех развалинах древних домов бывали находимы глиняные грузики ткацких станков; иногда эти предметы залежали в почве целыми комплексами, указывающими на количество их в отдельных станках. Встречались одиночные грузики с клеймами на верхних плоскостях и с кружковыми орнаментами. Обычно грузики имеют форму усеченной пирамидки с отверстием в верхней части.

В развалинах очень часто встречаются рыболовные глиняные грузила, отличающиеся крупными размерами и большим весом; господствующая форма их — трапецевидная. Для привязи к сетям грузила снабжены отверстиями. Найдены два целых комплекса в 11 и 18 штук. Эти комплексы указывают, что древние рыболовные сети имели значительную длину и приспособлялись к ловле рыб в большой и быстротечной р. Кубани.

Из сопровождающих древние жилища предметов особенно ценны связанные с промыслами земледелия, скотоводства, рыболовства, охоты и торговли.

Памятниками сравнительно развитого земледелия являются выше описанные мельницы, железные серпы, а также обугленные зерна пшеницы и проса, найденные в довольно значительных количествах. Серпы небольших размеров принадлежат к особому типу, некогда очень распространенному по всему северному Причерноморью и в средней России. В Елизаветинском городище до сих пор не удалось найти каких-либо частей плуга, но в других городищах Прикубанья того же времени найдено несколько железных сошников, формой напоминающих большие железные кельты с округленными лезвиями. Возможно, что такие сошники имелись и у жителей Елизаветинского городища и впоследствии будут найдены.

Представляется вероятным, что скотоводство играло большую роль, чем земледелие: кухонные отбросы изобилуют костями животных, причем в наибольшем количестве встречаются кости коров, овец, свиней и лошади. Коровы разводились двух пород: 1) средней и 2) малой. Кости крупных коров отсутствуют, средних — преобладают, малых — встречались реже, а в развалинах более богатых домов они совсем отсутствовали. Малая порода коров живет еще и теперь в предгорьях Сев. Кавказа, Мещере Рязанского р. Московской обл. (б. Рязанской губ.) и на Каме; в других местах СССР, насколько известно, она уже не существует.

Свиньи также были мелкой породы. В раскопках чаще попадались кости поросят. Остывы поросят бывали находимы и в погребениях могильников.

Кости овцы, среди которых могут оказаться и кости козы, встречались довольно часто. Остывы ягнят сопровождали погребения.

Кости лошадей очень обычны. Судя по ним, древние лошади были небольшого роста и хорошими скакунами: их большие фаланги отличаются изящными высокими формами.

Кроме костей домашних стадных животных, найдены кости и целые остовы собак, принадлежавших к трем породам: 1) крупной в роде борзой, 2) крупной короткомордой в роде бульдога, и 3) мелкой в роде дворняжки. Мясо собак, повидимому, в пищу не употреблялось: кости и целые остовы их попадали в культурный слой как отбросы или дохлятина.

Нередки оказались кости кур и петухов. Явление их на Сев. Кавказе в такое раннее время заслуживает внимания.

Кости диких животных очень редки. Чаще других встречаются кости благородного оленя, рога которых иногда сопровождают покойников в могилы и, видимо, пользовались каким-то мистическим уважением. Из приведенного видно, что охотничий промысел находился в очень слабом развитии.

Гораздо более развитым представляется рыбий промысел. Ловились крупные и мелкие рыбы. Из остатков крупных рыб чаще всего попадались кости осетров, сазанов, сомов и крупных щук. Осетры и щуки в настоящее время в водах окрестностей Елизаветинской станицы не водятся, но в древнее время их водилось очень много. Интересно отметить, что в культурном слое двора городища кости и чешуйки мелких рыб совершенно отсутствуют, и можно было бы заключить, что мелкую рыбу в древности не ловили. Однако в шурфе, заложенном во рву, между укрепленными холмами, где почвенные отложения имеют другой характер, нами встречены целые прослойки, состоящие из чешуи и костей преимущественно мелких рыб.

Для рыбной ловли служили сети и крючки. Последние выработывались из меди и железа и отличались крупными размерами.

Торговые сношения древних жителей городища были довольно значительны, о чем свидетельствуют и заграничные монеты и заграничная керамика, прибывавшая в городище и в форме товара и в форме перевозочной тары. Монет в городище найдено очень много. Все они пантикапейские. Преобладают мелкие медные монеты. Золотые и серебряные монеты среди находок пока отсутствуют. Заграничные керамические изделия встречаются на городище очень часто. Из них заслуживают особенного внимания изящные мелкие сосудики, амфоры и черепицы. Мелкие сосудики преимущественно получались из Пантикапеи: амфоры же, судя по их надписям на ручках, притекали из разных и весьма удаленных мест. Амфоры в торговом обращении играли роль товара и тары. В Елизаветинское городище они могли притекать только в виде тары с вином или маслом, или с тем и другим. Фрагментов амфор в городище чрезвычайно много. Зажиточные горожане их отправляли по одной и по две с покойниками в могилы.

Обломки черепид, иногда с греческими клеймами, встречаются также нередко. Любопытно, что и в настоящее время жители Елизаветинской станицы пользуются иностранной черепицей с английскими клеймами. При наличии хороших гончаров, почему бы не иметь своих черепиц, столь

удобных и необходимых при постройках новых жилищ? Но так велика, очевидно, сила традиции, что нового производства не поставили до сих пор.

Мелкие предметы, сопровождающие развалины жилищ, подразделяются на три категории: 1) предметы домашнего быта, 2) предметы игр и роскоши и 3) предметы культа. В состав предметов быта входят изделия из глины, стекла, камня, кости и металла. Глиняные предметы господствуют местной выработки, хотя на ряду с ними имеются и в довольно значительном количестве изделия заграничного производства. Местные изделия отличаются значительным совершенством форм, большой силой обжига доводимого до 1200°, когда глина начинала плавиться и шлакироваться. В состав глиняных сосудов входят пифосы, корчаги, горшки, миски, тарелки (патеры), амфоры, кувшины, кружки, канфары, светильники, пряслица, пуговицы, игрушки и др.

Пифосы делались не очень крупных размеров и пользовались широким распространением. К сожалению, до нашего времени их уцелело немного; громадное же большинство оказывается в разбитом состоянии.

Корчаги также нередки, иногда они сопровождали покойников в могилы. Целых корчаг нам не удалось добыть. Горшки и миски встречаются во всех наслоениях, но чаще в обломочном виде. Патеры хорошо воспроизводили античные образцы и встречаются нередко. Амфоры местного изделия редки. Все они отличаются грубостью форм, подражающих античным; но, очевидно, секрет выработки последних не был как следует известен местным гончарам. Лучше воспроизводят античные образцы канфары и похожие на них кружки, имеющие вместо двух только одну ручку.

Кувшины встречались часто. Формы их схожи с современными, но иногда они воспроизводили формы трехгубых античных кувшинов (энохоэ). Светильники также подражали формами античным, но делались очень небрежно. Пряслица имели обычные двухскатные и односкатные формы. Любопытны пуговицы, которые имели разные формы, иногда почти неотличимые от пряслиц. Выразительнее оказывались пуговицы в форме плоских кружков с одним, двумя и четырьмя отверстиями. Игрушек встречено мало: найдены глиняные колеса от тележек и обломок конька (?).

Сосуды редко украшались; в огромном же большинстве случаев оставались гладкими, а иногда и полировались. Обращалось внимание на красоту профилирования верхних и нижних частей сосудов. Экспедицией найдены профилировочные и лощильные камни. Первые из них полагались даже с покойниками, обозначая их специальный род занятий.

В состав заграничных сосудов входят античные амфоры, амфориски, канфары, энохоэ, патеры, разных форм вазочки, чаши и др. Сосуды часто покрывались красным и черным лаком, указывающим на разные температуры обжигания сосудов. Некоторые сосудики или обломки их имели орнаментальную роспись. По свидетельству местных жителей, им иногда случалось находить в древних погребениях сосуды с изображениями людей. Довольно крупный обломок чернолакового сосудика с изображением целой

группы людей, найденный в береговых обрывах Елизаветинского городища, хранится в Краснодарском городском музее. Следует упомянуть еще о находках глиняных медальонов с изображением головы горгоны и бус, найденных при покойнике, покрытых золотыми тонкими листками, легко отпадающими от глиняной массы. Найдена одна отбитая головка античной статуэтки. М. В. Покровскому ранее наших раскопок удалось найти несколько фрагментированных античных статуэток, изображающих женщин, из которых одна изображает, повидимому, Кибеллу на троне, а другая Прозерпину с пачкой колосьев на руках. Мелкие античные сосудики с простенькою росписью очень похожи на пантикапейские.

Стеклянных предметов немного: экспедицией найдено в городище шесть обломков стеклянных сосудов и один обломок стеклянного кольца. Что касается бус, то их найдено в городище более десятка и большое количество в погребениях.

Изделия из камня не многочисленны. В состав их входят точильные бруски, тёрки, жернова и др. Повидимому, большинство их местной работы, но затруднительно определить происхождение жерновых четырехугольных плит с насечками. Такие плиты распространены по нижней Кубани и Таманскому полуострову. Их производство должно быть связано с выходами той прекрасной светлоспесчаниковой породы, из которой вырабатывались плиты. К сожалению, места выходов этих каменных пород пишущему пока неизвестны.

Металлические изделия встречались редко. Найдены один обломок топора, несколько ножей, шил, игл, рыболовных крючков и гвоздей; большинство их сделано из железа, но шила, рыболовные крючки и гвозди вырабатывались нередко и из меди.

Костяных предметов найдено девять: один сосудик, две длинных полированных пластинки, служивших оправой, повидимому, лука, одна игла и пять булавок изящной формы, имевших широкое распространение во всем северном Причерноморье.

В категорию предметов роскоши входят: 1) височные кольца, 2) браслеты, 3) перстни, 4) кольца, 5) зеркала (металлические), 6) булавки, 7) бусы. Общее количество их невелико. Эти вещи изобилуют в погребениях могильников.

В категорию культовых предметов входят жертвенники, идольчики, конусы и таблетки, пока еще не совсем разгаданного назначения.

Жертвенников найдено два, оба в обломанном виде; они сделаны из глины, имеют четырехугольные формы, с поднятыми краями и округленными углами. Один из жертвенников украшен по углам прилепленными сосудиками, изображающими рога изобилия (рис. 7). Этот жертвенник может быть вполне восстановленным.

Идольчиков найдено три совершенно целых, один с отбитой головкой и один в виде обломка нижней части; все они изображают, повидимому, одно женское божество. Следует заметить, что и все античные статуэтки,

найденные ранее наших раскопок на Елизаветинском городище, представляют также женские божества, напр. Кибеллу и Прозерпину. Очевидно, женские божества у древних жителей городища пользовались особенным почетом. К культовым предметам, повидимому, относятся глиняный конусы и, так наз. стоячие глиняные таблетки. Возможно, что к культовой категории предметов относится и все глиняные плоские таблетки, находимые в значительном количестве на многих кубанских городищах, не исключая Елизаветинского, но вопрос о назначении плоских таблеток далеко еще не решен.

Таковы в кратких словах явления, вскрытые на площади Елизаветинского городища. Изучая по памятникам материальной культуры движение жизни обитателей городища, нам удалось выяснить, что жизнь, начавшись бурно в центральной части, именно, на укрепленных холмах и на территории, непосредственно прилегающей к холмам, и бедно — на окраинах, испытала сильный революционный скачок, понизивший центр и возвысивший окраины. Этот скачок, насколько можно судить по результатам только-что начатых исследований, был причиной прекращения сооружения для знатных покойников огромных курганов, вызывавших столь же огромные и бесполезные расходы общественных городских средств, и возникновения укреплений восточной части городища. Событие это, по стратиграфическим признакам залегания памятников в почве, можно относить к III в. до н. э. После переворота обозначился значительный подъем материальной культуры на всей территории западной части городища. К концу же времени существования городища, вероятно, около начала I века до н. э., наступила общая бедность, подготовившая конец существования города. Причины этих явлений пока не ясны.

Параллельно с раскопками городища, продолжались раскопки сопровождающих городище могильников. Древние граждане Елизаветинского городища хоронили своих покойников за укреплениями, и тот факт, что некоторые погребения совпали с площадью восточной части городища, следует считать непреложным доказательством того, что восточная часть явилась позже этих погребений. На территории восточной части оказались все курганные погребения и несколько некурганых погребений, отличавшихся богатством погребального инвентаря.

В курганах, отличающихся громадными размерами, совершались погребения богатых и, вероятно, власть имущих людей, а в некурганых могильниках хоронились все остальные граждане. Самые колоссальные курганы относятся к самому раннему времени существования города, когда, как выше отмечено, городская аристократия находилась в зените своего расцвета. Самый большой курган, названный Южным, дал самое древнее и самое богатое погребение воина, возлежавшего на боевой колеснице и сопровождавшегося панафинейской амфорой времени около 425 года до н. эры. Панафинейские амфоры выдавались в Афинах, как призы за выигранные состязания, только грекам; поэтому следует полагать, что

в кургане погребен не варвар, как это допускает А. И. Пиотровский,¹ а грек, являвшийся представителем только-что возникшего большого города. А если это было так, то и другие курганы также должны принадлежать грекам, но грекам не метрополий, а колониальным, вероятнее всего пантикапейским. Возникает мысль, не представляло ли Елизаветинское городище в начале своего существования отдаленную колонию Пантикапеи, причем основное население колонии было туземным, сарматского корня. При таком условии становятся понятными и явно выраженное враждебное отношение к пришлому господствующему классу: все курганные погребения сплошь оказались разграбленными и, вероятнее всего, во время революционного взрыва. Этот революционный взрыв, уничтоживший пришельцев оконча-

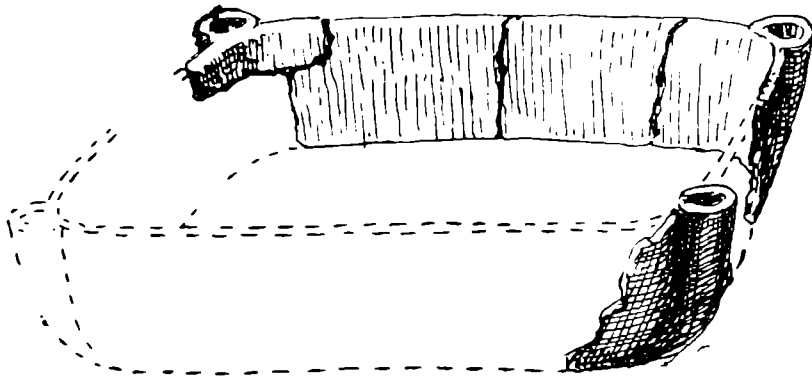

Рис. 7. Жертвенник.

тельно, уничтожил и обычай насыпать огромные курганы, почему за пределами укреплений возникшей восточной части городища курганных погребений уже не было.

Туземное сарматское население хоронило своих покойников в могильниках, не насыпая над ними высоких земляных холмов, от которых, к настоящему времени, не сохранилось никаких видимых следов.

Могильные погребения совершались не в одном, а в нескольких пунктах, вынесенных за пределы городища. Раскопками 1934 и 1935 гг. вскрыто два пункта, расположенные за северную черту городища. Формы погребений обоих пунктов одинаковы, и время их совпадает; поэтому имеется полное основание относить их к одной и той же, вероятнее всего, сарматской народности. Характерной чертой погребений обоих пунктов служит положение под голову многих покойников глиняных мисок, вероятно, с пищей. Всего нами вскрыто в обоих кладбищах 95 погребений, из них 38 вскрыто в 1934 г. и 57 погребений — в 1935 г. Определено мужских погребений 23, женских 22, остальные 50 погребений по полам не выяснены. Причин последнего явления было две; 1) дурная сохранность особенно

¹ А. И. Пиотровский. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана. Изв. ГАИМК, т. III.

детских костяков и 2) ограбление и вместе разрушение костяков. Ограбление производилось современниками погребений и носило совершенно другой характер, чем ограбление курганов: ограбление последних могло быть совершено взрывом, открыто, после удаления их оседлых, сильных владельцев, тогда как ограбление погребений могильников велось длительно и перманентно. Ограбления покойников в могильниках указывает на существование в древнем городском населении бедных и богатых элементов, причем первые относились ко вторым завистливо и злобно. Не были ли грабителями погребений могильников рабы? Это возможно. Нами замечено, что ограбление велось уверенно и с знанием, какие покойники сопровождаются ценными вещами. Для нас-исследователей было ясно, что, если покойников сопровождали две или более амфор, то владельцы их непременно являлись ограбленными, и ограбленными так, что рядом лежащие более бедные покойники оказывались нетронутыми.

Это же говорит за то, что грабители производили свои операции вскоре, может быть, в ближайшую ночь по свежей, еще не слежавшейся почве, заполнявшей могилу. Такая операция могла быть совершена группой грабителей не более, как в один час. А что грабители очень спешили, доказывают случаи, когда снятые с покойника золотые вещи они теряли и засыпали выше дна могилы землей, где мы их и находили. Ограблению подвергалось чаще восточное кладбище, которое было богаче. В западной группе кладбища нами не найдены ни золотые ни серебряные вещи, тогда как в восточной группе, несмотря на ее сильное ограбление такие вещи встречались. Всего разграбленных оказалось 23 погребения, что составляет 24% всех погребений.

Покойники в 55 случаях имели вытянутое положение, в пяти случаях — скорченное и в одном случае — сидячее. В ориентировке костяков решительно преобладало положение головою на восток, но в общем все-таки ориентировка оказывалась неустойчивою; так, нами встречено костяков, ориентированных головою на север — 5, на северо-восток — 11, на восток — 31, на юго-восток — 3, на юг — 8, на юго-запад — 1, на запад и на северо-запад не встречено ни одного. Таким образом, костяки, ориентированные головою на восток, дают 50%; если же присоединить к этой основной группе и две боковые ориентировки на северо-восток и юго-восток, как обычные даже в устойчивых ориентировках отклонения, то получим очень крупный указатель ориентировки головою к востоку в 72.6%. На вопрос, почему не все покойники полагались головою к востоку, мы еще не можем ответить, так как обширные материалы дневников еще недостаточно изучены.

Костяков с черепом, положенным на край или в середину миски, открыто 30, что дает около 50% всех погребений с определенной ориентировкой. При костяках найдено, кроме бус, число которых очень велико, 347 бытовых предметов, из которых 166 найдено в 1934 г. и 181 — в 1935 г. Сравнительная незначительность находок 1935 г. объясняется ограблением

большого числа погребений восточного пункта могильника, раскапываемого в последнем году.

Из числа неограбленных погребений особенный интерес представляют те, вещи которых подчеркивают специальности занятий погребенных, так, оружие (мечи, копья, стрелы) характеризуют покойника как воина, серпы и зерна культурных злаков — как земледельца, принадлежности конской сбруи — как коневода или скотовода, гончарные инструменты — как гончара и т. д. Таким образом в этих явлениях отражаются общественно-экономические, производственные отношения. Основное (туземное) население успело развить ремесла вплоть до выделения их в особые отрасли производства. Очевидно, налицо имелись и зачатки классового расслоения. Однако население едва ли успело покончить с общинными владениями на пастбища, пахотные земли и рыболовные угодья.

Население городища было довольно зажиточным: об этом свидетельствуют как многие находки, сделанные на территории городища, так и обильные украшения погребенных женщин, а иногда и детей. Характер погребений не подчеркивает приниженого положения женщин и детей: в погребениях они удаивались всех почестей наравне с мужчинами.

При покойниках найдено: железных серпов — 6, таких же ножей — 18, мечей — 2 (один куплен), копий — 6, стрел — много (все железные), удила — 2, глиняных пряслиц — 3, шил — 5 (одно бронзовое), игл — 1, гончарных профилировок (кляпиков) — 2, точильных брусков — 1, амфор — 16, канфаров — 18, патер — 20; амфорисков — 20, чаш — 40, глиняных терракотовых вазочек — 8, кувшинов местных и заграничных — 39, мисок — 54, височных колец 18 (в числе их есть золотые, серебряные и бронзовые), головных булавок — 7 (из них 1 серебряная, а прочие костяные, прекрасной выработки), бус очень много (в числе их золотая пронизка и более десятка глиняных бус, обложенных тонким, осыпающимся золотом), браслетов — 7, перстней 9, ручных колец — 11, зеркал — 2, монет — 22; кроме того, в одном погребении встречены румяна и в другом — краски.

Останавливаться на более подробном описании всего этого, в общем довольно богатого инвентаря мы не будем, так как это удвоило бы объем настоящей работы, имеющей значение только предварительного сообщения срочного характера, не позволяющего вдаваться в описание всех деталей.

В заключение остается заметить, что продолжение исследований Елизаветинского городища очень желательно, но раскопки следует вести не рекогносцировочно — траншеями, а площадями, с целью выяснения, в первую очередь, всех подробностей жилых комплексов и связанных с ними хозяйственных инвентарей, а затем, во вторую очередь, с целью выяснения планировки городских построек, что в конечном результате дало бы возможно более полное представление о физиономии древнего города и помогло бы выяснить социально-экономические и производственные отношения его населения со всеми их противоречиями.

V. GORODÇOV

**LE GORODISTCHE D'ÉLISAVETINSKAÏA ET LES CIMETIÈRES
ATTENANTS, D'APRÈS LES FOUILLES DE 1935 (COMMUNICATION
PRÉLIMINAIRE)**

RÉSUMÉ

Des fouilles, organisées par l'Institut d'Anthropologie, d'Ethnographie et d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'URSS, ont été exécutées en 1935 sous la direction de V. Gorodçov dans un gorodistché et son cimetière situés près le village Iélisavetinskaïa (à 18 km de Krasnodar). Les travaux, prévus pour plusieurs années, ont déjà livré un abondant matériel, qui permet de juger dans une certaine mesure du genre de vie des habitants du gorodistché.

Les fouilles ont été commencées dans la partie la plus ancienne, où elles ont mis au jour un monticule, qui pouvait servir de lieu fortifié pour l'habitation d'un féodal. La couche archéologique y atteint 5.7 m d'épaisseur et abonde en restes de constructions détruites, en objets domestiques, etc. On a dégagé aussi un fossé, puis un second monticule. Les fouilles se sont poursuivies ensuite le long de la ligne de rivage que le fleuve Kouban atteint aux hautes eaux et ont permis de se rendre compte de la technique du bâtiment, des dimensions des habitations, du caractère de leurs dépendances, etc. Les maisons, construites sur un seul modèle, étaient petites (environ 7 m de longueur sur 5.5 m de largeur); les procédés employés rappellent ceux d'aujourd'hui. Les maisons possédaient souvent des cheminées, qui, autant qu'on en peut juger, étaient de 3 types. Près des habitations on a découvert des fosses et des puits. Dans les décombres on rencontre souvent des fragments de meules de moulin, des petits poids de métiers à tisser et des poids de filet en argile, des faucilles en fer. Les débris de cuisine abondent en os de vache, de mouton, de porc, de cheval et de chien; on a trouvé aussi des os de poule et de poisson. La trouvaille de monnaies étrangères (de Panticapée) et de céramique étrangère atteste des relations commerciales avec les autres pays. Les menus objets peuvent être répartis en 3 catégories: 1) objets d'usage domestique — vases d'argile, écuelles, assiettes, lampes, boutons, jouets, quenouilles; 2) objets de jeux et de luxe — anneaux, miroirs, épingles, perles; 3) objets de culte — pierres servant aux sacrifices, petites idoles. En outre, on a trouvé certains objets dont la destination exacte est inconnue.

Des fouilles ont été menées parallèlement dans les lieux de sépulture accompagnant le gorodistché. Le plus grand tumulus renfermait la sépulture d'un guerrier, couché sur un char de guerre, avec une emphore panathénienne datant de l'an 425 environ avant notre ère. Au total 95 sépultures ont été explorées. On peut conclure à la nationalité sarmate des habitants.

Vu le caractère préliminaire de sa communication, l'auteur ne donne pas la description détaillée des objets trouvés.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

РАСКОПКИ 1930 г. В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Раскопки 1930 г. были прямым продолжением раскопок 1929 г., результаты которых мною вкратце изданы («Материалы и исследования Новгородского музея», вып. 1).

I. КУРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Одной из задач экспедиции было общее ознакомление с типичной сторожевой новгородской крепостью на водном пути. Для этого были приняты небольшие разведочные раскопки Курского городища на Ловати.

Обследовательские сведения об этом городище изданы С. М. Смирновым («Материалы и исследования Новгородского музея», вып. 1). Тогда же опубликован план, снятый В. И. Знаменским.

В списке городов Воскресенской летописи среди «градов залесских» упомянут «Курь на Ловати». В писцовой книге Деревской пятины 1495 г. тоже назван «городок Курско»; впрочем описание его дворов XV в. до нас не дошло вследствие пробела в книге.

Раскопки происходили от 14 до 26 июля.

Основной раскоп находился в южном углу городища и представлял собою четырехугольник в 7 на 8 м. Длинные стороны раскопа ориентированы с юго-востока на северо-запад, короткие стороны с юго-запада на северо-восток.

Форма раскопа обусловлена исследованием открытого в нем сруба. Сруб вошел в раскоп полностью. От него сохранилась нижняя часть, врытая в свое время глубоко в землю.

Культурный слой вне сруба тонок — от 22 до 42 см, но сохранившаяся часть сруба вся находится ниже этого уровня. Сруб рублен в обло. Измерен и занесен на план он по верхнему своему венцу. Наружная длина бревен этого венца: северо-западного — 4.90, северо-восточного — 4.80, юго-западного — 5.30, юго-восточного — 5.00. Внутренняя длина: северо-западного — 4.10, северо-восточного — 4.25, юго-западного — 4.35, юго-восточного — 4.30.

Верхний венец расчищен таким образом полностью. До основания же раскопан только западный угол сруба (снаружи). Он состоял из семи венцов прекрасной сохранности. Общая высота 1.55 м, максимальный диаметр бревна 0.63 м. Бревна все обрублены топором, пила не применялась. Под нижним венцом маленький венчик из жердей диаметром в 0.05 м. Под срубом на глубине 2.45 м материк.

Вне основного раскопа был исследован поперечный разрез вала. Расстояние от этого разреза до южного конца вала по гребню 31 м. Ширина разреза 2 м.

Разрез вскрыл внутри высокого позднего вала невысокий древний вал. Вершина древнего вала на 2 м ниже, чем вершина позднего.

Поздний вал состоит из розоватого мягкого песка и имел внутри деревянную клетчатую конструкцию. Одни бревна этой конструкции шли по направлению вала, с севера на юг, другие поперек, с запада на восток. Большинство из них сохранились плохо, лишь улавливались линии, но на фотографиях бревна все вышли. Сравнительно хорошо сохранились четыре венца одного из углов клетки. Угол этот рублен в обло.

Таким образом, поздний вал состоял из срубов, засыпанных землей, которые назывались в древней Руси «городнями». Эта фортификационная система неоднократно описана в древнерусских летописях и актах. Раскопками она прослежена, напр., в прикамских городищах (А. П. Смирновым).

Гораздо архаичнее древний вал. Он состоит из желтого пережженного песка, в котором прослеживаются слои обожженных плах. Этот вал был прожжен насквозь для прочности; произведено это было путем поджигания заключенных в валу горизонтальных пластов дерева. Такой прием неоднократно описан в русской и западноевропейской археологической литературе. Наблюдался он преимущественно на доклассовых городищах. В данном случае он открыт на городище феодальном.

Этот вал целиком скрыт внутри позднего, который был выше и шире; разграничивает их плотная и очень резкая прослойка голубоватой глины. Очевидно, древний вал был обмазан снаружи для прочности глиной, — явление для песчаных валов обычное.

Итак раскопки вала устанавливают для городища две строительные эпохи.

Большая часть вскрытых бревен подвергнута консервации формалином и желатином. Раскопки городища носили лишь предварительный характер. Наметившиеся деревянные сооружения дождутся, вероятно, когда-нибудь большого специального исследования. К сожалению, большие раскопки в древнем Куре теперь организационно трудны (дальность от железной дороги).

Культурный слой содержит сравнительно мало керамики, найдено тысяча восемьсот семьдесят три обломка. Она довольно однородна и по общему облику позволяет говорить скорее всего о XIV—XVI вв. Шкалу сравнений дают среднерусские городища и курганы. Курганные профили еще часты,

но уже попадаются и сравнительно низкие плечи и сравнительно высокие горла. Орнаменты почти исключительно линейный и волнистый, но уже значительно преобладает керамика неорнаментированная. Орнамент уже не так остро врезан, как на курганных сосудах. Только два раза встретились характерные для XVI—XVII вв. серебристые лощеные черепки. Два раза встречены и поливные черепки. О том, что все сосуды сделаны на кругу, упоминать, пожалуй, излишне. Керамика взята экспедицией вся. Костей нет почти вовсе (всего три обломка).

Из вещей, открытых на городище до раскопок, сохранился железный молоток, найденный при рытье ямы крестьянами, приобретенный у них К. П. Драницыным и пожертвованный им Московскому историческому музею (рис. 1). Чрезвычайная редкость молотков в древнерусском археологическом инвентаре придает этому предмету большое значение. Он очень мал и легок, снабжен железной рукояткой и, судя по всем этим признакам, имел очень специальное назначение, притом едва ли кузнечное, скорее слесарное или ювелирное. Ручка четырехгранная, самый молоток восьмигранный, передний боек плоский, задний боек острый. Такой же молоток есть в Историческом музее среди владимирских курганных древностей из раскопок А. С. Уварова.

При раскопках городища отдельных вещей почти не найдено. Если не считать попавшегося под самой поверхностью железного багра (багор массивный, с прямым и крюкастым остриями), то назвать можно только медную поясную накладку, небольшой железный нож, 5 железных обломков, кусок оконной слюды, 5 кусков шлака и гвозди.

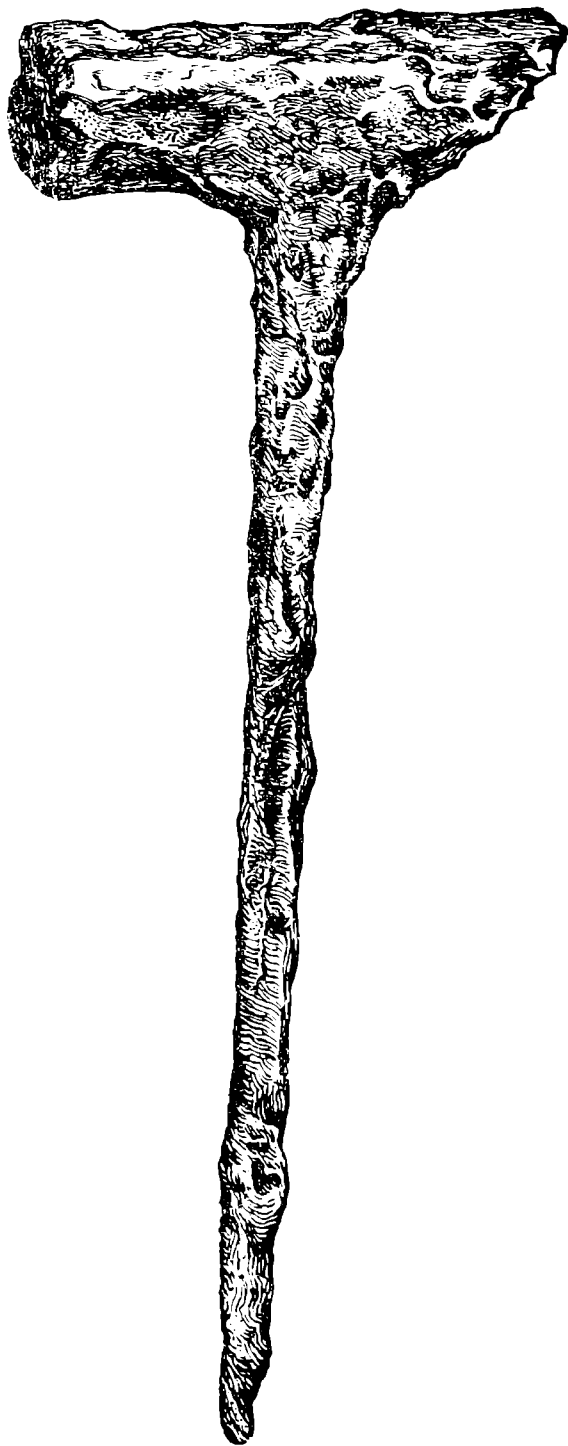

Рис. 1. Молоток (натуральная величина).

Железных гвоздей встречено четыре, все они шляпочные, кованные, четырехгранные. Но особый интерес представляют найденные одиннадцать деревянных гвоздей.

Эти конические колышки довольно правильной формы возбуждали во время раскопок у меня некоторые сомнения. Они бесспорно являются сосновыми сучьями, и вставал вопрос, от плотников или от природы получили они свою форму. Благодаря смолистости сучок может сохраниться сравнительно хорошо, но примет ли он при этом коническую форму? Поэтому колышки были переданы на экспертизу в Научно-исследовательский институт древесины научному сотруднику А. П. Осипову. Привожу его отзыв:

«Сучья хвойных пород обладают таким строением, при котором естественное разрушение их не может идти так, чтобы получилась форма, подобная данным колышкам.

Прежде всего, сгнивают верхние, влажные и состоящие главным образом из тонкостенных клеток, слои; потом уже начнет разрушаться нижняя часть сука. Тот и другой процессы должны идти равномерно по всей поверхности, так что трудно ожидать конусообразной формы вследствие естественного разрушения.

Картина продольного разреза через колышки еще больше убеждает в искусственности их происхождения. Только поверхностные слои и сердцевина оказываются разрушенными, вся остальная часть, так сказать, самое тело колышка — просмолена и имеет довольно свежий вид. Разрушение распространилось равномерно по всей поверхности на 1—2 мм. В заостренной части несколько больше, так как здесь сгнившие верхние слои соединились со сгнившей же сердцевиной. Все это говорит о том, что конусообразная форма была придана колышкам до того, как началось разрушение древесины. Довольно равномерное выклинивание слоев также подтверждает это. Колышки эти сделаны из сучьев сосны».

Лучшим объяснением этих колышков кажется мне признание их деревянными гвоздями. Длина их от 8 до 10 см.

Арабский писатель XIII в. Якут сообщает нам о волжских болгарях, что они «строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями».

О древнерусских деревянных гвоздях косвенно можно заключить из того, что гвоздями назывались и деревянные втулки у бочек, напр., в I Новгородской летописи под 1204 г.

Известны деревянные гвозди и в русском этнографическом материале. По словарю Даля «деревянный гвоздь, сколотень, втесневик, нагель, застрагивается из палочки без шляпки».

Вовсе нет в Курске стеклянных браслетов, которые столь типичны для немного более ранних городищ.⁷

II. ХРЕПЕЛЬСКИЕ КУРГАНЫ

В 1930 г., были продолжены начатые в 1929 г. раскопки интересной курганной группы близ с. Хрепле в древнем Успенском Хрепельском погосте Водской пятины.

В 1930 г. раскопки в Хрепле происходили от 4 до 11 августа. Всего раскопано 24 кургана, № 29—52. Они невелики, самым большим на этот раз был № 35 (высота 1.2 м, диаметр — 8.5, окружность 28 м); остальные немного меньше. Раскопка велась на снос. Вводных погребений не было.

В 23 курганах открыты могильные ямы, ориентированные с запада на восток. Только в кургане № 45 костяк лежал на горизонте.

Большинство ям отличалось четкостью и резкостью. Фотограф экспедиции И. М. Яксин удачно заснял черную яму, резко выделявшуюся на желтом фоне.

Все покойники лежали вытянуто, на спине, головой на запад.

Так наз. супружеских курганов было снова семь: № 33, 39, 42, 44, 48, 51, 52. Во всех семи женские ямы были отделены от мужских. Мужскими курганами были № 29, 30, 32, 34, 35, 36, 40, 41, 43, 49, 50. Женскими курганами были № 31, 37, 38, 45, 46, 47.

Остановлюсь еще на камнях, встреченных внутри насыпи. Это такие же массивные валуны, как и те камни, которыми обложены снаружи многие хрепельские курганы. Еще в 1929 г. было открыто (но своевременно мною не опубликовано) следующее любопытное явление. В насыпи большого центрального кургана (№ 20) на глубине 1 м находился каменный венец из 18 кусков гранита. Диаметр венца был 6 м, диаметр камней от 50 см до 2 м, венец был концентричен кургану.

В 1930 г. были найдены в курганах лишь одиночные камни, но в любопытных положениях. В № 47 валун лежал на горизонте в головах ямы. В № 48 — на горизонте в ногах ямы. Наконец в № 33 валун находился в центре кургана почти на поверхности и частично был виден еще до раскопок.

Монет на этот раз не встречено (в 1929 г. в хрепельских курганах найдены монеты X и XI вв.).

А. Женские погребения

Все найденные височные кольца принадлежат к типам, при хрепельских раскопках 1929 г. уже встреченным, именно: в № 37 медное овально-щитковое щитковоконечное, медное перстнеобразное загнутоконечное и два серебряных трехбусинных, гладких, в № 38 два медных ромбощитковых щитковоконечных; в № 39 два медных трехбусинных гладких, в № 44 медное перстнеобразное загнутоконечное, в № 47 два медных перстнеобразных сомкнутых.

Для новгородских славян особо характерны, как известно, ромбоштитковые и овальноштитковые височные кольца. Весь хрепельский инвентарь в целом для новгородских курганов довольно типичен.

Стеклянные зонные бусы встречены: в № 38 мозаичные (черные с белыми и черные с желтыми жилками), в № 42 голубые, в № 47 голубые и желтые.

Дважды встречены стеклянные круглые винтообразные бусы: белые и голубые в № 31, черные в № 39. В № 37 есть две бусины: позолоченная битрапецидная и посеребренная ребристая. В № 42 встречены медные пружинные бусы.

Привески опять были разнообразны. В № 37 найдены треугольная медная пластинчатая привеска с штампованным глазковым орнаментом и медный крест с ушком, со вздутыми концами и с круглой сердцевинкой.

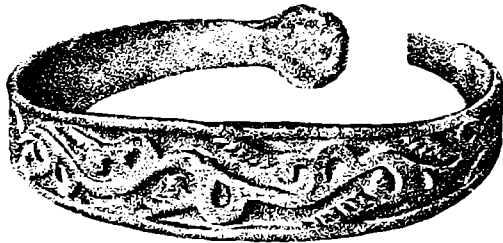

Рис. 2. Браслет (1/2 нат. в.).

Литейные формы для отливки таких же крестов найдены мною в курганном погребении близ с. Митяево, Московской обл. В № 38 была медная монето-видная привеска с изображением на одной стороне человека в нимбе, а на другой четырехконечного процветшего креста. В № 39 попался медный колокольчик или колоколовидная ворворка (навершие кисти).

Лунница на этот раз была одна, медная миниатюрная в № 38.

Браслет встречен теперь только один, но довольно примечательный, в № 39 (рис. 2). Он медный пластинчатый овальноконечный и покрыт литым рельефным растительным ветчатым орнаментом. Встреченный вариант ветчатого орнамента имеет много аналогий, приведу из них наиболее точную и притом новгородскую. Браслет этот совпадает по орнаменту с третьей каймой первого листа Юрьевского евангелия, которое написано в Новгороде в 1120 — 1128 гг.

Медный пластинчатый головной венчик найден в № 44. К головному убору в № 51 относились серебряные штампованные тонкие бляшки, квадратные, круглые и треугольные, украшенные рубчатыми каемками.

Перстни были: медный витой тройной в № 38, медные пластинчатый широкосрединный и проволоочный сплошной в № 45, два медных пластинчатых прямых и один оловянный витой 2×3 в № 46.

В № 44 возле венчика сохранились маленькие куски шерстяной ткани. В № 33 найдены медная цепь из двойных колечек и два железных шляпочных кузнечных четырехгранных гвоздя. В № 45 встречено железное поясное кольцо.

Железных ножей в женских погребениях найдено опять 4: в № 33, 37, 38 и 45.

Б. Мужские погребения

В № 33 встречены: железное черешковое плоское листовидное копьё (рис. 3), два железных ножа и медная большая округлая пряжка — сьюльгама с гранеными шишечками на ковцах.

В № 35 встречены два очень типичных для древнерусских курганов и городищ предмета: медная листовидная пряжка и железное калачевидное кресало (орудие для высекания огня, найдена лишь половина). Кроме того, там же находились медное поясное кольцо, медный пластинчатый прямой перстень и железный нож. В ногах лежали массивные железные удила с круглыми кольцами, широкими пластинчатыми приемниками (для нащечного ремня) и прямыми веретеновидными псалями (псалии увенчаны коническими шишечками).

Наконец в № 29 найдены железный нож и маленький кусок серебряной витой проволоки, в № 40 — железный нож.

Остальные мужские погребения все без вещей.

Все найденные в 1930 г. курские и хрепельские древности хранятся в Государственном историческом музее, в Москве.

Все найденные в 1929 и 1930 гг. в Хрепле костяки взяты целиком и хранятся в Государственном антропологическом музее, в Москве.

Рис. 3. Копьё (натуральная величина).

A. ARCICHOVSKIJ

FOUILLES EXÉCUTÉES EN 1930 DANS LE PAYS DE NOVGOROD

RÉSUMÉ

En 1930 l'auteur a entrepris des fouilles dans le gorodistché de Koursko et dans les tumuli de Khreplé, pays de Novgorod.

Le gorodistché représente l'ancienne ville de Kour ou Koursko, sur la rivière Lovat; d'après les chroniques et les actes, ainsi que d'après la céramique ici trouvée, il doit être daté des XIV—XVI-e siècles. C'était une forteresse de garde placée par Novgorod sur l'artère navigable. Les fouilles du rempart ont révélé deux étages. L'étage inférieur et le plus ancien est

totale­ment calciné; dans l'é­tage supé­rieur, plus ré­cent, on a dé­cou­vert des char­pen­tes en bois for­mant des cages con­ti­guës l'une à l'autre et rem­plies de terre; ce sont des «gorodni», sys­tème de for­ti­fi­ca­tion typi­que pour la Rus­sie an­cienne. Parmi les ob­jets re­cueillis, il im­porte de men­tionner un mar­teau en fer et toute une série de clous en bois, faits avec des ra­milles de pin.

Les tumuli près le vil­lage Khreplé ap­par­tiennent au type an­cien des tumuli de Novgorod et datent des X—XII-e siècles. Ce sont des sé­pul­tures paysannes typi­ques. Les trou­vailles les plus in­té­ressantes sont une lance en fer et un bracelet en cuivre, dont l'or­nement coïn­cide avec celui qu'on voit sur un ma­nus­crit de Novgorod du XII-e siècle.

С. Н. БИБИКОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О РАБОТЕ КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1935 г.

Крымская экспедиция Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, организованная совместно с советской секцией международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, при участии научных сотрудников Академии Наук Е. В. Жирова (ИАЭ), С. А. Трусовой (ГИН), научно-технического сотрудника Е. А. Мальцевой и начальника экспедиции С. Н. Бибилова (ГАНМК), ставила основной целью исследование поздне-палеолитической стоянки в скалистом навесе Шан-Коба, в Байдарской долине (Крым, АССР).

Навес расположен в 2—2½ км к северо-западу от сел. Уркуста в балке Кубалар-дере. Глубокая балка, промытая протекающим здесь ручьем Кубалар-су, выходит в Байдарскую долину, имея небольшое протяжение с северо-востока на юго-запад, примерно 1—1½ км. Склоны балки довольно крутые, поросшие лесом-молодняком лиственных пород. На плато, у правого склона, кое-где сохранились, как реликты, развесистые дубы со стволами в 2—3 обхвата. Ручей Кубалар-су принадлежит к типичным горным ручьям, в периоды дождей и таяния снегов отличающийся полноводьем и пересыхающий вовсе в засушливые периоды лета.

Навес Шан-коба находится в средней части балки на правом ее склоне, обращен входом на юго-восток и по общей своей конфигурации имеет вид щели, образовавшейся вследствие выветривания в толще скалистого обнажения юрских известняков (рис. 1). Длина навеса 25 м, наибольшая глубина по горизонту 6 м, наибольшая высота 2.7 м.¹ Пол навеса имеет значительное падение с запада на восток, как, впрочем, и весь горный кряж, в котором образовался навес. В свое время навес имел значительно большую глубину по горизонту, но происшедший обвал передвинул наружную кромку навеса, примерно, на 3—4 м. Об этом свидетельствуют

¹ Приведенные цифры даны по промерам до начала раскопок, с окончанием которых размеры навеса значительно изменились в сторону увеличения.

громадные обломки скалы, расположившиеся по параболической кривой у входа, и следы недавнего отвала породы от материковой скалы на обнажении. Открытый в 1927 г. С. А. Трусовой навес Шан-Коба подвергался исследованию экспедицией Академии Наук в 1928 г.,¹ однако, в виду слишком небольшой площади раскопок (16 кв. м) и малочисленности коллекционных сборов, целый ряд вопросов не мог быть разрешен. В частности, напр., недостаточно ясным оставался вопрос о границах стоянки, довольно слабо была представлена фауна и изделия из кости; вовсе не было указаний на наличие предметов, связанных с идеологией (если не считать просверленных зубов оленя); оставалось не вполне выясненным наличие в первом слое находок «кзил-кобинского» типа, и, главное, не было указаний на характер планировки самой стоянки. Эти вопросы и были поставлены перед экспедицией. Часть из них ждет своего разрешения на основе детального изучения собранного материала, часть разрешена в процессе полевых работ.

До сих пор мы не имеем еще разработанной методики для раскопочных работ в условиях пещер. Старая же буржуазная методика не может удовлетворить нас, так как часто представляет собой «культурный» разгром памятников прошлого.

В полевых исследованиях пещерных стоянок некоторые новые приемы были предложены Г. А. Бонч-Осмоловским, разработавшим свою систему раскопок. Повышающиеся с каждым годом требования переросли те приемы, которые предлагал указанный археолог. Его методика базировалась, главным образом, на точности фиксации культурных остатков по вертикали (стратиграфически), с выделением материальных объектов даже по горизонтам, условно разделяющим слои.

В задачу экспедиции 1935 г. входила как необходимый элемент строгая фиксация находок в порядке их стратиграфического залегания, но, кроме того, совершенно необходима была также и фиксация в плане расположения их плоскостями. В условиях пещерных отложений такая методика не всегда может быть применима, но, используемая даже в частичных размерах, она бесспорно приближает нас к наиболее полному осмыслению памятника. В основу определения жилых площадей, в каждом отдельном случае были положены не только различия в цветности слоев, но и характер самого слоя, в смысле состава находок в нем и слагающего слой материала. Учитывая мощность отложения слоев, был также использован и прием разделения их на горизонты, следуя реальному рельефу слоев, по 10—15 см каждый. Разборка горизонтами преследовала двоякую цель: 1) установление в самом слое таких материальных остатков, которые послужили бы ориентиром для правильного определения жилой площадки в условиях однородности слоя; 2) выделение комплексов находок по времени отложения их в слое, для установления различия среди них. Раскопочные работы были разбиты на две категории. Каждая категория работ преследовала несколько отличные

¹ Тр. II междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. 5, 1934, стр. 114—183.

цели. Во-первых, имелось в виду проведение двух ориентировочных траншей — восточной и южной, для определения границ стоянки за пределами навеса; во-вторых, производилось исследование напластований в самом навесе на участках 20—21 а, б, в, г, д, е и 22—23 в, г, д, т. е. примерно площади в 18 кв. м, непосредственно находящейся под навесом и прилегающей к траншее 1928 г. (план рис. № 2).

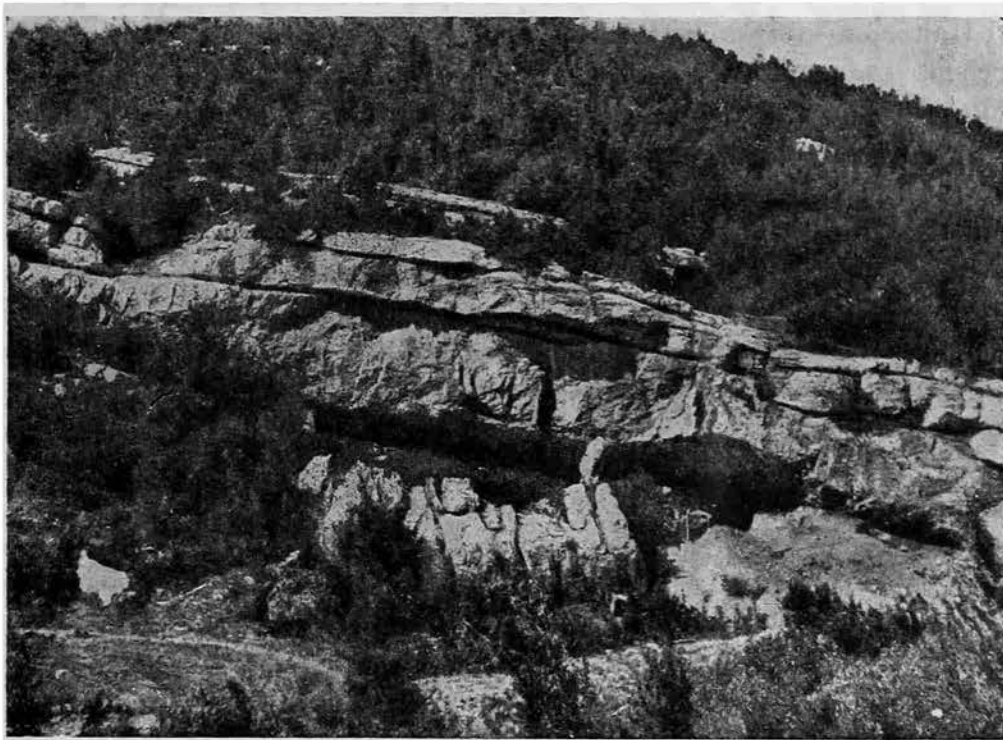

Рис. 1. Общий вид скалистого навеса Шан-коба (фото автора).

Восточная траншея, длиною в 10 м, при ширине свыше 4 м, как оказалось, особенного интереса не представляет уже потому, что прорезывает толщу отложений, потревоженных водными потоками, идущими в определенные влажные периоды с плато над навесом по склону. Для сохранения точности в определении горизонтов с находками, условно и применительно к окраске, вся толща была разбита на три основных горизонта: 1) гумусированный щебень с глиной (средней мощностью в 50 см); 2) желтый щебень с глиной (средняя мощность в 100 см) и 3) зеленая глина без щебня. Несмотря на явную потревоженность слоев внешними влияниями, находки представляют собой не вполне смешавшуюся массу.

Если первый горизонт, на ряду с кремневыми отщепами, дает и обломки керамики как современной, так и «кизил-кобинского» (?) типа (бронза), то второй горизонт лишен керамики вовсе. В нем встречается значительное количество кремневых отщепов, среди которых почти совершенно отсутствуют орудия, а обломки костей животных — очень плохой сохранности. Третий горизонт — без находок. О потревоженности слоев действием воды

говорят следующие данные: 1) окатанность щебня, слагающего всю толщу, включающую находки; 2) слабая окатанность костных остатков; 3) наличие в основном крупных отщепов и нуклеусов, при отсутствии мелких кремневых объектов; 4) группировка находок у камней со стороны стока; 5) резкая потеря цветности и отличие в составе слоев, слагающих толщу на участках 23—30 г, д, е, ж и на площадке перед навесом (участки 20—21 з—о) в сравнении с напластованиями на участках по линии 20—21 а—д.

Примерно такую же картину дает и южная траншея, прорытая с юга на север, длиной в 7 м при ширине 3 м и средней глубине прокопа 1 м 20 см, прорезывающая склон площадки между навесом и ручьем. Эта траншея четко установила границу размыва слоев, определив его непосредственно за выходом слоев из навеса (участки 20—21 е, ж). Еще из коллекционных сборов в 1928 г. казалось несколько странным резкое падение количества находок на участках 18—19 ж, з, т. е. выходящих за кромку навеса. Как выяснилось, это является результатом размыва слоев, которые сохранили остатки культуры *in situ* только под обвалами крупных камней (уч. 19 и, к). Находки из южной траншеи различаются тоже по двум горизонтам, имеющим те же морфологические особенности, что и указанные для восточной траншеи. По количеству находок первый горизонт южной траншеи богаче, особенно по находкам орнаментированной керамики, каменных «терок» и кремня. Во втором горизонте много кремня, среди которого орудия также редки. Признаки, определяющие потревоженность слоев для восточной траншеи, вполне применимы и к южной траншее.

Наиболее интересная часть раскопочных работ велась на площадке участков 20—21 а—е и 22—23 в—е, каждый из которых размером 1 × 1 м. Эта сравнительно небольшая по величине площадь дала исключительно обильные находки, располагающиеся по всей толще отложений. По разрезу линии 20 участков 20—21 а—е ясно прослеживаются шесть слоев, разделяемых не только по окраске, но и по консистенции. Предварительное описание каждого слоя сводится к следующим признакам:

Первый слой — гумусированная рыхлая почва серого цвета с небольшой примесью щебня. Слой сохранился не везде; на участке 20—21 а—б имеет мощность в 20—25 см.

Второй слой — резко отличается от первого по цвету и составу. Он — глинистый, желтого цвета, с значительной примесью угловатого мелкого щебня, имеет большую плотность и очень незначительную влажность. В западной части навеса окраска слоя принимает красноватый оттенок от прокалывания современными кострами. Средняя мощность слоя — 27 см.

Третий слой — довольно рыхлый, менее глинистый и цветом темнее, чем второй слой. Он имеет в своем составе большую примесь щебня и массовое включение раковин улиток *Helix vulgaris*. Средняя мощность слоя — 30 см.

Четвертый слой — серого цвета, сильно щебнистый; раковин улиток не содержит. Средняя мощность слоя — 10 см.

Пятый слой — светлорыичневого цвета, примесь щебня меньшая; он — более глинистый, чем четвертый слой. Благодаря влажности, слой легко поддается разборке. Средняя мощность слоя 28 см.

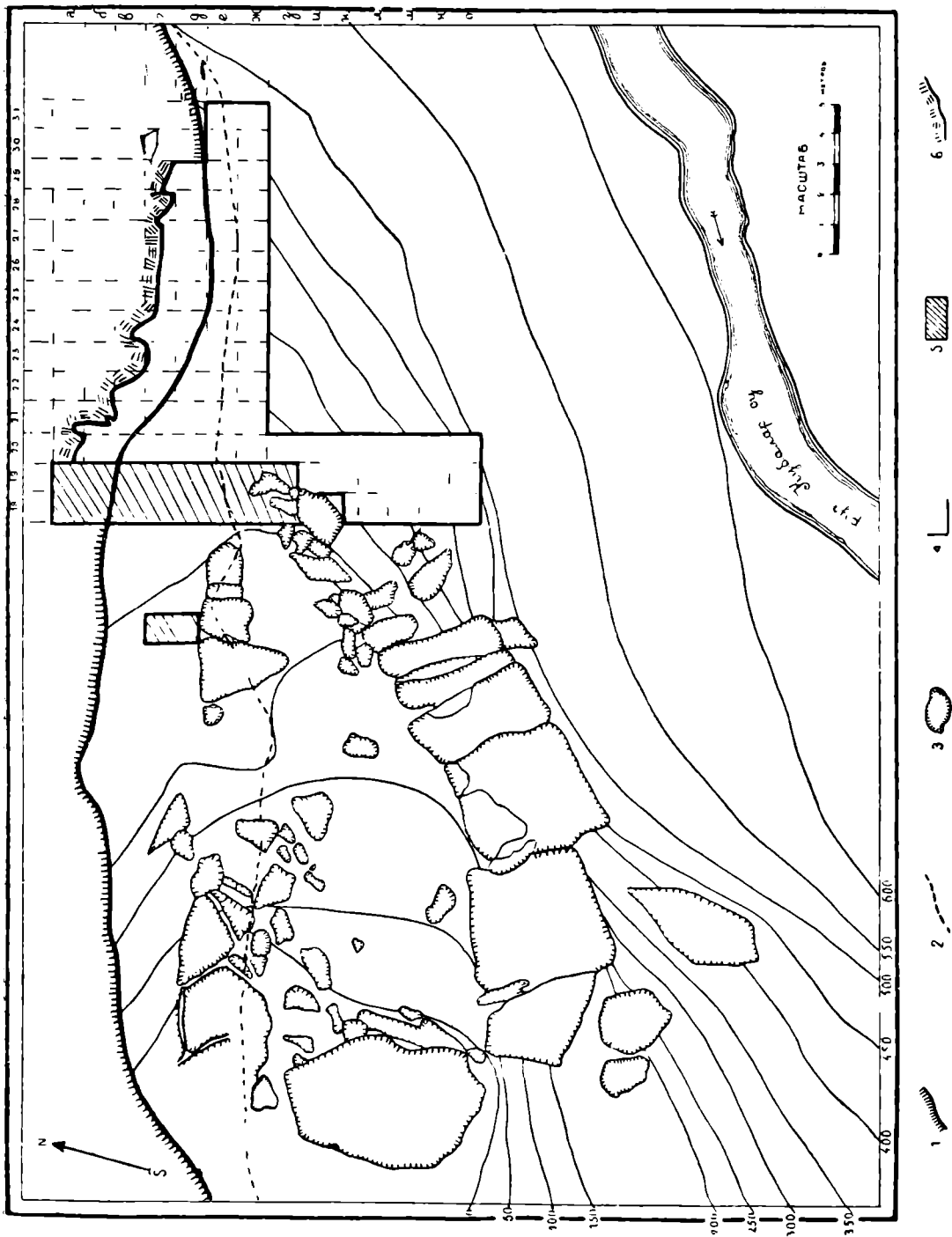

Рис. 2. План скалистого навеса Шан-коба.

Шестой слой самый мощный. Будучи влажным, он имеет черный цвет; при высыхании — значительно светлеет. Заметно значительное включение щебня: мелкого, угловатого, без следов окатанности. Средняя мощность слоя — 40 см.

Ниже шестого слоя залегает желтая глина, местами, особенно у стенок навеса, имеющая зеленоватый оттенок; щебня не содержит. В археологическом отношении слой—стерилен и, по видимому, имеет аллювиальное происхождение.

В процессе раскопочных работ были вскрыты интересные бытовые детали, подчеркивающие роль собирательства в хозяйственном бюджете обитателей навеса. На участке 22 в, г, слой 3, в одной из щелей навеса глубиной в 1 м 10 см, шириной у входа в 65 см, высотой у входа в 65 см было обнаружено большое скопление раковин улиток (*Helix vulgaris*), залегающих сплошной массой, толщиной в 35 см. Среди раковин улиток часто встречаются остатки угля и мелкие дробленые кости животных. Значительно реже отмечаются находки кремня. Не остается сомнений в том, что глубокая сырая щель в скале была использована для сохранения улиток впрок, с целью предохранения их от порчи и расползания. При разборке этого хранилища в нем оказались: бедро дрофы (?) и, расколотый вдоль, крупный обломок рога благородного оленя (*Cervus elaphus*). Оба этих предмета, очевидно, служили для выгребания улиток из щели по мере потребности в них, и были воткнуты в толщу сохраняемых улиток, о чем свидетельствует положение их в скоплении. Раковины улиток, примерно в 90%, сохранились целыми и не несут следов обжига, что, впрочем, характерно для всех раковин улиток, находимых в третьем слое. На участке 20 в, также в третьем слое, была обнаружена, прорывающая четвертый слой, преднамеренно вырытая и заполненная раковинами таких же улиток ямка. Размеры ямки: ширина в направлении NS—22 см, наибольшая глубина—14.6 см. Форма ямки приближается к полусферической. Очень выразительны ее очертания—северная часть оформлена довольно круто, южная более отлогая, т. е. тип так наз. «собачьих ям». К сожалению, западная стенка ямки разрушена проходящей здесь траншеей 1928 г., поэтому о полных ее размерах можно только догадываться. Для каких целей предназначалась эта ямка, сказать трудно; не исключена возможность видеть в ней приспособление для приготовления в пищу улиток. Опыт с улитками *Helix pomagalis*, которые являются лишь разновидностью находимых в третьем слое, показал, что извлечь улитку из раковины, не повредив последней, невозможно даже железным крючком. Под действием же огня костра или тлеющих углей, в очень непродолжительном времени (две-три минуты), тельце улитки чрезвычайно легко отделяется от панциря. Этот опыт, поставленный в ямке, взятой по размерам найденной в третьем слое, объясняет находки раковин в целом виде и, может быть, назначение ямки. На защищенной верхней поверхности третьего слоя, которая являлась жилой площадкой, находок немного. Наибольшая концентрация их на участке 20—21г, рядом с участком 20—21д; намечаются следы очага в виде трех камней, дающих небольшой дугообразный изгиб. Во внутренней части очага изредка встречаются пережженные кости и мелкие угольки. Очаг, по видимому, был слишком кратковременный, так как след, оставленный им, незначительный.

Ни обжига камней, ни обычного прокаливания слоя, ни значительного скопления угля и отбросов пищи в очаге и около него не наблюдалось. Вблизи очажка, с юго-восточной стороны, отмечается небольшой валик, состоящий главным образом из раковин улиток, мелких дробленых костей, небольшого количества угольков и кремневых отщепов. Высота валика над поверхностью третьего слоя до 5 см. Ширина от 8 см на участке 21д до 30 см на участке 20е, общая протяженность валика на вскрытой площади достигает 1 м 64 см. На срезе линии 17 участка е наблюдается продолжение этого валика. Неучтенный в 1928 г., он вероятно пересекал линии 18 и 19, переходя в нетронутую раскопками площадь навеса.

Не останавливаясь, в целях краткости, на обзоре поверхностей жилых площадок слоев четвертого и пятого, которые не отличались сколь-нибудь приметными объектами, перейдем к краткому обзору шестого слоя.

Верхняя граница шестого слоя изобилует находками кремня и в меньшей степени кости, которые располагаются по ровной площадке, имеющей небольшой уклон в направлении к выходу навеса. На участке 20—21 а, б слой не доходит до стенки навеса, образуя острый угол, заходящий в северо-восточную часть участка. От восточной и северной стенок навеса, которые идут здесь под прямым углом, слой отделяется канавками, происхождение которых стоит в связи с просачиванием грунтовой воды через щели, в толще потолка навеса. Благодаря интенсивно темной окраске слоя, на поверхности площадки следов очажных пятен установить не удалось, других же данных, определяющих очажные места, не наблюдалось. Второй и третий горизонты шестого слоя позволили по окраске установить на участке 20г очажное пятно, отличающееся более темной окраской и присутствием бóльшего количества угольков, чем на других участках слоя. Ширина пятна по линии WO не превышает 60 см, по линии NS — 56 см. Очажок, повидимому, имел овальную форму. Южная часть его не сохранилась, будучи разобрана раскопками в 1928 г. С западной стороны к очажку примыкает скопление крупных и мелких пережженных костей. Вблизи очажка находятся три окатанных камня, два из них носят явные следы употребления как рубящих орудий.

Небезинтересно отметить большое скопление камней на участках 21в, г, 22д. Часть из них была, повидимому, принесена человеком, о чем свидетельствует сходный уровень их залегания, часть же появилась здесь вследствие разрушения потолка. Все камни лежат в толще культурного слоя, и ограничивают его распространение с восточной стороны. Вероятно камни служили здесь для укрепления заслона от ветра. Участки 20—21 а, б, в — наиболее выгодно расположены относительно движения холодного северо-восточного ветра. Если, напр., продолжить восточную стенку на этих участках заслоном из ветвей, то значительная часть площади навеса будет предохранена от задувов холодного ветра.

В шестом слое находки раковин улиток *Helix vulgaris* чрезвычайно редки и насчитываются из раскопок 1928 и 1935 гг. в количестве лишь не-

скольких десятков. В четвертом горизонте шестого слоя было обнаружено прямое камнями скопление этих улиток на участке 22г. Скопление занимает небольшую площадь, примерно в 245 кв. см, и толщиной до 13 см. Среди улиток отмечаются находки угля, мелкие обломки кости и кремневые отщепы. На уровне этого же горизонта (четвертого) в шестом слое на участке 21б,в, у начала щели в скале, найдено любопытное скопление крупных кремневых обломков в количестве четырех штук. По величине эти обломки значительно превосходят все ранее найденные. Кроме того, здесь же в щели, из обломков кремня извлечены: крупное скребковидное орудие, две сегментовидных кремневых поделки, несколько бесформенных кремневых отщепов и несколько неопределимых костей животных. Все эти объекты были прикрыты двумя камнями, отделявшими их от жилой площадки. Скопление крупных желваков нужно рассматривать как кремневый запас для выделки орудий. Другие же находки, которые сопровождали эти крупные обломки кремня, попали в щель раньше, чем желваки.

Кремневые поделки, собранные со всех шести слоев, могут быть разбиты на три основных комплекса.

Первый комплекс находок включает кремневые поделки, собранные из первого слоя. Этот слой сохранился в виде засыпки, между стенкой навеса и третьим слоем (участки 20—21 а, б), и представляет собой рыхлое гумусированное образование, почти сплошь состоящее из остатков костей животных, преимущественно кабана (*Sus scrofa*). Среди костей найден кремневый наконечник стрелы треугольной формы, очень тщательно обработанный двухсторонней отжимной ретушью (см. рис. 3—а, б), несколько фрагментов крупнозернистой, плохо обожженной керамики и два обломка створок морского моллюска мидии. Эти находки дополняются сборами в первых горизонтах южной и восточной траншей. Здесь найдено много обломков керамики, среди которых не редки орнаментированные (рис. 3 д—к). Орнамент — в виде ямок, различных линий, пересекающихся, зигзагообразных и других. Кроме того, найдено несколько речных галек, употреблявшихся в качестве отбойников и может быть терок. Находки из первого слоя близки к так наз. кизил-кобинской культуре (бронза), широко распространенной в Крыму и очень слабо изученной. Среди них замечаются находки более позднего времени вплоть до современных.

Второй комплекс, объединяющий находки из второго и третьего слоев, дает сходные по техническому приему обработки кремневые поделки. Призматические пластинки во многих случаях имеют правильные параллельные грани, которые оформляются иногда ретушью по длинной грани или выемками (*coche*). Здесь, среди других, довольно обычных для тарденуазской стадии поделок, как миниатюрные кремневые трапеции, пластинки со скошенным краем, различные скребки, встречаются небольшие, правильных геометрических очертаний, сегменты, которые не часты в крымских тарденуазских стоянках (рис. 4).

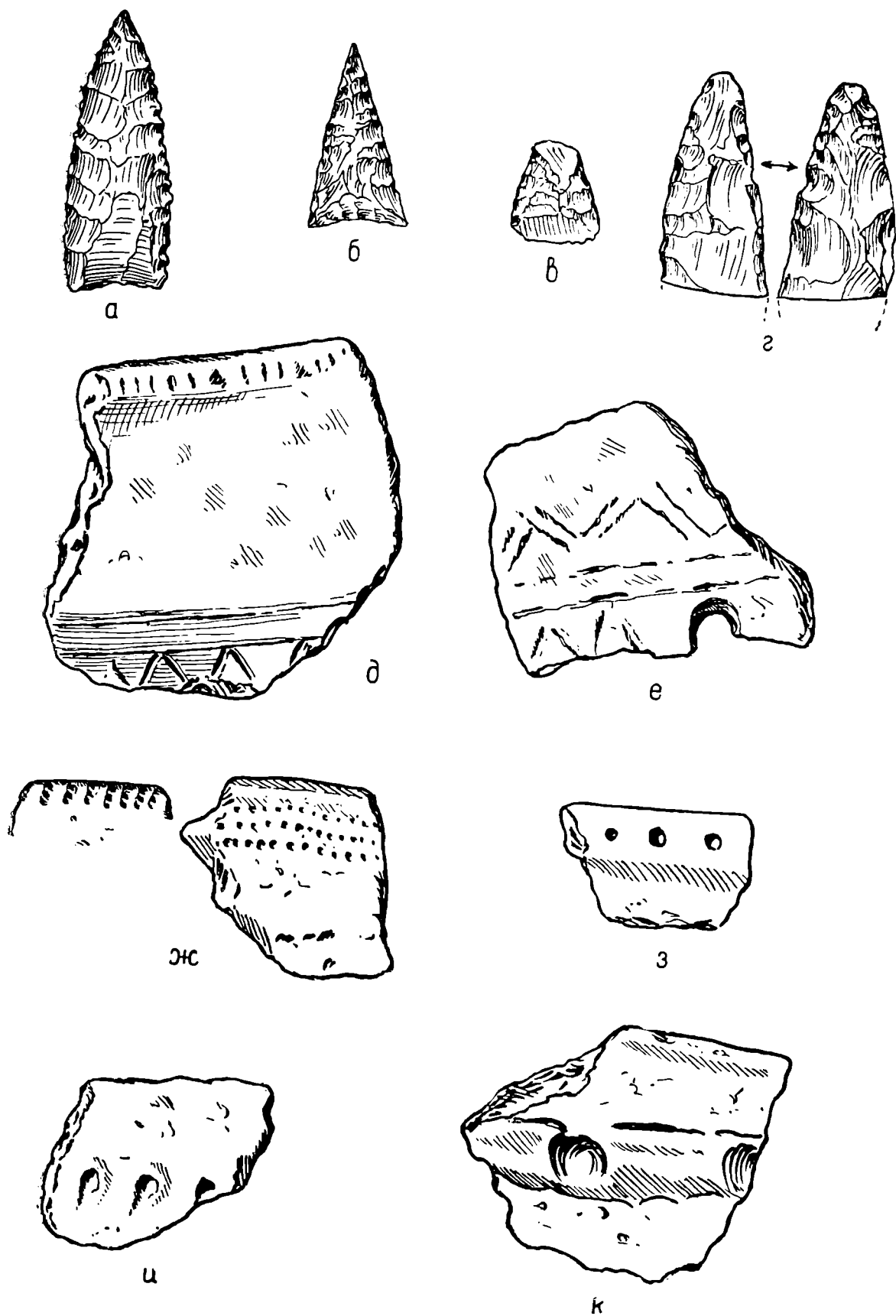

Рис. 3. Кремневые изделия и образцы керамики из I комплекса (слой I) (нат. вел.).

Третий комплекс объединяет находки 4, 5 и 6 слоев (рис. 5 и 6). Кремневая техника изготовления предметов из этих слоев не имеет сколько-нибудь значительных отличий; заметны постоянство форм и одинаковая степень обработки предметов, так же как и их заготовок. Наблюдаемые некоторые отличия состоят в консистенции самих слоев (см. выше), в количестве находок в каждом из этих слоев и в кремневом материале для орудий. Четвертый и пятый слои не столь богаты находками костей и кремня; шестой слой по количеству превосходит все остальные слои, вместе взятые. По предварительным подсчетам, в шестом слое найдено не менее 400 кремне-

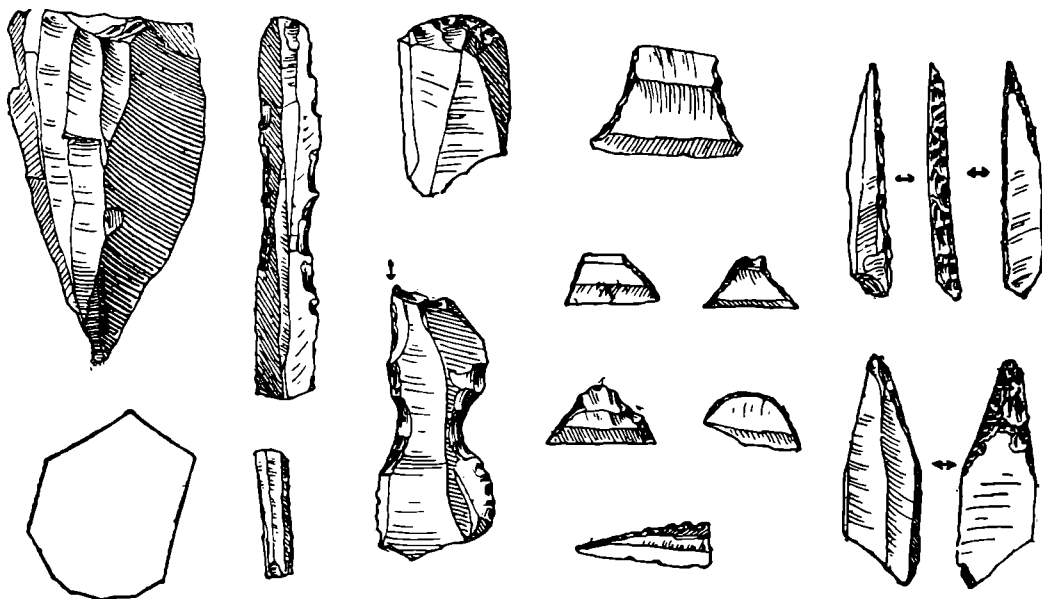

Рис. 4. Кремневые изделия из II комплекса (слои 2 и 3) (3/4 нат. вел.)

вых поделок, свыше 30 поделок из кости и несколько окатанных галек, употреблявшихся в качестве рубящих орудий и отбойников. Кремневый материал имеет также некоторые свои отличия. Если четвертый и шестой слои включают изделия из мелового кремня преимущественно темных тонов, то пятый слой содержит кремневые объекты, главным образом, светлых, серых оттенков.

Для удобства рассмотрения, нами выделяется четыре основных группы кремневых поделок.

I группа объединяет поделки, предназначенные для оснащения метательных орудий. По типологическому признаку сюда относятся различные сегменты, треугольники и наконечники стрел.

II группа объединяет изделия, назначение которых сводится, главным образом, к скоблящим функциям. Сюда относятся: различного рода скребки на концах длинных пластинок, на концах коротких пластинок, на сколах; пластинки с выемками и боковой ретушью.

III группа — различные резцы, определяемые по признаку оформления резового края — как резцы срединные, боковые, полиэдрические; сюда же,

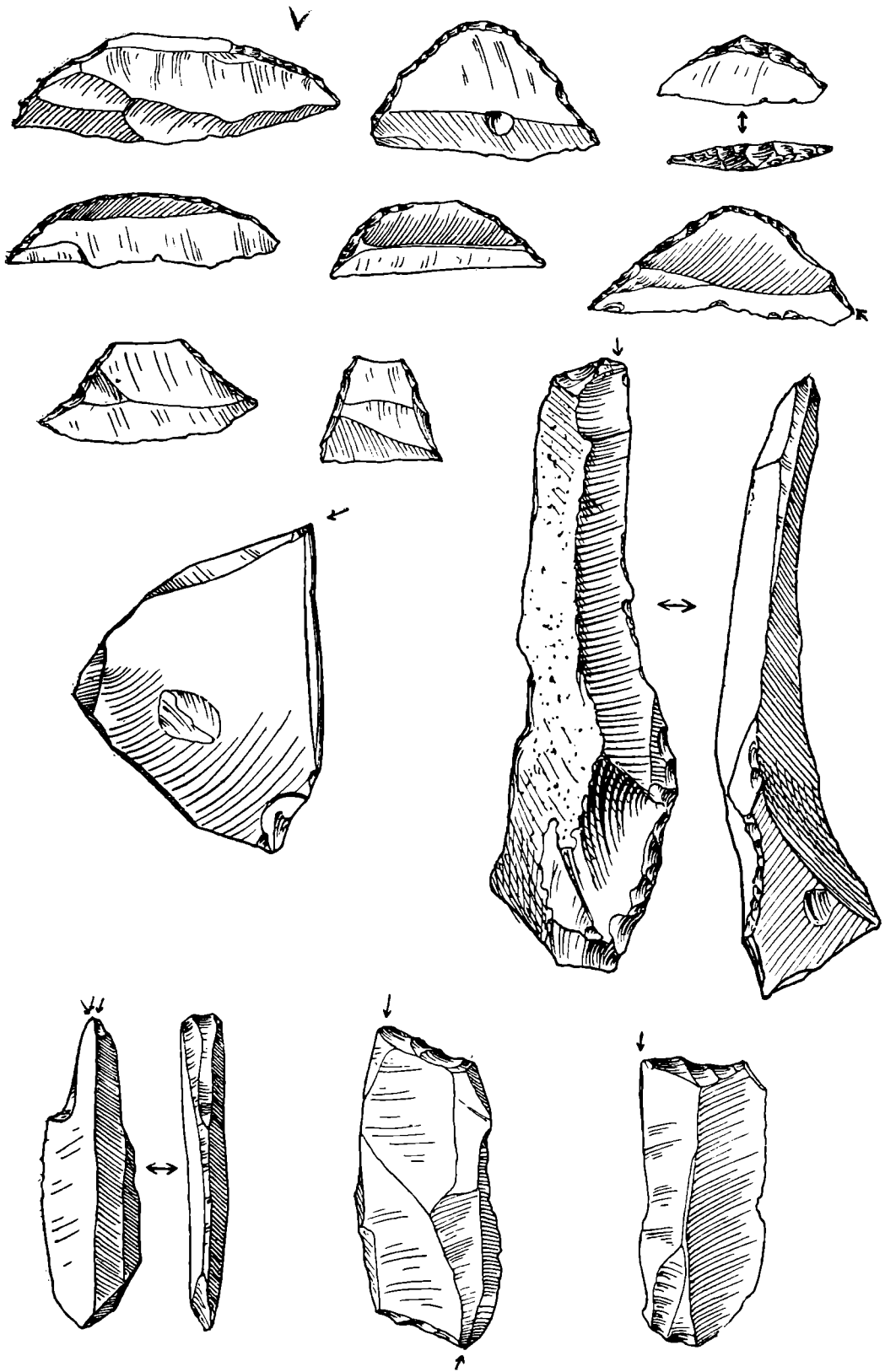

Рис. 5. Кремневые изделия из III комплекса (слои 4, 5 и 6) (несколько уменьшено против нат. вел.).

повидимому, относятся пластинки со скошенным краем и пластинки с пригупленной спинкой.

IV группа — так наз. проколки.

Предполагаемое условное и формальное деление на группы носит самый предварительный характер, так как исключительное многообразие форм, напр., тех же сегментов, вовсе не дает повода к толкованию их только как применявшихся для оснащения метательных орудий. То же относится и к другим кремневым поделкам. В основу разделения по комплексам было положено существующее различие между кремневым инвентарем из первого слоя, в сопоставлении со вторым и третьим слоями, и этих последних с четвертым, пятым и шестым слоями. Основное различие заключено не только в признаке совершенства технических приемов раскалывания кремня, но и в оформлении самих изделий. Так, напр., одной из самых существенных черт, отмечаемых для третьего комплекса, является наличие геометрических микролитов-сегментов, треугольников и, редко, грубых трапеций; второй комплекс не дает подобных типов, которые заменяются здесь правильно оформленными трапециями и, редко, миниатюрными сегментами. Это различие чрезвычайно существенно не только для построения эволюционного ряда развития кремневых форм, но и для определения функционального назначения кремневых поделок; в частности, напр., совместное нахождение в третьем слое костяных осерий с прорезью и подобных орудий определило назначение находимых здесь трапеций. Указанное различие помогло в процессе полевых работ установить жилую площадку четвертого слоя.

Кроме изделий из кремня довольно большое место принадлежит поделкам из кости. Придерживаясь того же подразделения по комплексам, отметим, что для первого комплекса находок обработанной кости не было. Это вовсе, конечно, не значит, что для данной стадии они не являются характерными. Сборы в других местах Крыма, произведенные С. И. Забниным, достаточно убедительно говорят за широту использования кости и в это позднее время.

Второй комплекс представлен многообразными формами костяных поделок, которые указывают не только на высокое качество обработки кости, но и на далеко не малое значение ее в хозяйственных нуждах человека на тарденуазской стадии. Кроме обыкновенных шильев, сделанных на обломках трубчатых костей, обычно с тщательно обработанным только острием, укажем на следующие находки (рис. 7):

1. Костяная оправа ножа (рис. 7а) представляет собою костяной стержень длиной в 8.5 см, шириною в 1.1 см, имеющий глубокую прорезь для вставки кремневых вкладышей, идущую вдоль по всему стержню. В сечении стержень имеет эллипсоидную форму. Особенно интересным является тот простейший орнамент, которым снабжена оправа. Он состоит из прямолинейных, неглубоких нарезок, расположенных параллельно по три и образующих три ряда, опоясывающих стержень. В нижней части у надломан-

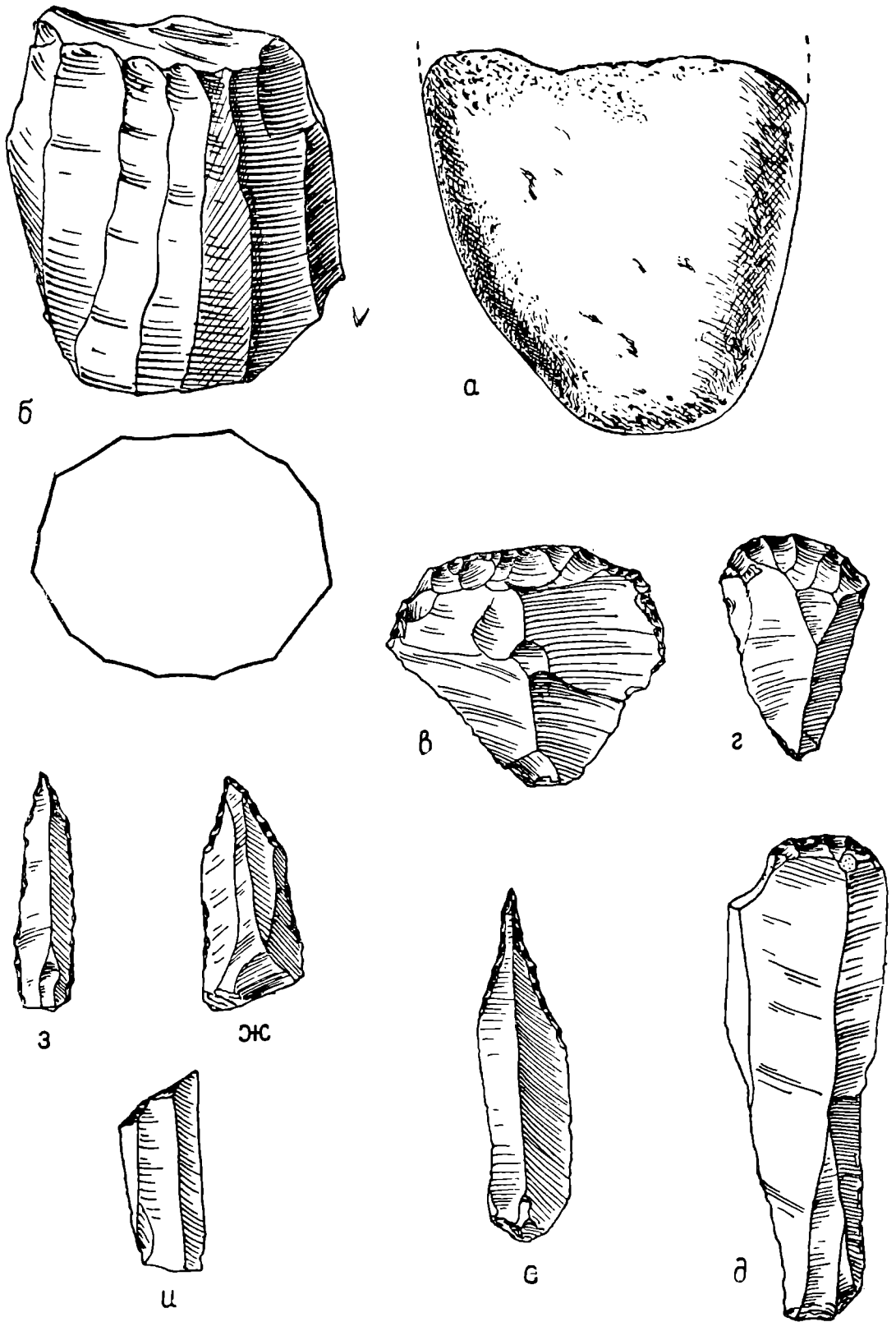

Рис. 6. Кремневые изделия из III комплекса (слои 4, 5, 6) (нат. вел.).

ной пятки стержня сохранились следы от такого же типа орнамента. Ранее сделанная находка, аналогичная описываемой, но более худшей сохранности, позволила определить ее как часть гарпуна.¹ Учитывая возможность использования подобных изделий для метательных функций, не лишним будет указать и на вероятность использования их в качестве оправ для вкладышей, составляющих лезвие ножа или пилки. Об этом говорит моделировка острия стержня. Имея небольшой излом, острие все же не дает необходимой заостренности, которую мы наблюдаем у метательных изделий. Кроме того прорезь, предназначенная для вставки вкладышей, прорезывает глубокой бороздой само рабочее острие, которое вовсе не нуждается в подобной обработке, так как утолщается и теряет значительную долю режущей способности. Это предположение не устраняет, однако, ранее высказанных других догадок относительно функций костяных острий, имеющих прорезь: остаются два обломка орудий, прорезь в рабочих краях которых не доходит до конца. Предложенная реконструкция подобных орудий, сходная с реконструкцией Ликей и Андрэ, намечает тип острия, снабженного сегментовидными вкладышами. Почти полное отсутствие сегментов в третьем слое Шан-Коба, в котором найдено четыре обломка острий с прорезью и замена их трапециями, свидетельствует о применении последних в качестве вкладышей. Прежняя находка приурочивается к четвертому слою, где, наоборот, почти нет трапеций, зато много сегментов, что собственно и определило упомянутую выше реконструкцию. Прием оснащения метательных орудий различного рода вкладышами широко распространен почти по всей территории земного шара, доживая, как это мы наблюдаем у австралийцев, до современности. Археологические находки отмечают наличие костяных острий, главным образом для неолита, в северо-западной Европе, для позднего палеолита — в Сибири и на Украине, а также и в Крыму. Особенного внимания заслуживает острие с прорезью, найденное в британской колонии Кения² (восточная Африка) в пещере *Elementitan Cave II*. Ликей, без достаточно веской аргументации, относит слой, в котором обнаружено это острие, к ориньяку. Совершенно очевидно, что все сопровождающие находки кремневых изделий датируют этот слой как азильско-гарденуазский. Соответствующие находки очень схожи с материалами, добытыми в Шан-Коба. Находка наконечника с прорезью в восточной Африке весьма показательна и лишь как-то случайно выпала из поля зрения исследователей, работающих над реконструкцией типов орудий труда. Между тем, она лишним раз подчеркивает единство пути развития человеческих обществ, которое запечатлевается в материальных остатках не в формах абсолютного тождества, а с элементами местных вариаций.

2. Костяная поделка из клыка кабана (рис. 76) трапециевидной формы. Размеры: нижняя сторона 3 см, верхняя — 2.1 см, выс. 2.3 см. Обработана

¹ Тр. II междунар. конфер. АНЧПЕ, вып. 5, табл. VIII, рис. 13, Л., 1934.

² Leakey. The stone age cultures of Kenya colony, p. 131, Pl. XVII,

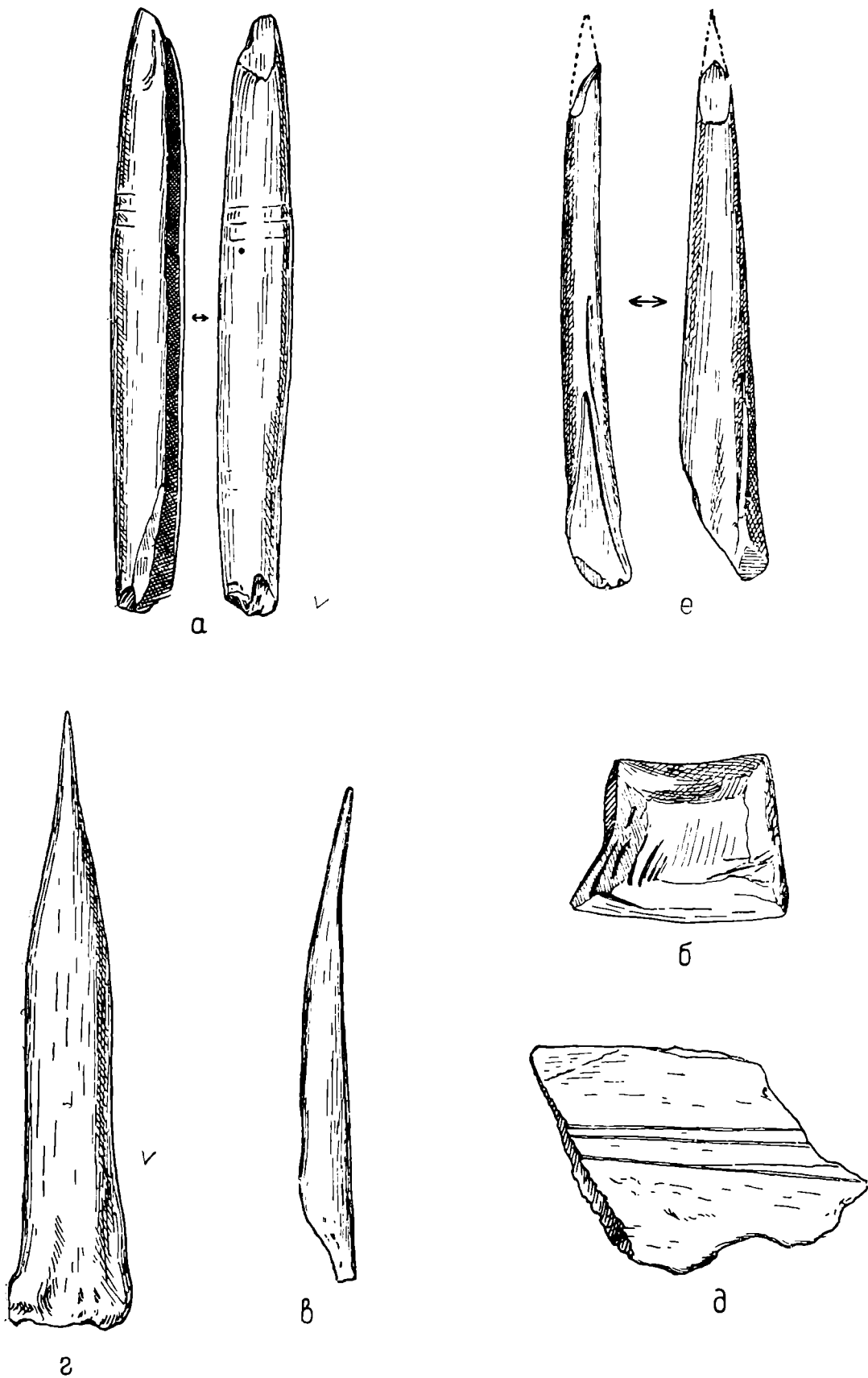

Рис. 7. Костяные изделия из II комплекса (слой 3) (нат. вел.).

путем раскалывания клыка вдоль и отделена режущим инструментом со стороны противоположащей эмали. Эта отделка придает сторонам трапеции большую заостренность. Само изделие, повидимому, является лишь деталью какого-то более сложного орудия.

3. Костяная проколка на обломке птичьей кости (рис. 7в), с очень тщательно обработанным острием. Длина 7 см.

4. Костяное шило на обломке (рис. 7г) метаподия оленя. Длина 8.7 см.

5. Обломок черепа животного (рис. 7д), орнаментированный тремя довольно глубокими почти параллельными нарезками и одной нарезкой, идущей вкось. Размеры: 5 см × 3.3 см. Орнамент, повидимому, является лишь частью какой-то орнаментальной композиции.

Всего во втором и третьем слоях (второй комплекс) найдено 14 поделок из кости, причем по количеству второй слой дал две находки, третий слой — 12.

Третий комплекс (сл. 4,5 и 6) (рис. 8). Главная масса костяных поделок сосредоточена в 6 слое (90%). Обработка кости, в сопоставлении со вторым комплексом, значительно более примитивна. Асимметричные крупные шилья на обломках трубчатых костей обрабатываются лишь с одного конца, на котором формируется острие. Другой конец кости остается необработанным (рис. 8 е, ж). Кроме шильев отмечаются находки костяных поделок, позволяющие в них видеть наконечники метательных орудий — стрел и, может быть, дротиков. Размеры и общая структура дают основание толковать их в качестве таковых (рис. 8 а—д).

В коллекции представлены объекты, характеризующие различные приемы, применяемые в техническом процессе обработки кости, как-то: скобление, заточка, сверление, распиловка поперечная и продольная, строгание. Всего в третьем комплексе насчитывается свыше 35 костяных поделок.

В нашем отчете совершенно отсутствуют данные о фауне, так как собранные костные остатки животных в количестве свыше 100 кг еще не определены.

Раскопки в Шан-Коба значительно расширяют наши познания об азийско-тарденуазской стадии в историческом развитии человеческого общества. Огромное большинство памятников тарденуазской эпохи, широко распространенных почти по всей территории Союза, значительно обезбечены неопределенностью условий их залегания. Обычно они приурочиваются к слоям либо перемытым водными потоками, либо перевеянным, либо смещенным оползевыми явлениями. Залегая, как правило, почти на поверхности почвы или очень неглубоко в подпочвенных горизонтах, эти стоянки подвергались действию различных внешних влияний, поэтому степень сохранности их очень невелика. Ни характера планировки, ни сборов фауны и других органических остатков для этих стоянок мы почти не имеем, а ограничиваемся лишь подъемными сборами кремневых объектов. Несмотря на большое количество собранных коллекций, они еще очень слабо изучены, особенно с точки зрения функционального назначения отдельных форм.

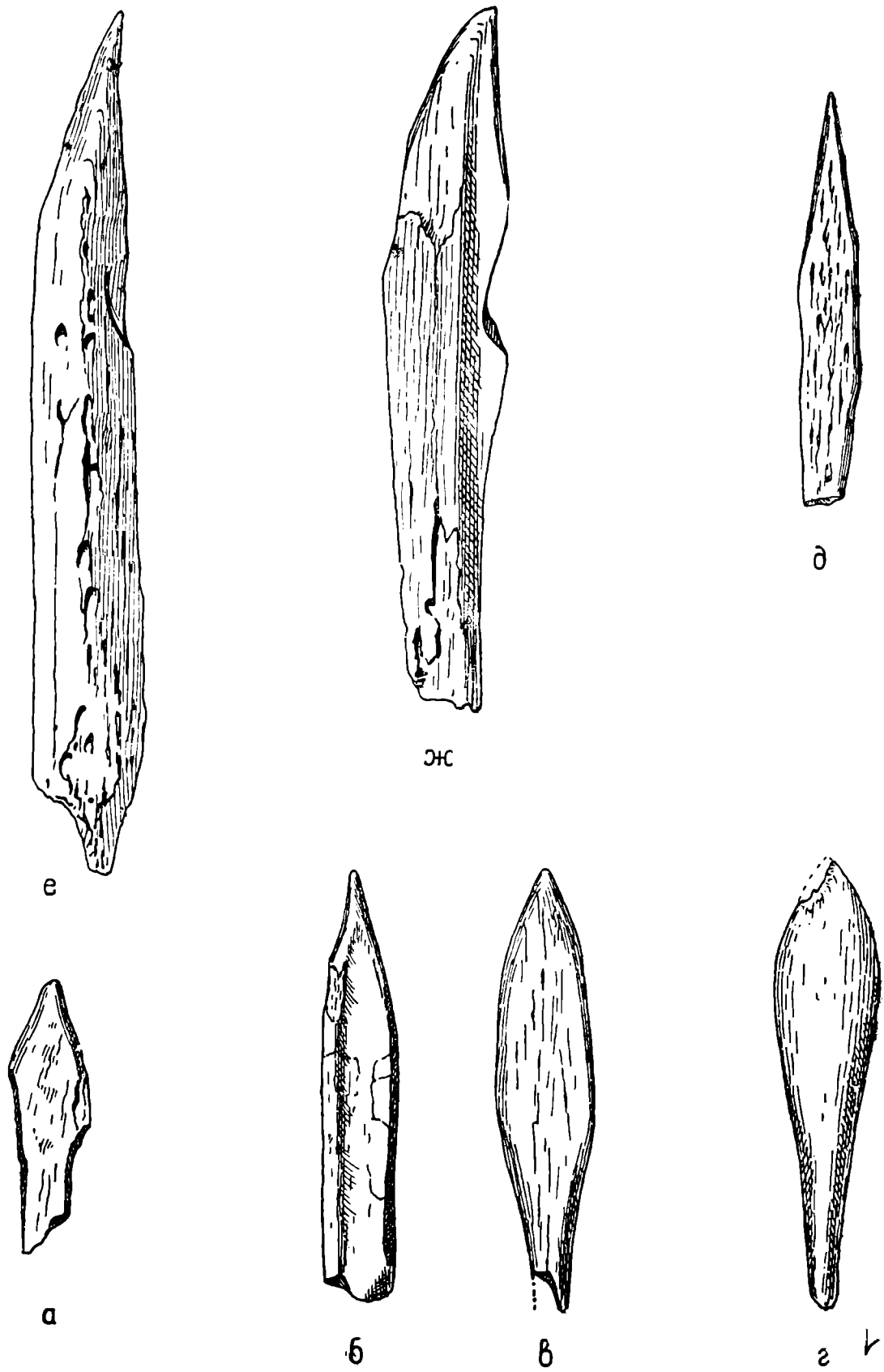

Рис. 8. Костяные изделия из III комплекса (слой 6) (нат. вел.).

Так, напр., кажущееся однообразие в поделках геометрических очертаний, в действительности, дает очень большое разнообразие и в формах и в размерах и, повидимому, их функции не сводились только к оснащению металлических орудий. Являясь лишь *деталью* орудий, эти геометрические поделки могли давать в комбинации с деревом или костью сложные типы орудий труда, о которых мы еще не знаем. Даже этот пример (а их можно умножить) указывает на скудные представления об орудиях труда в азийско-тарденуазскую эпоху, не говоря уже о других данных, как, напр., о фауне, флоре и т. д., почти совершенно не исследованных. В наиболее выгодном положении оказывается стоянка Шан-Коба. Стратиграфические условия и степень сохранности памятника выдвигают его в ряд местонахождений этого времени, имеющих первостепенное значение.

S. BIBICOV

COMPTE RENDU PRÉLIMINAIRE DES TRAVAUX DE LA MISSION
ARCHÉOLOGIQUE DE CRIMÉE EN 1935

RÉSUMÉ

Les fouilles exécutées en été de 1935 dans l'abri sous roche de Chan-Koba en Crimée faisaient suite aux travaux commencés ici en 1928. L'auteur expose brièvement la méthode de ces recherches, soulignant l'importance spéciale accordée non seulement à la constatation de la position stratigraphique des restes de culture, mais aussi à celle de leur répartition dans les différents plans horizontaux. Dans les dépôts de l'abri sous roche, on a reconnu 6 couches renfermant des objets dus à l'activité de l'homme azilo-tardenoisien. Dans la 3e couche on a découvert une petite cavité bien caractérisée, qui servait apparemment à la cuisson des escargots (*Helix vulgaris*) avant leur consommation; elle était complètement remplie de coquillages de ce mollusque. Dans une des fissures de la roche se trouvait un endroit pour la conservation de ces escargots, également tout plein de leurs coquillages.

Les fouilles ont fourni une vaste collection d'objets en silex et en os, dont quelques-uns sont reproduits sur les figures. Les objets en os offrent un intérêt particulier, vu que leur rôle dans la vie économique de l'homme azilo-tardenoisien n'est que très faiblement représenté dans les trouvailles faites jusqu'ici sur le territoire de l'URSS. Le travail de l'os atteint ici un degré de perfection assez élevé. Les différences que présentent les restes archéologiques suivant les couches ont permis à l'auteur de les subdiviser en plusieurs complexes: le complexe I renferme les objets extraits de la couche supérieure à humus, qui datent de l'époque du bronze, le complexe II (couches 2 et 3) ceux de type tardenoisien et le complexe III (couches 4, 5 et 6) ceux qui appartiennent au Tardenoisien ancien ou à l'Azilien.

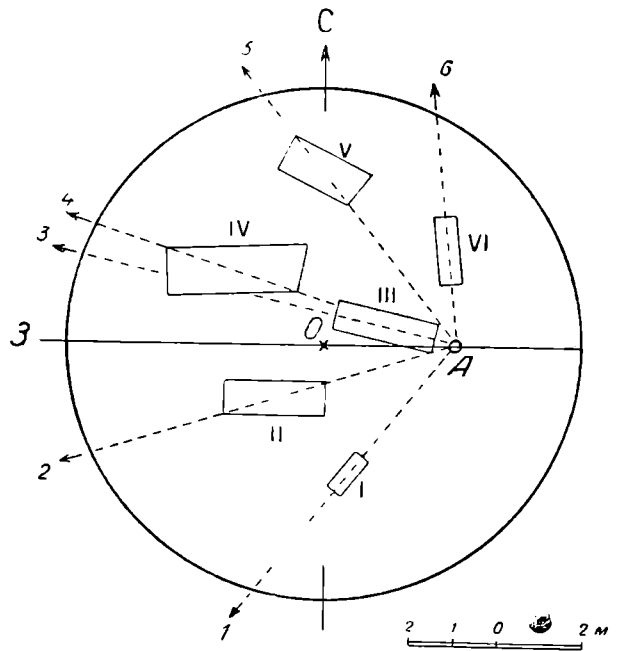
Я. И. ГУММЕЛЬ

О ПЛАНИРОВКЕ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В РАЙОНЕ ГАНДЖА-ЧАЯ

Наши научные археологические исследования текущего 1935 г. в р-не Ганджа-чая (Азербайджан), связанные с раскопками курганов эпохи бронзы, привели к следующим интересным результатам, имеющим огромное значение для дальнейших работ в этой области.

1) Обычные курганы района Ганджа-чая в большинстве своем — курганы семейные с большим количеством могил, среди которых на ряду с одиночными погребениями встречаются часто и могилы с коллективными погребениями.

2) Планировка семейных курганов проводилась следующим образом (см. план ориентировки могил в кургане № 8): намечалась на данном месте, предназначенном для погребения, определенная точка А — «солнце кургана»; через нее проводили ориентированную по странам света линию — «главный диаметр кургана»; на нем отмечали вторую точку — центр, из которого определенным радиусом проводили окружность будущего кургана; затем образовывали из «солнца кургана» в плоскости кургана лучи по разным направлениям, которые в одних случаях служили главными осями грунтовых ям, в других — их диагоналями.

План ориентировки могил в кургане Я. И. Гуммеля № 8.

3) Отсюда вытекает следующее простое правило лучеобразной ориентировки могил, проверенное нами на 16 курганах:

Луч из «солнца кургана», расположенного на «главном диаметре», должен пройти или через главную ось или же через диагональ могилы.

4) Указанное правило и прочие установленные нами факты позволяют не только объяснить всевозможные случаи отклонения могил от направления стран света, их подчас необычную форму и пр., но дают также возможность судить о тех знаниях из области астрономии и математики, которыми владел народ, распланировавший эти курганы, о его мировоззрении, идеологии и т. д.

5) Помимо чисто теоретического интереса правило лучеобразной ориентировки могил имеет также огромное значение для археолога-практика. Оно дает возможность: произвести съемку планов расположения могил более простым полярным способом, найти центр и окружность кургана в тех случаях, когда насыпь частично снесена или сравнена с землей, отличить впускные погребения от древних и найти в неправильно раскопанных раньше курганах еще не вскрытые могилы.

6) При ориентировке костяков в могилах играло, на ряду с кажущимся движением солнца по небесному своду, видную роль и «солнце кургана», посылающего свои лучи в могилу погребенных, что, однако, нуждается в дальнейшем исследовании, чтобы можно было обобщить наблюдаемые мною факты.

J. HUMMEL

SUR LE PLAN DES TUMULI DE L'ÂGE DU BRONZE DANS LA RÉGION DU GANDJA-TCHAI

RÉSUMÉ

Les fouilles archéologiques de tumuli exécutées en 1935 dans la région du Gandja-tchäi (Azerbaïdjan, Transcaucasie) ont conduit aux constatations suivantes.

Les tumuli étudiés sont en majorité des sépultures familiales. Ils sont construits suivant le plan représenté sur la fig. 1 (tumulus № 8), d'après le principe de la disposition radiaire des tombes, c'est-à-dire que le rayon partant du «soleil du tumulus» (A) doit passer soit par l'axe principal de la tombe, soit par sa diagonale. L'existence de ce principe et quelques autres faits constatés ici permettent de juger du niveau des connaissances astronomiques, mathématiques et autres de l'époque. Le principe de disposition radiaire est important aussi pour l'archéologue en ce sens qu'il facilite le repérage de la tombe au cas où le tertre même a été détruit.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

КАМЕННЫЕ РЫБЫ

(К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири)

На протяжении ряда последних лет Иркутский краевой музей и Восточносибирское краеведческое общество (б. ВСОРГО) вели систематические исследования древней до-русской истории Восточносибирского края, в частности не прерывались работы и по изучению вещественных памятников неолитического периода.¹

Памятники «неолита Прибайкалья», центральной и лучше изученной в археологическом отношении части Восточносибирского края, своим богатством и очевидным разнообразием находок издавна привлекали внимание исследователей, но отсутствие планомерных раскопок (кроме произведенных Б. Э. Петри на стоянке Улан-Хада и Витковским в устье р. Китоя) еще в дореволюционное время, преобладание случайных подъемных материалов в музейных коллекциях, неизученность территории края и его отдельных районов в целом — методами сплошного обследования, обусловили значительное отставание изучения «неолита» Восточной Сибири — Прибайкалья от исследований, напр., «раннеметаллических культур» в соседнем Минусинском районе.²

¹ А. В. Попов. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет (1857—1926), 75 лет ВСОРГО, Иркутск, 1926.

Н. К. Ауэрбах. Археологические исследования в Сибири в 1927 г., Сибирские Огни, 1928, № 3.

А. П. Карнаузов. Новые исследования по истории материальной культуры в Восточной Сибири. Сообщения ГАИМК, 1932.

А. П. Окладников. Изучение древней истории в Восточносибирском крае. Советское краеведение, 1935, № 1.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, 1927, т. III, вып. 2.

Он же. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, 1929.

С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции. Ежегодник Мартыановского музея, 1928.

Он же. Тагарская культура. Труды секции археологии, РАНИОН, IV, 1928.

Раскопки в Минусинской котловине выяснили в основном хронологические взаимоотношения, общий характер и распространение различных групп памятников, были сделаны попытки разработать схему последовательных этапов «развития культуры» от «афанасьевского» времени до русского завсевания. Для Прибайкалья в этом отношении сделано было очень немного, схемы и обобщения при резком, зачастую, взаимном расхождении их авторов во мнениях и установках имели гораздо более шаткие основания и еще более условное значение.

Между тем, с общен исторической точки зрения археологическое изучение того же Минусинского степного района без ущерба для дела не могло быть оторвано от изучения таежного Прибайкалья; наличные материалы обещали весьма интересные данные не только по вопросу о связях «степной культуры» с лесной, но и о конкретном варианте общественного развития в тайге, со всеми его своеобразными чертами. Наконец, изучение отдаленного прошлого национальностей края, эвенков и бурят-монголов в первую очередь, настоятельно требовало уяснения характера вещественных памятников «неолитического типа» на ряду с более поздними как исторического источника исключительной важности.

Работы Иркутского музея и Краеведческого общества, ставившие целью ликвидацию отмеченного значительного отставания в данной области исторического изучения края и в собирании необходимого археологического материала, не были безуспешны и в полной мере подтвердили положение о богатстве таежного «Прибайкалья» остатками культуры «неолитического периода», а вместе с тем позволили установить, в качестве предпосылки для более широких исторических обобщений, характер отдельных вещественных комплексов «неолитического типа» и относительную хронологию, т. е. в конечном счете стадийное расчленение последних.

Это позволило с большей уверенностью и лучшими результатами подойти к постановке и остальных проблем, связанных с изучением неолита тайги, в частности вопросов идеологии, культа и, наконец, искусства неолитического населения Восточной Сибири.

Искусство «Сибирского неолита» давно уже было предметом научного обсуждения, а такие его шедевры, как резные изображения лосей из Базайхи, «каменные рыбы», и т. п. вещи привлекли внимание мировой науки, и вполне заслуженное, если вспомнить, напр., обстоятельство, что до настоящего времени, поразительные по экспрессивной реалистической трактовке и художественной силе образов, созданных древним художником, изображения тех же лосей, которые были предметом обсуждения на интернациональном археологическом конгрессе и другие им подобные, почти не имеют равных себе в неолитическом искусстве Восточной Европы и Прибалтики, не говоря уже о скованном схемой искусстве неолитического времени на Западе.

Новейшие неожиданные открытия изумительных образцов палеолитического искусства в Мальте затмили более скромные памятники искусства

неолитической поры, но, в то же время, своим сходством с некоторыми произведениями современного местного художественного творчества, преимущественно культового (напр., стилизованные фигурки гагар на шаманских костюмах и т. д.), выдвинули с особой силой проблему стадильной преемственности и культурного наследия, последовательного развития форм и сюжетов изобразительного искусства, для разрешения которой необходимо прежде всего выяснение особенностей и истории промежуточного звена — искусства неолитического времени.

Для постановки проблемы возникновения неолитического искусства в Восточной Сибири и его связи с искусством палеолита, с одной стороны, искусством «скифо-кимерских», как иногда выражаются, стадий и современным местным искусством — с другой, сделано еще очень мало по сравнению с задачами и возможностями, но если учесть наличный изученный материал из Европейской части СССР по неолитическому искусству, пока еще уступающий сибирскому по своему обилию, то приходится признать, что актуальность этой проблемы, обилие и ценность самого материала — художественных памятников «неолита» Сибири обязывают начать их разработку.

В данный момент нам известны, помимо бесчисленных образцов собственно орнаментального искусства (преимущественно керамика), следующие образцы самостоятельных художественных памятников сибирского неолита — круглой скульптуры и резьбы в точном смысле слова:

1. Изображения рыб из камня. Известны многочисленные случаи находок таких изделий, как мы увидим ниже.

2. Изображения антропоморфизированных фигурок рыб (Глазково).

3. Изображения птиц (Афонтова Гора — энеолитическое погребение, раскопанное т. Катковым, научным работником Красноярского музея; Чадобец — изображение птицы из камня).

4. Антропоморфное изображение птицы или человека с птичьим клювом (Базаиха, раскопки И. Г. Савенкова).

5. Изображения человека (с. Распутино на Ангаре — каменное изваяние человеческой головы, фигурки из мамонтовой кости, найденные автором в с. Братске, Качуге и Усть-Уде в числе 4 экземпляров; находки М. П. Овчинникова в Глазково — 2 костяных фигурки, глиняное изображение человека из раскопок Б. Э. Петри в бухте Песчаной на Байкале).

6. Изваяния медведя из камня на «пестах» (Братск — из с. Большеокинского на р. Оке — 2 экземпляра), связанных с так. наз. «фаллическими пестами». Костяная фигурка медведя из слоев стоянок неолитического периода на Илеме — доставлена в Иркутский музей экспедицией под начальством Я. Н. Ходукина.

7. Имеются также неопределенного назначения орнаментированные скульптурные поделки из кости и камня (возможно символические изображения животных) и т. п.

8. Костяные фигурки лосей (сохатых) — Базаиха, раскопки И. Т. Савенкова в местности «Бор».

9. Автором статьи обнаружена в Усть-Уде (на Ангаре) статуэтка животного фантастического облика с телом лося и стилизованной мордой, несколько напоминающей голову грифона.

Из этих девяти категорий наиболее обильна по количеству находок (десятки экземпляров), а вместе с тем и наиболее интересна по возможности стилистического и семантического анализа предметов искусства в связи с определенными целостными комплексами вещественных памятников неолита, — первая группа — «каменные рыбы». На опыте анализа данной группы образцов неолитической скульптуры возможно будет, по-видимому, выявить некоторые вехи в развитии неолитического искусства и констатировать его внутренние закономерности, насколько это позволяют археологический материал и сравнительные этнографические данные.

После работы Д. Анучина, однако, не было сделано попыток монографического охвата и научного описания все увеличивавшихся в числе находок каменных изображений рыб. Исследователи только мимоходом указывали на эти изделия, по установившейся традиции отмечали «каменных рыб» как наиболее своеобразную форму из всех каменных вещей, свойственных неолитической Сибирской области, или у некоторых исследователей «Ангарской культуры» (Мергарт). Не было даже опытов систематизации наличного материала и типологической классификации «каменных рыб», хотя именно они в силу многочисленности находок могли стать благодарным материалом не только для построения формально-типологических классификационных конструкций, но и для взрыва таких привычных схем, преодоления формалистического вещеведного подхода к памятникам неолита, к памятникам искусства, в особенности.

Прежде чем делать попытки общего анализа «каменных рыб» и строить широкие обобщения, необходимо выполнить некоторые предварительные работы чисто описательного и классификационного порядка, привести в известность если не весь материал — хранящийся в различных музеях Союза и вне его пределов, то по крайней мере учесть доступный для изучения в данное время.

В первую очередь требуется выполнить общее описание наиболее типичных изделий, относящихся к категории каменных изображений рыб, произвести классификацию их по внешним признакам, установить географическое распространение, связь с определенными комплексами археологических находок и на этой основе выяснить стадию, — время и условия, в которых они бытовали. Только после предварительной, еще никем не выполненной работы в чисто источниковедческом (археологическом — в применении к нашим вещественным документам) плане может быть решен вопрос о назначении и функции «каменных рыб» и с привлечением более широкого — не археологического материала обеспечено использование данных вещей, как исторического источника, для понимания жизни общества, которым они оставлены. И тогда, надо полагать, «каменные рыбы» приобретут для историка-марксиста при изучении доклассового

общества Сибири и его искусства еще большее значение, чем для формальных построений буржуазной археологии и искусствоведения.

Описание наиболее характерных находок «каменных рыб» удобнее всего начать с изученных Анучиным.

В 1879 г. на Антропологической московской выставке было впервые экспонировано Географическим обществом «весьма оригинальное изображение рыбы-налима из жировика и подобное же изображение можно было видеть в числе предметов, доставленных Восточносибирским отделом того же общества».¹

Д. Н. Анучин, в специальной, хорошо известной, статье «О некоторых своеобразных каменных изделиях из Сибири», упоминает, кроме этих двух, еще три «каменных рыбы». Одна, превосходившая по размерам две первых, отмеченных выше, «но худшей отделки» по сравнению с ними, была передана Историческому московскому музею горным инженером Лопатиным, другая происходила из Барабинской степи и была доставлена Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии. Третья каменная рыба была доставлена гр. Уварову через А. Ф. Бычкова для Исторического музея членом ВСОРО Н. Н. Агапитовым. Все эти каменные рыбы происходили из Сибири, причем в пределах Восточной Сибири должны были быть найдены экземпляры, доставленные Лопатиным, Агапитовым, Географическим обществом, ВСОРО, и только одна происходила из Барабинской степи, т. е. из Западной Сибири.

По описанию Д. Н. Анучина «рыба», доставленная Лопатиным, была наиболее крупной. В длину она достигала 36.6 см, сделана была из слюдястого сланца («глинистый сланец со слюдой»), представляя собой «удлиненное, сжатое с боков, округленное тело, одинаково суживающееся к обоим концам», она имела в середине верхнего края небольшой округленный выступ со сквозным в нем отверстием, и подобные же два выступа с отверстиями имеются на нижнем конце, расположение симметрично в одинаковом расстоянии от переднего и заднего концов.

Эти «выступы» несомненно изображают короткие толстые плавники, а отверстия служили для подвешивания и прикрепления каких-то принадлежностей к туловищу «рыбы» у самых плавников. «Поперечные зарубки», направленные слегка вкось от суженных концов рыбы, несомненно изображают «рот и жабры», «глаза» показаны неглубокими ямочками.

Д. Н. Анучин полагал, что вытянутая форма изделия, наличие «плавников» показывают сходство с рыбой, но констатировал потом, «что сходство в данном случае поверхностное, и нельзя даже отличить переднего конца от заднего, — головы от хвоста. Оба конца совершенно симметричны, и весь предмет может скорее считаться символом, чем изображением рыбы, а тем более определенной породы «рыбы». Позднейшие находки «Янусо-

¹ Д. Н. Анучин. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири. Тр. VI археол. съезда, 1886, т. I.

видных изображений» не оставляют сомнения в том, что перед нами действительно не реальное, а фантастическое или символическое изображение рыбы, — двухголовой рыбы с головами, направленными в противоположные стороны и схематически трактованными.

Барабинская каменная рыба изготовлена из белого песчаника, длиной в 25 см, слегка изогнута. Спинной короткий плавник сильно оттянут и просверлен сквозным отверстием. Такие же ушки — отверстия имеются по бокам головы у жабр и на хвосте. Рыба трактована схематически, хотя можно допустить, что имелось в виду изобразить и определенную рыбу, а именно налима. Довольно метко схвачены черты широкой и уплощенной, почти треугольной сверху морды налима, верно передан мясистый уплощенный хвост, ребристая грань которого с брюшка и со спины обозначает типичные длинные налима плавники. Стилистически барабинская рыба входит в группу изображений налима, хорошо выраженную многими находками из Прибайкалья.

«Каменные рыбы» Географического общества сделаны из жировика. Обе длиной около 23 см, с округленным телом, уплощенной и широкой головой. Одно изображение имеет 4 отверстия, два боковых — у головы, одно на спине, четвертое внизу, почти между двумя боковыми. С большим мастерством схвачена «первобытным» художником общая масса тела неуклюжей рыбы с массивным выпуклым брюхом, резко отделенным от уплощенного хвоста, и с широкой мордой. Перед нами — явный «налим» (табл. I).

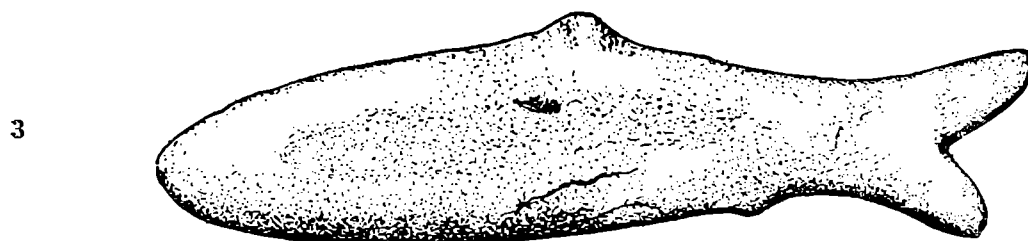
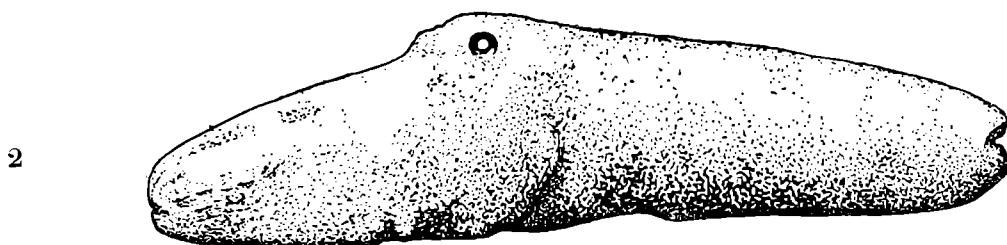
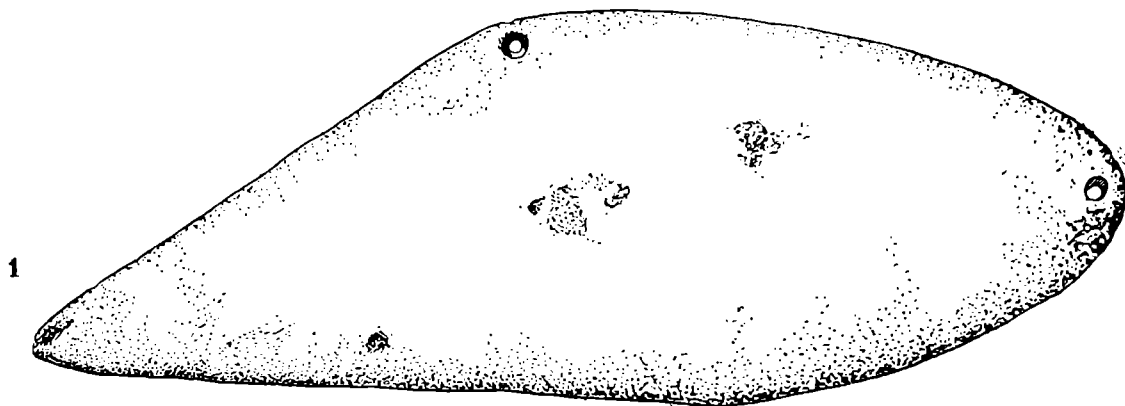
Второе изображение также реалистически передает формы налима, с несколько более подчеркнутыми деталями в ущерб общей композиции. У него резко выделены хвостовые продольные плавники, покрытые насечками-зубуринками. Отмечены ямками глаза, посаженные сверху по сторонам морды. Отверстий тоже 4, четвертое на конце хвоста (обломано).

Агапитовский экземпляр из песчаника «грязножелтоватого цвета», длиной 18 см с 4 отверстиями — двумя на нижней стороне, одним спинным и одним хвостовым. Морда рыбы на конце поперечно срезана, слабо выражена попытка оформления жабер и рта, преувеличенно четко моделирован хвост с зубчатыми длинными плавниками, на спине и с нижней стороны. Это изображение несет отпечаток значительной стилизации, но и в нем тоже отчетливо виден «налим».

Таким образом, в описанной Анучиным группе «рыб», четыре изображали налима, а пятая фантастическую, явно нереальную, двухголовую рыбу.

В 1889 г. Н. И. Витковский подробно изложил сведения, собранные им в Иркутске об условиях находки десяти каменных изображений рыб в расщелине юрского песчаника, в каменоломнях на «Верхоленской Горе».¹ Некоторые из «рыб» достигали в длину 12 верш. Все они, за исключением

¹ Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине р. Ангары. Изв. ВСОРГО, XX, 1889, № 1—2.

двух, были разбиты, и лишь одна или две попали в Московский исторический музей. Эта находка имела место «лет 15 тому назад», т. е. около 1875 года.

В 1886 г. Н. И. Витковский получил сведения о находке каменной рыбы там же на правом берегу Ангары, значительно ниже по течению, в каменоломнях А. И. Хороших. Это было изделие из талькового сланца 247 мм длины, при 61 мм толщины и 18 мм наибольшей толщины. Оба конца рыбы были оформлены в виде отдельной рыбьей головы, причем одна была в верхней части повреждена; «на нижней стороне каждой у голов находилось по 8 поперечных бороздок», напоминающих бороздки на сходном экземпляре янусовидной рыбы из коллекции Лопатина. Жаберные щели и рот обозначались бороздками, на спине имелось два сквозных отверстия, одно — в центре, другое — несколько ближе к одной из голов. Два отверстия располагались на нижней поверхности рыбы — по концам, у места соединения голов с туловищем. Изделие было отшлифовано, отчасти сохранились следы оббивки. Витковский предпринял и раскопки для выяснения условия залегания «рыбы», но смог только констатировать более точно местонахождение вещи — «в 200 саж. от берега реки в каменоломнях Хороших», где на горизонтальном выступе юрского песчаника под покровом растительного слоя около 5 верш. рабочие нашли эту каменную «рыбу».

В 1904 г. М. П. Овчинников отмечал, что им найдено из общего количества каменных рыб, хранившихся в Иркутском музее, шести штук — пять. Четыре он лично обнаружил в 1901 г. в Глазковском предместье в лёссе, одну «рыбу» — в 1902 г. (место не указано), шестой экземпляр доставил А. М. Станиловский с берега Байкала. «В трех экземплярах ясно выражены признаки широколобки, в четвертом — хайрюза и в пятом — налима, в шестом, доставленном г. Станиловским, — осетра. Все эти экземпляры имеют несколько сквозных отверстий на спине и около плавников, на брюхе, четыре из них были найдены при костяках, а остальные два отдельно».¹ Позже Овчинников писал, что в «Глазковских могильниках» им найдены каменные изображения рыб «вместе с нефритовыми топорами и другими изделиями, относящимися к концу неолитического периода», 7 экземпляров могли быть причислены к изображениям широколобки (*Cottus*). В 1902 г. «снова» им было найдено каменное изображение рыбы, на этот раз — осетра. «Все находки были переданы мной в музей ВСОРГО. Самые лучшие из них экземпляры кем-то похищены и теперь хранятся только пять».² Расхождения между первым сообщением о 5 рыбах (3 широколобки, хайрюз и налим) и последним — о 7 широколобках и одном осетре (в первом — осетра нашел Станиловский) следует отнести во втором

¹ М. П. Овчинников. Материалы для изучения памятников древности в окрестностях Иркутска. Изв. ВСОРГО, 1904 г., XXXV, № 3.

² М. П. Овчинников. Заметки по археологии (два письма к Витковскому). Сибирский архив, 1912, № 5.

случае (1912 г.) за счет ослабления памяти и дряхлости М. П. Овчинникова, писавшего заметку для «Сибирского архива» в 1912 г. — спустя десять лет после находок. Вместе с тем приходится усомниться и в точности даты «поздний неолит» и в связи каменных рыб с нефритовыми топорами и предметами поздне-неолитического погребального инвентаря, но бесспорно наличие, по крайней мере, четырех изображений рыб при костяках с неолитическим, по словам Овчинникова, инвентарем, точные данные о которых до нас, однако, не дошли.

Позднее в Иркутский музей поступили другие изображения рыб из камня. Так, под № 5254 археологического отдела значится изображение рыбы, по очертаниям близкой к осетру, сплошь покрытой, повидимому, толстой корой известкового натёка. В записи обозначено: «Берег Байкала в прибрежной гальке, сын Иннокентия Зоболоцкого (нашел). Регистрировано в 1919 г.»

В 1924 г. была зарегистрирована каменная рыба под № 1776/1, доставленная А. М. Станиловским, т. е. несомненно до 1905 г., с озера Котокель, с пашни крестьянина д. Исток К. О. Калашникова, на задворках села «на пригорке». Это типичное изделие из группы реалистических изображений налимов. Материал — черный сланец. Голова уплощена и очень широкая, хвост, как обычно, сужен, рельефно обозначены жаберные крышки, спинные и брюшные продольные плавники у хвоста, глаза изображены ямочками. По бокам у жабер 2 отверстия и одно — на спине, где начинается хвостовой плавник. Конец хвоста отломан. Изделие превосходно отшлифовано — до блеска. Длина рыбы — 18 см.

В Иркутском музее есть также обломки каменных рыб из мрамора и другого материала из разных районов края, в частности — с Лены, доставленные В. В. Поповым из окрестностей г. Киренска. Среди других ленских находок большой интерес представляет сильно стилизованное изображение каменной налимообразной рыбы, приготовленное, повидимому, из плотного мелкозернистого известняка беловатого цвета, доставленное в Иркутск из б. «Верхоленского музея» и очевидно приобретенное б. владельцем этого собрания на верхней Лене, около Верхоленска.

Изделие из Верхоленска, на первый взгляд, не имеет ничего схожего с какой-либо конкретной породой рыб: оно скорее может быть принято за «орудие неизвестного назначения» традиционных описаний наших музейных коллекций по археологии. Единственное, что прямо связывает его с каменными рыбами — наличие в спинке сквозного отверстия для подвешивания и такого же отверстия в хвосте, двух отверстий — по сторонам головы и жабер. Никаких внешних отличительных признаков рыбы, в виде обычных насечек — чешуи, плавников, жаберных щелей и т. п. не имеется. Тем не менее, очевидна прямая, но не «типологическая» связь Верхоленской рыбы с другими реалистически-трактованными «каменными рыбами», с конкретным образом именно «налима», представлявшего наиболее распространенный сюжет в неолитическом искусстве Сибири.

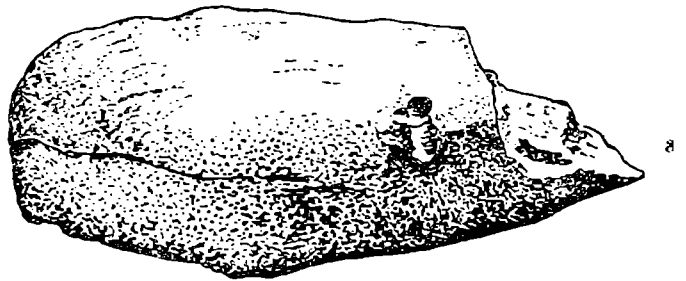
Как бы освобожденная от внешних натуралистических подробностей общая масса этой «каменной рыбы» конструктивно оформлена обобщающими плавными кривыми линиями, ей свойственны только переливающиеся мягкие очертания. При таком обобщении форм объекта с исключительной простотой и силой даны только одни типические признаки налима — уплощенная расширенная голова, толстое, отвисшее брюшко, массивный, сжатый с боков, хвост.

В «каменной рыбе» из Верхоленска мы наблюдаем, таким образом, еще на почве реалистического искусства неолита крайнее выражение тенденций к стилизованной и упрощенной передаче реального образа, сказывающихся частично и на реалистически-оформленных изделиях, описанных выше. В этом заключается особая ценность верхоленской находки для стилистического анализа памятников неолитического искусства в целом, для выяснения сложных взаимоотношений «схемы» и реального образа, условности и конкретной реалистической передачи форм изображаемого предмета.

Исключительно богатая по количеству образцов коллекция каменных рыб и обломков последних была собрана Б. Э. Петри при раскопках неолитической стоянки Улан-Хада на Байкале. В слое девятом (А-15) им была обнаружена «сломанная каменная рыба», хранящаяся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (далее см. МАЭ) под № 222—2590; в слое четвертом (В-IV-2 № 3538) «голова рыбы» и «в разрушенных слоях», т. е. на поверхности, каменные рыбы и их обломки — имеющиеся в коллекции 2225 под №№ 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, всего 13 экземпляров. По большей части сохранились только небольшие обломки изображений, чаще головы: хвосты «все оказались отломанными и утерянными». Материал — белый мрамор (ольхонский) и слюдястый песчаник, или тальковый сланец зеленовато-серого цвета. Самая крупная «рыба» имела в длину более 43 см, остальные достигают 21 см длины и меньше. Из числа изображений «рыб» со стоянки Улан-Ходы поддаются определению «сиги или омули», осетры и налимы. «Рыбы» имели отверстия в спинном плавнике, некоторые — около жабер. У одной небольшой «рыбки» (2225—55) хорошо сохранились следы отверстия в хвосте, по которому хвост и сломался.

Обломок каменной «рыбы», найденный в четвертом слое Улан-Хады (2225—3536), сохранился довольно хорошо. Материал — зеленоватый слюдястый сланец. Несомненно, что обломок является головной частью изображения налима, расколотого продольно и переломленного пополам после этого. Следует отметить, что утончающийся нижний конец изделия в изломе сильно окатан, на внешней стороне сохранились следы тщательной шлифовки. Сбоку — у жабер имеются следы прорванного отверстия, противоположная сторона обломана. Сверху изображение было гладким, с выпуклой спинкой, снизу — рельефно обозначены широкие и округлые — лопастями, жабры.

№ 2225—52 (найден на выдуве) представляет обломленную по жабрам, массивную, характерную по форме, голову налима, круто поднимающуюся вверх—к спинному плавнику, подобно сапожной колодке. По бокам головы—биконические просверленные отверстия: снизу, на плоской площадке, кривыми, сходящимися в центре у рта, желобками выражены жабры. Вместе с обломками спинного плавника сохранились следы отверстия для подвешивания «рыбы», изделие сильно выветрилось или было обкатано водой, а затем зашлифовано сыпучим песком на дюнах. В поперечном сечении имеет вид треугольника с округленными углами. Наибольшая ширина 5.5 см, длина—7.5 см, высота—5 см.

№ 2225—53 — реалистическое изображение налима с обломанным хвостом и поврежденной нижней частью (отколота часть одной жаберной крышки). Даже и на обломке четко выражена широкая морда рыбы, плавной линией оформлено выпуклое, резко суживающееся к утраченному хвосту — брюшко. Жабры намечены глубокими желобками. Особо вы-

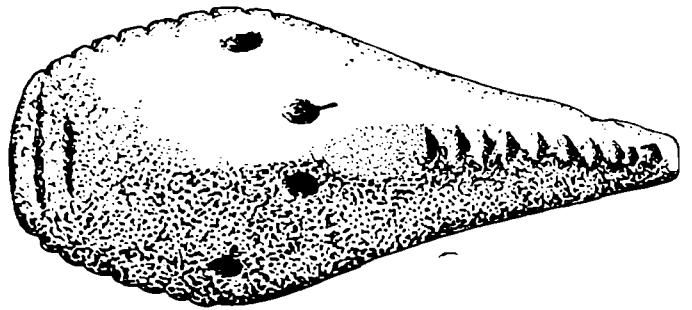

Рис. 1.

делен рот — эллипсоидной формы, узкий и слегка вытянутый, с подчеркнутыми выпуклыми губами. Такой эффект достигнут применением поперечных желобков по обеим широких сторонам морды и поперечным желобком рта. В спинной части рыбы сохранились следы спинного длинного плавника с проходящим сквозь него отверстием. Изделие было хорошо отшлифовано.

Все описанные выше изделия рыб из Улан-Хады изображают налима, при уменьшении размеров такие фигурки неотличимы от изображений бычка-широколобки — (*Cottus Baicalensis*), хорошо известных для «неолита» Сибири (рис. 1).

Вторая группа каменных рыб из Улан-Хады представлена изображениями рыб более стройных, уплощенных и остромордых. Среди них можно видеть фигурки омуля, сига и хайрюза.

Шедевром, с точки зрения законченности форм и тщательности отделки, является каменная рыба под № 2225—49. Контуры рыбы даны с предельной ясностью и крайней простотой. Одной смелой линией очерчена заостренная легкая голова — почти парабола. Плавный подъем этой линии оформляет

мягкое по очертаниям туловище. Спинной плавник, хвост с округленным вырезом и широкими лопастями, нижний брюшной плавник — завершают архитектуру фигурки. Рыба трактована стилизованно в формах скорее рельефа, чем круглой скульптуры и этим напоминает изображение из Верхоленска, показывая тем самым конкретные пути стилизации реального объекта на начальных стадиях этого процесса. Если верхоленская рыба дана в плавной ритмике наплывающих кривых единой массы, углубляющих общее впечатление массивного неуклюжего тела, то очертания рыбы из Улан-Хады подчеркивают стройность тела рыбы; не масса, и не объем, а контур и линейная схема как бы просвечивают сквозь полупрозрачный мрамор этого изделия.

Рыба № 2225—50 совершенно аналогична по форме № 49 и тех же в основном размеров; нет только отверстия в хвосте и несколько хуже полировка. Характерна, как и для № 49, такая деталь — узкие грани туловища — по контуру рыбы, стесаны и зашлифованы с двух сторон под острым углом. Экземпляр № 2225—51 тех же размеров и той же формы, но сохранился значительно хуже и сделан гораздо грубее. Отверстий нет. Очень грубо по форме и плохо сохранилось изображение рыбы № 2225 — сделанное также из мрамора, только более крупнозернистого. Отверстия оно не имеет. По длинной оси слегка изогнуто. Очертания напоминают ленка или хариуса. Длина изделия—35 см, наибольшая ширина—7.5 см.

Заслуживает быть отмеченной каменная «рыба» № 2225—55, сделанная из темного слюдястого сланца с двумя отверстиями в спинном плавнике и хвосте, с четко выраженными, как и у большинства миниатюрных рыбок, признаками налима. Здесь замечателен технический прием, которым подчеркнута наличие нижнего хвостового плавника и плоского брюшка. Начиная с головы — и до последней трети рыбки по длине часть туловища снизу продольно срезана, а последняя треть сохранена, как резко ограниченное от плоского брюшка острое хвостовое ребро. Поразительная простота этого технического приема и общее чувство формы, которым он обусловлен, являются лишним доказательством высокой ступени развития, достигнутой неолитическим мастерством, хотя бы для того времени эти изделия как предметы «искусства», и не создавались.

Особо должно быть поставлено хорошо сохранившееся изделие не из камня, а из глины под № 2225—57, в котором можно видеть обломок хвоста рыбы, в данном случае «глиняной рыбы», отличающейся от каменной не только материалом, но и богатым узором. Глина сильно обожжена, в изломе обнажились концентрические слои плотной массы со значительной примесью остроугольных обломков кварца и песчинок. Можно предполагать, что эта вещь была изготовлена из скатанной в валик глиняной пластины. К одному концу изделие уплощено и утончено, широкий конец более округлен. Замечательно, что поперечное сечение суженного конца асимметрично — верхняя спинная часть шире, нижняя — к брюшку приострена. Этим передана очень точно структура хвоста рыбы и середины туловища. Дальше, видимо, шел самый хвост. По спинному и брюшному ребрам проходят длинные массивные

плавники типа налимовых. Изображение сплошь орнаментировано продольными пунктирными линиями («гребенчатый штамп», «роликовый штамп» — Мергарта). Линии проходят по боковым широким сторонам и сходятся к суженному концу, образуя вписанные друг в друга «концентрические углы». Общая форма изделия не оставляет сомнений в том, что перед нами нижняя часть изображения налима. Должен быть отмечен редкий для Улан-Хады случай сохранения хвоста и единственный для Сибири образец изображения рыбы из глины (Б. Э. Петри не упоминает в своих работах об этой «глиняной рыбе»).

Последние «находки каменных рыб» относятся к 1930—1934 гг. В 1930 г. автором статьи было исследовано разрушенное погребение неолитического времени близ дер. Коркино на верхней Лене, между Верхоленском и Жигалово, причем к этому погребению с весьма типичным инвентарем относились две «каменные рыбы», одна — из мрамора, другая — из сланца или плотной разновидности доломита. Обе рыбы из Коркино малых размеров, схематизированы по форме, имеют отверстия по бокам головы, на спине и хвосте. Мраморная, меньших размеров, рыба покрыта орнаментальной сеткой из перекрещивающихся под косым углом прямых линий, образующих ромбики и изображающих очевидно чешую. В 1934 г. экспедицией Восточно-сибирского Краеведческого общества и Иркутского музея каменная рыба хорошо выраженного типа налима с насечками — чешуей, как у коркинской с отверстиями в спинном плавнике, хвосте и по бокам — у головы, обнаружена в хорошо сохранившемся неолитическом погребении около дер. Нижне-Середкино на р. Ангаре, выше г. Балаганска.¹

Приведенные данные, конечно, не исчерпывают всех фактов, относящихся к «каменным рыбам»: не описаны все случаи находок, все каменные рыбы хотя бы из коллекций музеев центра и сибирских музеев. Такая монографическая сводка — дело будущего. Изложенных частных примеров, однако, вполне достаточно для общей суммарной характеристики «каменных рыб» по описанным выше образцам как предметов «неолитического», согласно научной традиции, инвентаря и памятников древнего искусства.

Географическое распределение находок каменных изображений рыб таково, что наибольшее количество этих вещей падает на лучше изученные в археологическом отношении окрестности Иркутска, где собраны вообще огромные серии неолитических изделий. Кроме десяти рыб из каменоломен Верхоленской горы и одной из каменоломен Хороших, пяти бесспорных глазковских можно указать на находки каменных рыб (в том числе одной «янусовидной») в «Лисихе» (предместье Иркутска) и нек. др.²

Около трех рыб дал Байкал, одна происходит из Забайкалья (оз. Котокель). С Байкала же — вся коллекция Улан-Хады в числе 12 экземпляров. Два изображения рыб доставлены из дер. Коркино на Лене; из мест, распо-

¹ Хранится в Археологическом отделе Иркутского музея.

² Хранятся в Иркутском музее.

ложенных ниже по течению Лены — из Киренска тоже происходит целая коллекция этих изделий. Дальше по Лене распространение «каменных рыб» не прослежено, но некоторые отдельные указания на это имеются.

В собственно Приангарье наиболее замечательны находки в дер. Нижне-Середкиной, дер. Монастырь, на Чадобде.

Далее — на запад, установлено наличие каменных рыб для Минусинска (3 экз.). В Базаихе, у Красноярска — на Енисее найдена одна рыба, в Барабинской степи тоже одна, изданная Д. Н. Анучиным (см. Анучин, Мергарт).

Анучин в свое время, освещая вопрос о распространении «каменных рыб», не только подробно останавливался на сходных изделиях из Америки, но и делал на этом основании предположения о связи Старого Света с Новым.

Д. Н. Анучин указывал на «совершенно аналогичные изделия в Северной Америке и притом не только у эскимосов и чукчей . . . , но и у первобытных обитателей Калифорнии, а равно и в других частях Соединенных Штатов».¹ Поставленный Д. Н. Анучиным вопрос о сходстве «между некоторыми каменными древностями Сибири и Северной Америки» тем не менее вряд ли может быть освещен без предварительного детального разбора всех фактов, в частности условий находок наших каменных рыб, имеющих отношение к «сходным древностям» Америки и Сибири, к каменным рыбам, пестам и т. п. Для решения этого вопроса нужно в первую очередь также и выяснение условий бытования, датировки, определение функций этих, формально столь родственных древним американским, а может быть и карельским изображениям рыб, «своеобразных изделий из Сибири».

Весьма существенное значение для установления даты и объяснения роли «каменных рыб» в быту древнего населения Прибайкалья могли бы иметь точные данные об условиях находок и местонахождении этих изделий в комплексе.

Мы знаем, что они встречаются и в погребениях и на поселениях.

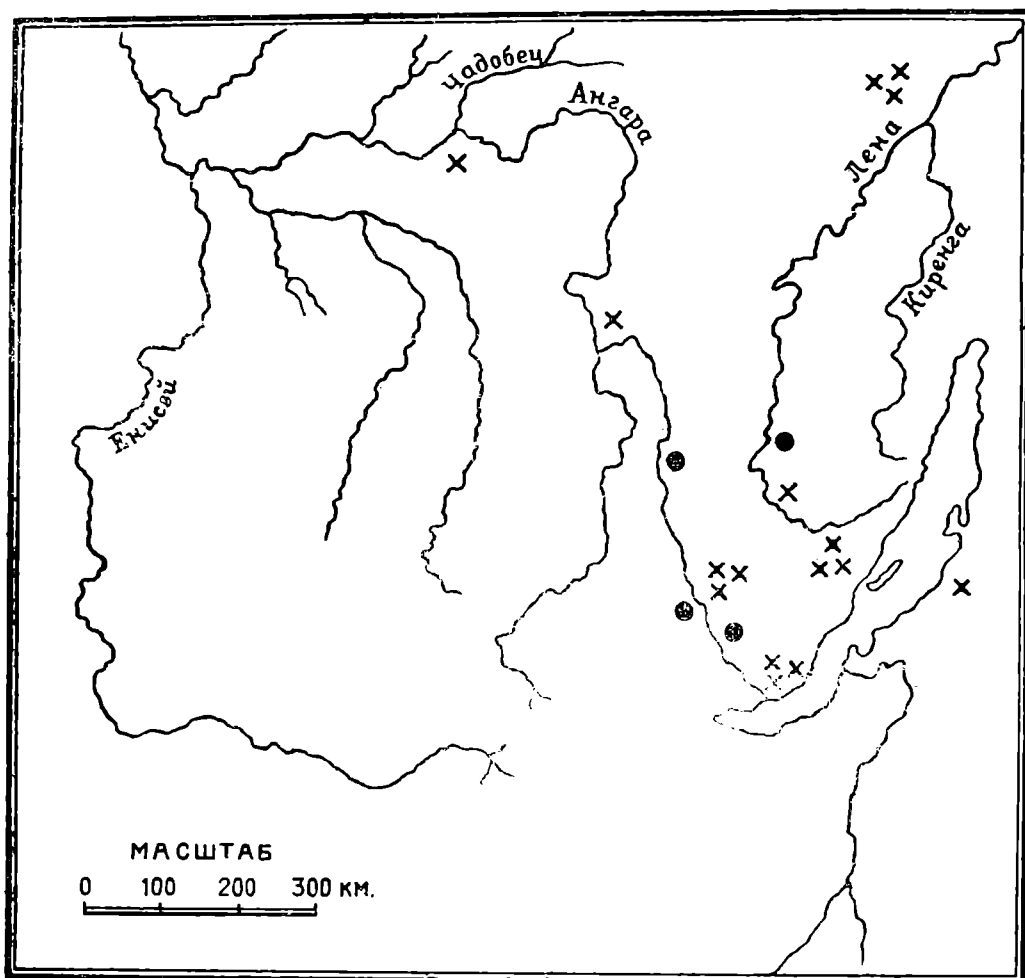
В погребениях каменные рыбы находились вместе с прочим инвентарем могилы. «Рыба» из Середкино лежала около колен, слева, вместе с рядом вещей чисто технического назначения. Встречалось по 2 экземпляра «рыб» (Коркино, Глазково).

Особый интерес представляет факт находки крупнейшей «коллекции» изображений рыб в расщелине (пещере?) «Верхоленской Горы», а в 1913 г. Б. Э. Петри получил указания бурят на обнаружение такой же коллекции в пещерке около стоянки Улан-Хада, где и оказались хорошо сохранившиеся «рыбы», теперь включенные в Байкальские коллекции МАЭ (2225). Вряд ли следует объяснять такие случаи только «собирательством» бурят-шаманистов даже и для Улан-Хады, где поразительна сохранность и тождество по форме некоторых «рыб», вышедших как-будто из одной мастерской.

Часть каменных рыб из слое в Улан-Хада окатана водой или имеет следы шлифовки дюнным сыпучим песком. При учете наличия на данной

¹ Д. Н. Анучин. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири.

стоянке только обломков «рыб» и отсутствия находок хвостов, следует предполагать такой способ их применения в быту, когда изделия часто ломались и, притом, по середине, обломки хвоста утрачивались, а «головы» бросались на площади поселения.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
 x ОДНА РЫБА x x НЕСКОЛЬКО РЫБ ● РЫБЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ

Рис. 2. Карта находок каменных рыб.

Наоборот, в находках при погребениях (в неолите Сибири вообще клали с покойником целые вещи) каменные рыбы совершенно целые, тоже самое наблюдалось и в двух случаях находок «рыб» в пещерках.

Размеры этих изображений разнообразны. По устному сообщению студ. Черемных, в дер. Монастырь на правом берегу Ангары (в 7 км от Братска) найдено два каменных изображения рыб; одно «очень похоже на осетра» и достигает почти полметра в длину. Чаще встречаются рыбы меньшего размера, около 20—25 см длины. Есть маленькие рыбы, не превышающие 5 см в длину, — такова, напр., рыба 2225—55 из Улан-Хады.

Материал — только аморфные или микро-кристаллические породы, чаще слюдястый или тальковый сланец, мрамор, реже жировик, шифер, плотный песчаник и глина. Техника изготовления не совсем ясна — можно лишь предполагать применение «точечной ретуши», оббивки, даже пиления (пилился шифер). Несомненно применение сверления, причем имеются только биконические сверлины, т. е. применялось не полое сверление, а более архаичный метод, применялось также шлифование камня. Налицо, таким образом, почти все обычные технические приемы, употреблявшиеся в «развитом неолите» для обработки камня (рис. 3).

Объекты изображения. Фигурки «каменных рыб» позволяют при всем их разнообразии и многочисленности определять с полной уверенностью для большинства таких изделий, какой именно объект был избран древним мастером из числа различных пород рыб, населяющих водоемы Сибири.

Среди «каменных «рыб», описанных в свое время Д. Анучиным, «рыбы», доставленные на антропологическую выставку Географическим обществом и ВСОРГО — в числе двух, а также четвертый — агапитовский экземпляр, с той или иной степенью уклонения в сторону схематической передачи объекта, неизменно изображали налимов. Овчинников сообщал сведения о находке каменного «налима» в Глазково. Рыбы с Котокеля и из Верхленска относятся к этой же категории. На стоянке Улан-Хада из «каменных рыб» две найденные в культурных слоях определяются как налимы (№ 2590 и 3538), так же, как и №№ 2225—52, 55, 53, 57 (последнее — глиняное изображение) и др. Последние находки в Коркино и Середкино дали изображения рыб этой же категории. Кроме того, может быть условно выделена из числа миниатюрных изображений рыб группа «широколобок» — бычок Байкала и Ангаро-Ленского района. Их отмечал Овчинников, к ним ближе всего прекрасно выполненное изображение рыбы № K156—1, хранящееся в МАЭ и поступившее туда из Горного института. Необходимо, впрочем, учитывать влияние схематизирующих тенденций и общую близость форм бычка и налима с их массивной округлой головой, суживающимся нижним концом тела и гребневидным хвостовым плавником, при которых возможен незаметный переход «налима» в «широколобку» вместе с уменьшением размера фигурки и стилизацией форм объекта.

Вторая категория «каменных рыб» представлена менее обильными находками изображений типа сига, омуля, осетра, найденными в большом относительно количестве только на стоянке Улан-Хада и около Киренска, сюда же входят две каменных осетровидных рыбы из Братска.

Третья категория изображений каменных рыб представлена двухголовыми фигурками, «янусовидным типом».

Первая такая фигурка была описана Анучиным, вторая найдена Витковским и хранится в Иркутске, третья янусовидная рыба обнаружена была в Лисихе около Иркутска в разрушенном погребении Г. М. Константиновым еще при жизни М. П. Овчинникова и сдана им также в Иркутский музей.

Ф о р м а. По форме каменные рыбы даже и в пределах одного и того же вида, напр., «налимов», отличаются большим разнообразием. Есть вполне натуралистически трактованные изображения налимов, представляющие как бы точную копию — «портретное изображение» конкретной рыбы. Но есть также «налимы», у которых на первый взгляд только общие рыбо-видные очертания, да отверстия выдают их действительный характер, — яркий пример этого — «рыба» из Верхолеска. Остальные же налимообразные изделия помещаются между этими крайними формами в порядке при-

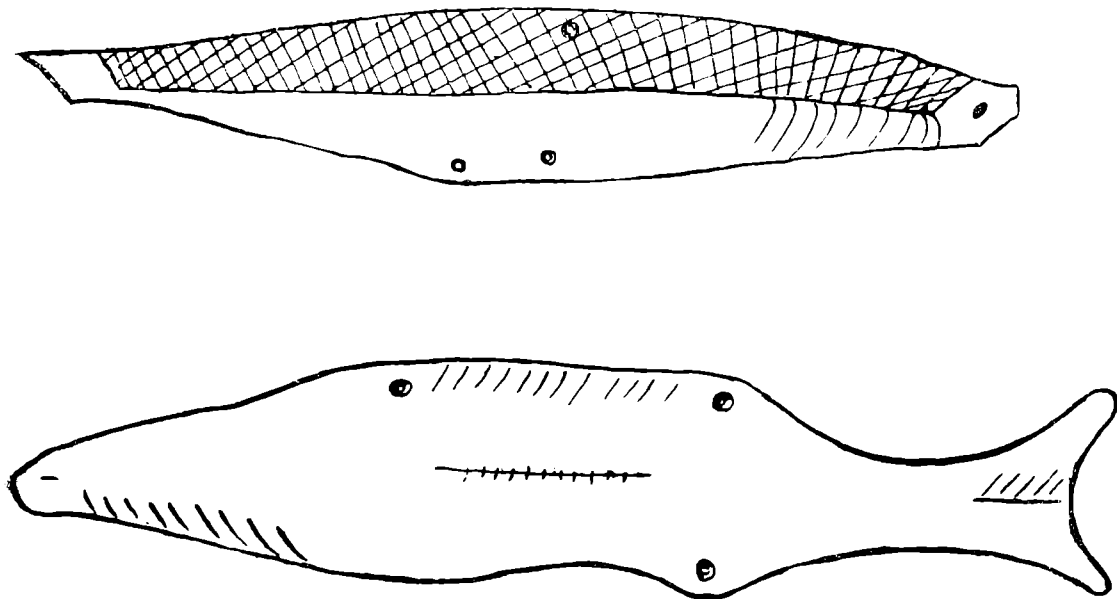

Рис. 3.

ближения к натуралистической трактовке объекта. Каменные рыбы обычно гладко отшлифованы или покрыты сплошной сеткой ромбиков из перекрещивающихся врезанных линий, на некоторых отмечены желобками или насечками жабры, рот, глаза — ямочками. Сплошь орнаментирован также обломок глиняной рыбы из Улан-Хады. Сетчатый орнамент ромбиками покрывает изображения рыб независимо от типа как «налимов», так и остальные виды. Плавники часто покрываются зубчиками. На образцах натуралистического облика детали передаются не насечками и линиями, а вместо условных контуров плавники, жабры, даже губы воспроизводятся пластически часто с поразительной живостью.

Для подавляющего большинства каменных рыб характерны сквозные отверстия в виде сходящихся к центру вершинами конусов. Эти биконические отверстия имеют на внутренних стенках кольцевидные выступы — ребрышки, следы сверления, и расположены чаще всего: 1) на спинном плавнике — в центре тяжести изделия, 2) на хвосте, 3) по обеим сторонам головы рыбы у жаберных крышек, 4) реже отверстия имеются и на нижней срединной части рыб — с брюшка.

Нередко на одном экземпляре имеются 3—4 отверстия. Анучин отметил у одной «каменной рыбы» из Восточной Сибири «на левом боку косвенную поперечную ложбинку, как бы от перетиравшей его в этом месте веревки» (это изображение рыбы — «налима» хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР под № 1554—1).

Особое внимание при анализе форм каменных рыб обращают на себя именно отверстия, располагающиеся в определенном порядке. Обязательно наличие отверстия в спинном поплавке и притом строго в центре тяжести, так что подвешенная за него «рыба» висит в нормальном горизонтальном положении — брюхом вниз. Так, видимо, они и употреблялись. Отверстие на хвосте имеется почти у всех рыб, возможно некоторые «рыбы» подвешивались и за хвост. Боковые отверстия есть у всех налимообразных фигур, снабженных, как правило, четырьмя отверстиями. У «сягов», «омулей», «хариусов» имеется чаще по одному отверстию, в спинном плавнике. Их очевидно употребляли только в горизонтальном положении, в отличие от «налимов», применявшихся быть может и обращенными головой вниз, в вертикальном положении. Братские «осетры» имеют по одному спинному отверстию — ушку, затем по два, расположенных рядом в средней части тела рыбы, на брюшной стороне. Этнографические данные позволяют, опираясь на эти наблюдения, подойти ближе и к определению функций каменных рыб не только в культовом плане, но и в чисто техническом, так как такое закономерное расположение отверстий непосредственно целями культа, по-видимому, не обусловлено.

Совершенно неприемлемо также заключение, напр., О. Менгина об употреблении каменных рыб с отверстиями в качестве подвесков на одежде, если учесть их размеры, материал и тяжесть.

При обзоре изображений рыб может быть сделан пока только один вывод, что различие размеров и форм является косвенным указанием на различное употребление и разнообразные функции таких изделий.

Стилистические особенности «каменных рыб». «Каменные рыбы», независимо от вопроса об их происхождении, даже по внешним признакам выявляются как определенная, с устойчивыми признаками общности стиля и сюжета, категория предметов древнего изобразительного искусства. Их объединяет, прежде всего, единство сюжета: изображаются рыбы, причем нам известны, как мы видели, по сюжету, две большие группы таких изображений: а) налимообразных и схожих с омулем, сигом, осетром и т. п. и б) меньшим количеством экземпляров (3) представлена третья группа — фантастических, двухголовых или «янусовидных» изображений рыб.

Всей этой категории неолитических памятников изобразительного искусства с точки зрения их формы свойственно некоторое единство стиля и, притом, стиля, имеющего реалистическую основу. Его признаки: а) тяготение к формам объемным, т. е. к двухсторонней, обычно круглой скульптуре; б) реалистически точная передача форм объекта; архитектоника изображений основана на подражании реальным соотношениям частей рыбы

хотя бы внешняя сетка деталей при этом и была опущена. Часто детали Впрочем изображаются подробно и очень точно (хвост, жабры, плавники, чешуя, глаза), посредством гравировки и скульптурно.

Выражением некоторого внутреннего противоречия этого стиля является, с одной стороны, несоответствие неподвижно-вытянутых форм изображений, данных явно в статике, общей жизненности очертаний этих реалистических фигур. С другой стороны, для ряда таких изделий характерна известная схематизация реального предмета, обычно ограничивающаяся упрощением деталей, исключением несущественных черт, но в ряде примеров оказывающая влияние и на всю архитектуру художественного изделия (Верхоленская рыба — пример стилизации налима, рыба из Улан-Хады — пример стилизации «омуля» сига). По своему стилизация сказывается на образцах «налимов» — они по форме приобретают плавные мягкие очертания, образованные симметричным нарастанием кривых линий и выпуклых поверхностей с тенденцией превращения в геометрически правильную фигуру падающей капли, или типичного грузила с утонченной круглой головкой и суженным коническим хвостом. «Осетры», «омули», «сиги», уплощаются и теряют объемность, их контуры становятся линейно-четкими, максимально упрощенными и графически острыми.

Схематизация идет таким образом одинаково по линии утраты реалистических черт, но в разных направлениях в сторону объемности в одном случае, плоскостности в другом, геометризация контуров достигается в тяготении их и к прямой и к кругу.

В связи с различными возможностями определения функций каменных рыб вряд ли может измениться существенным образом вопрос о стилистическом облике этих изделий и значении их как памятников искусства, ибо они, во-первых, входят в очень обширный круг других памятников: «искусства сибирского неолита», в массе реалистических — по стилю, и не представляют поэтому для своего времени какого-либо исключения. Во-вторых, каменные рыбы, оказавшиеся, напр., хотя бы и чисто техническими приспособлениями, фактически остаются результатами целесообразно направленной творческой деятельности древнего мастера, ставящей задачу воспроизведения реального предмета, элемента действительного мира — в данном случае рыбы или, если перед нами культовое изображение — фантастического отражения в сознании человека того или иного элемента этой же действительности. Это тем более очевидно, что вообще не существует первобытного искусства и его образцов вне связи с производственной жизнью, — будь то, напр., костюм охотника, искусно наряженного «зверем» для подкрадывания к нему, или облачение шамана, имитирующего зверя в своей шапке, увенчанной художественно-выполненными рогами лося.

При всем этом древнее искусство имеет свой путь развития и некоторую «логику» изменений стиля между двумя полюсами — реализмом и схематизмом в области формы. Наличие каменных изображений рыб как схематизированных, так и натуралистических, ставит перед нами вопрос о во-

возможности проследить закономерные переходы от одних форм к другим, т. е. взять различные формы этих «каменных рыб» сибирского неолита как звенья в общей стаднальной цепи исторического развития памятников искусства, которое в конечном счете определяется сдвигами в базисе.

Что эта возможность имеет, свидетельствуют памятники искусства более ранних стадий неолита, взятые в сравнении с более поздними, китойскими и, особенно, неолитическими.

Совершенно исключительное значение, для выяснения роли каменных рыб в неолитическом инвентаре по их функциям и с точки зрения стилистического развития этой категории памятников неолитического изобразительного искусства, приобретают условия находок, определяющие также возможность датировки каменных рыб, относимых по традиции к «неолиту» всеми исследователями.

Условия находок и датировка «каменных рыб». В 80-х годах в пользу особой древности каменных рыб в Сибири говорило только одно: «подобные изделия из камня не были замечены у сибирских инородцев в новейшее время (с XVIII в.), о них не сохранилось даже никакого предания и некоторые из них, напр., барабинский экземпляр, представляют следы весьма продолжительного лежания в земле...» Все каменные рыбы найдены были случайно и отдельно в земле, без точных сведений о местонахождении. «Одно, повидимому, не подлежит сомнению — это происхождение их из Восточной Сибири», писал Д. Н. Анучин.¹

Находки М. П. Овчинникова в Глазковском некрополе могли уже служить известным указанием на принадлежность каменных рыб к «неолиту», но инвентарь тех погребений, где найдены «рыбы», остался для нас неизвестным, кроме того, само по себе понятие «сибирского неолита» было для М. П. Овчинникова в 900-х годах крайне неопределенным.

Новым существенным вкладом в решение проблемы происхождения каменных рыб явились находки двух обломков каменных рыб *in situ* в слоях стоянки Улан-Хада — в четвертом и девятом слое, которые отнесены проф. Петри к «среднему неолиту» с шлифованными орудиями, стрелами и орнаментированной штампом керамикой.²

Оставляя в стороне недостаточно ясный, по данным Б. Э. Петри, общий вопрос о стратиграфии и последовательности развития типов каменного инвентаря Улан-Хады, с которым связаны так или иначе формы каменных рыб, подчеркнем лишь очевидную принадлежность их по времени к неолиту, вытекающую из данных Овчинникова и Петри. Некоторые итоги последних исследований неолитических погребений Прибайкалья бросают новый свет и на связь «каменных рыб» именно с неолитом, даже с памят-

¹ Д. Н. Анучин. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири.

² Общая характеристика Улан-Хады дана в ряде работ проф. Петри, в частности следует отметить следующие: а) Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада (сб. МАЭ, 1916, т. 3); б) Сибирский неолит, Иркутск, 1926.

Таблица II

никами определенных стадий таежного неолита, так как «каменные рыбы» зарегистрированы здесь безусловно в неолитическом погребальном инвентаре.

Кроме каменных рыб из Коркинского могильника выше уже отмечалась находка изображения налима в одном из погребений неолитического могильника у дер. Нижне-Середкино, в 170 км ниже г. Иркутска по правому берегу Ангары. Это погребение (№ 3) слегка выделялось на размытой глинисто-песчаной поверхности возвышенной террасы правого берега массивным скоплением камней из торцовых плит и находящихся в сочетании с ними горизонтальных плит меньшего размера (табл. II).

Исследованием кладки установлено, что она имела правильную удлиненно-овальную форму, слегка напоминающая по очертаниям лодку. Кладка была сложена из крупных, широких и длинных, но не очень толстых плит известняка, взятого из скалистого откоса террасы. Преобладали торцовые, поставленные слегка наклонно-нижними концами к центру, плиты, определявшие своим расположением общую архитектуру кладки. Вдоль погребения, справа и слева, были расположены, плотно прилегая друг к другу, торцовые плиты, причем нижние концы плит противоположных сторон упирались друг в друга по линии длинной оси кладки. На концах кладки плиты располагались тоже наклонно и веерообразно налегали одна на другую. Общая длина каменного могильного сооружения — 2,3 м, ширина, в нижней части (у ног), 4,50 см, в центре 50 см, в верхней части 90 см (здесь плиты несколько расплылись влево вследствие прогиба слоев или наличия древней рывины). Высота камней кладки над головой достигает 50 см, над ногами меньше. Кладка, очевидно, полностью выполняла могильную яму от костяка до древней поверхности, или несколько ниже последней, ее размеры и очертания соответствуют могильной яме.

Под камнями кладки обнаружен костяк мужчины, ориентированный головой на северо-восток, т. е. перпендикулярно по отношению к реке лицом к солнцу. Костяк лежал на спине, руки были прижаты к бедрам и протянуты вдоль тела. Вдоль костяка справа, от затылка и до конца ног, на протяжении 1,5 м, располагались в правильном положении во всю длину костяка остатки лука, в виде тонких костяных пластин-обкладок. Рядом с луком был видимо положен колчан со стрелами, наконечники которых и найдены против коленного сочленения справа от пластинок лука, обращенные остриями вниз. В области грудной клетки находились: кривой однолезвийный «кинжал-вкладыш», большой наконечник копья из кремня. У третьего шейного позвонка лежал нож из кремнистого сланца, полулунной формы и хорошо отшлифованный.

В полости таза лежали два небольших костяных гарпуна и резцы бобра, на левой бедренной кости обнаружено массивное долотовидное орудие из кремнистого сланца с прямыми боковыми плоскостями, в сечении четырехгранное, частично сохранившее следы оббивки. Около кистей обеих рук найдены костяные шилья и т. д. Самые интересные вещи обнаружены

были отдельным скоплением слева от костяка около голени. Здесь лежали черепки от толстостенного остродонного сосуда со следами стертых отпечатков сетки (или «плетенья», по терминологии Б. Э. Петри), костяная длинная лопаточка, роговая рукоять, изделие из слюдястого сланца сильно разрушенное, вторая рукоять из рога, небольшое шлифованное долото из кремнистого сланца со слабо выраженным желобчатым лезвием, кости черепа водяной крупной птицы (челюсть?) и, наконец, массивное изображение рыбы — налима, из шиферного сланца зеленоватого цвета. Рыба была обращена мордой вверх — к голове покойника и слегка влево, лежала на бруске. Под ней оказалось изделие из мамонтовой кости, в виде рыбообразной пластинки.

Как состав инвентаря, так и его обилие, весь обряд погребения и ориентировка покойника не оставляют сомнений в принадлежности погребения № 3 и соседних с ним в Середкинском могильнике к хорошо определенной группе памятников одного из наиболее ярких и ранних этапов развитого неолита тайги, а внутри этого этапа к так наз. стадии Б или Серовской — по самому типичному могильнику в окрестностях деревни Серово на Ангаре, ниже Усть-Уды. Характерны следующие признаки, объединяющие Середкинский могильник с остальными могильниками той же стадии:

1) обряд погребения с каменной кладкой при постоянной ориентировке на северо-восток (не по течению реки), отсутствие охры и т. п.

2) Наличие в инвентаре «кинжала-вкладыша», долотообразных полированных орудий из кремнистого сланца, остатков лука «усиленного» азиатско-арктического типа с пластинками-обкладками, листовидный кремневый наконечник копья и другие характерные изделия.

3) Своеобразная керамика со следами затертых и сглаженных отпечатков «плетенья».

4) Обилие и разнообразие вещей, сопровождающих погребенного.

Все памятники этой стадии («классического неолита» тайги, или эпохи развитого неолита обычной археологической классификации) отражают своеобразный бытовой уклад и трудовую деятельность таежных охотников и рыбаков. Поразительное совершенство кинжалов-вкладышей, наконечников копий и стрел из кости или камня и т. п. изделия, разнообразие их формы и дифференцированность типов указывают именно на охоту как на ведущее производство, разновидностью которого является рыболовство.

Характер могильного инвентаря, погребальные обычаи и находки на стоянках свидетельствуют о значительной дифференциации мужского и женского труда в производстве и больших успехах естественного разделения труда внутри матриархально-родовых групп. Материнское право, следовательно, свойственная развитому матриархальному строю первобытная демократия, равенство сородичей на основе высокого, сравнительно, уровня развития охотничьего и собирательского хозяйства, обеспечивающего древнюю общину в достаточной мере всем необходимым, косвенно

отражены не только исключительным богатством инвентаря, но и полным отсутствием «бедных» погребений.

Как нижнесередкинская, так и коркинские рыбы найдены в окружении вещей, не оставляющих никакого сомнения в их принадлежности к этому этапу, точнее к «стадии» Б развитого неолита таежной зоны Восточной Сибири. В свое время, перечисляя специфические типы каменного инвентаря развитого неолита Европы, так наз. робенгаузенского этапа Радемахера, П. П. Ефименко отмечал в качестве таких же руководящих форм для неолита северных районов территории СССР — «фигурные кремневые поделки», с которыми связаны и костяные скульптурные изделия типа волосовской утиной головки и др.¹ В стадиальную связь с ними на Западе следует поставить реалистические изображения зверей, реже человека, из янтаря, в пределах так наз. восточно-балтийской неолитической культуры.

Вопреки «теоретическим построениям» фашистской археологии, аналогичные балтийским памятники реалистического искусства в неолите выявляются не только на Западе, но и в Северной Азии, даже в Америке, совершенно независимо от «северной расы», а также и в культуре туземного аборигенного населения Сибири в силу некоторых общих закономерностей общественно-исторического процесса, обуславливающих появление всех черт инвентаря так наз. «развитого неолита», а в том числе и характерных образцов искусства у охотников и рыболовов на стадии материнского рода.

«Каменные рыбы», описанные выше, таким образом являются одной из «руководящих форм» в археологической классификации для развитого неолита Сибири.

Как руководящая форма, каменные рыбы зарегистрированы теперь *in-situ* как в могильных памятниках, так и в слоях поселений развитого (но не «позднего») неолита Восточной Сибири.

Тем больший интерес для понимания «каменных рыб» представляет вопрос об отношении «рыб» ко всему комплексу вещественных находок этих памятников, о закономерностях их существования внутри инвентаря данной стадии.

«Каменные рыбы» в инвентаре неолитических памятников Восточной Сибири. «Развитой неолит» на территории Восточной Сибири сменяется китойской, а затем и глазковской — энеолитической стадиями. В энеолитических памятниках глазковского типа одинаково как в поселениях, так и могильниках, обнаружены медные и бронзовые предметы, первые же следы употребления металла появляются, повидимому, в наиболее поздних памятниках китойской стадии.

¹ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губернии и их место в системе европейской палеоэтнологии. Русск. антропол. журн., 1916. 37—38 кн.

Памятники китойского типа в смысле развития техники, погребальных обычаев и прочих признаков непосредственно связываются, с одной стороны, с развитым неолитом, с другой — с энеолитом, занимая промежуточное положение, в качестве переходных звеньев археологической классификации. Эта последовательность смены памятников явным образом доказывает наличие местного самобытного процесса развития материальной культуры, идеологии, а следовательно и социального строя, непрерывность исторического процесса в целом в пределах неолита.

И, тем более, поразительно исчезновение «каменных рыб» инвентаре китойских, а также энеолитических памятников Восточной Сибири. На огромное количество вывлеченных в данное время китойских и энеолитических памятников неизвестно ни одной находки «каменных рыб», тогда как при несравненно меньшем числе изученных погребений стадий развитого неолита они дали уже два бесспорных и два предположительных (Асиха, Глазково) случая таких находок, не говоря уже о нижних и средних слоях стоянки Улан-Хада, датирующихся тоже «развитым неолитом».

Это обстоятельство указывает на ошибочность формально типологического подхода некоторых исследователей, сторонников культурно-исторической школы, к памятникам неолита Восточной Сибири (Менгин, Мергарт, в прошлом — Дебец и др.),¹ среди которых они выделяют типы, слагающие облик особой так наз. «ангарской культуры», или культурной провинции, в том числе, тип топора с ушками (Agtchenbeile) и наши каменные рыбы. В действительности эти два типа, как и многие другие, никогда не встречаются в одних комплексах и принадлежат различным стадиям, а «культура» Ангарской тайги в эпоху неолита не остается неизменной и претерпевает глубокие стадияльные превращения и сдвиги в технике и пр.

Это же обстоятельство дает ключ к более правильной постановке проблемы генезиса и функций «каменных рыб» — в связи с изучением всего материала памятников стадий «сибирского неолита», так как возникновение и исчезновение каменных рыб наблюдается на фоне общих стадияльных сдвигов в материальной культуре, технологии и производственно-трудовом укладе общества, а также в идеологии — искусстве, религии.

Бесспорно, что «каменные рыбы» закономерно исчезают в стадиях, сменяющих развитой неолит, сохраняя таким образом свое значение руководящей формы в инвентаре могильников и стоянок именно ранних стадий даже с формальной стороны. Но, отмечая этот факт, мы только констатируем результаты сдвига, а не его характер, и тем более не причины, т. е. ограничиваемся по существу формальным определением. И это,

¹ O. Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, 1931. G. Merhart. Neolithikum. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. XII.

конечно, с фактической стороны шаг вперед по сравнению с тем, что было известно раньше. Но, оставаясь попрежнему на почве реальных археологических данных, мы можем сделать и еще один шаг вперед дальше, подготавливая выход за пределы собственно-археологических источников, а вместе с тем и возможность более широких выводов.

Даже и как «руководящая форма» археологической классификации «каменная рыба» не может занимать у нас места абстрактно-выделенных изолированных «типов» культурно-исторической школы, находящихся в необъяснимом и ничем не обусловленном, почти мистическом, сочетании «культурных элементов» внутри изначально существующего в неизменном виде «культурного круга».

Как составная часть инвентаря конкретной стадии, «каменная рыба» неразрывно связана с многими другими вещами и может быть понята лишь в комплексе всего своего окружения, обусловленном реальными потребностями общества. Вот почему, констатировав положение «каменных рыб», в ряду изменяющихся форм вещей технического и другого назначения, характерных для сибирского неолита, и порывая в корне с построениями культурно-исторической школы в археологии, мы должны использовать и в данном случае ее орудие, — сравнительно-типологический метод и «культурный комплекс» — как некоторое выражение реального состояния вещественных остатков деятельности общества, для борьбы с выводами самой культурно-исторической школы. Само по себе соотношение вещей в «индустриальном комплексе» развитого неолита также не случайно, как и в энеолите, а потому оно вскрывает многие стороны деятельности неолитического населения Восточной Сибири, причем нужно только правильно осознать и объяснить это соотношение. Показательно уже одно то обстоятельство, что каменные рыбы появляются в условиях такого уклада, в котором рыба имеет уже известное значение. В том же, напр., Середкинском погребении были найдены кости крупных рыб, лежавшие непосредственно в черте могильной ямы, под верхними камнями в главной части кладки. Покойник был снабжен на тот свет «рыбой» — но в качестве ли обыденной пищи или с другими целями — это не может быть решено на основании данных о самом погребении.

Впрочем, следы рыболовства для стадий развитого неолита Восточной Сибири выявлены достаточно определенно и полно по данным раскопок поселений. Целый ряд известных нам «стоянок» — памятников развитого неолита — обнаруживает черты оседлых долговременных, или сезонных, но тоже длительных поселений рыбаков с мощным культурным слоем. На верхней Лене в слоях очень типичной стоянки вблизи горы «Мысогол», на правом берегу р. Лены, обнаружены удлиненные грузила с выемками по длинной оси и кости рыб вместе с костями лося. Кости рыб и грузила встречены в слоях другой верхнеленской стоянки на «Яру» около села Бирюльского. Стоянки «Кузьмиха», «Ерши» и другие на Ангаре, около Иркутска, дали помимо грузил для позднего времени обломки составных

рыболовных крючков из шифера.¹ Стоянка Улан-Хада и большинство сходных других, еще не раскопанных, были почти исключительно рыболовными поселениями в течение веков, а может быть и тысячелетий. Для первой характерно изобилие крючков, наличие грузила, каменных ножей для разделки рыбы и может быть нерпы, при полном почти отсутствии наконечников копий и относительной редкости стрел, костей животных. И не случайно, повидимому, именно здесь обнаружен целый «склад» каменных рыб, найдены обломки подобных изделий в глубинных отложениях стоянки.

Вполне естественно, отсюда, предположение о связи фигурок рыб с важной ролью рыболовства в хозяйственной жизни неолитического населения ангаро-ленских стоянок в развитом неолите.

Так, кстати, рассуждают и Менгин и Мергарт, причем вместе с Мергартом и рядом наших исследователей Менгин подчеркивает, что реалистические фигурки рыб «стоят явно в тесной связи с религиозными нуждами», а также с охотничьим и рыболовческим бытом.

Учитывая, однако, обычную поспешность выводов и легкость обобщений представителей культурно-исторической школы, следует отнестись с некоторой осторожностью к столь соблазнительно-простым и далекоидущим объяснениям, объяснениям традиционным, но тем более требующим критического отношения в освещении новых фактов.

Если вернуться от предположений к фактам, следует обратить внимание на некоторую закономерность соотношения вещей, относящихся к рыболовству в памятниках нашего развитого неолита.

В инвентаре Середкинского погребения отсутствуют рыболовные крючки. В инвентаре остальных погребений того же времени тоже нет рыболовных крючков обычного типа для неолита Сибири. В этих комплексах зато чрезвычайно богато представлен инвентарь собственно охотничьего производства — копыя, кинжалы, ножи, наконечники стрел, орудия для обработки кожи и шкур и т. п. Из собственно-рыболовных принадлежностей могут быть отмечены лишь грузила — для стоянок, причем их стратиграфия еще остается недостаточно ясной, а также гарпуны, которые могли употребляться и не только в рыбной ловле.

Наиболее древние крючки для ловли рыбы, скомбинированные из шиферного стерженька и такого же жальца, прикреплявшегося сбоку в выемке стержня на одной из его широких поверхностей, найдены на стоянке Улан-Хада. Наибольший расцвет этого вида рыболовных орудий совпадает с Китайской стадией. Так наз. каменные рыболовные амулеты, или «китайские подвески» давно расшифрованы Афанасьевым, как стержни рыболовных крючьев. Китайские крючки представляют чрезвычайно совер-

¹ Китайские «рыболовные амулеты» (т. е. каменные стерженьки рыболовных крючков, имеющие форму, обусловленную исключительно технической целесообразностью прикрепления жальца к стержню и привязывания всего крючка к лесе) были определены как части крючков еще Афанасьевым, см. «Удочки неолитической эпохи в Иркутской губернии» (Археол. изв. и зам., 1898, № 1, стр. 28).

шенную форму сложных, комбинированного типа, приспособлений из костяного жальца и каменного (жировик, шифер) стержня, с выпуклой внешней стороной и желобком на внутренней, с выступами-головками полудунного вида на обоих концах для прикрепления жальца и лесы. По сравнению с крючками из Улан-Хады китойский тип показывает дальнейшее техническое развитие этого средства лова рыбы и более высокое развитие рыболовства в целом. О значительном удельном весе рыболовства при помощи крючка свидетельствует хотя бы обилие китойских «подвесок» этого типа, т. е. крючков, в типичных погребениях китойского облика — когда покойника сопровождают десятки крючков с великолепно отделанными резными жальцами. Китойский тип, во многом сходный с комбинированными крючками палеоазиатов, эскимосов, полинезийцев и других отсталых племен, удерживается до расцвета «глазковских» памятников, где его вытесняют более прочные медные и бронзовые крючья для крупной рыбы и более мелкие крючки (табл. III).

Отсутствие рыболовного крючка в погребальном инвентаре развитого неолита, примитивность рыболовных крючков в Улан-Хаде — очевидно более поздней, чем погребения типа Середкинского могильника, и явный расцвет крючков в китойской стадии могут быть приняты за указание на какие-то сдвиги в быту, определяющие изменение роли рыболовства в хозяйственной жизни.

Для ранних стадий развитого неолита следует допустить преобладание охоты и подчиненную роль рыболовства — даже и качественно, с точки зрения организации и техники лова рыбы, представляющего не рыбную ловлю, а охоту за рыбой с помощью стрел, гарпунов, заестров (заколы) и коллективного загоня рыбы сетью, прекрасно увязывающегося с общим коммунистическим трудовым укладом материнского рода.

Появление и обилие крючков сигнализирует о смене охоты за рыбой — ловлей этой водяной дичи, а усложнение технических приемов и преобладание рыболовного инвентаря о приоритете рыболовства над охотой.

Исчезновение каменных рыб как в Китае, так и в энеолите параллельно с развитием способов рыболовства и увеличением его хозяйственной роли свидетельствует, таким образом, об очень своеобразной связи каменных рыб с рыболовством. Вопреки обычному взгляду на их прямое соотношение следует предполагать обратное соотношение, когда неразвитым способам добычи рыбы соответствует наличие каменных изображений рыб; а высокий уровень рыболовства совпадает с исчезновением таких изделий.

В связи с этим должны быть подвергнуты пересмотру и высказывания об исключительно-культовом значении рыбьих каменных фигурок, удовлетворявших якобы «религиозные нужды» неолитических охотников и рыболовов.

Если бы это было так, то остается непонятным полное, повидимому, исчезновение каменных рыб в неолитических памятниках китойской и глазковской поры, когда рыболовство поднимается до уровня основного

занятия и главного производства. Именно тогда, казалось бы, должен произойти расцвет «культы рыбы», а на деле факты свидетельствуют о совершенно другом явлении, если только механически связывать религиозные представления с той или иной степенью развития рыболовства и видеть в каменных рыбах только культовые предметы — вслед за Овчинниковым и Анучиным, Мергартом и Менгином. Ознакомление с бытовой обстановкой эпохи неолита, и комплексом неолитических находок, ее отражающих, приводит нас, следовательно, к выводу о необходимости более внимательного анализа всей совокупности фактов не только о самих «каменных рыбах», но и о способах рыбной ловли в неолите, о рыболовстве в различных стадиях неолита, как одном из важнейших способов добывания пищи. Здесь на ряду с мертвыми археологическими документами должны быть привлечены и живые этнографические свидетельства, позволяющие уверенней реконструировать имевшие место тысячелетия тому назад производственные процессы и представления, с которыми были связаны «каменные рыбы» сибирского неолита в свое время.

Разрешение вопроса об употреблении и функциональном назначении загадочных «каменных рыб», невозможное только на археологическом материале, обещает в этой более широкой постановке темы много интересного и для истории «неолитического» искусства, семантики и функций его образов, для проблемы соотношения реализма и схемы в этом искусстве; но вместе с тем требует и специального исследования, особой работы, выходящей за пределы нашей предварительной археологической публикации, оправданной уже приведением в известность нового материала, некоторой систематизацией старого, увязкой «каменных рыб» с изученными комплексами и установлением даты последних в рамках относительной хронологии.

A. OKLADNIKOV

LES POISSONS DE PIERRE

RÉSUMÉ

Les travaux archéologiques exécutés dans la Sibérie orientale et la région du lac Baïkal ont fourni entre autre des données abondantes sur le Néolithique de ce vaste territoire. Les recherches systématiques de ces dernières années ont permis d'élucider la chronologie relative du Néolithique de la taïga et ont jeté un jour nouveau sur les monuments de l'art néolithique, dont le nombre s'est considérablement accru (sculptures d'homme, d'ours, d'élan, d'oiseaux, de poissons).

Une des catégories de l'art ancien — les sculptures de poissons en pierre — est particulièrement nombreuse. Les poissons de pierre se rencontrent

en Sibérie orientale, en partie aussi en Sibérie occidentale; ils sont surtout fréquents près du lac Baïkal, à Irkoutsk. On en a trouvé dans les couches archéologiques des stations (Oulan-Khada), dans les cavernes et fentes des rochers, souvent par groupes entiers. On connaît des trouvailles dans les sépultures — à Glazkovo et Lisikha près Irkoutsk, aux villages Korkino sur la Léna et Nijnéséredkino sur l'Angara. La plupart de ces sculptures représentent la lotte; plus rares sont le chabot (*Cottus baicalensis*), l'ombre, l'esturgeon, la marène. Il y a des poissons à deux têtes — «poissons-Janus». Caractéristiques sont les orifices dans les nageoires dorsale et caudale et plus rarement près des branchies.

Au point de vue de leur style, la majorité de ces figurations, de même que les autres monuments d'art néolithique de la Sibérie orientale, se distinguent par leur réalisme. On rencontre aussi des exemples de stylisation, qualitativement différente pour les «lottes», d'une part, et les marènes et autres poissons, d'autre part. Les premières sont stylisées en formes bombées, arrondies, les seconds sont aplatis et acquièrent des contours graphiques aigus.

L'âge de ces objets découle de leur trouvaille dans les complexes d'outillage découverts dans des sépultures et des stations se rapportant au Néolithique évolué relativement ancien de la taïga. La perfection et la diversité de l'outillage de chasse du Néolithique évolué (conditionnellement — stade B) accusent le rôle énorme de la chasse et de la différenciation du travail masculin et féminin; l'absence de sépultures «pauvres» témoigne indirectement de l'existence du régime matriarcal et du caractère communiste de la production et du genre de vie. Les poissons de pierre, qui constituent la forme typique de ce stade du Néolithique de la Sibérie orientale, ne s'observent plus dans les stades suivants bien étudiés de Kitoï et Glazkovo (Énéolithique).

L'époque des poissons de pierre est caractérisée par la prédominance de la chasse et du ramassage; la pêche comme telle ne se développe et ne s'élève au rang d'occupation principale que beaucoup plus tard, lorsqu'apparaissent non seulement les harpons pour la chasse au poisson, mais aussi les hameçons combinés du type de Kitoï. Il est permis de supposer que la présence des «poissons de pierre» est en rapport inverse du développement de la pêche et qu'avec leur diversité possible de destination et de fonction, ils pouvaient avoir partiellement une importance non seulement rituelle, mais encore technique, en relation avec le caractère spécifique de la chasse et avec la technique primitive, au sens absolu du terme, de la pêche, comme l'attestent nettement les données de l'ethnographie moderne.

С. В. КИСЕЛЕВ

КУЗНЕЦОВСКИЕ КУРГАНЫ

Окрестности с. Кузнецовки, расположенного в 8 км от ст. Пушкино Сев. ж. д. вверх по р. Уче (Московская обл.), были неоднократно посещаемы археологами. В 1922 г. здесь раскапывал курган В. А. Городцов, в 1925 г. М. Н. Орлова и А. А. Байшева. Все эти раскопки были связаны с археологическим полевым практикумом студентов-археологов Московского университета и проводились под руководством В. А. Городцова. В июле 1927 г. я раскопал 10 курганов, расположенных в трех группах.¹

Первая группа с наибольшим количеством курганов расположена на правом берегу р. Учи, против южного конца с. Кузнецовки на высоте, разделенной пополам промоиной, по которой проложена дорога к «большаку», идущему из центральной части б. Дмитровского уезда через с. Чапчиково к с. Тайнинскому, г. Лосиноостровску и оттуда к Москве. Нет никаких причин предполагать, что этот путь не играл известной роли и в более отдаленные времена.

В расположении курганов нельзя было заметить какой-либо правильности. Три из них я раскопал в южной части группы и столько же в северной. Я ограничился невысокими курганами, составляющими меньшинство в первой группе, отличающейся курганами значительных размеров. Однако мой выбор позволяет дополнить те данные, которые были получены В. А. Городцовым, раскопавшим здесь в 1922 г. крупные курганы.

Все исследованные мною курганы были насыпаны из суглинки, нарытого на месте, составляющего здесь верхние слои правого берега р. Учи. Их насыпи имели круглую, «полусферную» форму и следующие размеры:

	К № 1	К № 2	К № 3	К № 4	К № 5	К № 6
Высота насыпи (м)	1	0.85	0.75	1	0.85	1
Диаметр насыпи (м)	6.5	7.5	6.25	6.5	7	6.5

¹ В раскопках мне помогла В. В. Киселева.

Все курганы были окружены ясно видимыми ровиками, имевшими к моменту раскопок в ширину до 1.25 м и в глубину до 0.7 м. Все ровики имели перемычки — № 1 на северо-восток и юго-восток, № 2 на юго-восток и северо-запад, № 3 на север, юг и восток, № 4 на северо-восток и юго-запад, № 5 на запад, № 6 на юго-запад, юго-восток и северо-восток.

Ровик кургана № 2 я разрезал двумя траншеями. Разрез первой, поперечной траншеи, показал, что первоначально ровик имел трапециевидный поперечный профиль. Глубина его в месте разреза была 0.75 м, ширина по дну 0.65 м, поверху 1.12 м. Вторая траншея разрезала поперек юго-восточную перемычку. Профиль траншеи показал, что последняя имела в высоту (от дна ровика) 0.7 м, в ширину же достигала поверху 0.6 м, в основании 1.05 м. В длину (ширина по верху ровика в данном месте) перемычка имела 1.12 м.

При раскопке всех шести насыпей с 0.15 до 0.25 м и до горизонта попадались отдельные угольки. После снятия насыпи под курганами № 2, 5 и 6 не было обнаружено никаких остатков погребений.

В курганах № 1 и 3 погребения были открыты на горизонте, под центральной частью насыпи.

В кургане № 1 был найден костяк взрослого мужчины, лежавшего головой на запад, вытянуто, на спине, с руками, согнутыми в локте, кистями на груди. При костяке ничего не было найдено.

В кургане № 3 был открыт костяк взрослой женщины, лежавшей головой на запад (отклонение к югу на 10°) вытянуто, на спине, с руками, согнутыми в локте, кистями на груди. Все кости были очень плохой сохранности. На груди был найден витой медный спиральный браслет (рис. 1) и медное перстнеобразное, «загнутоконечное» височное кольцо (рис. 2). У левого колена оказалась медная привеска в виде петушка (рис. 3). Браслет в известных мне курганных коллекциях не имеет аналогий. Височные кольца, аналогичные найденному, широко распространены среди славянских инвентарей, причем было замечено, что у западных славян они встречаются чаще, чем у восточных.¹ Петушок не имеет себе точной аналогии среди многочисленных фигурных привесок славянских курганов и финских могильников, но наиболее близким к нему можно считать привеску из Котловского могильника на Каме (X—XII вв.), раскопанного Нефедовым.² Несколько далее отстоит привеска, найденная Н. Бранденбургом в Приладожье³ и Нефедовым в Костромском районе, Ивано-Промышленной области (б. Костромской губ.).⁴

В кургане № 4 погребальный обряд был иным. С горизонта под центральной частью насыпи открылась заполненная землей четырехугольная яма длиной 2.15 м, шириной 0.65 м и глубиной 0.60 м. Яма в длину ориенти-

¹ А. В. Ардиховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 62.

² Материалы по археологии восточных губерний, № 3, табл. XII, рис. 5.

³ Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, табл. III, рис. 1.

⁴ Матер. по археол. вост. губ., № 3, табл. 4, рис. 3.

рована с запада на восток с отклонением к юго-западу и северо-востоку на 20° . На дне ямы был открыт костяк взрослого мужчины, головой к западу, вытянуто, на спине, с руками, согнутыми в локте, кистями на груди. Никаких вещей при костяке найдено не было.

Следующие три кургана (№ 7, 8 и 9) были раскопаны во второй курганной группе, расположенной также на высоте правобережья р. Учи, но несколько ниже, чем первые, против северного конца с. Кузнецовки.

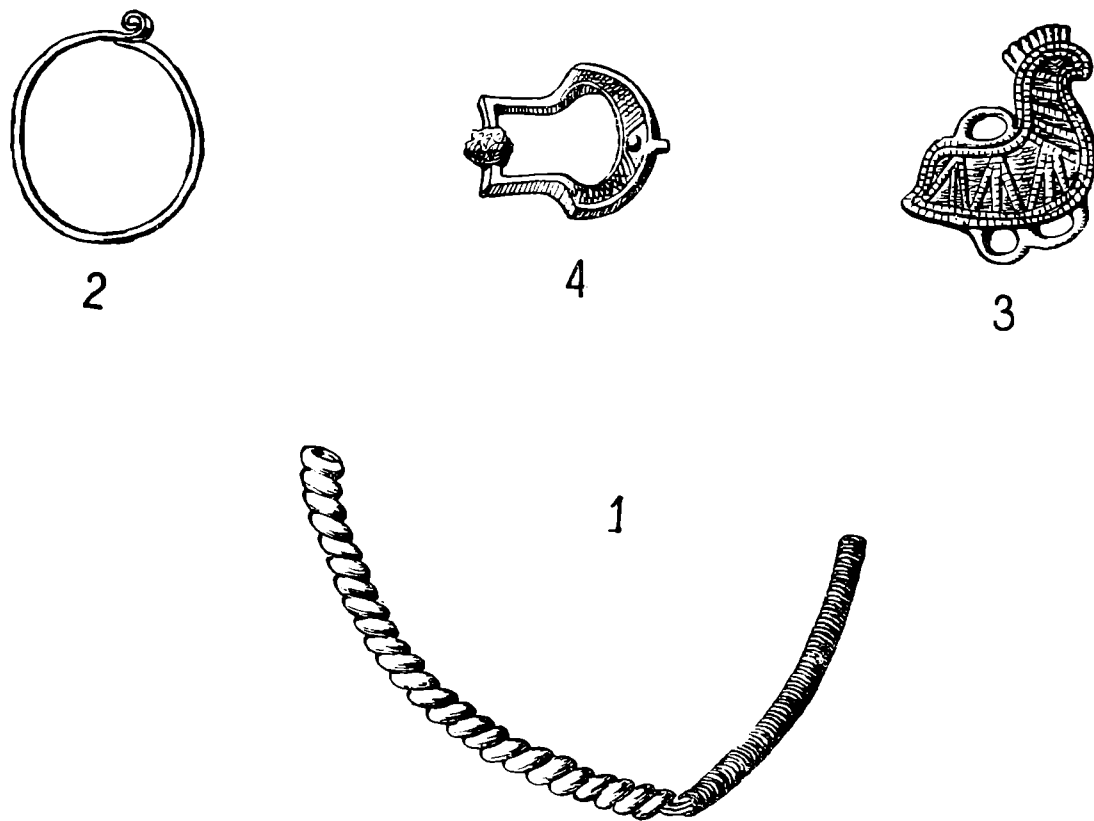

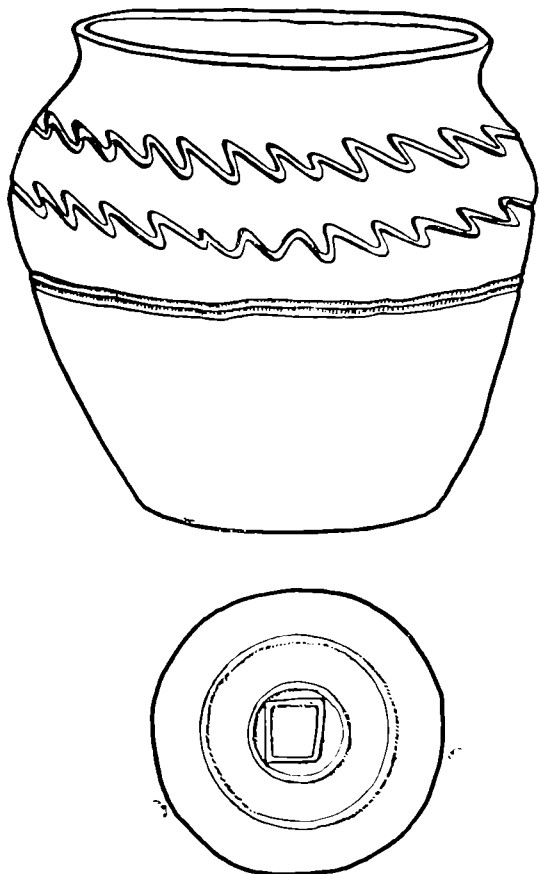
Рис. 1. Браслет (кург. 3). Рис. 2. Височное кольцо (кург. 3). Рис. 3. Привеска (кург. 3).
Рис. 4. Медная пряжка (кург. 7).

Как раскопанные мною, так и исследованные ранее в 1925 г. М. Н. Орловой другие пять курганов отличаются небольшими размерами. В этом отношении отличен лишь один из трех оставшихся в этой группе неисследованными курганов, достигающий 2 м в высоту. Расположены курганы без всякого порядка.

Все курганы насыпаны из нарытого на месте песка, составляющего поверхностный слой берега. Их насыпи имели округлую «полусферную» форму и следующие размеры:

	К № 7	К № 8	К № 9
Высота насыпи (м)	0.5	0.75	1
Диаметр насыпи (м)	6.5	6	9.5

Все три кургана были окружены ровиками, имевшими к моменту раскопок в ширину до 0.9 м и в глубину до 0.55 м. Ровики имели перемычки — № 7 на восток-северо-восток, запад-юго-запад, юг-юго-восток, север-северо-запад, № 8 на северо-восток, северо-запад и юг-юго-запад, № 9 на северо-запад, юго-восток и юго-запад.

5

Рис. 5. Глиняный горшок с клеймом (кург. 7).

в мужских погребениях как западных, так и восточных славян. Что же касается сосуда, то по своей выработке, технике и орнаментации он, если и относится к так наз. третьему стилю славянской керамики К. Штрауса (XI—XIII вв.), все же еще сохраняет на себе черты, характерные для второго стиля (X—XI вв.) — обращает на себя внимание небрежность профилировки особенно нижней части (во втором стиле делавшейся от руки) и резко обрванный край, лишь немного отогнутый вовне. Линейный орнамент также весьма несовершенен.¹ Все это заставляет предполагать формовку горшка не на быстро вращающемся круге, однако уже имевшем на своей подкладной

При раскопке насыпей всюду с глубины 0.25 м попадались отдельные угольки.

В этой группе менее всего удачным оказался курган № 9, под насыпью которого следов погребения найдено не было. В курганах № 7 и 8 погребения были открыты на горизонте, под центральной частью насыпи.

В кургане № 7 был найден костяк пожилого мужчины, лежавшего головой на запад, вытянуто, на спине, с руками, согнутыми в локте, кистями на груди.

При костяке найдены: над тазом медная пряжка — лировидная с железным запором (рис. 4), в ногах — горшок из серой глины, сделанный на гончарном круге, с волнисто-линейным орнаментом по стенкам и клеймом на дне в виде двух concentрических кругов и вписанного неправильного четырехугольника (рис. 5).

Подобные нашей лировидные пряжки самая обычная находка

¹ К. Strauss. Studien zur mittelalterlichen Keramik. Mannus-Bibliothek, Leipzig, 1923, № 30, S. 39. Abb. 3.

доске вырезанное клеймо, что характерно для III стиля. Возможно, что такое совмещение признаков обоих стилей не случайно, но говорит за время бытования нашего горшка, более близкое к XI в., чем к XIII в.

В кургане № 8 был открыт костяк взрослой женщины, лежавшей головой на запад, вытянуто, на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела.

При ней найдено: у головы, у каждого виска, по три медных проволочных браслетообразных «завязанных» височных кольца (рис. 6). Под кольцами сохранились остатки каштановых волос и луб. На шее «биллоновая» пластинчатая гривна, украшенная тонким чеканным узором и выпуклостями (рис. 7). Под нею остатки луба. В ногах стоял горшок из серой глины, сделанный на гончарном круге с «раскрытым» венчиком, украшенный по стенкам линейным орнаментом. На его дне оказалось рельефное клеймо в виде римской цифры X. На дне также остались песчинки гончарной подсыпки и отпечатался (бортик по краям) формочный кружок гончарного круга (рис. 8). Горшок этот типичный

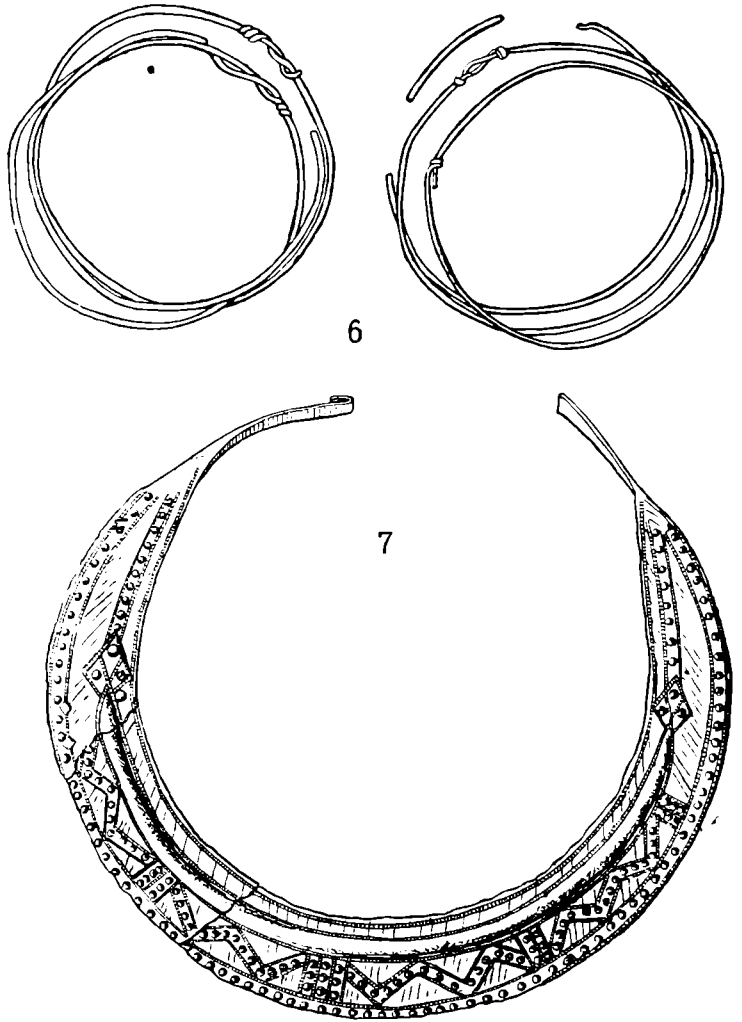

Рис. 6. Височные кольца (кург. 8).

Рис. 7. Гривна (кург. 8).

представитель славянской керамики III стиля (XI—XIII вв.). Что касается гривны, то мне неизвестны ей подобные. Общий же ее облик заставляет вспомнить скорее финские нагрудные украшения.

Височные кольца браслетообразные «завязанные» являются классическим типом кривических височных колец. Этот тип «одинаково част, — пишет А. В. Арциховский, — у кривичей витебских, смоленских, тверских, ярославских, владимирских, московских. В некотором количестве эти кольца проникали к муромским финнам и в византийский Херсонес. В Историческом музее они имеются в огромном количестве с разных концов кривической

земли. Среди древностей вятическо-кривической границы они опубликованы П. И. Булычевым и А. П. Богдановым».¹

Последний, десятый курган раскопан уже в третьей Кузнецовской группе, расположенной в 0.25 км от правого берега р. Учи, сзади второй группы, между дорогами из с. Кузнецовки в с. Немчиновку и «большаком». Как раскопанный мною, так и исследованные в 1925 г. А. А. Баишевой

другие 5 курганов отличаются небольшими размерами. Их значительно превышают оставшиеся в группе два нераскопанных кургана, достигающие 2 м высоты.

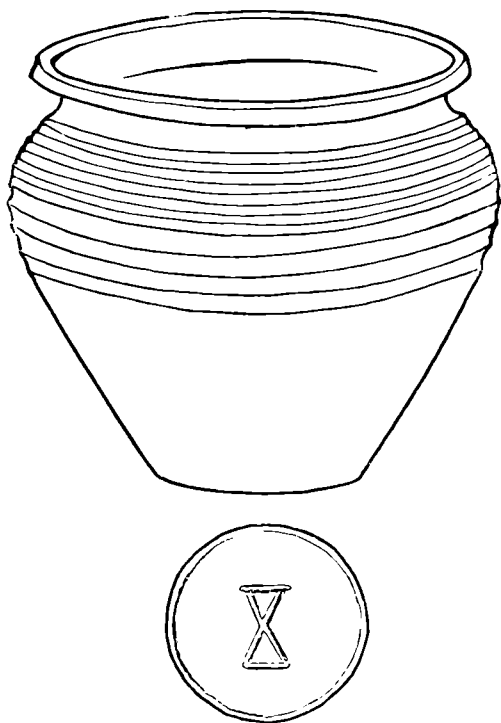
Курган № 10 был насыпан из суглинка, составляющего здесь верхний слой грунта. Насыпь его была округлой «полусферной» и имела в высоту 1.15 м и в диаметре 7 м. Курган окружал ровик с перемычкой на юге. Этот ровик также был разрезан специальной поперечной траншеей и было выяснено, что первоначально он имел трапециевидный профиль. Глубина его в месте разреза равнялась 0.8 м, ширина по дну 0.75 м,верху 1 м.

При снятии насыпи с глубины 0.25 м попадались отдельные угли.

Под центральной частью насыпи, на горизонте были открыты следы погребения в виде темного пятна — тлена костей. Судя по форме этого пятна, похороненный лежал вытянуто по линии запад-восток. Никаких находок здесь

сделано не было.

Таковы были добытые нами материалы. Несмотря на более чем скромное их количество, они указывают на то, что верховья р. Учи, по которой еще у Пушкина встречены вятические курганы (раскопки Е. А. Байбуртяна), были уже не вятическими, а кривическими. Последнее можно утверждать с полной определенностью, тем более, что этому выводу не противоречат ни инвентари из кузнецовских курганов, раскопанных В. А. Городцовым, М. Н. Орловой и А. А. Баишевой, до сих пор к сожалению не опубликованные, ни материалы из раскопок в соседних местностях на верхней Уче, произведенных А. П. Богдановым.²

8

Рис. 8. Глиняный горшок с клеймом (кург. 8).

¹ А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 60.

² А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ. Изв. Общ. люб. естествозн., т. IV, вып. 1, М., 1867.

О времени сооружения наших курганов можно сказать следующее. То обстоятельство, что покойники положены в большинстве случаев на горизонте, еще не позволяет говорить о более ранней дате. Но к этому можно присоединить еще некоторые обстоятельства. Прежде всего наличие архаических черт в керамике (горшок кургана № 7), затем особенность привески — петушка, скорее XII, чем XIII вв., большую характерность браслетообразных «завязанных» височных колец для XI—XII вв., чем для XII—XIII вв. Наконец, нельзя пройти мимо открытого в одной группе с нашими 7, 8 и 9 курганами М. Н. Орловой в 1925 г. кургана с трупосожжением, являющимся архаизирующим признаком.

До издания всех материалов из Кузнецовки, которым должны заняться копавшие там археологи, я ограничусь лишь этими наблюдениями о времени. Они заставляют сейчас приурочивать мои кузнецовские курганы к кривической стороне вятическо-кривического северного рубежа и считать их более близкими к первой половине периода XI—XIII вв.

S. KISELEV

LES TUMULI DE KOUZNETSOVKA

RÉSUMÉ

L'auteur a exploré 10 tumuli près le village de Kouznetsovka sur la rivière Outcha, au N de Moscou. Les squelettes qu'il a découvert étaient couchés soit à la surface du sol, soit dans des fosses, dans la position allongée, a tête à l'occident, ceux des hommes avec des accessoires fort modestes, ceux des femmes avec des objets de parure en cuivre et en billon, dont une pièce unique — un collier (fig. 7) orné d'un élégant dessin ciselé.

L'auteur établit que ces sépultures sont situées à la limite entre les tribus vieux-slaves des Krivitchi et des Viatitchi et appartiennent aux premiers; elles datent du XI—XII-e siècle.

Н. А. ПРОКОШЕВ

КАМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1935 г.

(Предварительные заметки)

Археологические работы, связанные с постройкой Пермской плотины и гидростанции, ведутся Государственной Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра уже с 1932 г. Гигантские строительные работы близ устья р. Чусовой, у пос. Левшино (в 16 км от Перми, вверх по Каме на левом ее берегу), грозят уничтожением и порчей большому числу памятников на громадном протяжении реки от строительной площадки до Березников и вверх по притокам: Чусовой, Иньве и др. Это обстоятельство побудило проектирующие и строительные организации (Гидростройпроект, Камгэсстрой) войти в контакт с Гос. Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и заключить договор о соответствующих работах. Не останавливаясь на результатах экспедиций прошлых лет (1932—1934 гг.), частично уже опубликованных, перейду к характеристике работ 1935 г.¹ Так же, как и в предыдущие годы, основные раскопочные работы были сосредоточены вблизи строительной площадки, т. е. в районе устья Чусовой. Основными памятниками этого района являются неолитические стоянки, известные здесь в числе уже более десяти (рис. 1). Очередность работ именно в районе устья Чусовой обусловлена тем, что район, прилегающий к строительной площадке, подвергнется непосредственному воздействию строительства, еще задолго до затопления. Неолит Пермского Прикамья оставался до сих пор почти неизвестным. Левшинская стоянка, открытая и копанная в свое время А. В. Шмидтом, остается до сих пор неопубликованной, а кроме нее было известно лишь несколько отдельных случайных находок, относящихся к этому времени, опубликованных в местных старых краеведческих журналах.² В 1935 г. продолжались раскопки открытой предыдущим летом неолитической стоянки

¹ См. А. В. Шмидт и Н. А. Прокошев. Работы в районе строительства Пермской гидроэлектростанции. ИГАНМК, вып. 109, стр. 166—187, 1935.

² Ф. Теплоухов. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губ., ТПУАК, вып. 1, 1892.

на оз. Грязном, близ строительной площадки. Здесь было вскрыто 530 кв. м, всего же на этом памятнике раскопано 730 кв. м. Как показали пробные раскопы, расположенные по периферии от центра стоянки, вся площадь памятника составляет не более 2000 кв. м. Слой же, более насыщенный культурными остатками, т. е. центральная часть памятника, — на площади не более 1200—1500 кв. м. Неолитическое поселение (правда, не очень большое) было вскрыто почти целиком. Единовременное вскрытие большой площади, несмотря на неблагоприятную картину песчаных, легко растаптываемых и обесцвеченных наслоений, позволило раскрыть целый неолитический поселок, состоящий из ряда крупных, слегка углубленных (на 0.60—0.90 м) в землю своими основаниями жилищ-полуземлянок. Жилища, в форме прямоугольника, размером 50—60 кв. м, были соединены между собой переходами в виде узких, шириной до 1 м, коридоров. Каждое жилище снабжено двумя очагами; один очаг, простой открытой формы (кострище), располагался ближе к западной части жилища, служа, видимо, главным образом, для обогревательных целей. Основной очаг, седловидно углубленный в песок, располагался ближе ко входу. В этих очагах было много находок керамики, кальцинированных косточек, кремневых орудий и угольков (рис. 2 и 3). Оба очага в жилищах выделялись своим красным от обжига подстилающим слоем песка. В двух жилищах, благодаря несколько более благоприятной стратиграфии нижних подстилающих слоев, удалось обнаружить следы от столбов, что позволит, при проработке всех данных, представить в чертеже конструкцию и внешний вид постройки. Всего открыто четыре жилища. Одно — в 1934 г. и три в 1935 г. Судя по остающейся части стоянки, можно предположить, что еще нераскопанными остаются два жилища. Так это, или нет, покажет дальнейшее продолжение работ. Открытие и исследование такого замечательного памятника эпохи материнского рода позволяет с несомненностью говорить о ряде сторон развития родового общества в Прикамье.

В 1935 г. продолжалось весьма детальное обследование района устья Чусовой на протяжении 20 км вверх и вниз по Каме. Археологическая карта района значительно обогатилась (рис. 4). Это обследование вскрыло еще несколько неолитических памятников. На оз. Грязном, кроме раскопываемой у хут. Астраханцева (см. выше) стоянки и кроме пункта у Рр. 154, была открыта еще одна неолитическая стоянка, на 200 м севернее хутора.

Керамика и кремневые орудия, в частности — наконечники стрел и скребки на пластинках, говорят, что здесь перед нами памятник, по своей дате стоящий между Левшинской стоянкой и стоянкой у оз. Грязного (хут. Астраханцева). Этот памятник должен быть раскопан. Далее была открыта неолитическая стоянка у д. Усть-Чусовая, возможно, та, на которой в 1879 г. произвел сборы Кротов.¹

¹ См. Известия Казанского университета, т. III.

На стратиграфии этого памятника будет возможно окончательно решить вопрос о времени соседней стоянки на поле Гладком, близ д. Подстрелки (Подгалина), и решить вопрос о причине отсутствия керамики на этой стоянке. Вряд ли мы имеем дело с древнейшим памятником края,

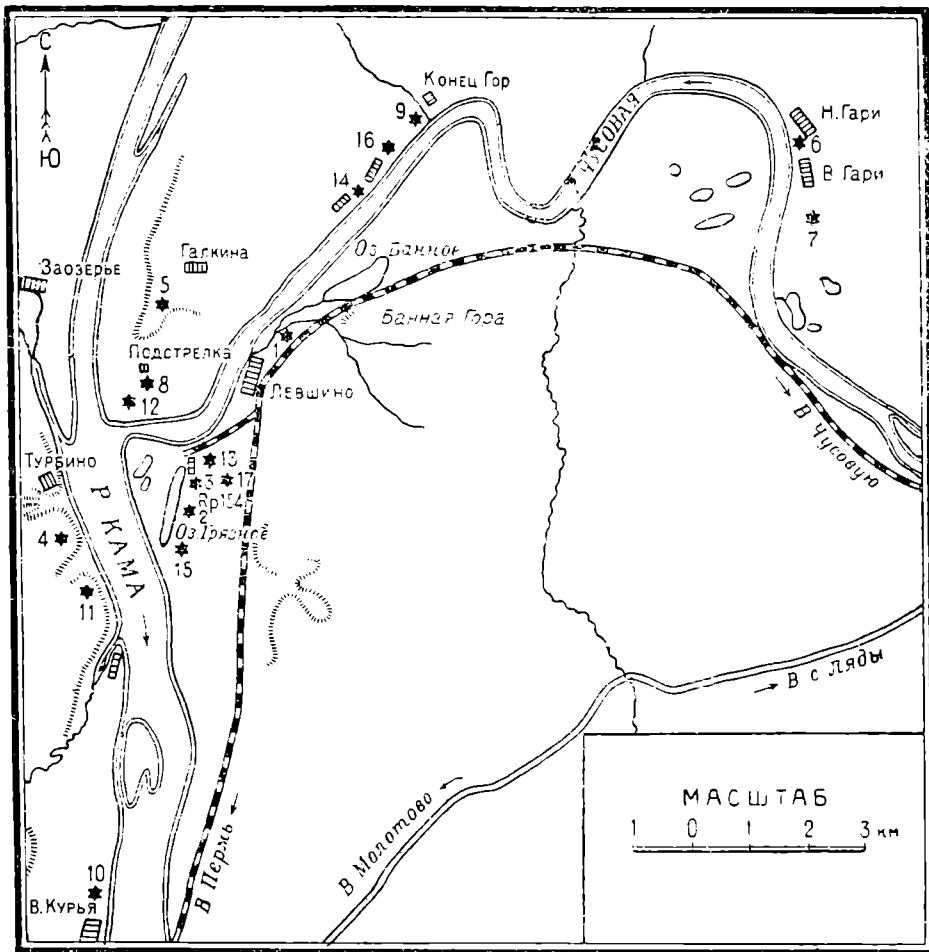

Рис. 1. Археологическая карта памятников района устья р. Чусовой. 1. Левшинская стоянка. 2. Стоянка у Рр 154. 3. Стоянка у хут. Астраханцева на оз. Грязном. 7. Стоянка у д. В. Гари. 8. Стоянка на Гладком у д. Подстрелки-Подгалкиной. 10. Стоянки у пос. В. Курья. 11. Стоянка у Гремячего ручья. 12. Стоянка у д. Усть-Чусовой. 13. Стоянка севернее хут. Астраханцева. 16. Стоянка на дюне у В. Адлщевой. 4. Турбинский могильник—селище. 5. Гапкинское городище. 6. Селище у д. Н. Гари. 9. Селище у д. Конеч-Гор. 14. Селище у д. Н. Адлщевой. 15. Селище у ю. конца оз. Грязного. 17. Селище к СВ от оз. Грязного.

как это предполагалось А. В. Шмидтом. Скорее всего, здесь повинна стратиграфия. Почвенные условия не сохранили нам керамику. Незначительная высота этих двух стоянок над уровнем р. Камы говорит, что они затапливаются большими половодьями, как в 1914 г., а это может указывать на одну из возможных причин отсутствия керамики. М. В. Талицким произведен дополнительный осмотр и снят план с открытой предыдущим летом неолитической стоянки у д. В. Гари на правом берегу р. Чусовой, в 12 км

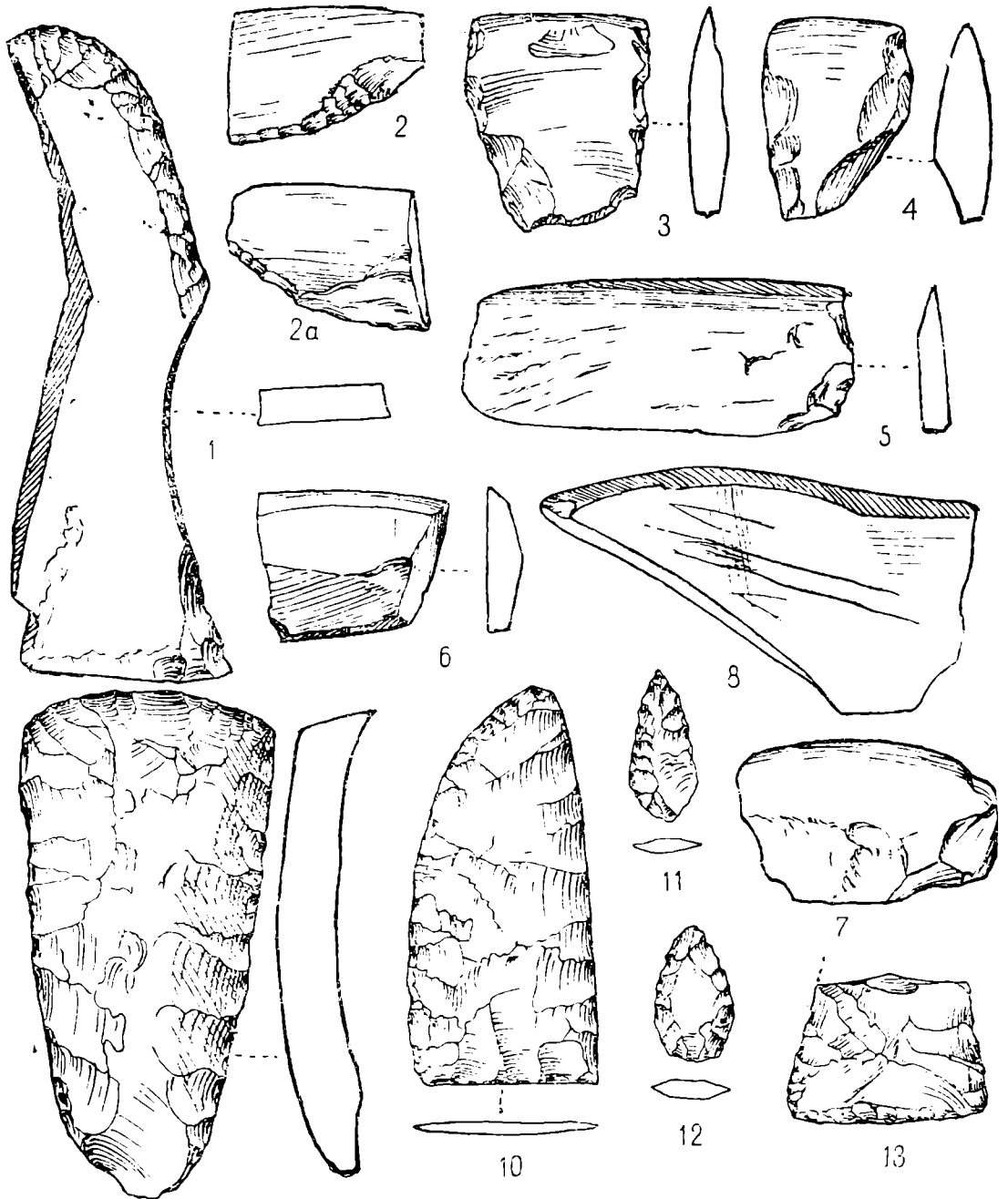

Рис. 2. Каменные орудия.

1—8—хут. Астраханцева; 9—10—Турбино; 11—13—Верхняя Курья. 1—кремневый плитчатый нож; 2—7—мелкие сланцевые шлифованные орудия; 8—точилка для игл; 9—кремневый скребок; 10—кремневый концевой вкладыш ножа; 11—13—кремневые наконечники стрел.

от ее устья. Все открытые и исследованные экспедициями 1932—1934 гг. стоянки отличаются одной общей закономерностью в их топографии. Они расположены близ пойменных озер, являющихся старицами реки. Торфяные болотца близ стоянок Левшинской и Подгалкинской также говорят за то, что эти памятники располагались не по берегам открытых рек, а близ

закрытых или полужакрытых водных бассейнов, — по берегам пойменных озер.

Значительный интерес представило открытие в 1935 г. стоянок у пос. Верхней Курьи и у ручья Гремячего. Близ поселка В. Курьи, расположенного на правом берегу Камы против г. Молотова, в нескольких километрах вверх от г. Перми, тянется по берегу реки ряд песчаных дюнообразных

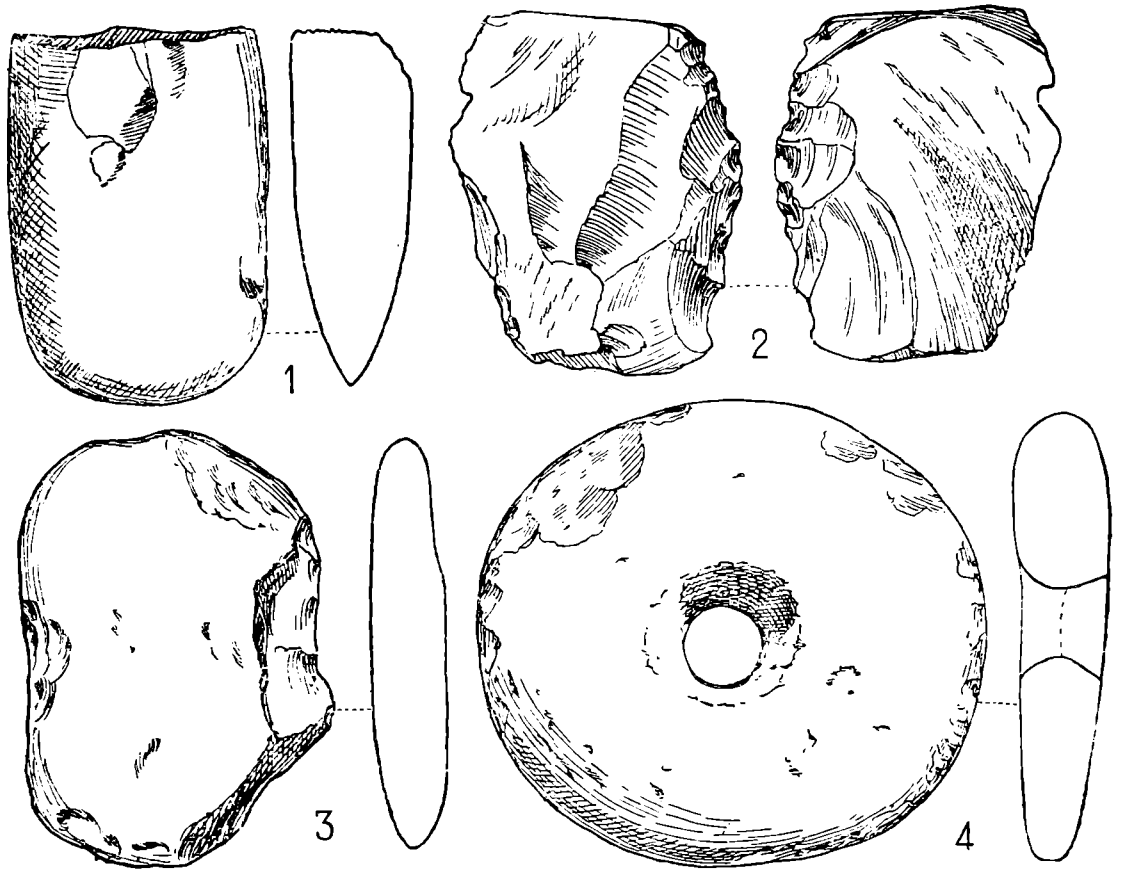

Рис. 3. Каменные орудия.

1—3—хут. Астраханцева; 4—Гремячий ручей. 1—каменный полированный топор; 2—эбош сланцевого орудия; 3—4—грузила (1/2 в. в.).

всхолмлений. Недалеко от паровой пристани, в двух пунктах песчанистого берега р. Камы, по краю террасы были зарегистрированы находки осколков кремня и кремневых орудий. Поставленные подробные раскопки показали, однако, что культурный слой здесь не сохранился. Стоянки подверглись развеиванию и окончательно повреждены поздним (XIX в.?) культурным слоем (рис. 4). Фрагментарность материала и отсутствие керамики не позволяют судить о дате этих двух, плохо сохранившихся, памятников. Обломки двух кремневых наконечников стрел, найденных у пункта близ дома № 7, по форме и материалу весьма напоминают наконечники Турбинского могильника, что весьма интересно, так как указывает на поселение времени могильника. Миниатюрные кремневые наконечники, найденные

в пункте ближе к клубу, могут говорить о времени, укладываемом в дату стоянки у хут. Астраханцева на оз. Грязном. Факт отсутствия керамики говорит, скорее всего, что она была, но не сохранилась из-за переивания слоя. Эти два пункта у пос. В. Курьи интересны, в основном, тем, что они расположены на современном берегу реки, а не на берегу озера или старицы. В этом же отношении интересна стоянка на устье Гремячего ручья, открытая также в 1935 г.

Стоянка у Гремячего ручья

В виду значительного интереса, который представляет памятник, на его характеристике остановимся несколько подробнее.

Стоянка была обнаружена летом 1935 г., во время обследования мною и М. В. Талицким местности к югу от оз. Грязного, на левом берегу Камы и урочищ близ д. Гайвы и близ кордона Гремячего, на правом берегу реки. Урочище Гремячее представляет следующее: с северо-запада и юго-запада к Каме выходят два крупных «гремячих» ручья, на некоторых картах названные речками Северной и Южной Гремячихами. Недалеко до впадения в Каму, ручьи сливаются в один. Два расходящиеся лесных лога, по дну которых текут эти ручьи, заросли хвойным и лиственным лесом. Лога эти при слиянии с высоким правым берегом Камы образуют два постепенно повышающихся мыса. На левом мысу расположен бывший лесной кордон «Гремячее», сейчас превратившийся в рабочий поселок при опытной шахте Камгэсстроя. Весь берег р. Камы, а также и эти мысы, покрыты лесом. Крупные, в два обхвата лиственницы и сосны еще стоят кое-где поблизости, но вырубаются в связи со строительством. Правый мыс не застроен. Между берегом Камы и резким подъемом на мыс лежит небольшая, постепенно повышающаяся к юго-западу поляна. Дорога, прорезавшая оба мыса, обнажила наслоения до глубины 0.5—3 м. Вместе с обрезами берегов Камы это дает возможность говорить о стратиграфии интересующих нас верхних почвенных слоев. Урочище Гремячее лежит как раз против южного конца оз. Грязного, находящегося на луговой террасе левого берега. В 2 км к северу от урочища, на том же правом берегу Камы находится д. Турбино. Осмотр обнажений, получившихся при прокладке дороги на обоих мысах, находок не дал. Также не было замечено ничего интересного при осмотре левого мыса, сейчас застроенного поселком. В направлении вверх по ручью вдоль берега правого мыса, начинаясь от полянки по направлению к юго-западу, тянется узкий, глубиной около 1.5 м, окоп времен гражданской войны. Тщательный осмотр стенок окопа помог обнаружить несколько древних черепков, а затем и небольшую кострищную линзу. Заложенный метровый пробный раскоп (шурф), примыкающий северной стенкой к окопу, вскрыл на глубине 0.1—0.15 м очаг, сложенный из нескольких плит известняка. Среди плит встречены угли и керамика от одного-двух сосудов. Более сохранившиеся фрагменты одного из сосудов позволяют установить, что это

Рис. 4. Стоянка у Верхней Курьи. Разведочные раскопки.

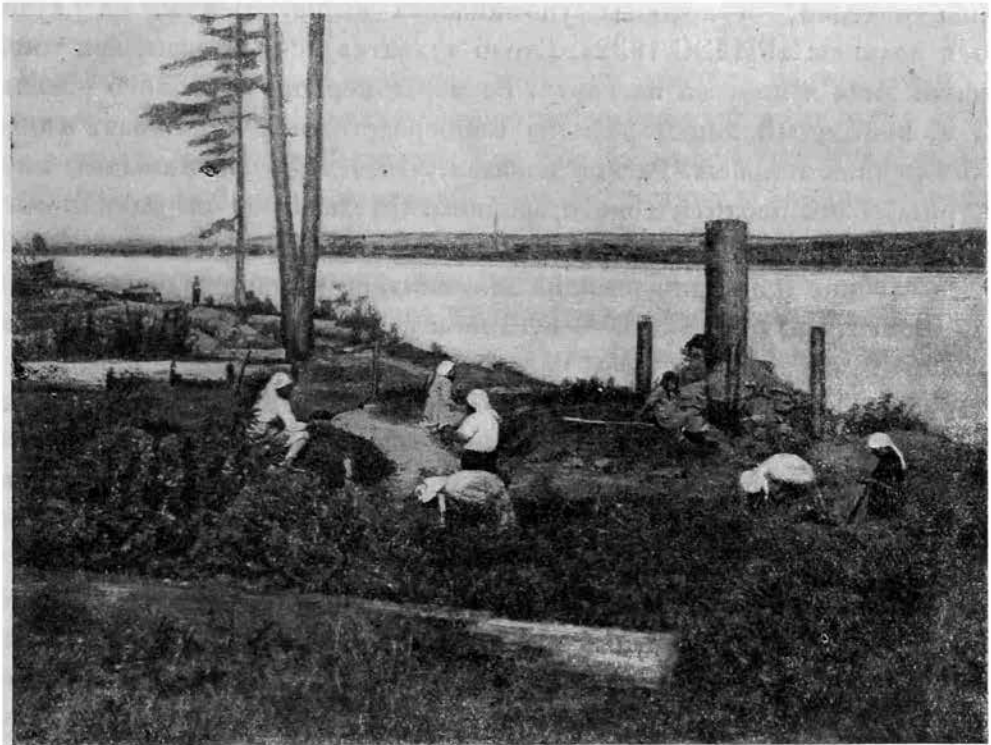

Рис. 5. Стоянка у Гремячего ручья. Работы на раскопе I.

довольно типичная ананьинская керамика с отогнутым краем и «воротничком». Размеры очага не превышали 1 м, а мощность слоя составляла всего 0.15—0.20 м. Ниже шли стерильные, желто-железистого цвета, песчаные, довольно рыхлые слои; однако, также в обнажениях траншеи и по тропинке, идущей по берегу мыса к ручью, было обнаружено несколько фрагментов древней неолитической керамики, до полусотни мелких осколков кремня и обломанный каменный шлифованный топор. Все это говорило, что здесь имеется памятник более ранний, чем Ананьино. Вернувшись с разведки на базу экспедиции, мы узнали, что группа сотрудников экспедиции, ходившая в обследование по другому маршруту, из расспросов в д. Усть-Чусовая у гр. Дюпина, В. А., выяснила следующее: в 1931 г. весной на берегу р. Камы у Гремячего ставились «ухваты» — столбы для причала плотов. При рытье ям для «ухватов», на глубине 1.5 м был найден предмет из камня, судя по описанию, каменный топор — клин из серого камня с желобком (для привязывания?) и «каменная тарелка», повидимому, полировальная плита, или зернотерка, диаметром около 0.20 м. Вещи эти, сданные рабочими в лесосплавную контору, затем ликвидированную, повидимому, пропали.

У Гремячего ручья в 1935 г. были заложены три разведочных раскопа и один шурф. Общая площадь всех — 44 кв. м.¹

Первый пробный раскоп был заложен в непосредственной близости к «ухвату» (рис. 5), при постановке которого, повидимому, и были сделаны находки, о которых упоминалось выше. Сейчас на «ухвате» имеется надпись: «ГИДЭС 1932». Столб «ухвата» использован, как топографический знак и нанесен на карту. Размеры первого пробного раскопа — 8 × 2 м. Восточный конец раскопа непосредственно примыкает к обрыву камской речной террасы. Раскоп показал, что в этой части поляны имеется культурный слой неолитического времени. Он залегает на глубине 0.10—0.15 м, и его признаки окончательно пропадают на глубине 0.40—0.50 м.

На глубине 0.5 м дно раскопа заполнилось красной плотной стерильной глиной. Культурный слой — суглинок сероватого цвета, весьма бледно выраженный, содержал на всех четырех квадратах раскопа (квадраты 2 × 2 м) довольно большое количество осколков кремня и некоторое количество кремневых орудий. Характерны: плитчатый кремневый нож, крупная кремневая ножевидная пластинка с ретушью, являющаяся также, повидимому, ножом, скребки. Во всем раскопе не найдено ни одного фрагмента керамики.

Второй раскоп, тех же размеров, что и первый, был заложен в непосредственной близости к окопу и включил в себя метровый шурф, заложенный при открытии стоянки. Закладка этого раскопа вызвана фактом отсутствия керамики в первом раскопе. Наслоения здесь совершенно другие. Вместо суглинка и глины первого раскопа, второй раскоп прорезал слой

¹ Детальная обработка материалов стоянки для опубликования поручена научному сотруднику экспедиции Я. В. Санкевич, руководившей частью работ на разведочных раскопах.

серого «борового» и желтого «горного» песка, включавшие и культурные прослойки. Ананьинской керамики не встречено. Повидимому, тот очаг, который был обнаружен при разведке, был вскрыт почти целиком. Богатый слой с неолитической керамикой был обнаружен на глубине 0.80—0.90 м, но и на меньшей глубине, от 0.40—0.45 м начали попадаться находки неолитического характера: осколки кремня, отдельные фрагменты. На протяжении от 0.4 м до 0.6 м шли, перемежаясь со стерильными небольшими прослойками, линзы небольших неолитических кострищ. Обилие керамики, кострища, особая «натопанность» слоя — смешанность его с растоптанным углем — говорят за то, что при вскрытии раскопками большей площади здесь возможно получение таких же важных результатов, как и на Грязном. Возможно открытие неолитических жилищ.

Раскоп доведен в южном конце до 1.8 м, в северном — до 1.25 м глубины. Разность глубин вызвана тем, что раскоп расположен на краю оврага и поверхность раскопа поката.

Третий раскоп был заложен на мыску, образовавшемся в месте слияния ручьев. Характерность мыса вызвала догадку о возможности наличия культурного слоя и здесь. Догадка оправдалась. Раскоп, размером 4 × 2 м, вскрыл сероватый песчаный культурный слой, содержащий неолитическую керамику, осколки кремня, кремневые и другие орудия. Из находок любопытно сланцевое, плоское, круглое грузило со сверлиной (рис. 3). В юго-западном углу раскопа прослежены характерные углистые разводья — следы кострищ.

Результаты всех трех пробных раскопов говорят за то, что стоянка у Гремячего Ручья представляет собою значительный памятник, нуждающийся в дальнейшем исследовании. Все три раскопа, в том числе и раскоп III на мыске, дали близкий материал. Факт отсутствия керамики в раскопе I может быть объяснен двояко: или здесь в этой части стоянки не готовилась пища, а лишь делались орудия, или почвенные условия не сохранили нам керамику. Следует учесть различие в наслоениях и факт, что высота раскопа I над современным уровнем Камы (в июле м-це) — 7-8 м, а высота раскопа II — 10-12 м. Возможно, в период существования стоянки воды Камы покрывали в половодья край поляны, где раскоп I. Тогда керамика, как более легкая, могла размокать и смываться водой, а оставаться мог лишь более прочный и тяжелый — каменный инвентарь.

Керамика, найденная в раскопах II и III, указывает, что сосуды были довольно крупными, с округлым дном и прямыми краями. В тесте керамики заметна какая-то примесь, делающая черепок рыхлым и пористым, а поверхность — шершавой. Внутренняя поверхность покрыта штриховкой — следами заглаживания. Внешняя сторона сосудов покрывалась гребенчатой орнаментацией. Орнаментировались также и самые венчики, а иногда орнамент заходит и на внутреннюю стенку. Для нанесения орнамента и для заглаживания часто употреблялся, повидимому, один и тот же инструмент — гребенчатый чекан. Весь облик керамики, пород кремня и типов орудий,

говорит, что перед нами памятник того же, или близкого времени, что и стоянка на оз. Грязном у хут. Астраханцева.

Что привлекало человека той поры в урочище Гремячего Ручья? Несомненно, здесь сыграли свою роль гремучий, с холодной и вкусной питьевой водой ручей и просторные окрестные леса Гайвинского лесомассива, до сих пор — заветное место для охотника. У нас нет никаких данных, говорящих, что леса были в то время бедней или реже. Наоборот, ряд анализов древесины (углей), произведенных по материалам из раскопок стоянки у оз. Грязного, говорят, что растительность по составу пород была в общем та же — по преимуществу хвойная. Сейчас поверхность стоянки облешена елью, сосной, лиственницей, пихтой и лиственным подлеском. Следующий вопрос: временное или постоянное это было поселение — решат дальнейшие раскопки. Памятник будет уничтожен строительством одним из первых, так как по одному из вариантов проекта на кордоне Гремячем будет место упора правого плеча Камской плотины.

В 1935 г. экспедицией изучались памятники и других эпох первобытно-коммунистической формации. Продолжались работы на Турбинском могильнике-селище, исследовавшемся еще в 20-х годах А. В. Шмидтом¹ (рис. 6). В 1935 г. вскрыта площадь в 288 кв. м. Старые раскопы А. В. Шмидта окружены новыми раскопами, доказавшими, что группа погребений, на которую наткнулся в свое время Шмидт и которая была докопана в 1934 г., может считаться исчерпанной. Это отнюдь не значит, конечно, что на Турбино не могут быть открыты еще погребения. Но это будут уже другие группы, пространственно отделенные от первой. В этом году был найден ряд бронзовых и медных предметов из разрушенных погребений: кельт, бронзовый обоюдоострый нож, медный рыболовный крюк и др. Найдены также нефритовые или серпентинные кольца, кремневые наконечники стрел, вкладыши и другие орудия. Верхний культурный слой дал очаги, кострища, зернотерку, терочный камень, много керамики и костей животных, ряд фактов, укрепляющих дату селищенского слоя.

Старшим научным сотрудником экспедиции А. В. Збруевой начаты раскопки селища у дер. Конец-Гор, недалеко от устья р. Чусовой, на правом ее берегу. Вскрыто 266 кв. м. Селищенский слой, правда, в известной мере потревоженный пахотой, дал многочисленные культурные остатки: керамику «с воротничком», очаги, зернотерки, много костей животных, костяные и металлические орудия. Из последних интересны, как в известной степени датирующие, «скифские» трехгранные втульчатые наконечники стрел. Есть обломанная глиняная статуэтка. Стоит вспомнить, что именно в Конец-Горе найдена бронзовая египетская статуэтка бога Амона.² Памятник нуждается в продолжении работ, так как мыс селища — наиболее интересная часть, судя по мощности культурного слоя, — остался нераскопанным из-за посевов.

¹ А. V. Schmidt. Die Ausgrabungen bei dem Dorfe Turbina an der Kama. F. U. F., VIII, 1926.

² А. В. Шмидт. Древний Восток и русский север. Новый Восток, № 13—14, 1926.

На археологической карте устья Чусовой в 1935 г. прибавилось несколько мелких со слабыми культурными слоями селищ, относящихся, судя по керамике, так же, как и Конецгорское, к ананьинской и последующей — гляденовской эпохам. Кроме упоминавшегося ананьинского слоя на стоянке у Гремячего Ручья зарегистрированы селища: у южного конца оз. Грязного (близ дома угольщика, у угольных ям), на дюне у дер. Н. Адищевой,

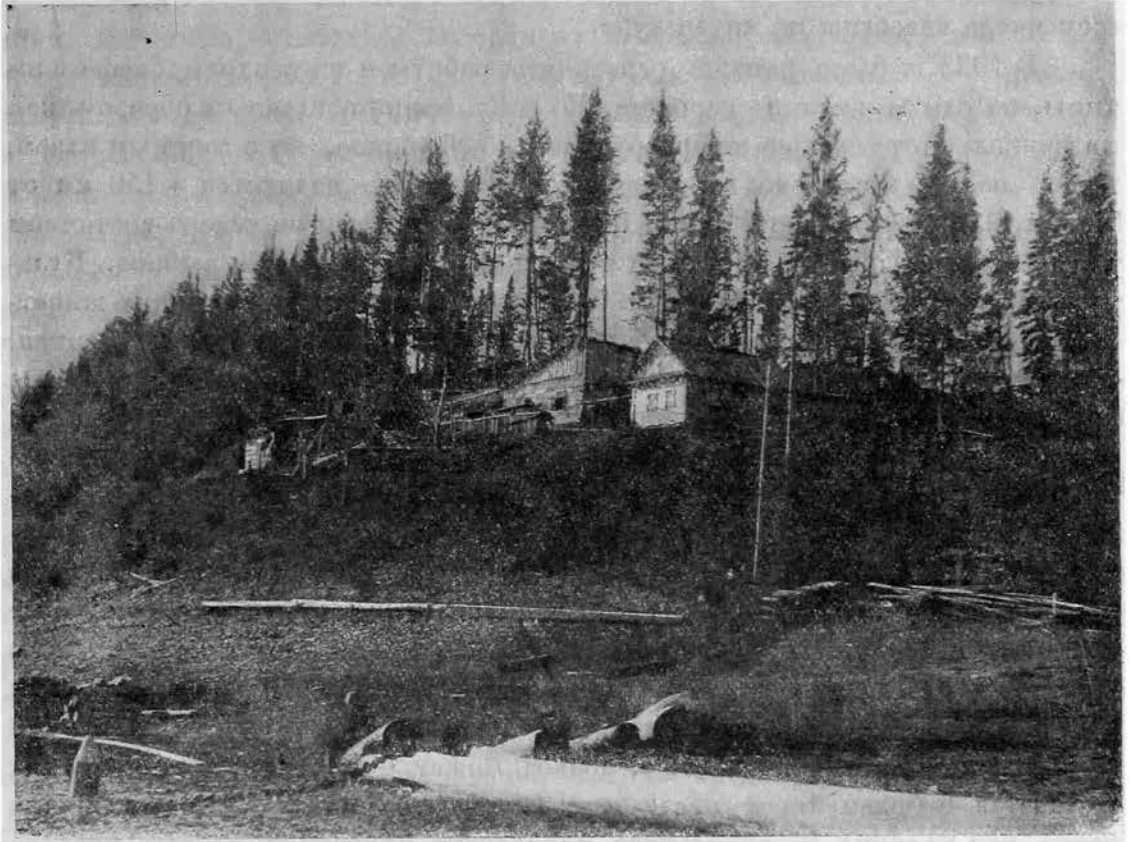

Рис. 6. Турбинский могильник. Вид от пристани «Заозерье».

у дер. Демидковой, против с. Хохловки, на картофельном поле в 300 м к востоку от северного конца оз. Грязного, у дер. Боровки на р. Чусовой и др. Вся эта группа памятников, вместе с раскопанным на Чусовой в 1934 г. Галкинским городищем того же времени, дает возможность довольно полно изучить историю района в эту эпоху.¹ Интересно отметить, что памятники ананьинской эпохи имеются и в бассейне р. Чусовой; об этом говорят разведки 1934—1935 гг. Недалеко то время, когда мы сможем по-новому взглянуть на некоторые зауральские «костеносные городища», как памятники, стадильно связанные с изучаемыми сейчас в районе устья р. Чусовой.

¹ А. В. Збруевой в настоящее время обрабатываются материалы Конецгорского селища и приготовлено к печати «Галкинское городище».

Среди ряда научных проблем, стоящих перед историками Прикамья, вопрос о времени и всех исторических условиях возникновения в крае классового общества занимает далеко не последнее место. По установившимся взглядам, доклассовое общество существовало в Пермском Прикамье вплоть до Новгородо-Московской русской колонизации. Однако, так ли это? Ответ можно получить путем исследования поздних «чудских» городищ. Эти городища в значительном числе были обследованы в 1932 г. и в еще большем числе известны по литературе.

В 1935 г. было решено развернуть работы и на верхнем бьефе плотины, на одном из таких городищ. По ряду причин, главным образом, как на наиболее страдающее от разрушения, небольшое, но с мощным слоем, выбор пал на Роданово городище. Городище это находится в 150 км от Перми, на правом берегу Камы. Вскрытие раскопками на северо-восточном углу Роданова городища 40 кв. м подтвердили правильность выбора. Культурный слой достигает 1 м 40 см. Много костей диких и домашних животных. Вообще культурный слой сильно насыщен остатками. Местная черная, с примесью раковин, с веревочным и гребенчатым орнаментом, керамика встречается вместе с красной круговой, очевидно, болгарской. Найденный в культурном слое клад, состоящий из сердоликовых, хрустальных и серебряных бус, двух браслетов с серебряными накладками и вставками из цветного стекла, бронзовых привесок и пр., также указывает на время болгарского государства. В культурном слое открыты остатки очагов-печищ из обожженной глины, шлаки, обломки некрупных тиглей, медные, бронзовые и железные предметы. Весь комплекс находок подтверждает определенную еще при обследовании дату памятника, как XI—XIII вв. В раскопе открыты также остатки небольшого четырехугольного жилища, с очагом из камней и углублением в центре жилища. Вывод может быть один: этот памятник нуждается в дальнейшем исследовании. Целый ряд моментов, особенно такие, как наличие значительного количества привозной посуды, находки ключей и пр., и ряд других соображений позволяют установить, что городище знаменует собою уже пройденную грань от доклассового общества к классовому. Если это так, то тем самым отодвигается на 2—3 сотни лет вглубь возникновение классового общества на Верхней Каме, по сравнению с существующей точкой зрения на этот вопрос.

Еще незаконченное обследование района затопления и подтопления вынудило, как в предыдущем году, выделить из состава экспедиции исследовательский отряд. Необходимо было продолжить разведки по Чусовой.

В 1935 г. предстояло обследовать оба берега реки на пространстве от Чусовского завода, вниз, до Верхнегусовских городков. Отряд, под руководством М. В. Талицкого, выполнил эту работу. Сейчас, таким образом, Чусовая обследована на всем протяжении действия подпора Камской воды и даже обследованы несколько пунктов выше действия плотины. Всего по Чусовой охвачено обследованием по течению более 260 км, а считая протяжение обоих берегов, — более 500 км. В 1935 г. соединены маршруты 1932

и 1934 гг. Район, подвергшийся обследованию в 1935 г., самый обжитой в настоящее время участок реки. Часты поселки, расположенные не только по самой Чусовой, но и по ее притокам: Лысьве, Усьве и др. Это отличие от обследованных ранее районов объясняется, с одной стороны, более гладким рельефом, где была возможна разделка пашен. Но и исторически, как показало обследование, это весьма давно обжитой район. Обследованием установлено наличие городищ, селищ, могильников. Самые ранние памятники, возможно, относятся ко времени Ананьино. На протяжении 70 км (по течению) открыто до 20 памятников. Основное количество открытых памятников является охотничье-земледельческими поселениями (городища и селища) VIII—XII вв. Повидимому, к этому же времени относится и несколько зарегистрированных обследователем отрядом могильников. Примечательно, что могильники эти, согласно наблюдениям М. В. Талицкого, ограблены. Судя по всему, в том числе по наличию «живой традиции», когда сын, вспоминая, что на «чудских могилицах» копал его дед, сам в свободное время не прочь их покопать; могильники эти разрушены местным русским чувовским населением, так сказать, первыми отрядами известных в истории Сибири «бугровщиков». По наблюдениям М. В. Талицкого, могилы, возможно, имели внешние признаки в виде очень небольших холмиков, или, наоборот, впадин. Сейчас внешняя картина могильников — это довольно правильные ряды неглубоких размеров, близких могильной яме, впадин. В разрушенном могильнике в с. Вереинском, в пробном раскопе было обнаружено несколько потревоженных погребений. Из находок в этом раскопе следует упомянуть плоскую литую бронзовую привеску хорошо известного, из камских могильников, типа «пермского всадника».

Более ранних памятников, напр., неолитических стоянок, в обследованном районе пока не обнаружено. Таким образом, стоянка на Чусовой у дер. В. Гари продолжает оставаться единственной из известных на этой реке.

В работах на Каме в 1935 г. участвовали: Н. А. Прокошев (начальник экспедиции), П. И. Борисковский (ст. научный сотрудник), А. В. Збруева (ст. научный сотрудник), М. В. Талицкий (ст. научный сотрудник), Я. В. Станкевич (научный сотрудник) и Н. Г. Мамаев (практикант). Кроме того, частично участвовали местные работники-краеведы: П. Г. Черкасов, А. В. Соколов, Е. П. Аликин, К. Г. Ольховская.

По запросу строительства КамГЭС был составлен перспективный план работ Госуд. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, в зоне затопления и подтопления, рассчитанный на весь срок стройки — до 1941 г.

В плане ближайшего, 1936, года необходимо включить следующие объекты исследования: 1) продолжение раскопок неолитических стоянок у хут. Астраханцева и севернее хутора, на оз. Грязном; 2) раскопку неолитической стоянки у Гремячего Ручья; 3) продолжение раскопок Конедгорского селища и 4) продолжение раскопок Роданова городища.

Необходимо заметить один крупный недостаток предложенного перспективного плана работ. План охватывает лишь археологическую часть. Но в работах на Каме должны принять участие отнюдь не одни только археологи-историки материальной культуры, вернее, историки, работающие, по преимуществу, на археологическом материале.

Необходимо этнографу-историку рабочего быта заняться изучением и собиранием материала. То, что удалось доставать для музея подчас с большим трудом — какую-нибудь б. семейную реликвию, вроде «жалованного кафтана», сейчас подросшая молодежь отдаст без сожаления.

Необходима организация комплексных экспедиций. В работах на Каме необходимо принять участие ряду родственных ГАИМК организаций и учреждений. Здесь, в первую очередь, следует назвать МАЭ и ИАЭ АН СССР, Русский и Этнографический музеи, Эрмитаж и др. Между работниками строительства и археологическими экспедициями Госуд. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра установился тесный рабочий контакт. Сотрудниками экспедиции проведен ряд докладов, лекций и бесед с ИТР, рабочими и служащими строительства. В районе строительства распространены печатные инструкции и плакаты об охране памятников. Со своей стороны, строительство оказывает археологическим работам реальную помощь, как, напр., финансирование, предоставление за свой счет рабочей силы и т. п.

Все свидетельствует об одном: дальнейшие работы на Каме будут не менее успешны, чем работы 1935 г. и предыдущих лет.

25 XI 1935.

N. PROKOCHEV

L'EXPÉDITION ARCHÉOLOGIQUE DE LA KAMA EN 1935

RÉSUMÉ

L'Académie Marr d'Histoire de la Culture matérielle a poursuivi en 1935 les travaux archéologiques sur les rivières Kama et Tchousovaïa (Oural) commencés en 1932. La construction d'une puissante centrale hydro-électrique dans la région de l'embouchure de la Tchousovaïa, à 16 km de la ville de Perm, oblige à activer l'étude des monuments se trouvant dans la zone à inonder. Au cours de cette année, les recherches ont] porté sur les stations néolithiques de la région des travaux. Dans la station située près la ferme Astrakhantsev sur le lac Griazny, on a fouillé une surface de 530 m² et mis au jour une série d'habitations néolithiques à demi souterraines. Ces habitations,

qui occupent chacune 50—60 m², sont reliés entre elles par d'étroits corridors. Les travaux d'exploration sur la Tchousovaia et la Kama ont fait découvrir en 1935 plus de 20 nouveaux monuments néolithiques, gorodistchés, cimetières, sélistché et stations. On a continué également les fouilles du cimetière de l'époque du bronze près le village Tourbina, vis-à-vis l'embouchure de la Tchousovaia. On a trouvé des celtes en bronze, un couteau, un gros hameçon en cuivre, des pointes de flèches en silex et d'autres outils de pierre ou de métal. Sur le cours supérieur de la Kama, près le village Gorodistché (région de Sverdlovsk), on a étudié le «gorodistché Rodanovo» «tchoude» appartenant au XI—XIII-me siècle. L'abondant matériel qu'il a fourni, consistant en outils et objets de parure en bronze, en fer, en cuivre, en argent, etc., en de nombreux ossements d'animaux domestiques et sauvages, et en fragments de céramique, permet d'affirmer que sur la Kama supérieure la société de classes est apparue beaucoup plus tôt qu'on ne le supposait jusqu'ici. Pour les prochaines années on a élaboré un vaste programme de travaux d'exploration combinés, auxquels participeront non seulement les archéologues, mais aussi les ethnographes, les historiens de la vie ouvrière dans les usines et d'autres spécialistes. L'aide constante que l'entreprise de la station hydroélectrique de la Kama prête à ces recherches en assure la réussite.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. М. ЗОЛОТАРЕВ

НОГЛИКОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

(Восточный Сахалин)

В январе 1933 г. Комитет севера направил ко мне краеведа Аюян, приехавшую с Сахалина. Аюян сообщила, что она, совместно с другим краеведом — Медведевым, производила раскопки на Сахалине, в долине р. Тыми, давшие богатые материалы для характеристики неолита Сахалина. По ее словам коллекции и фотографии находились еще в дороге, в силу чего я не мог с ними ознакомиться. Но Аюян обещала в ближайшем будущем передать их в Музей антропологии в Москве. При этом она передала мне рукопись, составленную ею совместно с Медведевым, — под названием: «Ногликовская неолитическая стоянка». Аюян просила помочь ей в обработке и опубликовании материала. С тех пор я ее не видал. Прошло три года. Коллекции в музей не поступили. В начинающемся в широком размере научном освоении ДВК публикация даже сырых материалов об археологических памятниках — окажет серьезную помощь археологам, в виду чего я решил опубликовать описание Ногликовской стоянки.

Стоянка находится на р. Тыми, главной водной артерии Северного Сахалина, в 18 км от Охотского моря, вблизи селенья Ноглики. Площадь ее огромна: в длину она тянется на 3 км, в ширину имеет от 100 до 500 м. На этом пространстве расположено 120 ям от землянок. Величина и форма ям разнообразны, но преобладают два типа: квадратные и круглые, причем, как правило, квадратные ямы больше по площади, но соответственно мельче. Стоянка расположена на песчаной возвышенности, переходящей в марь на востоке и ограниченной с западной стороны рч. Ноглики, впадающей в Тымь. Эти естественные преграды и служат границами стоянки, причем с южной стороны склоны возвышенности также спускаются в марь, на месте которой во время поселения существовало по всей вероятности озеро.

Диаметр крупных землянок колеблется между 3 и 6 м, глубина между 1,5 и 2 м. Эти ямы окаймлены валом около 1 м высотой. Вокруг основной ямы, на расстоянии

от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ м от ее краев, располагаются меньшие ямы диаметром от 80 до 120 см, образовавшиеся, возможно, при рытье земл. необходимой для обкладки крыши.

Четырехугольные землянки несколько больших размеров (4×12 м) и иной конструкции: основная почва в середине нетронута, а землянки построены путем насыпания вала, земля для которого бралась с внешней стороны землянок. По валу, окружающему землянки, имеются конусообразные углубления, которые можно принять за следы столбов, поддерживающих покрытие.

Центр стоянки видимо совпал с современным поселком Ноглики, в силу чего подвергся полному разрушению. Много землянок уничтожено при прокладке дороги к кирпичному заводу и распаханно под огороды. Таким образом, всей стоянке грозит полное уничтожение.

Кроме этой основной стоянки вблизи с. Ноглики, на расстоянии около 3 км к югу, есть ряд подобных же ям, расположенных на вершине небольшой возвышенности. По словам глянков, ряды таких же ям тянутся по всему восточному берегу Сахалина от стойбища Пяльтун до границ с Японией, располагаясь преимущественно у устьев рек и по внутренним берегам заливов восточного побережья. На р. Вал, в 45—50 км от устья, имеется большая, подобная Ногликовской, стоянка, значительно превосходящая последнюю по площади и лучше сохранившаяся.

Шурфы, сделанные через несколько землянок в с. Ногликах, показали, что дно землянок плоское, покрыто довольно плотно утрамбованной глиной. В центре находится очаг, обложенный тремя-четырьмя крупными камнями. Бока землянок довольно круто опускаются к полу.

В самих землянках не сделано никаких находок, за исключением нескольких случайных отщепов кремня и обломков глиняной посуды. Главная масса находок, как правило, концентрировалась в юго-восточной части площади, прилегающей к землянке. Здесь культурный слой встречается уже на глу-

бине 15—20 см. За слоем дерна следует тонкий слой подзола, местами размытый и разрушенный, вследствие чего культурный слой иногда выходит прямо под дерн. Осколки кремней, обломки орудий и керамика встречаются местами прямо на поверхности почвы на улице сел. Ноглики. Мощность культурного слоя достигает 60 см, причем его насыщенность уменьшается по мере углубления. Интересно, что отмеченные пятна культурного слоя, расположенные всегда за валом с юго-восточной стороны землянки, очевидно, являются мастерскими, причем мастерские каменных орудий отдалены от мастерских горшков. В некоторых мастерских находится громадное количество осколков кремня разнообразной величины и формы, целые заготовки кремня такого сорта, месторождение которого по близости не обнаружено. Около других ям, при полном отсутствии каменных орудий и обломков, найдено большое количество черепков, как обожженных, так и необожженных сосудов, куски отмоленной глины, вероятно приготовленной для формовки. Около других ям, при наличии массы обломков кремня и каменных полуотделанных орудий, керамические изделия встречаются редко и только в виде обломков вполне законченных сосудов.

Сосуды изготовлены из глины с примесью мелкого щебня. Дно у сосудов плоское. По верхнему краю большинство сосудов орнаментировано. Диаметр сосудов различен — от 50 см и больше. Толщина краев — 4—25 мм. Орнамент вдавленный, шипковый, накладной. Вдавленный орнамент наносился заостренной палочкой или специально обработанным камнем и состоит из пересекающихся линий и кругов. Налепной орнамент выполнен чрезвычайно тщательно. Сосуды с налепным орнаментом имеют слабый обжиг, на них редко встречаются следы нагара.

Из кремневых орудий найдены наконецники стрел, листовидной, ромбической и трехугольно-удлиненной формы, ножевидные пластинки (до 20 см длиной), ретушированные по краям, проколки и шилья. Кроме того, имеются многочисленные топоры и мотыги или тесла, сделанные из тщательно отполированных сланцевых пород. Отсутствие самих вещей, или просто иллюстраций, лишает возможности дать более подробное описание орудий и керамики. Однако не подлежит сомнению, что Ногликовская стоянка представляет неолитический памятник первоклассного интереса и что необходимо подвергнуть его систематическому изучению, прежде чем она будет уничтожена.

П. Р.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Летом 1935 г. Саратовский институт краеведения, совместно с Краевым музеем, организовал, по приглашению Калмыкии, археологическую экспедицию под руководством П. С. Рыкова.

Она являлась продолжением работ, начатых в 1933 г. в р-не колхоза им. Хомутникова в 17 км от г. Элисты, в урочище «Три Брата». Было раскопано до 12 курганов, среди которых был почти закончен раскопкой один из «Трех Братьев», — курган № 9 в I группе.

В итоге получено много интересных памятников материальной культуры, относя-

щихся к эпохе бронзы, и открыто несколько типов погребений того же времени.

Кроме того, раскопаны курганы, давшие погребения скифосарматской эпохи в Нижнем Поволжье. Между прочим, в скифском кургане была найдена грубо высеченная из камня фигура человека (каменная «баба»).

Интересно присутствие между двумя группами курганов каменной дугообразной кладки и каменных кругов, — очевидно, ритуального характера. Открыты, наконец, и погребения эпохи поздних кочевников XIII—XIV вв. и Золотой Орды.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В 1935 г. НА АМУРЕ

В одной из таблиц своего огромного труда, претендующего на охват памятников каменного века во всемирно-историческом плане, O. Menghin после стройной колонки «западносибирских культур», выделенных С. А. Теплоуховым, дает параллельный столбец амурских культур. Этот столбец заполнен кратким определенным: «matten-keramik» в Амурской области и стрелкой с вопросительным знаком, означающим, что характер и хронология амурского неолита никому не известны.

Неизвестный, по существу, «неолит» Амура тем не менее занял свое место в общих построениях Менгина, основанных на применении расовой теории, в работах Н. Schmidt'a и других; кроме того, «неолитические» и другие памятники прошлого Советского Дальнего Востока привлекают живейшее внимание не только ученых Запада, но и японских исследователей, пытающихся использовать немногие и часто извращенные фактические сведения в археологических работах, так или иначе поставленных на службу империалистическим интересам правящих классов своей страны.

Эти труды, разумеется, не внесли ясности в решение вопроса об амурском неолите и последующих стадиях, не содействовали накоплению материалов по древнейшей истории обитателей долины Амура и его притоков, но заслуживают внимания тем, что, с одной стороны, дают отчетливое представление о тенденциях и методах работ буржуазных ученых, касающихся археологических памятников Советского Дальнего Востока, а с другой — о фактических данных, которыми они располагают в своих теоретических построениях.

Только советская наука, руководствующаяся марксистско-ленинской методологией, может осуществить развернутое и действительно научное изучение древних вещественных памятников Амура и полностью обеспечить использование археологических фактов для освещения прошлого этой обширной области во всей его сложности, отраженной и в ходе этногонического процесса и в развитии своеобразной культуры населения Амурского бассейна.

Естественно при этом, что для советской археологической науки не является целью формалистическое описание вещественных комплексов; последние разрабатываются как особый вид исторических источников, в общих исторических изысканиях имеют особую ценность.

Чрезвычайно велико значение именно археологических источников для изучения

прошлого «бесписьменных» раньше народов Сибири и крайнего Севера, привлекающее особое внимание советской науки, обусловленное успехами советского культурного строительства на Севере и тесно связанное с последним, в отличие от внимания буржуазной науки к народам Севера, вызванного ее классовыми интересами.

Здесь первоочередной задачей для данного момента являются выявление и учет, общая предварительная классификация памятников, начиная с древнейших и кончая памятниками ближайшего к нам времени, а на этой точной основе должно быть поставлено изучение определенных комплексов погребений, поселений, укреплений, петроглифов и т. п., раскрывающих в той или иной мере черты социально-экономического строя, хозяйственного быта, идеологии. Эти археологические исследования в комплексной увязке с этнографическими являются настоящей необходимостью: их значение особо отмечено было в свое время руководством Института антропологии и этнографии АН СССР для осуществления намеченного на ближайшие годы систематического изучения народов и племенных групп Сибири, крайнего Севера и советского Дальнего Востока — Амурского бассейна в частности.

И, наконец, при такой постановке исследовательского дела может быть достигнуто правильное освещение фактической стороны проблем, волнующих ученых Запада, Америки и Японии, — проблемы происхождения американского человека, древнейшего населения Восточной Азии и соотношения их культур со стадияльно сходными культурами иных стран (пресловутые «культуры» «Matten- und Kamtkeramik, Bandkeramik» и расписной керамики Восточной Азии и т. д.).

Работы по выяснению исторического прошлого областей, лежащих по Амуру, основанные на изучении древних вещественных памятников на их территории, начатые трудами многих дореволюционных собирателей, особенно В. К. Арсеньева, продолженные новейшими работами А. М. Золотарева, М. М. Герасимова, тт. Харламова, Козина, Сизых и др., — вошли в текущем году в план больших экспедиционных работ Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР по изучению народов Сибири, получают небывалый размах и обещают богатые научные результаты.

Подготовительные работы к разрыванию больших комплексных исследований были начаты в археологической их части Археологическим отделом Института антро-

пологий, археологии и этнографии АН СССР, и перед первой Нижнеамурской комплексной экспедицией и ее археологическим отрядом в первую очередь была выдвинута задача исследования древнейших памятников человеческой культуры в низовьях Амура, в области загадочной «Mattenkeramik» Менгина, т. е. неолитических памятников.

Характер последних мог быть уяснен лишь в связи со всеми остальными, более поздними, включая и «этнографические» в обычном понимании памятники вплоть до XVII—XIX вв., смыкающиеся с «неолитом» в некоторых районах Дальнего Востока, близких к низовьям Амура. Эти собственно археологические, источниковедческие по направленности (анализ вещественных комплексов, стратиграфические наблюдения и т. д.) работы 1935 г., таким образом, с самого начала были поставлены на службу общим комплексным историческим изысканиям амурской экспедиции и имели конечной целью извлечение и систематизацию материалов для исследования исторического процесса на Амуре по всей совокупности наличных вещественных остатков культуры различных эпох.

При общей неизученности древних памятников в низовьях Амура экспедиция 1935 г. лишена была также возможности выбора заранее конкретных объектов для детального изучения и поставила первой практической задачей сплошной учет памятников нижней части Амурской долины с раскопками и обследованием наиболее характерных, так или иначе связанных с узловыми пунктами исторического прошлого края, в первую очередь неолитических, — дающих ключ к пониманию начальных страниц истории края, местонахождений остатков древней культуры.

В 1935 г. охвачен сплошным полевым обследованием участок между гг. Хабаровском и Николаевском, пройдено более 1000 км (в лодке) преимущественно вдоль правого и частично левого берега Амура и составлена первая археологическая карта обследованного района, где нанесено около 200 точек, в том числе 135 неолитических, 5 городищ (2 из них поздненеолитические), 4 местонахождения петроглифов, открыто одно новое (неизвестное до сих пор); впервые обнаружены поздненеолитические погребения на Амуре, произведены раскопки поселений и могильников. В процессе работ собраны богатые коллекции (керамика, каменные орудия, остатки фауны, эстампажи петроглифов и т. д.), выдвигающие амурский археологический фонд Музея антропологии, этнографии и археологии на первое место среди всех остальных подобных собраний Союза и позволяющие составить в связи с остальными материалами экспедиции отчетливое представление о характере и общем географическом распределении древних памятников низовьев р. Амура, их значении

для истории края и перспективах дальнейших исследований.

Особое значение для выяснения древнейших исторических судеб населения Амура имеют результаты изучения неолитических памятников, впервые учтенных на всем нижнем течении Амура и расчлененных на стадальные комплексы.

Предварительные исследования 1955 г. дают возможность выделения не менее трех стадий амурского неолита, причем эта картина стадальной последовательности памятников усложняется локальными различиями, отражающими неравномерные темпы и диахронический характер исторического процесса в конце «каменного века» на Амуре.

Древнейшая, повидному, стадия оставила обширные полуподземные жилищаземлянки, совершенно заплывшие землей и не имеющие никаких внешних следов на поверхности. Внутри жилищ находятся крупные каменные изделия — каменные шары, «набалдашники палиц», кастеты, большие односторонние выпуклые «топоры»; каменные лампы (?), шлифовальные плиты и т. д. Богат мелкий кремневый инвентарь: чаще всего встречаются наконечники стрел типично неолитических форм, иногда с черешком, лезвия, особые острья-ножи и т. п. Очень много керамики, представленной исключительно плоскодонными сосудами с прямыми стенками и горшками с широким брюшком и суженной шейкой. Сосуды богато орнаментированы. Чаще всего встречается пунктирный узор-зигзаг (по технике — Kamtkeramik), по которому, как по фону, прочерчены стесом глубокие линии — спираль, близкие к меандру узоры и т. п. сложные формы. Поразителен по совершенству и пышности сплошной чеканной орнамент некоторых сосудов. Исключительный интерес представляют образцы керамики с ангоброванным и лощеным, малинового цвета, фоном, по которому проведены углубленные полосы криволинейного узора, заполненного чеканом и закрашенного черной краской.

Весь быт обитателей этих землянок, занимавшихся охотой и рыболовством в эпоху расцвета каменного века на Амуре, свидетельствует о прочности коммунистического строя, родовых, очевидно, матриархальных групп.

Памятники отмеченной стадии амурского неолита отличаются поразительным общим сходством на всей исследованной территории от Хабаровска («Красная речка» по Уссурп) и до Николаевска на Амуре (землянки в устье р. Куэнга). Сближаясь по некоторым признакам керамики с неолитическими древнейшими памятниками Японии («протайский пласт» раковинных куч северной Японии), а также с неолитическими находками в Китае, памятники Амура по каменному инвентарю напоминают отчасти и неолит Восточной Сибири (древнейшая стадия — А). Вполне вероятно, поэтому, пред-

положение о параллельном и, следовательно, самобытном развитии культуры отдельных матриархально-родовых групп населения Японии, отчасти Китая и Амура — на общей для них хозяйственной основе первобытного рыболовства. Замечательно сходство элементов этой древней культуры с культурой современного аборигенного населения Амурской долины (орнамент, в частности), а особенно с культурой соседних айнов Сахалина, сохранивших наиболее отчетливые переживания неолитического прошлого в своем быту (напр., отмеченный и анализированный Л. Я. Штернбергом в айнском орнаменте мотив спирали — 'змея', || 'солнца').

Основные черты того же бытового уклада выявляются и по памятникам следующей стадии. Инвентарь последних характеризуется появлением орудий из шифера (наконечники стрел и кинжалы, ножи), клиновидными топорами и т. п. Керамика беднее по формам, выдаются лишь ангобированные сосуды, часто с узкими прямыми шейками и накладным жгутиковым орнаментом. Отмечается наличие бус из пасты в форме длинных цилиндров.

Памятники третьей стадии — землянки, с громадными наслоениями раковин и рыбьих костей. Очень много костяных изделий, мало каменных. Констатируются следы плавки меди. Характерна керамика: чаши с узкой ножкой (в виде двух конусов, соединенных вершинами), крупные сосуды-вазы с узким горлом и необычайно широким, как блюдо, венчиком, орнаментированные параллельными кольцевыми линиями и вдавлениями пальцев — ямками. В наслоениях этих землянок найдены черепа собак, кости свиньи (кабана).

К данной стадии относятся и остатки погребений, открытых близ Хабаровска.

В области близ р. Усури, в 200—300 км ниже Хабаровска, эти памятники сменяются в позднейшее время землянками эпохи «раннего железа» с керамикой двух типов: «туземной» и, видимо, привозной. Поразительна, между прочим, взаимная близость керамики поселений эпохи раннего железа и могильника у «Грязнухи» того же времени к «поздне-неолитической» (III стадии), указывающая на очевидную культурную преемственность этих эпох и автохтонность исторического процесса от неолита до раннего железа.

В области Ульчей и ниже по Амуру керамика эпохи раннего железа и железные шлаки обнаружены в поселениях поздне-неолитического облика, сменяющих там третью стадию неолита. Близки к этому времени и городища, напоминающие по расположению камчадалские «островки» XVII—XVIII вв.

Особого внимания заслуживают на нижнем Амуре еще более поздние следы поселений (землянки) с своеобразной, украшенной псевдотекстильными отпечатками и тон-

ким тисненым узором, керамикой, железными шлаками, костяными орудиями и чукотско-коряцкими наконечниками копий из кремнистого сланца. Они, видимо, близки уже к XVII—XVIII вв.

На Амуре около Хабаровска в то же время существуют жилища с канам манчжурского типа; керамика вытесняется фарфором и чугунными китайскими котлами. К этой поре относятся остатки многих старинных поселений и могильники, богатые разнообразными железными орудиями, оружием, китайскими монетами и украшениями из бронзы, стекла, нефрита.

Намечаются некоторые перспективы увязки поселений и могильников с петроглифами Амура, среди которых выделяются, как наиболее древние, изображения у ст. Каллиновка, близкие к некоторым «карасукским» Западной Сибири, затем петроглифы Секачи-Аляна и наскальные рисунки около ст. Май двух типов, причем с более поздними у ст. Май связана найденная нами манчжурская краткая надпись 1736 г.

Эти общие и предварительные контуры распределения памятников во времени и пространстве на территории низовьев Амура имеют значительно больший интерес, чем ряд уникальных вещей, обнаруженных в 1935 г. (неолитическое скульптурное изображение медведя, времен Сунской, быть может, династии, фарфоровая чаша с петроглифами и рельефными изображениями и др.). Особое значение для стратиграфии и хронологии памятников имеет исследование *четырёхслойного памятника* в местности Большой Дурал, а для изучения быта открытие поздне-неолитической землянки в с. Богородске, ряда интересных неолитических жилищ и большого количества неолитических поселений с десятками прежних жилых воронкообразных ям.

Нижний Амур далекого прошлого в свете новых фактов перестает быть «terra incognita», весьма удобной для теоретических построений буржуазных археологов, «прародиной» японцев, местонахождением таинственной азиатской «Mattenkeramik», и раскрывается как страна своеобразной высокой культуры, принадлежавшей первобытно-коммунистическому обществу в эпоху материнского и, позднее, отцовского рода; обществу, имевшему разносторонние культурные взаимоотношения с соседями и прошедшему длительный путь весьма сложного исторического развития.

В задачи дальнейших исследований будет входить детальное исследование и полное раскрытие конкретных объектов, обещающих не только богатые вещественные находки, но, в увязке с наблюдениями этнографов, и ответ на многие проблемы истории древнего населения Амура, истории первобытно-коммунистического общества в бассейне этой великой водной магистрали нашей страны.

В. А. АДРИАНОВ

РАСКОПКИ У САЛЕ-ХАРДЕ В 1935 г.

После окончания работ разведочного отряда Зоологического института Академии Наук СССР, по поручению Института антропологии и этнографии АН СССР и на средства последнего, мною были произведены раскопки у здания на высоком правом берегу р. Полюя, в 4—5 км от г. Сале-Харде. Обнаруженные следы культурного слоя при постройке здания в 1932 г. давали основание предполагать существование поселения, причем, несмотря на наличие рядом обрыва берега, внешне этих следов не было видно. Крайне ограниченное время не позволило в какой-либо мере произвести разведок даже в близлежащих местах, и на другой же день по прибытии в г. Сале-Харде были начаты раскопки в устье р. Полюя у здания, при участии синоптика Е. П. Жилина и А. Я. Телегиной, причем Е. Жилиным были выполнены чертежи разрезов культурного слоя.

Незадолго до моего прибытия, недалеко от здания в устье р. Полюя была вырыта яма для погребя, и обнаружено некоторое количество поделок, керамики и т. д. Большая часть найденного материала была собрана и сохранена Е. Жилиным и в настоящий момент передана на изучение в ИАЭ. Раскоп был начат у ямы. С первых же разобранных квадратов, насыщенных довольно большим количеством различных вещественных остатков, стало ясно, что здесь культурный слой, мощностью в среднем 50 см, имеет своеобразный характер, кость как поделочный материал играла исключительно большую роль.

Кроме кости, для различных поделок употреблялись бронза, камень и железо, но как для изготовления орудий охоты, так и предметов домашнего обихода применялась главным образом кость.

Поделки из бронзы имеют либо культовое назначение, либо это украшения, а поделки из железа — исключительно лезвия ножей. Большое место среди собранного материала занимает керамика, покрытая разнообразным геометрическим орнаментом, а также кости и обломки костей различных животных. Особое место среди костного материала занимает черепа собак, всего около 30 штук, причем в одном из квадратов было найдено сразу в куче 18 собачьих черепов, с пробитыми черепными коробками. Среди поделок из кости выделяются несколько необычной формы ложки, плоские, похожие на лопаточки с довольно длинной рукоятью, а также ложки с обычной для них формой, но ручки у которых отсутствуют.

Материалом для ложек, наиболее распространенным, служила грудная кость птицы,

а ручкой — косточка этой же грудной кости, несколько отогнутая книзу.

У ложек, сделанных из кости мамонта, в одном случае ручка изображает изогнутую шею, оканчивающуюся головой гуся, вырезанной с исключительным мастерством, а в другом случае ложка сразу переходит в голову зайца (?), на которой сидит утка (?) с повернутой головой назад.

Рукоятки плоских ложек заканчиваются в некоторых случаях изображениями голов животных, в других — кольцом, украшенным геометрическим орнаментом, или без него.

Совершенно исключительный интерес представляют гребни, которых всего собрано 4 штуки. Гребни необычной формы, сделанные с большим мастерством и украшенные резьбой; они по своей форме могут служить украшением для высокой прически, как, напр., два гребня, верхняя часть которых завершается группой животных (орел долбит голову оленя или лося). Большой интерес представляют каменные терки, песты и миниатюрные мотыги из кости.

Наличие значительной толщины культурного слоя, большое количество керамики, каменных терок, тиглей, бронзы как материала и т. д. — дают основание говорить о длительном сроке жизни на одном месте обитателей этого поселения, при наличии домашних животных, каковыми являются олень и собака. Об этом говорит пространство, занимаемое культурным слоем, наличие терок, наличие собачьих упряжек (пряжка верблюжья от собачьей упряжи), собачьих черепов в большем количестве, чем это нужно для оленеводов. Наличие собачьих упряжек и оленя само по себе исключительно интересное сочетание при значительном поселении.

Раскопки охватили пять различных пунктов, причем за основу выбора места раскопок были взяты степень угрожаемости разрушением. Всего было вскрыто 250 кв. м. С разных пунктов взято 3 монолита. Общее количество различных поделок — около 1500 штук. Много поделок неясного назначения, напр., предметы, украшенные резьбой и скульптурными (резными) изваяниями фигур различных животных. Исключительно хорошая сохранность места поселения, прикрытого слоем дерна в 20—25 см, ненарушенность где-либо культурного слоя, хорошая сохранность материала, его необычный характер — открывают совершенно новые перспективы в изучении Севера. Время существования обследованного поселения приблизительно определяется поделками из бронзы и может быть отнесено к II—V вв. н. э.

Г. П. ГРОЗДИЛОВ

НОВГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1935 г.

Организованная на средства Новгородского музея археологическая экспедиция, возглавляемая проф. В. П. Равдоникасом, при участии ученого консультанта М. К. Каргера, производителя работ Г. П. Гроздилова, научной сотрудницы Гос. Эрмитажа Н. Н. Гуриной и зав. Историческим отделом Новгородского музея Я. Ф. Фрейберга, в текущем году сосредоточила свою работу на исследовании Рюрикова городища, находящегося на правом высоком берегу р. Волхова, примерно в 2 км к югу от Новгорода.

Почти вся площадь городища занята пашней и жилыми постройками. Для раскопок был намечен участок, расположенный в ЮЗ части городища, представляющий удлиненный мыс, ограниченный с одной стороны Сиверсовым каналом, с другой р. Волховцем.

Крайне интересный материал этого участка городища, добытый раскопками М. К. Каргера в 1934 г., выявил многослойность культурных остатков различных эпох, начиная с неолита и до поздних находок великокняжеской поры, но в виду сравнительно незначительного участка раскопа (50 кв м) не представлялось возможным достаточно ясно разобраться как во всей сложной стратиграфии культурных остатков, так и в конструкции и назначении открытых им деревянных сооружений.

Исследованная в 1935 г. площадь раскопа в 124 кв. м примыкает непосредственно к северной стенке раскопа 1934 г. М. К. Каргера.

Верхний аморфный слой, интенсивно окрашенный в черный цвет, достигал мощности до 1.40 м, причем в сторону р. Волхова он постепенно выклинивался. Никаких комплексов сооружений в этом слое не наблюдалось. Вещественный материал относится к великокняжескому периоду и представлен в виде громадного количества обломков костей животных и керамикой с резко выраженной профилировкой сосудов, сделанных на гончарном кругу и украшенных характерным волнистым орнаментом. На нескольких фрагментах днищ сосудов имеются клейма. В большом количестве найдены обломки стеклянных браслетов, гребней, свинцовых печатей, шиферных пряслиц, глиняные и каменные грузила, железные предметы, куски железного шлака.

Под верхним интенсивным гумусным слоем на всей вскрытой площади залегал намывной речной песок с почвенными замойными прослойками в виде тонких, обрывающихся лент. Мощность слоя 0.30—0.50 м. Находки относятся к тому же времени, что и из верхнего слоя.

Ниже прослеживался слой глины с культурными остатками в виде грубой, лепной керамики, поделок из кости, железных предметов и других находок, относящихся к периоду возникновения Новгорода (IX—X вв.).

На всей вскрытой площади слой глины подвергался размыванию рекой, причем этот процесс отразился неравномерно: на восточном и северном участках раскопа размыванию подвергался лишь верхний горизонт глины. Здесь нами были обнаружены остатки деревянного жилища, скопления очажного характера в виде небольших сильно обожженных камней, большого количества костных остатков животных, рыб и грубой лепной керамики. Слой на этом участке интенсивно окрашен в черный цвет и при топографировании находок показал однородность вещественного материала.

Обнаруженное жилище в плане представляется в виде прямоугольного сруба размером около 5 × 5 м. Дерево сохранилось в виде тонких пластин шириной 0.20—0.35 м. Углы, повидному, рубились в венец. Наибольшее скопление обожженных камней в юго-восточном углу жилища указывает на существовавший здесь очаг, устроенный, повидному, на специальном деревянном помосте, под которым была обнаружена яма глубиной 0.90 м с зольным заполнением. В самом жилище встречены значительные скопления костей животных, костей и чешуи рыб, обломки грубой лепной керамики, поделки из кости, железные предметы, грузила, куски шлака, куски глиняной обмазки. Непосредственно к северо-западному углу жилища примыкала другая постройка, исследовать которую в текущем году не представлялось возможным, так как для этого потребовалось бы значительно расширить раскоп.

На юго-западном участке раскопа слой с культурными остатками IX—X вв. имел во всей своей толще крайне неоднородную массу глины со включениями речного песка, причем топографирование обнаруженного вещественного материала показало смешанный характер: наряду с находками IX—X вв. встречены в одном горизонте находки как поздней великокняжеской поры, так и находки, относящиеся к неолиту, что указывает на сильный процесс размывания и нарушения стратиграфии культурных слоев различных эпох.

Этот момент привел М. К. Каргера, построившего свои выводы на находках, а не на стратиграфии культурных слоев, к ошибочным выводам.

Таким образом, юго-западный участок раскопа подвергся сильному размыванию рекой, что подтвердилось при дальнейшем углублении раскопа. Под слоем глины зале-

гал мощный слой светлого речного песка с находками поздне-великокняжеской поры. Распространение его наблюдалось только на юго-западном участке раскопа, примерно на площади в 36 кв. м.

При дальнейшем углублении на всей вскрытой площади прослеживался слой светлобурой глины без культурных остатков, лишь с редкими вкраплениями угольков, причем мощность слоя неравномерна (от 0.20 до 1.00 м), и только в нижнем горизонте глины встречены единичные находки неолитической керамики.

Непосредственно под слоем светлобурой глины залегала однородная глина, окрашенная в более темный цвет мощностью 0.15—0.35 м, с культурными остатками, относящимися к существовавшему здесь неолитическому поселению. В этом слое никаких признаков жилища не прослежено. Вещественный материал представлен в виде большого количества обломков керамики с ямочным орнаментом, костей животных, кремневых и сланцевых орудий и отщепов, поделки из

янтара, небольшого количества обломков орудий из кости. Сохранность находок очень плохая.

Слой с неолитическими находками подстилает суглинок, под которым залегает глина с валунами и прослойками крупнозернистого песка, повидимому, ледникового происхождения. При разборке культурных слоев взяты в значительном количестве пробы для пылевых анализов, что дает возможность определения климатических условий в эту эпоху.

В полевых работах экспедиции принимали участие научные работники Новгородского музея. За время раскопок были проведены в большом количестве экскурсии студентов Новгородского педагогического института, рабочих ф-ки «Скорород» и др.

Весь добытый материал находится в Новгородском музее. Дальнейшая его камеральная и научная обработка даст возможность в ближайшее время представить более полный отчет о раскопках.

Е. И. КРУПНОВ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Археологическая экспедиция, организованная Государственным историческим музеем (ГИМ), вела свои изыскательные работы в июле—августе 1935 г. на территории Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных областей. Основными задачами экспедиции являлись: отыскание и предварительное обследование бытовых памятников (селищ) Кобанской культуры (эпоха I тысячелетия до н. э.), а также Аланской культуры (эпоха VI—IX вв. н. э.) и проверочные раскопки некоторых могильников, связываемых с этими культурами, известных по старым раскопкам дореволюционных лет.

Работа экспедиции ГИМ протекала при живом участии и содействии местных научно-исследовательских учреждений — Северо-осетинского и филиала Чечено-Ингушского научно-исследовательских институтов (г. Орджоникидзе). В экспедиции принимал непосредственное участие проф. Л. П. Семенов.

Памятники материальной культуры, обнаруженные и обследованные экспедицией на территории Северной Осетии и распределенные при описании в хронологическом порядке, суть следующие: на известном могильнике, входящемся против самого с. Гапат (Дигория), экспедицией было

вскрыто одно погребение в грунте, представляющее собой классический тип древнейшего скорченного погребения, по инвентарю (бронзовое кольцо, два бронзовых височных колечка и кабаньи клык) и по указанным выше признакам относимое к эпохе докобанской культуры и являющееся новым и древнейшим памятником края. Близкое же к этому типу погребения вскрыто и другое, в квадратном ящике на могильнике, лежащем выше сел. Верхняя Кобань (Тагаурья), в местности, называемой «Загли Барздонд» (Азалева возвышенность). Инвентарь этого погребения (бронзовый нож, три бронзовых бусины, кремневый наколеник стрелы и сосуд с наленным орнаментом) имеет некоторое сходство с инвентарем погребений из раскопок Н. П. Веселовского на Сев. Кавказе, датируемых II тысячелетием до н. э.

Близ самого сел. Камунта экспедицией открыто селище кобанской культуры, давшее редкий тип бронзовой фибулы, множество костей домашних животных и фрагментов керамики.

Раскопками же на известном могильнике Фаскау у сел. Гапат (могильнике, совершенно изрытом местным населением еще в дореволюционное время) получен мате-

риал, имеющий определенное значение, как подтверждающий подлинность происхождения значительной коллекции, хранящейся в ГИМ'е, некогда купленной у местного раскопщика Бегизара Дзелпхова, так и подтверждающий связь могильника с кобанской культурой. Раскопки на территории городка Гизельдон ГРЭС дали керамический материал, аналогичный материалу, полученному из могильника Фаскау.

У шоссе на дороге, ведущей из г. Орджоникидзе в Гизельдон ГРЭС, близ сел. Средн. Кобань, экспедицией открыто другое селище, по керамике определяемое эпохой VI—IX вв. н. э., на котором вскрыт очаг, обложенный булыжником. Другой очаг, предположительно определяемый тем же временем, раскопан в районе с. Верхн. Кобань у подножья Кануковской башни над р. Гизельдон. В очаге обнаружено несколько костяных проколов и одна орнаментированная рукоять от неизвестного предмета, сделанная из рога косули.

На Галиатском могильнике вскрыт громадный подземный склеп, сложенный из каменных плит, содержащий коллективное погребение: два мужских и один женский костяки. На боку у одного из мужских костяков находилась железная сабля, рядом с другим — железное копье. В ногах всех трех костяков, лежащих вытянуто на спине, находились: два деревянных, сравнительно хорошо сохранившихся седла, четыре глиняных кувшина (три из которых имеют по три ручки), два деревянных блюда на ножках, две деревянные чашки, одна деревянная резная бляха в железной оправе, два железных крючка от истлевших колчанов, железные наконечники трехперых черешковых стрел, железные удила, псални, стремяна и большое количество разнообразных металлических бляшек от конского убора с остатками ремня (части сбруи). Бляшки бронзовые и серебряные, покрытые тонким золотом. Среди множества рассыпавшихся бус у женского костяка была найдена сильно истертая золотая византийская монета с двумя отверстиями для продевания нитки. На монете изображены император Ираклий и его сын Ираклий Константин (610—641 гг.). Безусловно, монета функций денег уже не несла, а являлась частью женского ожерелья. Под одним из седел находился серебряный

арабский диргем прекрасной сохранности. В настоящее время арабские надписи на диргеме прочитаны Е. А. Беллевым. Диргем чеканен в Басре в 81 г. (701 г. н. э.). Отличная сохранность диргема и весь сопутствующий ему могильный инвентарь, встречающий себе много аналогий в известных могильниках северного Кавказа, Верхнего Салтова и других, не оставляют сомнения в том, что VIII веком и можно будет датировать это интересное погребение алано-хазарской эпохи, давшее уникальные вещи: это — сохранившиеся седла.

В различных местах Северной Осетии (Верхняя Кобань, Галинат, Камунта) в целях предотвращения дальнейшего разрушения и по другим причинам, экспедицией было вскрыто несколько погребений в каменных ящиках, датированных XIV в. и даже позднее. Так, напр., на камунтском кладбище в числе инвентаря двух погребений находились поставленные в головах покойников 2 бутылки темнозеленого стекла (полштофы) с клеймами русского изделия XIX в. На территории Чечено-Ингушской автономной области работы велись в Джерахском ущелье. Раскопки производились на холме Памет, памятнике, совершенно не упоминаемом старыми исследователями и впервые обследованном Л. И. Семеновым в 1927 г. Паметский холм возвышается над р. Армхи и содержит одновременно — селище и могильник. Могила, в виде каменных ящиков, отлично сделанные из тонких шиферных плит, были расположены в три яруса, причем каменные ящики верхнего яруса (числом 9), начинающиеся под самым растительным слоем, будучи не нарушены, абсолютно не имели каких-либо культурных остатков или костяков. В двух других ярусах вскрыто шесть каменных ящиков, давших интересный материал, определяемый последними веками аланской культуры (IX—X вв.).

Кроме того, экспедицией ГИМ'а, помимо чисто археологических работ (раскопки, съемки планов, профилей, обмеры и фотографирование памятников), собран этнографический и фольклорный материал, связанный с обследуемыми районами, что дает возможность вести изучение памятников края, имея некоторую историческую перспективу.

С. В. КИСЕЛЕВ

САЯНО-АЛТАЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1935 г.

Благодаря поддержке экспедиции Цудор-трансом и Государственным историческим музеем удалось в 1935 г. поставить по трассе Чуйского тракта обширные работы.

При предварительном обследовании по трассе было выявлено свыше 500 различных памятников древности, курганов, могил, ритуальных оградок с рядами и аллеями камней, отходящими к востоку, каменных изваяний, мест выплавки металлов, остатков древних оросительных сооружений.

В пунктах наибольшего интереса, совпавших с местами интенсивных строительных работ, после разведок были произведены раскопки.

Первый отряд в составе начальника экспедиции С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой и Н. А. Мазыевой провел раскопки в высокогорной (1900 м над ур. м.) Курайской степи, в 585 км к югу от г. Бийска. Благодаря изобилию памятников этот район объявлен ВЦИК археологическим заказником.

Второй отряд в составе С. М. Сергеева (директор Ойротского музея) и А. П. Маркова (директор Бийского музея) копал в окрестностях с. Туехта на не менее богатой памятниками р. Урсуд (265 км от Бийска) и уже предгорной степной полосе около с. Быстрианского.

Наиболее древними памятниками, исследованными в 1935 г., являются найденные в двух группах около с. Курай небольшие каменные округлые курганы с каменными ящичками, содержащими скелеты людей, положенных скорченно, головами на северо-запад, на левом боку, с согнутыми руками, кистями перед лицом. Вещей при них не оказалось.

Следующими по времени, по видимому, являются найденные также около с. Курай обширные круги, выложенные из камней, имеющие в центре захоронения в обложенной камнями яме. Покойники здесь лежат в слегка согнутом положении, на правом боку, головой на запад. Эта особенность и найденная керамика заставляют вспоминать карасукские погребения. В Курае (2) и около Туехты (1) были раскопаны три кургана, содержавшие погребения времени около начала н. э. Курганы были каменные, значительных размеров. Во всех трех случаях южные половинки могильных ям, содержавшие в особых срубках погребения людей — в Курае двух и трех — оказались разграбленными, и поэтому здесь удалось собрать лишь остатки золотых листовых украшений одежды, остатки деревянной резьбы в виде, напр., головки грифона, обломки железных предметов и посуды, в Курае оказавшейся идентичной находимой в предгорных кур-

ганах этой же эпохи (накладные валики с нарезками).

В северных половинах могил, содержащих 2 и 3 лошади, ограбления почти не было. Все лошади были убиты ударом острия в лоб. Лежали головами на восток. При них нашлись простые кольчатые удила, пряжка-крючок, золотые обкладки узды в виде вырезанных из дерева клыков кабана, аналогичных торчащим из пасти льва, украшающим один из уздечных наборов Пазырыкского кургана. К этой же эпохе относятся и земляные с каменной обкладкой курганы окрестностей с. Быстрианского (раскопано 15). Все они были пограблены, но дали керамику, золотые украшения, бусы, пряжки, остатки железных предметов с золотой инкрустацией.

Следующую группу составили памятники VII—IX вв.

Прежде всего около с. Курай и с. Туехта были раскопаны 23 каменных округлых кургана 6—7 м в диаметре. Они содержали пелье или потревоженные грабителями погребения в неглубоких ямах одного человека, лежавшего всегда вытянуто на спине, головой на север или восток.

Рядом всегда находились костяки одной или двух лошадей с обратной ориентировкой.

Инвентарь покойников — медные, серебряные и железные вещи, украшения и оружие. На лошадях, иногда отделенных от людей «забором» из столбиков, найдены уздечные наборы очень тонкой работы (выделяются бляшки, украшенные изображениями тонко гравированных пчел), удила, пряжки и стремяна форм, встречающихся западнее в могильниках VII—IX вв.

Дважды встретились остатки седел, близких современным алтайским.

Среди этих погребений заслуживает внимания одно женское, в насыпи кургана которого найдены лежащими друг на друга оба жернова вращающейся ручной мельницы. Теленгитам сейчас неизвестна такая мельница, они удовлетворяются зернотеркой (расрак), также полагаемой в могилу женьяны.

Это позволяет видеть в находке жерновов указание на более высокую земледельческую культуру древнего Алтая по сравнению с державшейся до колхозов.

Это же подсказывает решение вопроса о времени гигантских оросительных сооружений Курайской долины, рассчитанных на полеводство.

Из ряда курайских и туехтинских курганов этого типа выделяются два, давшие особо интересным и богатым инвентарь.

Рис. 1. Серебряный кувшинчик.

Рис. 1а. Дно кувшинчика с резными надписями.

Рис. 3. Костяная рукоять пшети.

Рис. 4. Часть пояса с золотыми бляхами.

Около Курая, в урочище Тадица, среди двух других был раскопан каменный курган 12 м диаметром. В его могильной яме, на глубине всего 40 см от горизонта, на специальном выступе северной стенки был найден склад вещей — серебряный кувшинчик (рис. 1), на дне которого по краю орхоно-енисейская надпись: $\wedge \text{Ч} \text{Е} \text{У} \text{Т} (\text{X} \wedge \text{Т}) \dots \uparrow$ —

$\text{ä}r \dots k \text{š}^{\text{ä}} \text{d}^{\text{r}} \text{l} \text{ä} \text{t} \text{l} \text{g}^{\text{i}} \text{n} \text{ä} \text{s}$, т. е. «человек (имя) [с] шадом мужественным спутник». В центре два рядом с тамгой еще надпись EN — ög^{i} , т. е. «почет» или «мудрый» (рис. 1а). Здесь же найден пояс из шестидесяти пяти различных серебряных пряжек, обойм и блях золоченых и украшенных растительным орнаментом (рис. 2). На оборотной стороне концевой бляхи также обнаружена сильно стертая надпись, в начале которой различаю: $\dots \text{.} \text{X} \wedge \text{Т} \text{H} \dots \text{H} \text{N} \text{H} \text{H} \text{H}$

$\wedge \text{X}$ — $\text{otc}^{\text{i}} \text{ä} \text{k} \text{kün} \dots \text{kuš}^{\text{ä}}$, т. е. «хозяин (господин) Ак-Кюн кушак» возм. след. господина Ак-Кюна кушак». На поясе висел шелковый мешочек с огнивом и двумя другими мешочками, содержавшими один — кремни, трут и берестяные полоски, а другой — зубы — три человеческих и один грызуна — амулеты от тяжелой зубной болезни, которой, как выяснилось впоследствии, страдал их обладатель. Рядом лежали, с деревянными ножнами, вилка и костяная рукоятка плети, украшенная резным парным изображением хищника и следующей за ним птицы (рис. 3). Ниже лежала узда, украшенная массивными серебряными розетками.

Грабительский ход, бывший в могиле, окончился над самой кровлей основного погребения уничтожением бывшего здесь костяка какого-то человека, может быть слуги.

Сам же хозяин лежал на дне ямы в колоде вытянуто, головой на север. В головах, у колоды, стояли стремена с дурками. У головы найдены золотые кольчатые серьги. Большими кусками в три слоя сохранились остатки шерстяных и шелковых одежд. Пояс был украшен серебряными бляхами, фигурными кольцами и пряжками. На нем висел берестяной колчан со свистящими стрелами. У правой руки лежал монгольский лук. У шиколоток были пряжки и бляшки от сапог. У колоды, в ногах, лежал упавший железный, колоколовидный, на коническом поддоне котел, живо напоминающий еще скифские. Здесь же лежал скелет барана без головы.

За «забором» из плах в восточной части могилы лежали три лошади, хвостами на север. Западная, ближайшая к покойнику, была в полном уборе — с серебряной уздой с удлами, с остатками седла и пряжек к нему.

В Туяхте был раскопан сходный курган. Грабители лишь частично потревожили лошадей. В могиле был найден костяк мужчины, лежавшего вытянуто, головой на восток-северо-восток. На нем сохранились остатки шелковых одежд: верхней — цвета бордо, средней — зеленоватой и нижней — золотисто-желтой.

Слева от головы стоял серебряный кувшинчик, очень близкий к курайскому, на дне которого можно сейчас читать следующее: $\text{Т} \text{У} \text{Я} \text{Х} \text{Т} \text{H} \text{H} \text{H} \text{H}$ — $\text{für} \text{k}^{\text{ä}} \text{t}^{\text{h}} \text{n} \text{kum}^{\text{ü}} \text{š}^{\text{ä}}$ $\text{ä} \text{r}$, т. е. «ханьши Нью серебро подать»: (вероятно имя) $\text{katur}^{\text{š}} \text{kum}^{\text{ü}} \text{ä} \text{y} \text{ä} \text{r}$, т. е. (такой-то) ханьши серебро. Поверх одежд на груди лежал кожаный мешочек, в котором были три небольших шелковых мешочка, несколько кремней, огниво, лоскут, в который был завернут трут, и четыре украшенных нарезками призматические деревянные фигурки.

Ниже к животу лежали части кожаного пояса с 12 золотыми штампованными бляхами (рис. 4). Справа от котелка найдены семь наконечников стрел, две костяные обкладки от лука, четыре серебряных кольца и также же пряжки, наконечник и семь бляшек от ремня, прикреплявшие налуче к поясу. В левой руке был нож в деревянных ножнах. У пяток по серебряной бляшке. В ногах стоял железный клепаный котел в виде ведра.

При лежавших вдоль левого бока человека двух лошадях были найдены оставленные грабителями части узды, остатки деревянного седла.

Таким образом оба кургана дают почти одинаковый инвентарь и близкие по кругу затрагиваемых тем надписи, демонстрируя нам аристократической «служильный» слой Алтая. Рядом с этими курганами были обследованы четырехугольные оградки из плит, засыпанных внутри камнями. Раскопки показали, что они являются жертвенными местами (в центре каждой небольшое углубление с золой и углем), а найденные вещи, равно как и форма украшений настоящих частей у восточной стенки каменных изваяний, позволяют объединять их с только что описанными курганами в один комплекс. Завершив работы на Алтае, экспедиция пропоздела большие разведки по р. Ус на границе с Танну-Тувою и по р. Уйбату в Хакасии, обследовав ряд могильников, так наз. чаатасов, сняв с них детальные планы и фото со стоящих на них изваяний и подготовив работу для будущего их изучения раскопками. Возможно, что материал из этих могильников даст енисейскую параллель курайскому и туяхтинскому курганам. Кроме того, экспедиция вывезла большое количество орхоно-енисейских неизданных надписей,готавливаемых сейчас к печати.

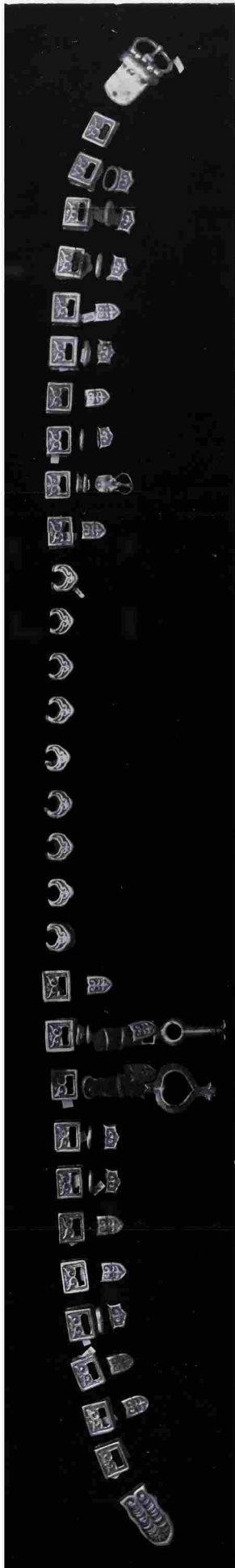

Рис. 3. Иные из серебряных вещей.

Т. Ф. ГЕЛАХ

РАСКОПКИ ПО ПАЛЕОЛИТУ В КРЫМУ (1935 г.)

Институт антропологии, этнографии и археологии в текущем 1935 г. произвел раскопки навеса Шан-Коба в Байдарской долине, в Крыму.

Навес Шан-Коба принадлежит к числу очень редких по своей археологической насыщенности палеолитических памятников. Раскапываемый в течение многих лет, он продолжает давать богатые материалы, характеризующие наименее обследованную эпоху каменного века в Крыму, мезолит — промежуточный период между неолитом и палеолитом, который одними исследователями относится к палеолиту, другими — к неолиту и, наконец, третьими выделяется совершенно обособленно как самостоятельная стадия в экономической жизни первобытно-коммунистического общества. Такая хронологическая неустойчивость мезолита объясняется, главным образом, малой исследованностью памятников (стоянок), материал которых большею частью бывает подъемный и случайный по той простой причине, что культурные слои мезолитических стоянок залегают неглубоко под верхним песчаным слоем и в самом почвенном слое. Неглубокое залегание объясняется, с одной стороны, сравнительной хронологической близостью этих памятников (эпоха мезолита, примерно, насчитывает 10—15 тысячелетий тому назад) и, с другой стороны, более поздней потребностью почвенных культурных слоев засыпкой, сдувами, смывом и т. п. явлениями геологического характера.

Ценность раскопок навеса Шан-Коба и заключается прежде всего в том, что здесь мы имеем вовсе нетронутые культурные напластования, которые дают хороший материал для определения хронологии памятника в связи с учетом, конечно, всей географической и геолого-стратиграфической ситуации памятника и окружающей местности.

Из находок, сделанных в текущем году, следует отметить прежде всего огромный набор (более тысячи номеров) самых разнообразных поделок, характеризующих хозяйственную деятельность человека. Среди орудий труда встречаются скребки — основное орудие эпохи первобытно-коммунистического общества, имевшее весьма разнообразное назначение. Затем идут разные проколки, остря, резцы, и т. п. Все орудия

сработаны очень аккуратно на месте из прочного кремня мелового возраста. Навес вместе с тем служил и мастерской для выработки орудий труда, что обычно имеет место почти во всех стоянках эпохи первобытно-коммунистического общества.

На основании анализа кремневых орудий можно вывести определенное заключение, что человек, имевший своим постоянным жильем навес Шан-Коба, куда он скрывался от ночного мрака, непогоды, для сна и отдыха и от зверей, жил прежде всего охотой и собирательством. Найденная в большом количестве фауна, в виде хорошо сохранившихся остатков костей, дает возможность определить те виды животных, на которых человек охотился и которые были его современниками.

В настоящем 1935 г. С. Н. Бибиков нашел кладовую с раковинами улиток. Находка эта говорит о том, что житель Шан-Коба был экономным и расчетливым хозяином и не поел сразу на месте все сборы пищи, а заботился также о запасах. Очень любопытна яма для запекания улиток — эта, так сказать, своеобразная «кухня» первобытного человека. Находка этого рода является первой на территории СССР, а по тщательности ее исследования и богатству содержимого раскопки 1935 г. оставят позади многие, сделанные до настоящего времени, открытия подобного рода в Западной Европе.

Среди прочих находок надо отметить остатки очагов, тщательно исследованные экспедицией. Очаги эти разбросаны в разных местах и дают возможность нарисовать картину топографии всего места в целом. Кроме того, большое значение имеют находки костяной индустрии, впервые на территории Крыма так обильно представленной в палеолитической стоянке. Среди костяных объектов обращает на себя внимание набор острей, разного типа наконечников, проколок и т. п. Весьма ценным является обломок со следами орнамента в виде трех глубоких параллельных напаряющих линий.

Раскопки продолжались полтора месяца. В работе принимали участие: нач. экспедиции С. Н. Бибиков, старший научный сотрудник Е. В. Жиров, научная сотрудница С. А. Трусова и др.

Т. Ф. ГЕЛАХ

НОВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МУЗЕЯ ИАЭ АН СССР

Поступление коллекций бывшей Четвертичной комиссии Академии Наук СССР

В связи с переездом в Москву Четвертичной комиссии и Минералогического музея, а также находящейся при последнем так наз. «Четвертичной галереи», т. е. музейного отдела, комплексно отражающего вопросы четвертичной стратиграфии и палеоэтнологии (первобытной археологии), — в Археологический отдел музея ИАЭ поступил интересный ряд коллекций, хранившихся в фондах Четвертичной комиссии. Из этих коллекций следует отметить материалы из раскопок проф. В. А. Городцова известной Тимоновской палеолитической стоянки около г. Брянска. Открытая в 1927 г. стоянка эта, систематически с 1928 г. исследуемая до настоящего времени В. А. Городцовым, уже дала результаты (в особенности жилые и служебные сооружения) и имеет литературу.¹ Большим недостатком в организационной части раскопок Тимоновской стоянки является разбросанность ее материалов по четырем научно-исследовательским учреждениям (Музей антропологии при МГУ, Государственный исторический музей в Москве, музей Комиссии по изучению четвертичного периода Академии Наук СССР и музей Института антропологии, этнографии и археологии при Академии Наук СССР). Такая раздробленность одного и того же исторического (археологического) памятника, к сожалению, является не единичным фактом. В этом отношении инициатива, взятая Институтом антропологии, этнографии и археологии в смысле хотя бы частичной концентрации археологических материалов, несомненно заслуживает одобрения.

Второй коллекцией, поступившей от Четвертичной комиссии в музей ИАЭ,

является не менее знаменитая «Мальта», палеолитическая стоянка, расположенная близ г. Иркутска по долине р. Белой в районе села Мальта. Стоянка эта, открытая в 1928 г. крестьянином Платоном Брилиным, изучалась в продолжение многих лет археологом М. М. Герасимовым. Известность свою она приобрела благодаря находке детского погребения и в особенности большого количества костяных женских статуэток и огромного числа разнообразных произведений искусства, в том числе первой находки на территории СССР гравированного изображения мамонта на костяной пластинке.¹

Мальтинская стоянка является одной из наиболее типичных и интересных стоянок эпохи палеолита на территории Евразии, открытие которой сделано в годы Советской власти. Из стоянок, открытых за последние годы в СССР, в особенности многочисленны крымские, коллекции копх также хранятся в Четвертичной комиссии и музее Института антропологии, этнографии и археологии. Главная часть экспозиции Четвертичной галереи и была построена на крымских материалах, и часть экспозиционных объектов осталась и сейчас на месте, теперь уже в Москве, а запасные фонды перешли в музей ИАЭ.

Из крымских стоянок эпохи палеолита следует отметить стоянку Киик-Коба, имеющую два различных хронологически слоя: нижний (так наз. «аморфная культура») и верхний (культура «Ля-Микок»). Стоянка эта замечательна как первая стоянка этого времени, открытая на территории СССР. Кроме того, эта стоянка дала первое открытие в СССР (1924—1925 гг.) скелета «неандертальской расы». Второй стоянкой по своей значимости в Крыму из памятников среднего палеолита, или эпохи Мустье тиша Адри оди, является навес Шайтан-Коба в долине р. Болрак.

Стоянки эпохи так наз. верхнего палеолита более многочисленны в Крыму. В особенности же много стоянок эпохи переходной от палеолита к неолиту (эпоха азияль-гарде-

¹ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 г. (Тр. Инст. антроп., этногр. и археол. Акад. Наук, вып. 3, 1935 г.); он же, Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневой и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 годов (Тр. Секц. археол. РАНПОИ, сборн. V, 1930, стр. 15—43); он же, Предварительные сведения об исследовании Тимоновской палеолитической стоянки близ г. Брянска (Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 55—57); М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка. Русск. антропол. журн., 1929, т. XVIII, вып. 1—2, стр. 59—68, с фр. резюме, 69—70; Е. А. Столяревский. Открытие новой палеолитической стоянки и остова мамонта (Изв. ЦИК, 1928, № 148, от 28 VI).

¹ М. Герасимов. Мальта, палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928—1929 гг., Иркутск, изд. Краевого музея, 1931, стр. 34. д. 2. р. 50 к.; он же, Палеолитическая стоянка в Мальте. Сообщения ГАИМК, 1931, № 11—12, стр. 55—57; он же, Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. Изв. ГАИМК, вып. 118, стр. 78—124.

вуаз), правда, менее всего пока изученных.¹ Из материалов этой эпохи, поступивших в музей ИАЭ, наиболее многочисленны предметы из стоянки двойного навеса Сюрень I, содержащего в себе три слоя, относящихся к трем разным фазам ориньякской эпохи: нижнего, среднего и верхнего ориньяка. Из стоянок азий-гарденуазской эпохи следует назвать навес Шан-Коба, раскопки которого производятся до последнего времени,² Фатьма-Коба, Кукрек, навес Сюрень II и др.

Таким образом, в музее ИАЭ постепенно начинают концентрироваться археологиче-

ские материалы эпохи дородового общества в виде собраний как с территории Крыма, так и из других мест Союза. Большая и ответственная задача встает сейчас перед научным персоналом Института антропологии, этнографии и археологии и музея при Институте по научной обработке и изданию тех частей материалов, которые до сих пор не были обработаны и опубликованы, а также еще более трудная задача лежит по вопросу наиболее правильного и рационального хранения и экспозиции всех перечисленных материалов.

Т. Ф. ГЕЛАХ

ПРИОБРЕТЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ ПО ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В ноябре 1935 г. Археологический отдел музея ИАЭ приобрел ценную коллекцию разнообразных предметов, относящихся к так наз. «трипольской культуре». Среди отдельных вещей следует отметить предметы большой научной ценности — человекообразные фигурки из пережженной глины. Среди фигурок преобладают женские статуэтки, что может быть связано с матриархатом первобытно-коммунистического общества, т. е. с той самой социально-экономической организацией, к которой обычно и относят трипольскую культуру. Фигурки эти довольно широко распространены по всей территории Украины, где бытовала когда-то трипольская культура, и, надо полагать, имели какое-то культовое значение.

Кроме статуэток, коллекция содержит большое количество фрагментов типичной для данной культуры расписной керамики. Большое разнообразие форм сосудов, чрезвычайное богатство орнаментики стенок сосудов в виде разнообразных спиралей как прочерченного орнамента, так и расписного путем нанесенных широких и узких полос цветной краски и, наконец, высокое качество

обжига сосудов — таковы основные характерные черты этой керамики, особняком стоящей в ряду прочих керамик эпохи первобытно-коммунистического общества, благодаря чему археологи обычно и выделяют так наз. «трипольскую культуру» в один вещевой специфически обособленный комплекс.

Спорным вопросом при изучении трипольской культуры являлся, как известно, архитектурный облик и назначение самих сооружений («площадок»), правильно разгаданных впервые В. А. Городцовым.¹ Позднее же по этому вопросу высказался А. С. Спицын² и сам основоположник трипольской культуры В. В. Хвойко.³ Вот потому особенную ценность приобретают в коллекции те немногочисленные куски глиняной обмазки, на основании которых можно реконструировать «трипольские постройки». Среди этих фрагментов особенное значение имеет один, который дает намек на какое-то куполообразное покрытие — факт неизвестный до сих пор.

Трипольская культура имела очень широкое территориальное распространение. На периферии ее были провинции, к числу которых относится с. Усатово на побережье

¹ Е. Вульф. Палеолит Крыма. Журн. «Природа» 1930, № 2, стр. 227—230. Кроме того, соответствующие главы в капитальном сводем труде по всему палеолиту СССР: П. П. Ефименко. Дородовое общество. Изв. Гос. акад. инст. матер. культ., вып. 79, стр. 532. Ц. 10 р.

² Раскопки навеса Шан-Коба в Байдарской долине, в Крыму, производятся научным сотрудником ГАИМК С. Н. Бибиковым. В особенности богатые находки имели место осенью 1935 г., когда впервые были найдены произведения изобразительного искусства среди богатой кремневой индустрии.

¹ В. А. Городцов. Назначение глиняных площадок в доисторической культуре трипольского типа. Археол. изв. и зам., год VII. № 11—12, 1900, стр. 345—352.

² А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого, Киевской губ. Изв. и археол. ком., вып. 12, 1904, стр. 87—118.

³ Ряд отчетов и работ В. В. Хвойко. Сводная работа «Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена», Киев, 1903.

Черного моря вблизи Одессы, давшее богатые материалы.¹ В коллекции имеется также и керамика из Усатова. Кроме того, коллекция включает в себя керамику более ранней и более поздней поры трипольской культуры, образуя таким образом вещевой мост от самых начальных моментов до угасания трипольской культуры.

Большую ценность приобретает вся коллекция еще и потому, что собрана она в период времени 1918—1925 гг. специалистом по трипольской культуре, украинским археологом Г. А. Динцесом.² Вместе с прежними

поступлениями объектов трипольской культуры из Галиции (1916 г.), а также при наличии коллекции американского исследователя Помпелли из Анау, близ Ашхабада нынешней Туркменской ССР,¹ настоящая коллекция пополняет ассортимент археологических объектов Музея ИАЭ, относящихся к трипольской культуре, и выдвигает Музей ИАЭ на видное место среди столичных музеев СССР. Без материалов Музея ИАЭ изучать раннюю пору бронзового века на территории СССР сейчас затруднительно.

Т. Ф. ГЕЛІАХ

ПОЛИТПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МУЗЕЯ ИАЭ

Археологический отдел ИАЭ, после трехмесячного своего закрытия вследствие капитального ремонта, вновь открыт для обозрения посетителей и для экскурсий.

Экспозиция всего отдела в целом оставлена прежней, небольшие изменения сделаны лишь внутри некоторых витрин в сторону большего упрощения и сокращения вещевого материала. Чрезмерная перегруженность вещевым материалом была большим минусом в прошлом для всего отдела, благодаря чему одиночный посети-

тель очень быстро утомлялся и не мог сосредоточить своего внимания на основном экспонатном материале. Этот недостаток был чувствителен также и для экскурсионных групп, которые знакомились с отделом под руководством экскурсовода. Последнему трудно было делать выбор среди огромного количества самого пестрого набора отдельных вещей и фиксировать внимание участников экскурсии на основных объектах, затерявшихся среди общей массы прочих. Значительное сокращение материала внутри витрин, упрощение этикетажа и некоторые другие изменения сильно облегчили работу экскурсоводов и подняли интерес отдельных посетителей.

И мы замечаем, как ежедневно растет количество посетителей отдела. Политпросветотдел Института проделал большую работу по поднятию квалификации экскурсоводов, среди которых сейчас насчитывается большой процент научных работников музея и аспирантов Академии Наук СССР.

¹ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большекуляницкого поля культурных остатков. Вісн. Одес. ком. краєзн. при УАН № 2—3, Одесса, 1925; он же. Керамика з Усатова. Трип. культ. на Укр., вип. I, стр. 8—30, и В. П. Крюков. Предварительный отчет о геологическом исследовании стоянки доисторического человека побережья Хаджибейского лимана. Журн. науч.-иссл. кафедр в Одессе, 1924, № 7, стр. 62—67.

² Г. А. Динцес. Прочерченный трипольский орнамент культуры. Сб. I, Гос. Акад. ист. мат. культ., бюро по делам аспирантов, Л., 1929, стр. 15—26.

¹ R. Pumpelly. Ancient Anau and the Oasisworld. Explorations in Turkestan 1904. Publ. Carnegie Mus. Washington, 1908.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. В. МАЧИНСКИЙ

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ КНИГ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

1. VAILLANT, GEORGE, C. EXCAVATIONS AT ZACATENCO. 197 pp., LIV pl., IV maps. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXII, part I), New York 1930.

2. VAILLANT, GEORGE, C. EXCAVATIONS AT TICOMAN. 242 pp., XXXIX pl., VI maps. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXII, part II), New York, 1931.

3. VAILLANT, SUZANNAH B. a. GEORGE, C. EXCAVATIONS AT GUALIPITA, 135 pp., 34 fig. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXV, part I.), New York, 1934.

4. MERWIN, RAYMOND E. a. VAILLANT, GEORGE, C. THE RUINS OF XOLMUL GUATEMALA. 107 pp., 36 pl. (Memoirs of the Peabody Museum of American Archeology a. Ethnology. Harvard University, vol. III, № 2.), Cambridge, 1932.

5. MORLEY, SYLVANUS. G. THE INSCRIPTIONS AT COPAN. 643 pp., 33 pl. a. maps (Carnegie Institution, Publication № 219), Washington, 1920.

6. SPINDEN, HERBERT J. ANCIENT CIVILIZATIONS OF MEXICO AND CENTRAL AMERICA, 270 pp., XLVII pl a. 86 fig. (American Museum of Natural History. Handbook series, N 3. 3d. ed.), New York, 1928.

7. GENET, H. et CHELBATZ. HISTOIRE DES PEUPLES MAYAS — QUICHÉE (Mexique, Guatemala, Honduras.), Paris, 1927, 225 p.

8. GANN, THOMAS, AND THOMPSON, ERIC. THE HISTORY OF THE MAYA FROM THE EARLIEST TIMES TO THE PRESENT DAY. 264 pp., XXVI pl., New York, 1931.

Первые две из названных книг являются отчетами о раскопках в окрестностях г. Мексико (древний Теночтитлан), давших богатый археологический материал по древнейшему периоду истории Центральной Америки. В предисловии к первой из них Г. Вайан дает краткий очерк истории находок предметов материальной культуры, относящихся к этому периоду, которому в современной литературе по археологии Америки присвоено название «Архаического» (Archaic) периода или «Архаической культуры». По поводу этой культуры, как указывает сам автор, между современными американистами существуют значительные разногласия. Одни, как напр. Г. Спинден,¹ считают, что она развивается более или менее однородно по всей территории Центральной Америки вплоть до времени ее разделения на культуру толтекскую, цапотекскую, адтекскую, культуру майя и т. д. Другие же, как Лотроп и автор рассматриваемой работы, утверждают, что

памятники этого периода, в особенности скульптура, имеют в различных географических районах резко выраженные местные особенности. На основании этих особенностей Г. Вайан делит археологические памятники «Архаического» периода на две географические группы с материалом, как он говорит, однородным по технике, но разнородными типологически. В дальнейшем, основываясь в частности на работе Крэбера,¹ он считает возможным установить значительные различия в типах вещей даже отдельных небольших географических областей. С нашей точки зрения, деление, основанное только на типологических различиях (тем более иногда совершенно ничтожных), не является существенным. В отношении же хозяйства все поселения «архаического» периода не дают существенно различного материала. С вопро-

¹ Cp. H. Spinden. Ancient Civilization of Mexico a. Central America. 1928.

¹ A. L. Kroeber. Archaic Culture Horizons in the Valley of Mexico (Univ. of California. Publications in American Archeol. a. Ethnol. vol. 17, pp. 373—408, Berkley, 1925.

сом об отношении так наз. архаической культуры к следующим за ней хронологически культурам майя, толтеков, адтеков и других племен Центральной Америки связаны гипотезы о миграциях этих племен. Общераспространено мнение, обычно высказываемое в очень категорической форме, что все эти племена в различное время пришли с севера, причем типологическая разница между вещами, добытыми при раскопках из нижних «архаических» слоев, и вещами из верхних слоев (относящихся к культурам майя, цапотек, адтеков и других племен), приводится обычно как доказательство того, что эти племена, придя с севера, покорили народы «архаической» культуры. В данном вопросе Г. Вайан занимает весьма осторожную позицию, лишь вскользь замечая, что в «архаическом» периоде были заложены семена последующих, более высоких культур. Несомненно, что имеющийся в нашем распоряжении археологический материал дает нам полное право утверждать, что все более поздние культуры Центральной Америки развились из так наз. «архаической» культуры.¹ Во всяком случае нет никакой надобности прибегать к столь излюбленной западноевропейскими и американскими учеными теории миграций, чтобы объяснить эту типологическую разницу. Для ее понимания необходимо было бы прежде всего обратиться к выяснению тех изменений в социальной организации и хозяйстве общества, которые обусловили ее появление. Относительно истории социальной организации племен Центральной Америки следует сказать, что она до некоторой степени изучена только для адтеков, в отношении же других племен здесь почти ничего не сделано. Развитие хозяйства и техники изучено несколько лучше. В частности, Г. Спинденом установлено, что как раз в период перехода от так наз. «архаической культуры» к культурам майя, цапотек, толтеков и т. д. в хозяйстве и технике происходят значительные изменения.

Работы Г. Вайана «Excavations at Zacatenco» и «Excavations at Ticomán» ценны уже потому, что в них впервые дается не только описание найденных вещей, но и детальное описание как самих поселений «архаического периода», так и самих раскопок, что позволяет с известной степенью точности установить условия нахождения отдельных вещей. Хотя Г. Вайан и является одним из лучших современных археологов-американистов, все же приходится отметить, что методика его раскопок далеко не совершенна. Что касается самих объектов раскопок, а также мест раскопок, то они были выбраны им совершенно правильно: для получения более полного представления об «архаическом» периоде было необходимо, не ограни-

чиваясь случайными находками, сбором материала на местах древних поселений и раскопкой погребений, произвести раскопки поселений, что и было учтено Г. Вайаном. Перед началом раскопок были сняты планы поселений. Однако сами раскопки были произведены неудовлетворительно. Вместо того, чтобы применить квадратно-послойный способ, что дало бы возможность точной фиксации всех находок и облегчило бы увязку друг с другом отдельных раскопок, Г. Вайан прибег к раскопке траншеями. Этот устаревший способ не только не дает достаточно доброкачественных материалов, но по сути дела только портит исследуемый памятник, затрудняя дальнейшее исследование. К тому же траншеи были и заложены без определенного плана, под разными углами и наконец даже так, что одна и та же траншея имела в разных местах разную ширину. В результате Г. Вайаном были вскрыты очень незначительные части поселений и обнаружены только отдельные части стен построек, так что хозяйственное назначение, размеры и форма последних остались совершенно не выясненными. А между тем, если бы он вскрыл строительные остатки полностью, можно было бы получить некоторое представление не только об устройстве жилищ, но и о социальной организации этого общества. В отношении методики раскопок нужно еще отметить как крупный недостаток почти полную неизученность стратиграфии культурных слоев. Деление добытого раскопками материала в книге «Excavations at Zacatenco» на три группы (Ранний Цакатенко, Средний Цакатенко и Поздний Цакатенко, которые я буду называть соответственно I, II и III Цакатенко) не было точно увязано со стратиграфией почвы, причем, если эти три группы материала автором точно отмечаются как происходящие из определенного слоя почвы, то в тексте не дается почти никаких цифровых данных, позволяющих судить о мощности культурных отложений той или иной из трех перечисленных эпох в отдельности, или всех трех, взятых вместе. Сказанное о методе раскопок относится не только к первой из названных книг, но и к двум следующим. В отношении материалов, добытых при раскопках, интерес автора явно склоняется к глиняным фигуркам (статуэткам). Так, автор на чертежах продольных разрезов вдоль траншей детально отмечает местонахождения статуэток различных форм и совершенно не указывает местонахождений орудий труда. Это видно и из текста, в котором автор хотя и дает подробное описание найденных орудий, но все же уделяет им гораздо меньше места, чем керамике и статуэткам. Результаты раскопок в Цакатенко I характеризуются более значительным количеством преобладанием фрагментов керамики и глиняных статуэток над изделиями из камня, по сравнению с более поздними слоями. Орудия

¹ Этот материал в значительной степени уже приводился Г. Спинденом.

производства представлены зернотерками, сделанными из лавы, и орудиями из обсидиана. Из последнего делались наконечники¹ стрел, кроме того, найдено значительное количество обсидиановых пластин и отщепов. Концы пластин иногда ретушированы. Из отщепов изготовлялись миниатюрные наконечники стрел. Орудий из кварцита не найдено, он попался либо в необработанном виде, либо в виде отщепов. Орудий из кости было найдено только два — одно из рога оленя и другое из птичьей кости (шило). По находкам необработанных костей можно предположить, что охотились на оленей и птиц. Костей рыб не найдено совершенно. Кости собак очень редки, однако встречаются глиняные статуэтки, изображающие людей, несущих собак, что указывает на одомашнение собак уже в эту эпоху. На умение изготовлять ткани указывают изображения одежды на статуэтках и находка двух пряслиц, сделанных из обломков стенок глиняных сосудов. Никаких остатков каменных или кирпичных зданий не было найдено.

Цакатенко II характеризуется гораздо большим количеством зернотерок и жерновов, а также наконечников стрел из обсидиана. Из обсидиана, помимо стрел, изготовляли скребки и быть может своеобразные сверла (как их определяет Вайан). Кварцит встречается в гораздо большем количестве. Был найден один кельт (полированный) из нефрита. Орудия из кости встречаются тоже гораздо чаще, чем в Цакатенко I; наиболее простыми орудиями являются зубцы, отломанные от рогов оленя, или же куски самого рога, употреблявшиеся, по мнению автора, для толчения или трения. Несколько орудий из рога имеют форму стамесок, другие, вероятно, служили отжимниками. Из костей ног оленя обычно делались толстые шила. Изделий из дерева как из Цакатенко II, так и из Цакатенко I не найдено. Остатки построек чрезвычайно незначительны.

Цакатенко III по характеру орудий мало чем отличается от Цакатенко II. В Цакатенко III найдено несколько наконечников стрел из кварцита. Таким образом Цакатенко II и III в отношении хозяйства не представляет существенной разницы (деление было произведено Вайаном на основании изменений типов глиняных статуэток и керамики). Как я уже указал, вследствие неудовлетворительности методики раскопок, добытый материал не позволяет нам составить отчетливое представление о социальной организации этого общества, что вынужден признать и сам автор.²

Вторая книга Вайана «The Excavations at Ticoman» является отчетом о раскопках на расположенном поблизости от Цакатенко II поселении той же эпохи (оба поселения некогда стояли на берегу оз. Тескоко). Тикоман является более поздним поселением по сравнению с Цакатенко. В отношении орудий для этого поселения необходимо отметить, что на нем было найдено большее количество наконечников стрел и копий, а также каменных скребков (среди них на ряду с обсидиановыми значительное количество кварцитовых), чем на Цакатенко. Очень интересной является попытка автора, следуя Киддеру, на основании классификации по весу различных наконечников стрел и копий, определить их назначение. Эти орудия могут быть лишь наконечниками стрел, дротиков, метавшихся при помощи копьеметалки (мексиканское *atlatl*), либо наконечниками копий. Киддером, на основании изучения наконечников стрел и дротиков индейских племен на территории юго-запада Соединенных Штатов, было установлено, что максимальным весом для каменных наконечников стрел будет 1.9 г, а вес наконечников дротиков, метавшихся при помощи копьеметалок, колеблется от 4.8 до 11.3 г. Взвесив каменные наконечники из Цакатенко и Тикомана и разбив их по весу на четыре группы, Г. Вайан представил результат в виде таблицы:

	До 2.0 г		От 2 до 5 г		От 5 до 11.3 г		От 11.3 до 42.3 г		Общее число предм.
	Число предм.	%	Число предм.	%	Число предм.	%	Число предм.	%	
Цакатенко I	4	80	—	—	—	—	1	20	5
II	2	25	4	50	1	12.5	1	12.5	8
III	4	40	4	40	1	10	1	10	10
Тикоман I	8	57	5	35.6	1	7.1	—	—	14
II	6	27	13	59	3	13.6	—	—	22
III	3	14.2	11	52.4	4	19.0	3	14.2	21
Общая сумма	27	33.7	37	46.2	10	12.5	6	7.5	80

¹ Наконечники стрел, как указывает Г. Вайан, были вероятно обработаны отжимной техникой.

² The Excavations at Zacatenco, p. 39.

Наконечники IV группы, в виду значительности их веса, определены автором как наконечники копий. Предложенный А. Клардом способ определения назначения наконечников по весу является несомненно принципиально правильным. Применение его в каждом отдельном случае требует, однако, большой осторожности, так как может легко повести к необоснованным выводам. Так, в данном случае таблица дает совершенно правильные соотношения между отдельными группами наконечников в пределах одного периода, в отношении же соотношений количества наконечников между отдельными периодами таблица может привести к недостаточно обоснованному выводу о росте числа наконечников при переходе от одного периода к другому. Между тем таблица не дает права для такого вывода, так как в ней не приведены цифровые данные по объему вскрытых раскопками слоев для каждого отдельного периода. В общем приходится очень пожалеть, что автор приводит так мало цифровых данных в отношении орудий производства.

Для Тикомана является характерным распространение полировки каменных изделий (из Цакатенко известны только единичные примеры) как украшений, так и топоров (молотов). Последние изготовлялись из нефрита, порфира и диабазы, что подтверждает определение автором Тикомана как более позднего поселения, чем Цакатенко. Зернотерки и костяные орудия встречаются в Тикомане также в значительном числе.

Погребения, найденные в Тикомане, отличаются от раскопанных в Цакатенко наличием значительного погребального инвентаря (керамики, костяных и обсидиановых орудий). Погребения, найденные в Цакатенко, за одним исключением, не имели никакого инвентаря. Здесь необходимо отметить, что как чертежи погребений, так и их описание совершенно неудовлетворительны. Хорошей стороной обеих книг является почти исчерпывающее воспроизведение вещей, данное в большинстве случаев фотографическим путем.

В отношении отчета С. Вайана и Г. Гайана о раскопках в Гуалупите приходится сказать, что хотя этот отчет и написан позднее двух предыдущих, он значительно слабее их как в отношении полноты описания орудий производства, так и в отношении количества приводимых чертежей. Находки в Гуалупите охватывают значительно больший отрезок времени, чем находки в Цакатенко и Тикомане, взятые вместе. Вот как, примерно, представляется, на основании исследований Г. Вайана, соотношение этих культур (см. табл.).

Таким образом, казалось бы, что раскопки в Гуалупите должны были дать интересный материал, на котором гораздо лучше, чем на материале из Тикомана и Цакатенко, можно было бы проследить историю Мексикки до ацтеков и переход от «архаической» культуры к культуре ацтеков, а между тем работа Р. и Г. Вайан не дает для этого почти никаких данных.

	Гуалупита III (непосредственно предшествует периоду господства ацтеков)
Тикоман III II	Гуалупита II
Цакатенко III = Тикоман I	
Цакатенко II I	Копилько, ¹ Гуалупита I

¹ Я привел наименование этого поселения для того, чтобы можно было получить некоторое представление об абсолютной датировке находок «архаического» горизонта. Поселение у Копилько относится ко времени приблизительно не позднее начала I тысячелетия до н. э. Датировка основана на том факте, что поселение у Копилько залито лавой из ныне потухшего вулкана Ахуско. Извержение датируется геологами как происшедшее около 3000 лет тому назад (H. Spinden. *Anc. Civ. of Mexico and Central America*, p. 49).

Книга Р. Мервина и Г. Вайана является отчетом о раскопках, производившихся Р. Мервином¹ в Холмуле в течение 1909—1910 г., 1910—1911 и 1913—1914 гг. Отчет подготовлен к печати и снабжен дополнениями Г. Вайаном. Оценивая работы в Холмуле с точки зрения методики раскопок, мы должны помнить, что эти раскопки были произведены более 20 лет тому назад. В книге, к сожалению, не дано описания самого процесса раскопок, но по описанию отдельных памятников, чертежам, а также по замечаниям Г. Вайана мы можем составить об этом некоторое представление. Чертежи архитектурных построек выполнены вполне удовлетворительно и всегда снабжены масштабом. По чертежам и описанию видно, что автор обращал большое внимание как на конструкцию построек, так и на определение относительной датировки отдельных их частей. Мервином была, по всей видимости, изучена и сама структура почвы искусственных холмов, на которых стояли здания; по крайней мере на чертежах он отмечает позднейшие присыпки земли к холмам. Погребения изучены значительно хуже, хотя и даются подробные перечисления вещей, найденных в каждом отдельном погребении с приблизительным указанием их местонахождения («found around skull», «found between femore — lower part» и т. п.), но не дано ни одного подробного чертежа погребения. Имеющиеся чертежи дают представление только о положении погребений внутри построек. Как это характерно для большинства даже современных археологов-американистов, внимание Р. Мервина было обращено преимущественно на значительные архитектурные остатки и вещи, особенно их керамику (правда, керамика является в данном случае почти единственным материалом, служащим для установления относительной хронологии). Крупным недостатком работы является отсутствие общего плана местности. Холмул датируется на основании керамики и архитектурных фрагментов эпохой Древнего Царства (I—VI в. н. э.).

При раскопках был вскрыт ряд каменных зданий, стоявших на высоких земляных усеченных пирамидах, причем в одном случае земляной холм первоначально служил погребальным сооружением, здание же было построено над погребениями. В Древнем Царстве к этим зданиям сооружались пристройки, для чего к пирамидам делались присыпки земли. По мнению авторов, эти небольшие здания, за одним исключением,

служили для религиозных церемоний. Позднее, они стали служить для погребения вождей, обычай, распространенный у племен майя. Наконец, четыре пирамиды были окончательно обращены в погребальные сооружения; пирамиды и стоящие на них здания были совершенно засыпаны землей и превратились в колоссальные курганы. Последним по времени является ряд построек, по всей вероятности, жилого характера. Они стоят, в противоположность остальным, на небольших земляных возвышениях и состоят из нескольких комнат, многие из которых имеют широкие каменные скамейки, идущие вдоль стен. К сожалению, наиболее интересная группа построек этого типа, состоящая из трех больших зданий (одно имеет, судя по плану, не менее шестнадцати комнат), расположенных вокруг небольшого дворика, осталась совершенно неизученной. Погребения имели богатый инвентарь, состоящий из большого количества керамики, отличающейся художественным исполнением украшений: бус, подвесок, кусочков пирита (последние вставлялись в зубы).¹ Орудий найдено чрезвычайно мало: это обсидиановые пластинки и ножи. На стенах зданий отсутствует какая бы то ни было роспись, за исключением небольшого числа graffiti (фиг. 2).

Ценность работы, помимо издания очень интересных материалов раскопок, произведенных для своего времени очень тщательно, заключается еще в той классификации керамики, которую дал Г. Вайан. Г. Вайаном написана в 1927 г. диссертация «The Chronological Significance of Maya Ceramics», дающая по всей видимости очень важный материал для относительной датировки археологических памятников. Эта диссертация не была опубликована. Поэтому, отдел рецензируемой книги, посвященный датировке керамики, и является особенно важным, тем более, что Г. Вайан дает в нем материалы не только для датировки керамики из Холмула, но и из других поселений Древнего Царства.

Книга Морлея «The Inscriptions at Copan» включена мной в настоящий обзор, несмотря на то, что она опубликована уже 15 лет тому назад, потому что она является одной из самых важных работ по археологии и истории Центральной Америки. Этот monumentalный труд является настоящей книгой для всякого археолога-американиста. Несмотря на скромное название «Надписи Копана», эта книга включает не только подробное описание этих надписей, но, кроме того, большое количество очень ценных фактов и соображений по археологии, истории и в особенности летоисчислению майя. Копанские надписи, состоящие в большинстве слу-

¹ Raymond Edwin Merwin родился 21 XI 1881 г. и умер 25 XI 1928 г. Он начал свои археологические работы в штате Огио. С 1908 по 1914 гг. производил раскопки и разведки на Юкатане. С 1915 по 1917 гг. работал ассистентом отдела археологии Центральной Америки в «Peabody Museum».

¹ Cp. M. H. Saville. Pre-Columbian Decoration of the Tecthin Ecuador (Amer. Anthropol., vol. 15—3, pp. 377—394), Lancaster, 1913.

чаев из серии дат (что является характерным для подавляющего большинства пероглифических надписей майя), изданы Морлеем с исчерпывающей полнотой; каждая надпись воспроизведена фотографией, для большей части даны, кроме того, прорисовки. Текст дает подробное описание, расшифровку и библиографию для каждой отдельной надписи. Большая вводная часть дает подробное географическое описание местности, причем обращено особенно большое внимание на флору с точки зрения ее использования в древности (в частности отмечается, что урожай майса — *Zea mays* L. — в некоторых местах Юкатана собирается четыре раза в год). Далее дается описание открытия Копана испанцами и история его изучения. Общее описание археологических памятников снабжено хорошими планами и картами.

Копан, одно из крупнейших поселений Древнего Царства,¹ состоит из целого комплекса построек и стел, расположенных двумя большими группами (на расстоянии одной мили от другой) на рр. Копан и Сесемил. Вокруг них на возвышенностях разбросан еще целый ряд полуразрушенных построек и стел. На расстоянии половины мили от главной группы развалин находятся древние каменоломни. В археологическом отношении Копан изучен еще очень мало. Благодаря работе Морлея мы хорошо знаем его надписи. Исследованиями Стефенса, Мейе, Модслея, Гордона, Спиндена и других хорошо изучены развалины больших каменных построек. Много внимания уделялось памятникам Копана и как произведениям искусства. Само же поселение, несмотря на то, что его посетил целый ряд ученых и на нем работало несколько экспедиций, еще совершенно не изучено. Так как интерес большинства археологов-американцев до сих пор направлен по преимуществу на произведения искусства, крупные архитектурные остатки и уникальные вещи, раскопки и расчистки велись только на пирамидах и около стел, а вся площадь поселения между и вокруг пирамид, не имеющая бросающихся в глаза архитектурных остатков, осталась неисследованной. Точно также осталось совершенно не исследованным место современной деревни Копан, где, судя по большому количеству стел и некоторым архитектурным остаткам, в древности находилось большое поселение. В результате, несмотря на наличие большого числа поселений, датируемых Древним Царством, мы очень мало знаем хозяйство и технику этого периода. Правда, для изучения техники помимо архитектурных остатков и керамики кое-что дают случайные находки орудий на древних поселениях. Морлей в одном из примечаний к своей книге дает краткую сводку

наших знаний по технике этого периода, отмечая, что майя в эпоху Древнего Царства совершенно не знали применения металла и поэтому должны были употреблять для своих архитектурных построек менее твердые породы камня (известняки, песчаники и андезиты), чем употреблявшиеся для изготовления орудий производства (базальт, диорит, кремнь). Наиболее слабой частью книги являются главы, посвященные истории майя. Автор справедливо возражает против теории связи культуры майя с культурой древнего Египта, но охотно допускает миграцию майя с севера.

В конце книги дан ряд очень ценных приложений. Три из них содержат переводы испанских источников (XVI, XVII и XIX вв.). Одно, написанное У. Гэйтсом, дает подробное описание распространения отдельных языков лингвистической группы майя. Большая часть остальных касается хронологии майя. В них Морлей дает новую, детально обоснованную на материале, корреляцию между хронологией майя и современной. Мнения различных ученых по этому вопросу сильно расходятся, и я, не останавливаясь детально на этом вопросе в виду его чрезвычайной сложности, ограничусь тем, что приведу таблицу, наглядно показывающую степень расхождения.

Дата 9.0.0.0 по хронологии майя определяется различными авторами нижеследующим образом:

Joyce 95 г. до н. э. Spinden 176 г. н. э.
 Bodwitch 94 г. до н. э. Morley 176 г. н. э.
 Pérez 144 г. до н. э. Goodman 435 г. н. э.
 De Rosny 151 г. до н. э. Lehmann ок.
 700 г. н. э.
 Valentini 161 г. до н. э. Seler ок. 1000. н. э.
 Brasser de Bourbonnais 174 г. до н. э. Förstmann ок. 1131 н. э.

Книга Г. Спиндена, входящая в серию руководств, изданных American Museum of Natural History, является кратким, рассчитанным на широкую публику, очерком истории древней Мексики и Центральной Америки. Книга интересна уже потому, что в ней история этих графических областей рассматривается как одно целое. Автор книги, один из крупнейших американских археологов, основывает свое изложение почти исключительно на археологическом материале. Как мы уже отметили, он считает, что нет особых оснований делить памятники «архаической» культуры, или, как он ее называет, «архаического» горизонта на резко обособленные географические группы. Эта эпоха характеризуется автором как одинаковая по уровню развития хозяйства на всем протяжении территории горных районов Мексики и Центральной Америки. Поскольку археологические данные свидетельствуют о распространенности земледелия в сухих горных районах, автор

¹ Существование Копана датируется по надписям с 216 по 541 г. н. э.

считает, что уже в эту эпоху должно было широко применяться искусственное орошение. Существование большого числа поселений доказывает, что уже в это время население вело оседлый образ жизни. На основании глиняных статуэток и находок орудий производства, украшений и керамики автор дает краткий, но хорошо обоснованный очерк хозяйства и быта. Женские статуэтки, находимые в большом числе, начиная от юго-запада современных Соединенных Штатов вплоть до Колумбии, Венецуэлы и северного Перу, справедливо ставятся автором в связь с представлениями о плодородии. Эти статуэтки служили, по всей вероятности, амулетами, обеспечивающими хороший урожай. Спинден в конце главы об «архаическом» горизонте ставит в прямую связь возникновение земледелия с изображением гончарного производства, считая появление их приблизительно одновременным. Л. Г. Морган, как известно, считал, что гончарное производство возникло раньше, чем переход к возделыванию маиса и овощей посредством орошения, и что если изобретение гончарного производства характеризует переход к низшей ступени варварства, то возникновение земледелия, на основе искусственного орошения, означает начало средней ступени варварства. Карты, составленные Спинденом и показывающие территориальное распространение в Северной и Южной Америке гончарного производства и земледелия, наглядно доказывают правильность точки зрения Л. Г. Моргана. По ним совершенно ясно видно, что в ряде областей Северной и Южной Америки было известно гончарное производство и не было земледелия. Переходя к культуре племени майя, Г. Спинден совершенно правильно отмечает, что нет никакого разрыва между ней и «архаической» культурой и что первая развивалась из последней. Переход от «архаической» культуры к культуре майя и к средним цивилизациям (т. е. к культуре мексиканских племен, лежащей хронологически между «архаической» культурой и культурой адтеков), как их называет автор рассматриваемой работы, характеризуется распространением земледелия во влажных районах вдоль восточного морского побережья Мексики и Центральной Америки, где можно было собирать несколько урожаев в год. В главе о цивилизации майев рассматриваются их архитектура, искусство и в особенности способы летоисчисления. Особо отмечаются астрономические познания майев — существование у них своеобразных обсерваторий. В специальном параграфе рассматривается пантеон племени майя, для которого характерна резкая специализация богов (Ek Ahau — бог войны, Ixtubtun — покровительница резчиков по камню, Ixchebelyax — покровительница ткацкого искусства и т. д.). У майя так же как и у адтеков существовал специальный бог маиса, часто изображаемый

в скульптуре и в кодексах; он, по всей вероятности, тождествен с упоминаемым в источниках времени завоевания Уит-каах — владыкой жатвы и изображался в виде юноши с головным убором из листьев (фиг. 3 и 4). Существенным недостатком как этой, так и последующей главы (The Middle civilization) является полное отсутствие каких бы то ни было замечаний о социальной организации майя, между тем для этого времени, на основании письменных источников и археологических данных, о ней можно было бы говорить.

Последняя, пожалуй, наиболее интересная глава, посвященная адтекам, начинается с необоснованного сравнения майев и адтеков с греками и римлянами (если уже прибегать к сравнениям, то Спинден, со своей точки зрения, имел бы больше права сравнивать адтеков со спартацами). В этой главе Г. Спинден, дав краткую историю адтекских завоеваний и перечислив всех известных адтекских вождей, начиная с Акампахтли (1376—1396), переходит к характеристике социальной организации древних мексиканцев. В основном точка зрения автора по этому вопросу заключается в следующем. Как уподобление Тенохтитлана (древней Мексики) империи, так и утверждение, что мы имеем здесь дело с демократической племенной организацией, являются неверными. Правда, как пишет Спинден, лежит между этими двумя крайностями. Все мужчины, за исключением немногочисленного жречества, были воинами. Вожди, как и другие должностные лица, хотя и выби- рались, но имелись определенная тенденция производить выборы из определенных влиятельных семей. Вождю наследовал его сын или брат, за исключением тех случаев, когда эти кандидаты являлись, очевидно, негодными. Является весьма сомнительным, чтобы у адтеков были социальные группы, которые можно было бы считать кланами.¹ Также неясно, были ли семь групп, на которые делилось племя адтеков, экзогамными родовыми группами. Они были, по всей вероятности, военными обществами, принявшими в свои сочлены всех людей племени. Название Calpolli («Great house») прилагалось к виду барачков, или к главному месту собраний каждого квартала, или же к части города, в которой хранились трофеи и оружие и где юноши обучались военному искусству. Право владения землей распределялось кальпулли между главами семей, и они владели землей до тех пор, пока земля обрабатывалась. Некоторые земли обрабатывались

¹ Автор, очевидно, имеет в виду род, безотносительно к тому, является ли он отцовским (gens) или материнским (clan). Это смешение двух видов рода характерно для всех английских исследователей, и лишь немногие из них дополняют слово клан определенным (patrilocal clan, matrilocat clan).

сообща для должностных лиц церкви и государства, большая часть дани также шла для их нужд. Реальным центром внутреннего управления был совет вождей. В военное время военному вождю принадлежало верховное командование. Не пытаясь ответить на вопрос, какова была в действительности социальная организация адтеков, поскольку этот вопрос требует специального исследования источников и подробного рассмотрения различных точек зрения, укажу здесь только на основные ошибки автора. Основной ошибкой его является то, что он рассматривает адтекское общество в статическом состоянии, вследствие чего он с такой непримиримостью относится к точке зрения А. Банделье и Л. Моргана. Ведь если Г. Спинден и прав, отрицая наличие кланов в адтекском обществе в эпоху завоевания, то является несомненным, что они существовали раньше. Далее автор вполне правильно отметил наследственность власти вождя, но, к сожалению, совершенно не пытаясь выяснить, когда и почему эта наследственность установилась. Полным молчанием обходится существование рабов, а между тем мы знаем, что они были. Наконец, автор оставил совершенно без внимания термин родства.

Интересно отметить, что Г. Спинден, касаясь в некоторых местах своей книги завоевания Центральной Америки испанцами, не впадает в крайности, присущие большинству работ, касающихся этих вопросов. Обычно либо чрезмерно подчеркивают жестокость испанцев и чрезмерно идеализируют индейцев, либо пытаются оправдать жестокости испанцев их цивилизаторской ролью по отношению к «варварам», приносившим людей в жертвы богам», и доказать, что индейцы были более жестоки, чем испанцы. Г. Спинден ограничивается приведенным отрывком из книги Чилам Балам (предсказание ягуара), написанной на языке майя и великолепно характеризующей положение дела на Юкатане в эпоху завоевания, в частности методы, которыми вводилось христианство. Этот отрывок настолько ярок, что я позволю себе привести его целиком:

«It was then that the teaching of Christianity began, that shall be universal over our land. Then began the construction of the church here in the centre of the town of Tihoo: great labor was the destiny of the katun. Then began the execution by hanging and the fire at the end of our hands. Then also came ropes and cords into the world. Then the children of the younger brothers (the Indians) passed under the hardship of legal summons and tribute. Tribute was introduced on a large scale and Christianity was introduced on a large scale. Then the seven sacraments of the word of God were established. Let us receive our guests heartily: our [elder brothers (the white man) come!]

[Это было в то время, когда началось обучение христианству, которое должно

было стать всеобщим в нашей стране. Тогда началась постройка церкви здесь в центре города Ти-хоо (Мерида): большая работа была уделом [людей в течение] катуна.¹ Тогда начался казни подвешиванием и огнем на концах наших рук. Тогда также в мир пришли веревки и оковы. Тогда дети младших братьев (индейцы) попали под тяжесть законных сборов и налогов. Так широко были введены налоги и так широко было введено христианство. Тогда были установлены семь таинств слова божия. Примем наших гостей сердечно: наши старшие братья (белые люди), придите!]

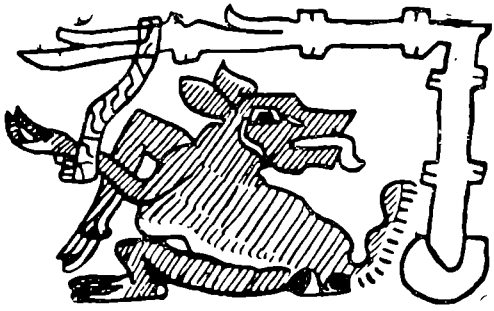
Очень хорошей иллюстрацией к этому тексту является рисунок, приведенный Г. Спинденом и изображающий Кортеса на коне с крестом и мечом в руках, а перед ним Монтекусому II, приносящего дань (фиг. 5).

Книга «Histoire des peuples Mayas Quiches» Жене и Шельбатца поражает не только недостаточно критическим отношением к источникам, но и вообще своей крайней наивностью. Авторы подходят к легендам и мифам как к вполне достоверным источникам, т. е. с точки зрения исторической науки XVII—XVIII вв. Не случайно, что почти одновременно с этой книгой, несколько лет назад, появилась работа К. Сете — известного египтолога, который столь же простодушно считал не только бога Осириса, но и богов Тота, Гора, Сета и т. д. некогда существовавшими царями Египта.² Жене и Шельбатц в специальной главе подробно описывают миграции майцев, слепо веря всем эпизодам, встречающимся в легендах. Так, напр., они считают вполне достоверным фактом рассказ Попол-Ву о том, что отдельные племена организовались в Тулуме (мифический город) и что там же они получили богов. Мы, вовсе не отрицая правдоподобности гипотезы о переселении индейцев в Америку из Азии и Океании, никоим образом не можем считать достоверными те истории, которые рассказываются в легендах. Ведь если быть последовательным и, следуя Жене и Шельбатцу, признавать, что не только бог Кукулкан³ был реально

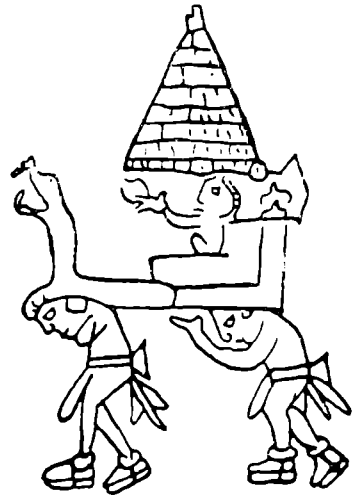
¹ Катун — период в двенадцать лет.

² К. Sethe. *Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter*, Leipzig, 1930. Ср. так же J. Pirenne. *Histoire des institutions et du droit privé de l'ancienne Egypte*, t. I. Bruxelles, 1932 (рецензия И. Лурье, Советская этнография, 1934, № 3).

³ Бог Кукулкан (на языке киче — Гукаматц, оба имени в переводе значат «земля, покрытая перьями»), имеющий полное соответствие в адтекском боге Кветцалькоатле, был богом «утренней звезды» Венеры и почитался как один из богов, творцов мира. Про него рассказывалось, что он покори Юкатан и Гватемалу и, учредив там свой культ, уехал на восток, предсказав, что

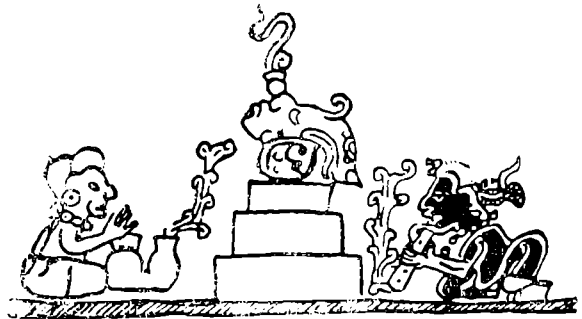
1

2

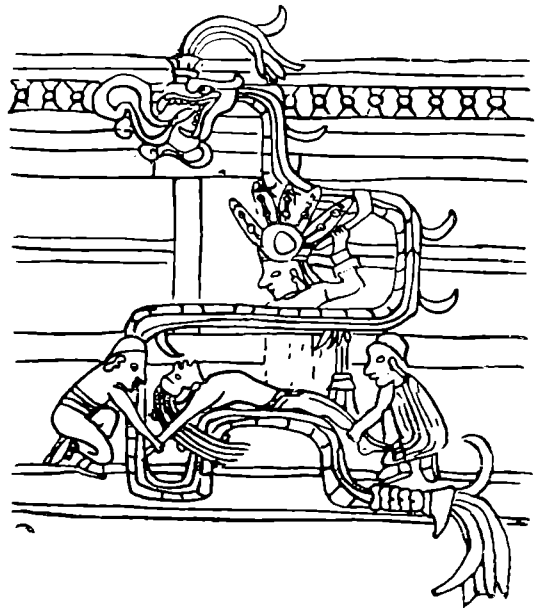
3

4

5

6

1 — олень, пойманный в ловушку (из кодекса майя — Codex Tro — Cortesianus).

2 — graffiti (Холмун).

3 — бог маиса в головном уборе из листьев (рельеф из Копана).

4 — религиозная церемония у майя (Dresden Codex). На пирамиде лежит голова бога маиса, под ней иероглиф, обозначающий землю.

5 — Кортес с мечом и крестом и Монтекусома II, приносящий ему дань (из ацтекского кодекса — Codex Vaticanus, 3738).

6 — человеческое жертвоприношение у майя (фреска).

существовавшей личностью,¹ но и все события его жизни в том, виде, как они рассказываются легендами, являются реальными фактами, мы должны будем признать реально существовавшими и всех остальных персонажей этих легенд, т. е. всех богов. Весьма вероятно, что некоторые события легендарной жизни Кукулкана и соответствуют каким-либо историческим личностям, но такие источники как легенды требуют особо критического отношения. Все дальнейшее изложение истории как Юкатана, так и Гватемалы не представляет почти никакого интереса, так как состоит из простого пересказа данных, сообщаемых в книгах Чилам Балам, Попол-ву и др. Основным недостатком книги является полное игнорирование авторами археологических памятников. А между тем учет археологических данных заставил бы их более критически отнестись к легендарным рассказам. Любопытно отметить, что, в виде исключения, для объяснения одного из событий истории Юкатана Жене и Шельбатц обратились к экономике. После завоевания Юкатана сохранилось только одно туземное «княжество», которым правили князья из рода Сиу. Это «княжество» заключило союз с испанцами и его «князья» сами приняли христианство. Но и оно не смогло долго удержать свою самостоятельность и постепенно слилось с остальными покоренными испанцами областями. Могущество этого «княжества» основывалось на местных произведениях (какао, одежды, драгоценные в глазах индейцев камни), а также на использовании труда рабов (военнопленных), которые ценились очень высоко. С приходом испанцев эти произведения так же, как и рабы,² в значительной степени утратили свою ценность, и «княжество» Сиу распалось, потеряв свою экономическую основу.

Специальная глава посвящена авторами описанию социальной жизни майя. Социальная организация этого племени еще очень мало изучена, и поэтому мы в праве были бы многого ожидать от этой главы, тем более, что лишь очень немногие американисты, изучающие Центральную Америку, уделяют

через некоторое время он вернется. Когда явились испанцы, то они были приняты за возвращающихся спутников Кукулкана.

¹ Жене и Шельбатц пишут, напр., что «дата прибытия (Кукулкана) в Юкатан является нашей самой надежной хронологической датой».

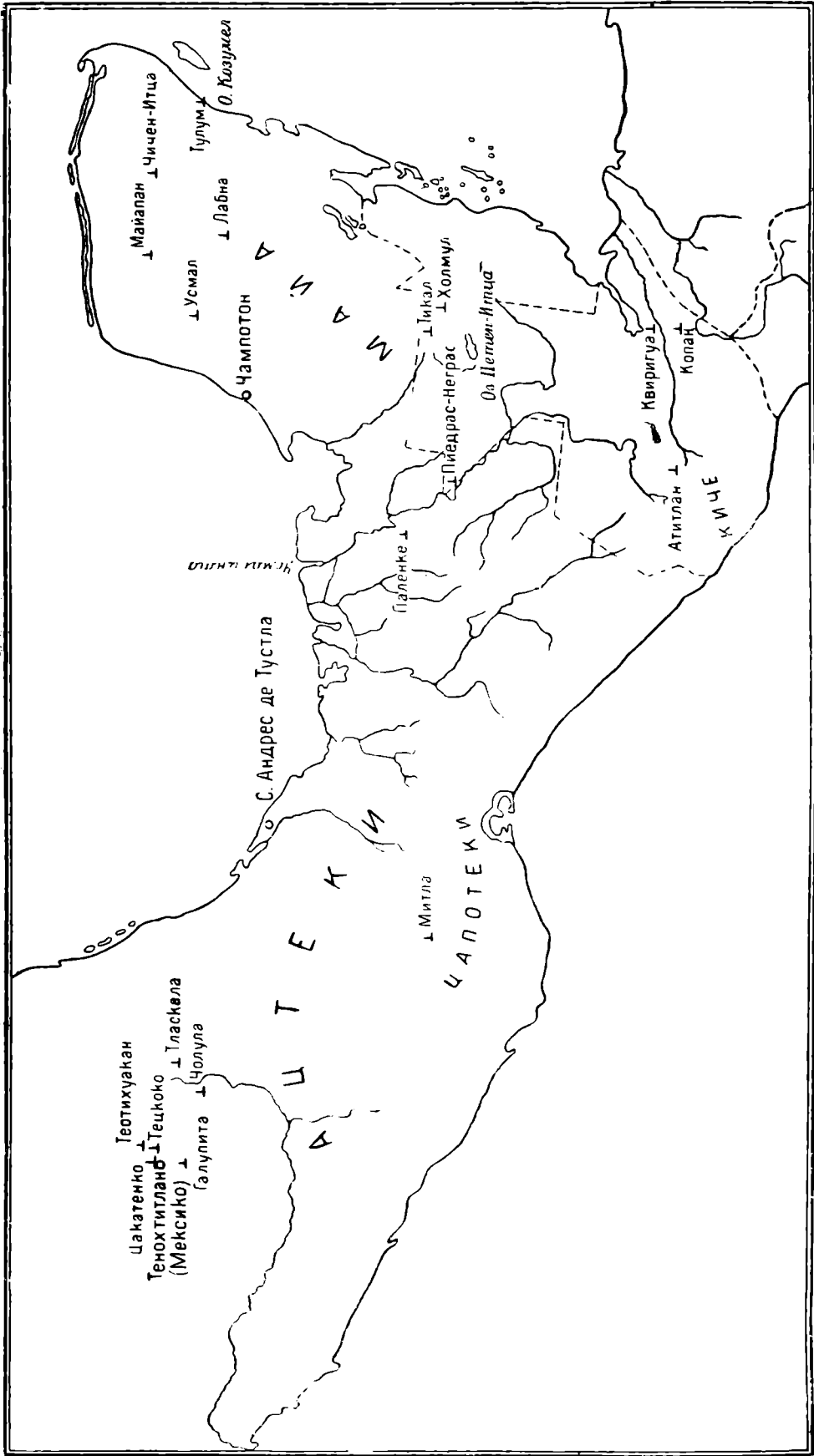
² Почти с самого момента завоевания Юкатана испанцами была введена определенная система налогов и повинностей, низводившая индейцев покоренных испанцами областей до положения рабов, вследствие чего цена рабов значительно упала. Кроме того, «княжество» Сиу было лишено возможности захватывать новых рабов.

ей место в своих работах.¹ К сожалению, авторы уделяли вопросам социальной организации только 6 страниц, ограничившись изложением сырого материала почти без всяких выводов. Авторы вполне основательно начинают со сравнительного изучения социальной организации древних юкатанцев и современных закондонов (племя майя, наименее затронутое европейской цивилизацией). Совершенно правильно отмечено, что юкатанские кланы были экзогамными и что власть вождя (первоначально называвшегося уйт — отец) наследовалась сначала его братьями в порядке старшинства, а затем его старшим сыном. Но организация власти вождей в Юкатане описана ими чрезвычайно путано. Взаимоотношения и функции вождей различных рангов, имевших различные названия (из всех этих туземных названий только одно, а именно название, которое носили вожди трех главнейших поселений — Майапана, Мани и Чичен Итды — испанские авторы переводят словом «король»), авторами совершенно не выяснены. Немногим лучше обстоит дело при рассмотрении социальной организации Киче, которую авторы безапелляционно считают тождественной социальной организацией майя. В этой части они справедливо указывают, что слово «король» неправильно передает значение термина, обозначавшего главного вождя, но совершенно неудачно предлагают заменить его словами «президент республики», которые, может быть, и хорошо передают выборный характер этой должности, но одновременно с тем связаны в нашем представлении с совершенно иной организацией общества.

Чтобы иметь представление о том, насколько неполно рассматривается социальная организация общества, достаточно указать, что оставлены без внимания такие важные вопросы как: система землевладения, отсутствие или наличие частной собственности на орудия производства, степень развития рабства и т. д.

Последняя из перечисленных мною книг является попыткой дать общее изложение истории религии, искусства и социальной жизни майя на основании как письменных источников, так и данных археологии и этнографии. Благодаря этому ее авторам удалось избежать некоторых ошибок, допущенных Жене и Шельбатц. Так, Т. Ганнов, на основании археологических материалов, точно датированных надписями на стелах и других памятниках, подробно изложена исто-

¹ Только за самые последние годы заметно увеличение интереса в этом направлении. Можно совершенно определенно сказать, что в отношении изучения социальной организации Южной и Центральной Америки американистика отстала даже от общего уровня буржуазной науки.

Археологическая карта Мексики, Гватемалы и Британского Гондураса.

рия Древнего Царства. В отношении истории Юкатана Е. Томпсон, так же как и Жене и Шельбатц, считает Кукулкана историческим лицом.¹ История в изложении Т. Ганне и Е. Томпсона заключается в простом перечислении политических событий. Социальная организация, хозяйство и техника, выделенные в специальную главу, рассматриваются статично, причем социальной организации уделено очень мало места. В отличие от Жене и Шельбатца, Е. Томпсон утверждает, что власть вождя наследуется его старшим сыном. Причина разногласия, по всей видимости, лежит в том, что, давая общество в статическом состоянии, первые основываются преимущественно на свидетельствах испанских авторов (в частности Диего-де-Ланда), Е. Томпсон же придает больше значения тому положению, которое создано после завоевания испанцами в северном Юкатане. Здесь, конечно, правильное всего было бы учесть момент развития и признать,

что власть вождя в более древнее время после его смерти переходила к следующему по старшинству брату и т. д., а позднее установилось наследование от отца к сыну. При этом необходимо отметить, что в некоторых районах Юкатана (напр., в южной части Британского Гондураса) власть вождя даже в настоящее время не обязательно наследуется его родственниками. На некоторых вопросах Е. Томпсон останавливается более подробно, чем Жене и Шельбатц, так, напр., он отмечает существование у майя перекрестно-кузенного брака.

В специальных главах рассматриваются искусство и архитектура, религия, религиозные обряды (одна из самых интересных глав) и календарь майя. Как достоинство книги следует отметить, что авторы посвятили специальную главу краткому этнографическому описанию современных майя. В целом, книга отличается популярностью изложения.

А. А. ИЕССЕН

Д. Н. ЛЕВ. К ИСТОРИИ ГОРНОГО ДЕЛА

Академия Наук СССР, Труды Института антропологии и этнографии, вып. 2, Ленинград 1934, 34 стр., ц. 1 р. 25 к.

В русской археологической литературе почти совершенно отсутствуют работы, посвященные памятникам древнего горного дела. За исключением отдельных старых работ, как, напр., работ Лаврова¹ и Федоровского,² давших некоторую сводку разрозненных литературных сведений по данному вопросу, но не производивших специальных полевых исследований, мы в сущности не имеем ничего. В частности нет ни одной монографической работы по описанию древних горных работ отдельных районов, какие в довольно большом числе имеются для Западной Европы. В результате такого состояния источников мы имеем положение, при котором во всех новейших сводках по истории горного дела территория восточной Европы и северной Азии остается совершенно неосвещенной, и создается впечатлительное, будто на всем обширном пространстве

СССР никогда, вплоть до феодальной эпохи не существовало или почти не существовало горного дела.¹

Более того, не только иностранные авторы, но в последнее время и советские работники в области истории техники все свое преподавание и программы по истории горного дела, в части докапиталистического его развития, строят на основе зарубежных, главным образом западноевропейских, материалов.

Между тем для всякого, кто соприкасался в своей работе с проблемой минерально-сырьевой базы, находившейся в распоряжении древних обществ, населявших территорию Союза, совершенно ясно, что данных для изучения истории горного дела у нас имеется очень много. Первый шаг по пути создания истории эксплуатации минеральных ресурсов СССР должен состоять в собирании и систематизации рассеянных в наших музеях, архивах и в литературе вещественных остатков и письменных сведений

¹ Н. Лавров. О древнейшем горном производстве в горах Кольвано-воскресенского горного округа, в горах Нерчинского горного округа, на Урале и в Екатеринославской губ. Зап. п. СПб. минерал. общ., т. IX, 1874, стр. 120—142.

² А. С. Федоровский. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донском бассейне. Ворон. ист.-археол. вестн., № 2, 1921, стр. 1—13 и отдельно.

¹ Таковы, напр., сводка J. Andree. Bergbau in der Vorzeit. Vorzeit, Bd. I, Leipzig, 1922; статьи под словом Bergbau в Reallexikon der Vorgeschichte Эберта, т. I; сводка H. Quiring. Die Schächte, Stollen und Abbauräume der Steinzeit und des Altertums. Ztschr. für Berg-, Hütten- u. Salinenwesen, Berlin, 1932, стр. 274—297.

о горном деле и неразрывно с ним связанной переработке его продуктов, в частности о древней металлургии. Второй и наиболее важной ступенью этой работы будет осуществление специальных полевых изысканий по археологическому и историко-технологическому изучению сохранившихся до нашего времени остатков древних горных работ.

Некоторый перелом в сторону большего внимания ко всему комплексу этих вопросов можно отметить только в самые последние годы. Здесь можно упомянуть ряд работ по Средней Азии.¹ Некоторые работы ГАИМК,² предпринятый ЦБК учет древних рудников. В этой же связи представляет интерес и рецензируемая книжка Д. Н. Льва. Автор видел свою задачу в издании археологических материалов по горному делу, имеющихся в собраниях музея Института антропологии и этнографии АН СССР.³ Такая мобилизация уже собранного и лежащего подчас в течение многих десятилетий в музеях материала является действительно необходимой, и можно только пожелать, чтобы имеющиеся и в других музеях вещественные памятники горного дела были опубликованы в ближайшее время. Рассматриваемая работа, таким образом, должна оцениваться именно как публикация первичного археологического материала, как оформление группы источников

к истории горного дела. В этом ее положительное значение, особенно усиливается тем обстоятельством, что она является первым опытом такой публикации.

Однако именно в плане издания вещественного материала работа имеет некоторые недостатки, на которых необходимо остановиться. Прежде всего обращает на себя внимание порядок расположения сообщаемых сведений. Автор начинает свое изложение сообщением записки П. Т. Савенкова о древних «чуждских выработках» и медеплавильных на р. Улень в Минусинском крае, после чего следуют сведения о древних золотых рудниках Казахстана (Троицкий рудник Кокчетавского района и рудники на р. Курчум вблизи Усть-Каменогорска), находки из которых поступили в Музей (стр. 3—8). Далее идет (стр. 8—20) каталог имеющихся в собраниях Музея орудий горного дела, расположенных по видам орудий (лопаты, каменные молоты и одна деревянная рукоять к ним, песты каменные, медный молоток, медная кирка и, наконец, лампочки). Затем следуют соображения о технике добычи руды и о применении представленных в описанной коллекции орудий (стр. 20—27), а также о дальнейшей обработке добытой медной руды (стр. 27—33).

Уже приведенное краткое содержание работы показывает, что в расположении материала нет определенно выдержанного принципа. Один и тот же вопрос рассматривается в разных местах — так, напр., о плавке медной руды говорится и в записке Савенкова (стр. 4—6) и далее (стр. 27 сл.); каталог орудий оторван от соображений о их использовании; предметы, найденные вместе, описываются в разных местах — напр., находки на р. Курчуме (стр. 12, № 9—10; стр. 17, № 20), на р. Дженоме (стр. 19, № 23—24; стр. 25—26, фиг. 30—31). Было бы гораздо целесообразнее дать описание всей коллекции по пунктам и районам находок, сосредоточив в одном месте все фактические сведения о каждой находке и выделив особо только рассмотрение техники горного дела и металлургии примерно в том плане, как это дано в конце работы. Если же желательно было сохранить каталог сгруппированных по отдельным видам орудий, то нужно было их расположить в порядке последовательного их применения в процессе добычи ископаемых (орудия для проходки выработок и работы у забоя, для сгребания отбитой породы, для дробления руды и т. д.); каждому разделу необходимо было бы предпослать общие замечания о данном виде орудий, сгруппированные сейчас все вместе после описания всей коллекции. Сведения о горных выработках и о плавильных установках должны были бы также найти свое место — первые скорее всего впереди, а последние после описания орудий. При разрозненности и случайности состава описы-

¹ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Гос. н.-тех. геол.-разв. издат., Л.—М., 1932; М. Е. Массон. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Бюлл. Ср.-аз. геол.-разв. упр., № 2, Ташкент, 1930 г.; его же. Из истории горной промышленности Таджикистана. Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934, и ряд других статей.

² В. Н. Кашия. Крестьянская железодельная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 4, М.—Л., 1934, стр. 12—34; его же. Крестьянская железодельная промышленность Кузнецкого края в XVII—XVIII вв. Там же, № 7—8, 1934, стр. 11—32; № 9—10, 1934, стр. 79—110; выходящая из печати наша работа «К истории древнейшей металлургии меди на Кавказе», Изв. ГАИМК, вып. 120; также выходящий из печати «Отчет комиссии металлов», Изв. ГАИМК, вып. 120 (Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., II) и другие работы.

³ Краткое сообщение о том же материале опубликовано автором уже ранее: Д. Н. Лев. Древнейшие орудия горного дела в Музее Института антропологии и этнографии. Вестн. Акад. Наук СССР, № 3, 1934, стр. 46—48. Здесь, между прочим, опубликовано медное кайло (фиг. 7) с Алтая, почему то не включенная в материал, описываемый в рецензируемой работе.

ваемой коллекции, по нашему мнению, однако значительно удобнее и целесообразнее был бы первый прием — описание коллекции по местам находок.

В таком случае можно было бы избежать и некоторой неувязки вводной и заключительной части работы с самим каталогом. Дело в том, что описываемые орудия происходят как из медных рудников (№ 1—3, 8, 11, вероятно 19), так и из древних разработок золота (№ 9—10, 20—21, 25—26), ртути (№ 4—7) и каменной соли (№ 17—18); происхождение некоторых предметов неясно (№ 12—16, ¹ 22), а два другие предмета найдены в погребении (№ 23, 24). Между тем как в начале, так и в конце работы говорится о плавке только медных руд и ни одним словом не упоминается дальнейшая обработка других ископаемых.

Таким образом приходится признать, что интересный издаваемый материал подан автором в неудобном расположении, затрудняющем пользование работой.

Переходя к отдельным замечаниям по содержанию работы, следует отметить, что описание издаваемой коллекции выполнено тщательно и достаточно полно; везде даны инвентарные номера предметов² и их размеры. Особым достоинством работы является опубликование рисунков всех описываемых орудий, Рисунки эти дают достаточно ясное представление об оригиналах, хотя в ряде случаев клише не отличаются четкостью (рис. 5, 6, 8, 9, 19, 22); в особенности последнее замечание относится к рис. 27, совершенно не передающему фактуру поверхности металлического сосуда. В качестве пробела можно было бы отметить отсутствие весовых данных о каменных молотах и медных ударных орудиях, могущих представить значительный интерес, при условии накопления их в большом числе, для историко-технологического анализа.

Ряд замечаний необходимо сделать к заключительной части работы, определяющей место описанных предметов в процессе производства.

На стр. 21 дано описание применения огня для добычи руды, причем приводится цитата из недоступного мне в данный момент американского источника о том, «что

давлением водяных пород (опечатка — вместо «паров». А. И.), образующихся под влиянием этого (огня. А. И.) в руде, отрывает глыбы горной породы». Эффект применения огня в описываемом случае должен основываться на расширении имеющихся в забое пород при их нагревании, а не только на образовании водяных паров. Тут же говорится о доставке к забою воды для поливания накаленной породы в деревянных козлах.

Между тем нет оснований считать, что найденные, напр. в Миттерберге, корыта служили для этой цели. Их назначение по всей видимости было иным — служить для промывки измельченной медной руды, как это можно наблюдать и по этнографическим материалам. Доставлять воду к забою, так же как и на поверхность для отлива, было гораздо удобнее в кожаных мешках и мехах или ведрах, находки каковых известны из ряда мест.

Не вполне благополучно обстоит дело у автора с описанием плавки медной руды. В этом отношении он основывается на приводимой им записке И. Т. Савенкова, реконструирующего на основании изучения «чуждских» выработок и плавилен минусинского края следующий ход плавки сернистых руд (стр. 4—6):

- 1) плавка руды в кострах с получением штейна и шлака;
- 2) обжиг штейна в кучах для удаления серы, с получением черновой меди;
- 3) очистка черновой меди в горнах, «наподобие кузнечного».

Такая схема технологического процесса вряд ли могла иметь место; надо полагать, что плавке на штейн предшествовал обжиг руды в кучах, притом может быть многократный и весьма длительный, как это практиковалось вплоть до XIX в. при так наз. «азиатском способе», применявшемся повсюду в Закавказье, Турция и вообще на Востоке. Лишь после удаления значительной части серы обжигом можно было приступить к плавке, также повторяемой несколько раз и давшей сначала штейн, затем черновую медь. Таким образом, в схеме Савенкова обжиг руды пропущен вовсе, а вторичная плавка на черновую медь названа «обжигом в кучах». Более чем сомнительно также утверждение, что сернистая руда плавилась в Минусинском районе в кострах или горнах, а не в плавильных печах. Автор справедливо отмечает на стр. 28 вероятность применения этих последних.

Нужно, однако, сказать, что вопрос о технологии обработки медных руд в древности до настоящего времени в значительной части является дискуссионным благодаря недостаточной изученности остатков соответствующих плавильных мастерских. В этом отношении существенны соображения Цшокке и Прейшена, отвергающих мнение Кирле о плавке сернистой медной руды в Миттер-

¹ Предметы № 12—16, повидимому, все происходят из закавказских соляных ломов близ Кульп или Нахичевани, в пользу чего свидетельствует также и сохранившееся указание на кавказское происхождение № 12.

² Предмет № 19 на стр. 17 обозначен пив. № 1522—4, а на стр. 23 — № 1522—1; Этот же предмет в первом месте описан как «деревянное орудие», и лишь на стр. 23 разъяснено, что он является рукоятью для каменного молота. Нет № предмета, изображенного на рис. 31.

берге без предварительного обжига путем однократной плавки. Названные авторы последней наиболее обстоятельной монографии по этому классическому для Западной Европы меднорудному району древности приходят к выводу, что там плавка производилась в следующем порядке:

1) обжиг руды в кучах;

2) плавка обожженной руды — по крайней мере двукратная: первая плавка на штейн — в плавильных печах; последняя плавка, на черновую медь, — может быть в тиглях;

3) очистка черновой меди, по видимому, не производилась.¹ Ими же указано, что упоминаемый Д. Н. Львом на стр. 28 по Муху случай выплавки меди из сернистой руды без предварительного обжига в открытом костре не может иметь практического значения в виду ничтожного количества получаемого таким путем металла.²

Совершенно иначе обстоит дело с плавкой окисленных медных руд, которые в большом масштабе разрабатывались местным негритянским населением в р-не Катанга в Бельгийском Конго. Из этих руд медь выплавляется значительно легче; обжига их не требуется и самая плавка вероятно производилась только однажды. Еще проще разумеется обработка самородной меди, требующей только нагревания до температуры плавления. Поэтому приводимый автором пример с получением капель меди непосредственно в лагерных кострах в Катанге (стр. 28) не имеет никакого отношения к вопросу о плавке сернистых руд.

Вообще же все изложение медной плавки на стр. 27—29 очень неясно и свидетельствует о недостаточном знакомстве автора с вопросом. Об этом говорит, напр., заключительная часть этого раздела работы, где мы читаем: «в то время, когда в провинция Катанга мы имеем самородную медь, в Минусинском крае состав руды довольно сложен». Речь идет очевидно об окисленных рудах в Катанга (где правда, известна и самородная медь) и о рудах сернистых, плавившихся в описанном Савенковым р-не Минусинского края. Далее следует сообщение о рудах Алтая и приводится мнение Эйхвальда, что «встречаемые в этих твердых пластах руды бывают окисленные, как магнитный железняк (т. е. железная руда. *Д. И.*), которые все трудноплавки». Из этого сообщения, касающегося железной руды, делается вывод, что очистка меди производилась в плавильных печах (стр. 28—29).

¹ K. Zschokke u. E. Preuschen. Das urzeitliche Bergbaugesbiet von Mühlbach-Bischofs-hofen. Materialien zur Urgeschichte Österreichs, 6, Wien, 1932, стр. 92—107.

² Там же, стр. 93.

Между тем у Эйхвальда¹ читаем: «встречаемые в этих твердых пластах руды бывают или сернистые, как серный колчедан и медный колчедан, или же окисленные, как магнитный железняк, которые все трудноплавки». Другими словами автор пропустил в цитате именно те слова, на которые он мог опереть свое заключение.

Следует, наконец, отметить несколько мелких ошибок и искажающих смысл опечаток. Так, в записке П. Т. Савенкова описываются глиняные сопла из Минусинского края, названные в тексте «формами горнов» (стр. 6, строка 3 сверху, и стр. 27), очевидно вместо «фурн». Это дало повод для замечания автора на стр. 32 об ошибочном определении их Савенковым как горнов (в смысле моделей их? *Д. И.*).

На стр. 21 нами уже отмечена опечатка «пород» вместо «паров». На стр. 23, прим. 2 следует читать tome I, а не some. Там же, прим. 3 цитированы Протоколы подготовки комитета, вместо подготовительных комитетов, V Арх. съезда; говорить о «публикации» Поляковым орудий из Кульбы собственно нельзя, так как они им только описаны, но не изображены в рисунках. На стр. 25 говорится о находке 8 медных кирок в Рубцовском округе, тогда как в цитированной работе М. П. Грязнова указывается, что 8 кирок найдено «в Семипалатинской области и в Рубцовском округе».²

Заканчивая наше рассмотрение книжки Д. П. Льва, мы можем сделать вывод, что работа автором задумана своевременно и правильно. Недостаточная четкость в систематизации излагаемого материала и некоторые досадные ошибки, основанные в особенности на слабом знакомстве с вопросами металлургии меди, несколько снижают ценность работы. Об этом нельзя не пожалеть, так как изданная отдельной книжкой на хорошей бумаге и хорошо оформленная работа должна сыграть определенную роль в деле привлечения внимания широких кругов краеведов и музейных работников, а также и работников горной промышленности к неиспользованным источникам, значение которых только сейчас начинает оцениваться как с точки зрения истории развития производительных сил прошлых исторических эпох, так и с точки зрения использования опыта прошлого для расширения и лучшего использования нашей современной сырьевой базы.

¹ Эйхвальд. Очудских коях. Зап. и Русск. археол. общ., т. IX, вып. 2, 1857, стр. 273.

² М. П. Грязнов. Казакстанский очаг бронзово-медной культуры. Сб. «Казакки». Мат. Ком. эксп. иссл. Акад. Наук СССР, вып. 15, 1930, стр. 157.

Технический редактор Д. Б а б к и н.
Ученый корректор О. Г. К р ю ч е в с к а я.

Рисунок переплета Л. А. Ивановой.

Сдано в набор 5 января 1936 г. Подписано
к печати 17 сентября 1936 г. Формат бумаги
72 × 110 см. Печ. листов 20^{1/2}. Уч.-ав. л. 25,10.
Тип. зв. в печ. л. 46 975. Тираж 2 200 экз.
Ленгорлит № 22990. АНИ № 1140. Заказ № 91.

Типография Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О. 9 линия, д. № 12.